Союз краеведов России.
Псковское региональное отделение
Российская Международная академия туризма. Псковский филиал

ШЕСТЫЕ ПСКОВСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Книга I

Печоры
9—11 октября 2015 года

Псков — Москва
2016

ББК 63.3 (2Рос — 4Пск)

Редактор-составитель
Т.В. Вересова

Шестые Псковские региональные краеведческие чтения (Печоры. 9–11 октября 2015 г.)

Редактор-составитель Т.В. Вересова. Союз краеведов России. Псковское региональное отделение. Псков — Москва, 2016. Книга I, с. 368 , ил.

ISBN 978-5-600-00061-2

Первая книга сборника составлена на основе докладов, прочитанных во время работы двух секций — «Региональная история в теории и практике современных исследований» и «Малоизвестные страницы истории города Печоры и Псковской земли». Особую ценность материалам придаёт то, что подготовлены они в большей степени представителями дальних регионов России и республик Прибалтики — по материалам, не доступным в наше время местным исследователям.

ББК 63.3 (2Рос — 4Пск)

ISBN 978-5-600-00061-2

© Вересова Т.В., составление, 2016
© Коллектив авторов, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вересова Т.В.
Краеведение — это и наша память, и наша культура **8**

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Шувалова В.А.
Популяризация культурно-исторического наследия края в работе библиотеки **14**

Наместникова Т.Е.
Частное учреждение культуры как форма сохранения исторической памяти (на примере создания Музея истории сражения "Ледовое побоище" в Гдовском районе) **21**

Павлова Т.Е.
Опыт организации Культурно-просветительского историко-краеведческого центра на базе библиотеки села Карамышево **29**

Приображенский А.В., Рутт Т.Е.
Конкурс «Край родной — родное слово» в работе Лаборатории лингвокраеведения и языковой экологии Петрозаводского Государственного университета **37**

Большакова Н.В., Площук Г.И., Воробьёва Л.Б., Митченко З.В., Муратова М.И.
Народные сказки Псковского края (к выходу мультимедийного издания) **49**

Новиков И.А.
Град Святого Иоанна Златоуста **57**

Тугай Т.И.
Церковное краеведение в Оренбургском крае
в конце XIX — начале XX века **83**

Кондратеня А.В.
Опыт описания Покровского некрополя города Опочки **93**

Михайлова Л.П.
О влиянии иноструктурных языков на формирование
лексики псковских говоров **102**

Дементьев В.С.
История заселения и освоения современной территории
Палкинского района до XVIII века **110**

Зубова И.К.
В.И. Даль и оренбургское краеведение **119**

Потресов В.А.
Ледовое побоище: новый взгляд на события войны
1240–1242 годов как задачу исследования операций **129**

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ГОРОДА ПЕЧОРЫ И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Костючук Л.Я.
Из истории псковской письменности (на материале
памятников книжности Псково-Печерского монастыря) **144**

Иванова Н.П.
Книгопечатание и просветительская деятельность
Псково-Печерского монастыря Корнилиевского периода **153**

Рабинович Я.Н.
Псково-Печерский монастырь и Изборск
в Смутное время **159**

Пуусепп Л.В.
О малоизвестных изображениях Печерского монастыря
в работах Владимира Шумана/Муромца **176**

Астраханбиева О.А.
Деятельность Печорского магистрата в конце XVIII столетия ... **183**

Меньшов Н.П.
Сведения о дворянском землевладении в Печорском уезде Псковского наместничества, отложившиеся в фонде VI Департамента Правительствующего сената за 1783–1797 годы **189**

Гулин А.А.
Сословная война в Печорах XVIII–XIX веков: реальность или миф? **195**

Красотина Е.В.
Трактирный промысел в Псковской губернии середины XIX — начала XX века **202**

Иванова А.А.
Собрание городских уполномоченных: вопросы городской жизни в Печорах в начале XX века **215**

Бугров Б.И.
Православные святыни Изборска и его окрестностей **222**

Ефимов А.Н.
Слободская волость. Из истории населённых мест Печорского края **235**

Тсопатало Х.П.
Сетомаа — земля сето. Традиции и современность **258**

Сидяков Ю.Л.
Псково-Печерский монастырь в русской латвийской прессе 1920-х — 1930-х годов **265**

Кондратенко Г.И.
Неосуществлённый проект строительства магистральной железной дороги «Орёл — Дно» (начало XX века) **273**

Фейгмане Т.Д.
Некоторые факты из жизни русского населения бывшего Яунлатгальского уезда в межвоенной Латвии **282**

Качкина А.Н.
Орга́н евангелическо-лютеранской церкви Святого Петра
в городе Печоры **302**

Ермак Е.А.
Два форпоста Псковской земли — Устье и Мелётово **309**

Лединина Т.Г.
История улицы Лесной: Святогорский монастырь
в годы гонения на православие **321**

Фролова Л.А.
Из истории Печорской профессиональной
пожарной охраны **335**

Солодовников В.В.
Евангельское движение в Пскове и Псковской области
конца 40-х — 80-х годов XX века **349**

ОРГКОМИТЕТ ЧТЕНИЙ **363**

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ **364**

КРАЕВЕДЕНИЕ — ЭТО И НАША ПАМЯТЬ, И НАША КУЛЬТУРА

Вересова Т.В.
(Псков — Москва),
председатель Псковского регионального отделения СКР

«Ничто так тесно не соединяет людей между собою, как то, когда они сорадуются друг другу в одном и том же и имеют одинаковый образ мыслей».
Преподобный Дорофей Палестинский

VI Псковские региональные краеведческие чтения, прошедшие на базе Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и Центральной районной библиотеки, ещё раз показали, что только сообща мы можем добиться конкретных успехов.

По числу участников и охваченной ею географии нынешняя конференция превзошла все предыдущие — вне сомнения, только благодаря месту проведения. Более 100 участников, около 90 прочитанных докладов, большая часть которых на местную и региональную тематику, — таким образом восстанавливаются забытые или неизвестные страницы истории Псковской земли, её богатейшего культурного наследия.

И прошли Чтения с небывалым для нас «шиком» и размахом — всё благодаря помощи обители (архимандрита Тихона Секретарёва, наместника, и игумена Хрисанфа Липилина): москвичей и тех, кто следовал транзитом через столицу, на ж/д вокзале Пскова встречал и провожал монастырский автобус; размещение и питание участников Чтений также взял на себя монастырь; транспорт обители всегда находился в нашем распоряжении: Паломнический центр расположен

в полутора километрах от центра города; оба зала — Актовый и Читальный — Паломнического центра для заседания секций были оборудованы, как говорится, по последнему слову техники. То же можно сказать и о четырёх помещениях Центральной районной библиотеки (директор В.А. Шувалова), где Чтения проходили весь 2-й день. Впервые наша конференция имела «фирменную» атрибутику — и это подарок обители. Поездку в Изборск и экскурсии по его музеям и достопримечательностям обеспечили Печорская районная Администрация (Ю.М. Конченко, Глава, и Д.Г. Сопотов, его заместитель) и Псковский филиал Российской Международной академии туризма (директор — О.А. Козырева). Кроме того, ПФ РМАТ взял на себя значительную часть организационных вопросов в день открытия Чтений. Так совместными усилиями наша конференция стала заметным культурным событием не только районного или регионального уровня — её профессиональный и духовный потенциал по достоинству был оценён всеми участниками.

… Уже 8 октября заехали почти все дальние — Оренбург и Челябинск, Кострома и Саратов, Орёл и Петрозаводск, Москва и Петербург, Таллинн и Рига. Для них была приготовлена специальная программа: погода благоприятствовала, и сначала мы прогулялись по обители, затем в Актовом зале ЦРБ посмотрели выступления совершенно необычных фольклорных коллективов — детских «Жаворонушки» (средней школы №3 — программа «Печорские вечорки») и «Веселушки» (Центра помощи детям, оставшимся без попечения родителей), которые исполнили старинные народные песни Печорского края, собранные в фольклорных экспедициях (руководитель обоих коллективов — Галина Васильевна Евдокимова). Неожиданностью для гостей стало выступление представителей древней эстонской народности сето — Хелью Тсопатало, руководитель этой группы, сначала рассказала о традициях сето, а потом квартет стал «являть своё искусство», поразив и очаровав всех.

Теперь о собственно Чтениях. В них официально приняли участие 100 человек, к ним присоединились 26 вольнослушателей из Пскова (10), Старого и Нового Изборска (4), Печор (8), Москвы (3) и Ярославля (1) — это по списку регистрации на время открытия конференции 9 октября. Приезжали и приходили на заседания секций и 10 октября — учёта мы уже не вели.

Приятно отметить, что именно учёные оценили нашу конференцию как масштабное мероприятие, потому скажу, что среди 84 докладчиков оказалось 6 докторов наук (2 — из Риги, 3 — Пскова, 1 — из Москвы), 28 — кандидатов (географии, истории, культурологии, педагогики, филологии, философии, химических, технических, физико-математических и даже военных наук), старших преподавателей вузов — 7, аспирант — 1, 11 научных сотрудников музеев, архивов и Центральной военно-морской библиотеки Петербурга (2). С докладами выступали и служащие Администраций региона: о Михаиле Лашине, первом краеведе Печор, рассказала заведующая отделом Администрации Печорского района Елена Мокриковская; опытом организации Культурно-просветительского историко-краеведческого центра поделилась Татьяна Павлова, Глава Карамышевской волости Псковского района.

Чтения были посвящены 70-летию Великой Победы (10 докладов исключительно по Печорскому району), Году литературы (звучали имена, также связанные с Печорским краем, — Леонид Зуров, Виктор Муйжель, Игорь Северянин; забытые, но некогда известные поэты 20-х — 30-х годов XX столетия из Лавровской волости) и общим вопросам сохранения культурно-исторического наследия Псковской земли, но и в этом превалировал Печорский край (41 из 84 докладов) со своей жемчужиной — Свято-Успенской обителью (13 докладов из 41). Здесь особо следует отметить представителей Латвии и Эстонии: именно они своими исследованиями восстановили неизвестные страницы монастыря в 20-е — 40-е годы прошлого века, когда Печорский район входил в состав Эстонии. Дискуссии продолжались в Паломническом центре оба дня до полуночи.

На Чтениях были представлены и новые авторские книги по истории края: Николаем Петровичем Дроздовым, краеведом из Старого Изборска, — «А это было так» (Изборск в годы Великой Отечественной войны); Надеждой Валк, магистром философии из Тарту, — «Там, где я родилась» (её родина — деревня Прудищи Печорского района, где испокон веков в дружбе и согласии уживались русские и сето); Андреем Пономарёвым, культурологом из Москвы, — «Леонид Зуров. Статьи и письма» — 1-й выпуск серии «Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии Л.Ф. Зурова»; Людмила Русанова, заведующая псковской Историко-краеведческой библио-

текой им. И.И. Василёва представила сборник 3-х и 4-х Василёвских чтений; Яков Рабинович (Саратовский Государственный университет) — «Малые города Псковской земли в Смутное время»; Алексеем Фёдоровым (Петербург) были представлены новые издания о Стругокрасненской земле, его малой родине. В процессе представления литературных новинок библиотеки Печор — Центральная районная и монастырская — пополнили свои фонды подарками из Таллина, Пайде, Риги, Москвы, Петербурга (Ольга Михайловна Фёдорова, сотрудница Центральной библиотеки ВМФ, подарила только что вышедшую и подготовленную ею к печати книгу «Первая русская кругосветная экспедиция 1803 — 1806 в дневниках Макара Ратманова», а Макар Ратманов — уроженец Великолукского уезда Псковской губернии); Владимир Потресов (Москва) преподнёс набор своих книг о Ледовом побоище.

Многие участники Чтений признавались, что за эти дни нашли для себя много полезного, дотоле не известного, — это в очередной раз доказывает, что подобное общение обогащает, расширяя не только наш кругозор, но и восполняя пробелы исторической памяти. Часто выходило так, что в рассказе об одном человеке неожиданно отыскивалась, казалось, безвозвратно утраченная судьба другого, — и подобных «находок» за столь короткое время случилось достаточно.

Богата была и культурная программа: день 9 октября и вечер 10-го мы слушали музыкально-поэтические композиции «Это было у моря» (на стихи Игоря Северянина) и «Господеви поклонитеся» (на духовные стихи поэтов Серебряного века) в авторском исполнении — Людмилы Токаревой из Нарвы.

Кроме того, 10 октября мы были в евангелическо-лютеранской церкви Святого Петра на органном концерте (органист Александр Цветков из Петербурга). Экскурсии по монастырю (пещеры и Святая гора), старому городу и 11 октября — в Изборск. Кое-кто в свободное время отважился обойти вокруг крепости-монастыря или подойти к таможне на границе с Эстонией (метров 150 от Паломнического центра), чтобы увидеть мост, на котором в конце сентября произошёл исторический обмен «шпионами».

Организуя подобные конференции, мы собираем единомышленников и, пока по крупицам, восстанавливаем истинную историю своей малой родины и имена тех, кто достойно служил своему Отечеству.

Хочется отметить и тот факт, что некоторые «иногородние» становятся уже постоянными участниками наших Чтений, — почти со всеми из них я познакомилась на Всероссийских краеведческих чтениях в Москве или других городах страны, где приходилось бывать в составе делегации Совета Союза краеведов России…

Вернувшись в свои пенаты, гости Чтений ещё долго вспоминали проведённые в Печорах дни и уверяли, что будут готовиться к новой встрече на Псковской земле.

Татьяна Тугай (*Оренбург*), кандидат исторических наук (НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского Государственного университета): «… Большое спасибо за конференцию, экскурсии, приём, впечатления, которые останутся в памяти надолго!»

Татьяна Фейгмане (*Рига*), доктор истории, директор Института русского культурного наследия Латвии: «Огромное Вам спасибо за прекрасно организованные чтения и незабываемые дни в Печорах, Изборске и Пскове».

Игорь Новиков (*Челябинск*), кандидат исторических наук (Челябинский Педагогический университет), член Совета СКР: «Примите огромнейшую благодарность за участие в Чтениях! Все компоненты прошли на высочайшем уровне. Научная и экскурсионная и главное — духовная составляющая!!!»

Большакова Наталья, кандидат филологических наук (Псковский Государственный университет): «Хочу от себя и своих коллег поблагодарить Вас за предоставленную нам возможность участвовать в таких масштабных и познавательных чтениях».

Татьяна Наместникова (*Звенигород*), учёный секретарь ЧУК «Культурный центр “Самолва”»: «Примите слова благодарности за прекрасно организованные и проведённые чтения. Мы с огромным удовольствием приняли в них участие, побывали в святых для каждого русского человека местах, получили массу положительных впечатлений и новых знакомств».

Региональная история
в теории и практике современных исследований

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ КРАЯ В РАБОТЕ БИБЛИОТЕКИ

В.А. Шувалова
(Печоры),
директор МБУК
«Печорская центральная районная библиотека»

Культурно-историческое наследие России — явление широчайшее. Формируется оно не только в крупных городах, но и маленьких провинциальных — таких, как Печоры. Значение последних в осознании исторического прошлого огромно, а изучение биографии любого населённого пункта возможно только благодаря краеведению.

У краеведения есть одна очень важная особенность, которую отмечал академик Д.С. Лихачев: «… у него нет «двух уровней» для специалистов и широкой публики. Краеведение учит любить не только свои родные места, но учит знанию о них, приучает интересоваться историей, искусством, литературой, повышать культурный уровень».

Краеведческую деятельность сотрудники библиотек района считают ведущим компонентом системы патриотического воспитания, сохранения и популяризации исторического и культурного наследия. Это одно из приоритетных направлений работы библиотек в районе, имеющем известные исторические и архитектурные памятники.

Координирует краеведческую деятельность Общество краеведов, работающее при Печорской центральной районной библиотеке уже пятнадцать лет.

Краеведы ведут поисковую и исследовательскую деятельность. Накапливаются материалы по истории деревень района, многие из которых, к сожалению, исчезают; улиц города, о людях и событиях края. Так, были раскрыты темы «Культурная жизнь г. Печоры в 20–40 годы», «Застройка города», «Новое о сето», «Этнографические му-

зеи в окрестностях Печор», «Детство, опалённое войной», «Архитектор Подчекаев» и многие, многие другие.

Практикуются выездные заседания по памятным местам района.

В районной библиотеке проводятся встречи местных краеведов с занимающимися историей нашего края учёными Санкт-Петербурга, Москвы, Таллинна и даже Института человека во Франции. Несколько раз на заседаниях Общества краеведов выступали известные псковские краеведы, сотрудники Областной универсальной научной библиотеки. Организуются презентации книг, посвящённых Печорскому краю, наших соседей из Эстонской Республики: М.Э. Пихо, Н.А. Валк, И. Ванапурма, Л.М. Гордеева (к сожалению, недавно ушедшего от нас), а также выставки картин и фотографий — например, «Знакомьтесь, Пыльва», «Озеро» и другие.

На материалах заседаний Общества краеведов готовятся и издаются сборники — мы уже издали 5 выпусков сборника «Не прервётся связь времен». Сборник имеет следующие главы:

— История и традиции Печорского края.
— Культура. Просвещение. Православие.
— Здесь Родины моей начало.
— Старожилы вспоминают.
— Земляки.

В книгу включаются работы и наших маститых краеведов, и школьников, представленные на заседаниях объединения. Издания снабжены редкими фотографиями. Книги вызывают большой интерес в районе и за его пределами. Текст книг в электронном виде можно найти на Библиотечном портале Псковской области на странице Печорской библиотеки в разделе «Краеведение».

В 2015 году исполнилось 100 лет со дня рождения краеведа, патриота своего края М.В. Лашина. В нашу библиотеку вдовой Михаила Васильевича была передана часть его архива. Нам удалось систематизировать разрозненные статьи и издать книгу «И корни, и ветви в Печорском краю». Статьи и исторические заметки, написанные М.В. Лашиным в разное время и помещенные в этой книге, помогают читателям увидеть уникальность Печорского района, вызывают заслуженное чувство гордости за этот уголок России. Здесь размещены снимки из фотоколлекции краеведа.

Материалы Общества краеведов, собранные в библиотеке в печатном и электронном виде, активно используются жителями города, гостями из других регионов. Некоторые сведения есть только у нас — и больше нигде.

Библиотека дорожит тесными партнёрскими отношениями со Свято-Успенским монастырём, который пополняет её фонд православной литературой. Продолжает работу Духовная школа, которой руководит игумен Хрисанф, — эти занятия дают ориентир для библиотечных специалистов в духовном просвещении населения. Игумен Марк окормляет членов клуба «Ветеран» при ЦРБ. Функционирует Воскресный духовный видеосалон.

В рамках Корнилиевских православных образовательных чтений, организуемых ежегодно в нашем городе, в библиотеке проходят заседания двух секций: «Библиотечное дело» и «Авторская поэзия», в которых уже традиционно принимает участие наместник Свято-Успенского монастыря архимандрит Тихон (Секретарёв), архимандрит Филарет (Кольцов), другие служители Церкви, библиотекари муниципальных библиотек, жители и гости города. В работе секций прослеживается краеведческая направленность. На заседаниях были представлены книги отца Наместника по истории монастыря, его поэтические сборники. Мы очень дорожим возможностью такого общения.

Слева — краевед Лашин М.В. у часовни в Халахальне, инициатором и руководителем восстановления которой он был

Сотрудники библиотеки с радостью принимают участие в мероприятиях православной направленности, которые организуются в Просветительском центре обители. Результатом взаимодействия Печорской районной библиотеки и церкви Святителя Николая Чудотворца деревни Тайлово стало несколько заседаний Общества краеведов. Об истории уникального храма, которому более 500 лет, рассказал его настоятель отец Георгий (Курносов). В настоящее время в храме ведутся реставрационные работы. Оживилась жизнь прихода с назначением сюда молодого священника. При храме действует художественная студия, участники которой занимаются созданием картин из шерсти, изготовлением предметов декоративно-прикладного искусства из других материалов — в Актовом зале библиотеки были организованы выставки творческих работ членов этой студии.

Теме Великой Отечественной войны в библиотеке уделяется большое внимание: совместными усилиями различных служб и авторов собран материал об участниках войны нашего края и издано два сборника «Война в лицах и документах». Библиотекой подготовлен материал для районного тома областного издания «Солдаты Победы». Библиотекарь отдела информационных технологий Айда А.Б. создал электронную книгу «Печорский район в годы Великой Отечественной

войны» и стал победителем Областного конкурса библиотечных работников «Молодые и перспективные». К 70-летию Великой Победы удалось издать эту книгу в традиционном варианте. Её презентация прошла на вечере чествования ветеранов в Свято-Успенском монастыре, а потом у нас в библиотеке. Книга раскрывает события день за днём, начиная с предвоенного 40-го года и заканчивая освобождением края от немецко-фашистских захватчиков в августе 1944 года.

Участникам Великой Отечественной войны посвящены следующие библиографические пособия:

Печеряне на фронтах Великой Отечественной войны: рекомендательный список литературы / сост. библиограф ОИТ Писукова В.Н. — Печоры, 2010. — 10 с.

По памятным местам Печорского района: рекомендательный список литературы / сост. библиограф ОИТ Писукова В.Н. — Печоры, 2010.

Этих дней не смолкнет слава: рекомендательный список литературы / сост. библиограф ОИТ Писукова В.Н. — Печоры, 2010.

Литературное краеведение — ещё одно из направлений работы нашей библиотеки. Плодотворно здесь функционирует клуб «Вдохновение», имеющий свою историю, объединяющий местных авторов, людей творческих, обладающих поэтическим даром, который позволяет воспевать красоты родного края, делиться с земляками мыслями, переживаниями через свои произведения. В рамках объединения проходят встречи и творческие вечера, презентации книг, обсуждения написанного.

Широкую картину литературной жизни края в прошлом и настоящем позволяет увидеть электронный ресурс «Литературная карта Печорского района», на который можно выйти через нашу страницу Библиотечного портала Псковской области.

Выпущен в свет биобиблиографический указатель из серии «Поэты Печорского края»:

«Соловей земли печорской…»: Борис Егоров (1938–2009): биобиблиографический указатель литературы / сост. библиограф ОИТ Писукова В. Н. — Печоры: МУК «Печорская центральная районная библиотека», 2010. — 28 с.

Издаются и другие библиографические указатели краеведческой тематики.

Игумен Марк (Быстриков), насельник Свято - Успенского монастыря, на заседании клуба «Ветеран»

Стомаченко К.В., руководитель художественной студии при храме свт. Николая Чудотворца в д. Тайлово

Значимым для библиотеки стало участие в Международных Зуровских чтениях.

Присутствующие печеряне и гости с интересом прослушали доклады о русском писателе, этнографе, археологе Л.Ф. Зурове, деятельность которого была во многом связана с нашим краем. Замечательно, что разговор о Зурове будет продолжен на нынешних чтениях.

В сельских библиотеках района также накоплен большой опыт краеведческой работы, которую также координирует Общество краеведов. Во многих филиалах эта деятельность широка и многогранна. Чтобы не потерять, а сохранить уходящее, жизнь диктует создание мини-музеев при библиотеках. В Мильцевском филиале организован мини-музей русского быта; в Лаврах музейная экспозиция представляет изделия народных мастеров; в Ротове работники библиотеки и клуба совместно создали Комнату старинного русского быта; предметы русского обихода собраны и в Ивано-Болотинской библиотеке, в этой же библиотеке регулярно проводит фольклорные посиделки клуб «Лебедушка».

Создание компьютерных библиотек в районе позволяет активно продвигать краеведческие ресурсы при помощи информацион-

ных технологий — без этого уже невозможно представить здесь ни одно мероприятие. Социальное программирование позволяет библиотекам проводить краеведческую деятельность планово и целенаправленно: Круппская компьютерная библиотека строит свою деятельность по программе «Здесь Родины моей начало»; Изборская компьютерная библиотека в тесном сотрудничестве с социальными партнёрами работает по программе «Сохрани землю, на которой ты живёшь»; «Нравственно-духовные истоки русской национальной культуры» — программа Лавровской библиотеки. В рамках программ в библиотеках проходят мероприятия различных форм: книжные выставки, обзоры, беседы, тематические вечера, часы краеведения.

Среди библиотек района проведён конкурс «Родная земля — любовь на все времена». Каждая сельская библиотека представила на конкурс краеведческие материалы по своей волости, деревням зоны обслуживания, о людях, проживающих в крае. Это были альбомы, накопительные папки, электронные презентации и т.д. Библиотекари поработали в архивах, в районной и областной библиотеках, много беседовали с местными жителями, вели сбор этнографического материала. Победители конкурса были поощрены комплектами новой литературы. Но главный итог конкурса — собран большой объём краеведческого материала, который постоянно востребован читателями.

Краеведческая информация и виртуальные выставки литературы размещаются на сайте библиотеки www.pechory.library.ru, на Библиотечном портале Псковской области (portal.pskovlib.ru). На сайте работает виртуальная справочная служба «Спроси библиотекаря». Удалённые пользователи задают здесь вопросы краеведческой тематики и чаще всего получают достаточно полный ответ. Организована группа Печорской библиотеки в социальной сети «ВКонтакте» — vk.com/pechory-library.

Бесспорно, в провинциальном городе изучение прошлого играет огромную роль в просвещении населения и является, пожалуй, самым интересным и увлекательным направлением в библиотечной деятельности,

Краеведение — это труд, который требует большой отдачи, времени и сил. Интерес к краеведческой тематике, я думаю, будет всегда. Ведь не хлебом единым жив человек. Он жив ещё и неразрывной связью событий и традиций, наследием и памятью предков.

ЧАСТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ КАК ФОРМА СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

(на примере создания
Музея истории сражения «Ледовое побоище»)

Т. Е. Наместникова
(Псков — Москва),
учёный секретарь ЧУК «Культурный центр "САМОЛВА"»

В действующем музейном законодательстве РФ понятие «частный музей» отсутствует. Но эта старейшая форма музейных учреждений существует во многих странах мира. Была она и в России.

С начала XVIII века коллекционеры, осознавая важность своих коллекций для культуры страны, стремились сделать их доступными для обозрения и изучения (например, Павел Петрович Свиньин открыл «Русский музеум» в Санк-Петербурге.; Павел Фёдорович Карабанов создал Русский народный музей в Москве). Во 2-й половине XIX века создаётся целый ряд частных музеев в столицах и российской провинции: их темы — русская старина, природа и история края, русская театральная культура, художественные галереи. В Пскове, например, Фёдор Михайлович Плюшкин был обладателем одной из самых больших коллекций в Российской империи, которую он собирал 40 лет.

Судьба частных музеев после 1917 года нам известна — одни прекратили своё существование, другие были национализированы, а их коллекции вошли в состав государственных музейных фондов страны.

Лишь в начале 1990-х годов частные музеи стали постепенно возвращаться в музейный мир России, причём не только в Москве и Петербурге, но и в провинции. Ряд таких музеев посвящён ис-

Дом купцов Петуховых

тории Отечества, и среди них музей, который был открыт 22 апреля 2012 года в деревне Самолва Гдовского района Псковской области, — первый частный музей в нашей стране, посвящённый истории экспедиции, которую в 1950-е — начале 1960-х годов провела АН СССР с целью уточнения места Ледового побоища. Открытие этого музея совпало с юбилейной датой — 770-летием Ледового побоища. И место для него было выбрано не случайно: именно здесь находился штаб экспедиции Академии наук, которую возглавлял генерал Георгий Николаевич Караев.

Администрация Самолвовской волости выделила для музея небольшую комнату в здании купцов Петуховых конца XIX века (в этом здании находятся также сельская библиотека и клуб). В основе коллекции Музея — артефакты из семейного архива В. А. Потресова. Ряд материалов представлен участниками экспедиции: фотографии и фотоальбомы, дневники, личные вещи, предметы, найденные при раскопках. В коллекции Музея — каркас разборной байдарки А. С. Потресова, возглавлявшего одно из направлений экспедиции — исследование древних водных путей новгородцев.

Обязанности главного хранителя и экскурсовода по сей день исполняет Елена Гаврилова, учитель русского языка и литературы Самолвовской школы и библиотекарь.

Берег Чудского озера

С первых дней работы Музей, помимо своей просветительской деятельности, принимал участие в культурных проектах и программах:

— под эгидой Музея был организован конкурс исследовательских и творческих работ школьников «Мой край Гдовский. По следам экспедиции». Его участниками стали школьники Гдовского района, а победители (6 человек) награждены ценными подарками и поездкой на родину Александра Невского, в Переславль-Залесский, с посещением Ростова Великого и музеев Москвы.
— сотрудники Музея — участники научно-практических конференций, круглых столов, уроков истории, Чудских, Международных Александро-Невских и Псковских международных краеведческих чтений. В 2014 году по приглашению кафедры регионоведения СПбГУ сотрудники Музея выступили с докладами в Доме учёных Санкт-Петербурга на конференции, посвящённой памяти Георгия Караева;
— в июле 2015 года состоялась экспедиция к древнему городищу в районе Струг Красных. Как оказалось позднее, данное городище неизвестно археологам и не внесено в реестр археологических памятников Псковской области;
— формируется уникальная научно-историческая библиотека. Её фонд на сегодня составляет более 200 экземпляров редких книг

Участники проекта «Доступная среда» в Музее экспедиции

(в том числе — перевод на русский язык книги Пауля Рорбаха «Битва вокруг Ливонии». Мюнхен, 1917);

— в течение 3-х лет ведётся сайт Музея (http://ledovoe-poboische.ru);
— Музей — участник проекта Русского Географического общества «Доступная планета»;
— в 2012 году к 770-летию Ледового побоища Музей инициировал проведение Дня чтения в Гдовском районе: в библиотеках и школах 18 апреля прошли громкие чтения книги Владимира Потресова «Тайна Вороньего камня», а в Самолвовской модельной библиотеке в этом Дне участвовал автор книги;
— в апреле 2014 года организован автопробег в память о Ледовом побоище. К этому событию был изготовлен макет историко-географической среды побережья Чудского озера на момент сражения 1242 года. Жители Великих Лук, Пустошки, Острова, Пскова, Гдова, Сланцев не только увидели макет, но и познакомились с одной из версий событий войны 1240–1242 годов, изложенной Владимиром Потресовым, а также историей создания Музея истории экспедиции АН СССР по уточнению места Ледового побоища. Завершился автопробег в Самолве.

Таким образом, Музей стал не только местом хранения артефактов, но и культурным просветительским центром.

Экспозиция музея

За время работы Музея его посетителями стали россияне, жители ближнего и дальнего Зарубежья. И это несмотря на существенную удалённость Музея от культурных и областных центров, низкого качества дороги.

Такой интерес к теме, на наш взгляд, не случаен: история одного из важнейших событий русского Средневековья, к сожалению, в нашей стране освещена крайне скупо. Так, в Гдовском краеведческом музее отсутствует экспозиция, связанная с этим событием, много лет решается вопрос о создании «Поля ратной славы» и музея-заповедника на Чудском озере. В главном Историческом музее страны теме Ледового побоища уделено место, равное прикроватной тумбочке. Это притом, что тема не даёт покоя как специалистам, так и многим любителям истории и краеведам. Ледовому побоищу посвящено несметное количество публикаций и в нашей стране, и за рубежом.

Однако успешная деятельность Музея истории экспедиции оказалась под угрозой в результате спора хозяйствующих субъектов в Самолве, появилась опасность потерять помещение. Одновременно, в результате трёхлетней работы, мы пришли к выводу, что экспозиция Музея может быть существенно расширена за счёт новых открытий, полученных в результате научно-исследовательской работы,

Экспозиция музея

проводимой сотрудниками Музея. Речь идёт о новом взгляде на Ледовое побоище как событие войны 1240–1242 годов.

Вследствие этих причин нами было принято решение создать частное учреждение культуры «Культурный центр “САМОЛВА”» в непосредственной близости к месту Ледового побоища (учреждение официально зарегистрировано 25.03.2015). Приобретён участок земли в рекреационной зоне деревни Самолва, где в настоящее время завершается строительство Культурного центра. Здесь разместятся: музейная экспозиция, дискуссионная площадка (помещение для проведения семинаров, лекций, видеоконференций, выставочный зал и т.д.), уникальная научно-историческая библиотека, посвящённая вопросу исследования и сопутствующим темам. Часть экспозиции разместится на прилегающей к музейному зданию территории.

Открытие Культурного центра «САМОЛВА» запланировано на май 2016 года (1-й этап) — в этих рамках состоится открытие зала «История экспедиции АН СССР по уточнению места Ледового побоища», библиотеки. В одном из залов КЦ будет открыта выставка художественных произведений, посвящённых теме исследования Ледового побоища. Ведутся переговоры с директором Гдовской районной центральной библиотеки о проведении на базе КЦ «САМОЛВА» Региональных Чудских чтений.

Реконструкция сражения

А в апреле 2017-го (2-й этап), в год 775-летия легендарного сражения, в Культурном центре будет открыт музей «Ледовое побоище: Музей истории сражения». Он станет, бесспорно, явлением культурной жизни не только Псковской области, но и России. Уже сейчас, при его создании и формировании музейного фонда, в первую очередь, соблюдается принцип глубокой научности и достоверности; привлекаются учёные и музейные специалисты.

Основная задача Музея — **сохранение исторической памяти.**

Что мы понимаем под сохранением исторической памяти?

1) Память о значимом историческом событии (Ледовое побоище) должна сохраниться в неискажённом виде и вне зависимости от политических, социальных и иных воздействий;
2) сохранить память об исследователях, которые внесли существенный вклад в изучение вопроса;
3) сохранить письменные и печатные источники, другие формы информации, популяризируя их, чтобы исключить возможность «наступать на грабли» при изучении отечественной истории;
4) способствовать патриотическому воспитанию населения, в первую очередь, молодёжи, разоблачая мифы и инсинуации недобросовестных исследователей.

Особое внимание поэтому уделяется процессу проектирования экспозиции, который идёт непрерывно. В недрах этой творческой работы постепенно вырисовывается тематическая структура: разделы экспозиции, темы, отдельные экспонаты, а также комплекс экспозиционных материалов — выстраивается план комплектования фондов. Впереди работа по созданию художественного образа коллекции, концепции перспективного развития фондов музея, проект благоустройства прилегающей территории… Уже сегодня сотрудниками КЦ «САМОЛВА» создаётся информационная зона — подготовлен и согласован с Главой Администрации сельского поселения «Самолвовская волость» стенд для музеефикации жальнических захоронений в деревне Самолва.

Нас очень активно поддерживают неравнодушные к отечественной истории люди. Например, Александр Карсов, выпускник 47-й московской школы, в юности принимавший участие в лодочных туристических походах, выпускник ВХПУ им. С.Г. Строганова (факультет промышленной эстетики), художник-дизайнер, предложил свои услуги в изготовлении макета лодок (ушкуя и новгородской соймы), которые строили на Руси во времена Ледового побоища и на которых могли передвигаться воины Александра Невского по водным просторам. От псковича генерал-лейтенанта Александра Костина Музей получил в дар водолазный костюм «трёхболтовку», который использовался в экспедиции АН СССР по уточнению мета Ледового побоища. Посетившая недавно Музей участница экспедиции Татьяна Стырова передала в дар генеральскую шинель середины XX века — именно такую шинель носил руководитель экспедиции генерал-майор Г.Н. Караев. Все эти факты говорят о неравнодушии соотечественников к поднятой нами теме.

Работая над созданием Музея, планируя экспозиционное пространство, выпуская научные и популярные издания по истории вопроса, мы стараемся максимально избегать неточностей, ошибок и разночтений, которые могут быть недобросовестно истолкованы, и чётко понимаем, что выполняем свой гражданский долг по сохранению исторической памяти.

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО ЦЕНТРА НА БАЗЕ СЕЛЬСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Т. Е. Павлова
(село Карамышево),
Глава Карамышевской волости (Псковский район)

2015 год объявлен в России Годом литературы. Нам приятно сознавать, что Карамышевская волость идёт в ногу со временем. Начался этот год открытием после капитального ремонта здания библиотеки в селе Карамышево и началом работы Культурно-просветительского, историко-краеведческого центра.

Библиотечное дело в Карамышеве имеет глубокие корни· В дореволюционный период на землях современной Карамышевской волости первые библиотеки сложились в дворянских усадьбах· Одна из крупнейших — в имении Быстрецово — принадлежала известному земскому деятелю М· А· Назимову· Небольшие библиотечки заводились при всех церковно-приходских и министерских сельских школах·

С образованием в 1927 году Карамышевского района в составе Псковского округа Ленинградской области в селе начала работать районная библиотека.

В период Великой Отечественной войны, уже 3 июля 1941 года, Карамышевский район был оккупирован немцами. Здесь они хозяйничали до февраля 1944 года. Село Карамышево и близлежащие деревни были по большей части разрушены, сожжены. Трагической страницей военного времени стала судьба деревни Пикалиха: в двухэтажном здании школы в деревне, которая расположена в километре от Карамышева, 27 февраля 1944 года карателями, перед отступлением, заживо были сожжены более 180 мирных жителей.

История возрождения библиотечного дела современной Карамышевской библиотеки восходит к военному 1944 году. Уже весной, сразу после освобождения Карамышевского района, несмотря на трудности и разруху, началось восстановление этих мест дружными усилиями земляков — поколением наших отцов и дедов. Потерявшие здоровье, но не сломленные духом, они прекрасно понимали, что будущее села, как и всей страны, — дети. Поэтому отдавали все силы на возрождение, прежде всего, объектов культуры и образования. В результате одними из первых вновь построенных зданий в Карамышеве стали школа, библиотека и детский сад. Благодаря самоотверженному труду наших предков разрушенное войной хозяйство было восстановлено за очень короткий срок — районный центр в Карамышеве вновь возродился.

В одном из новых двухэтажных деревянных зданий первоначально разместили парткабинет, районный Отдел культуры и библиотеку. В том же 1944 году библиотека стала принимать читателей.

Отметим, что 70-летие восстановления Карамышевской районной библиотеки в 2014 году логично совпало с Годом культуры России.

После войны (с 1946 года) стал функционировать детский отдел Карамышевской районной библиотеки. Первым заведующим этого отдела был Иван Павлович Сергеев — фронтовик, книголюб, внештатный корреспондент районной газеты, который своими руками изготовил книжные стеллажи, столы, лавки, табуретки для библиотеки. Он заочно окончил Московский библиотечный техникум. В нашем музее бережно хранятся трудовая книжка И. П. Сергеева, книги с автографами писателей, поэтов, людей искусства, которые он собирал, переданные на хранение.

Со временем здание полностью перешло в распоряжение библиотеки. На втором этаже размещалась сельская взрослая библиотека, а на первом — детское отделение.

С октября 1974 года детская Карамышевская библиотека получила статус Центральной районной детской библиотеки Псковского района. В ней функционировали читальный зал, абонемент, методический центр, музей «Русская изба», который, выражаясь современными терминами, можно обозначить как интерактивный учебный класс по истории русского деревенского быта. В это время штат библиотеки состоял их 4 человек. Однако с годами двухэтаж-

Карамышево. Культурно-просветительский центр

ное библиотечное здание сильно обветшало и пришло в аварийное состояние. Поэтому в декабре 1988 года библиотека была вынуждена переехать в неприспособленное для библиотечной деятельности помещение Дома культуры. Но усилиями работников библиотеки и благодаря помощи читателей книжный фонд был спасён.

В 1994 году детскую библиотеку переводят в пустующее здание бывшего детского сада — в Доме культуры осталась взрослая сельская библиотека — филиал Псковской районной библиотеки. Это здание, построенное в 1950 году для отделения Госбанка, в 1967 году было переоборудовано под детский сад.

Для многих поколений читателей, руководителей детского чтения Центральная районная детская библиотека (ЦРДБ) стала своеобразным духовным очагом. Она всегда была востребована — можно сказать, потомственно: прежние юные читатели, а ныне дедушки и бабушки приводят в библиотеку своих внуков и внучек. Библиотека занималась не только обслуживанием населения, но и проводила многочисленные культурно-просветительские мероприятия: занятия, семинары школьных и сельских библиотекарей, совещания районного методического объединения учителей, встречи с интересными людьми — писателями, художниками, учёными, ветеранами Великой Отечественной войны, воинами- интернационалистами, краеведами и т.д.

Работал семейный клуб интересных встреч, видеозал, собрана фонотека и видеотека. Были разработаны специальные программы

по изучению русской культуры на базе музея «Русский быт». Более 30 лет ЦРДБ являлась методическим центром работы с детьми в Псковском районе.

Последние 10 лет отмечены целым рядом структурных изменений в сфере культуры. Следствием их внедрения в библиотечное дело стало нарастание проблемных вопросов.

Так, в ходе оптимизации в 2006 году ЦРДБ потеряла статус районной детской библиотеки и была включена в состав Карамышевской сельской библиотеки в качестве её структурного подразделения — сектор детского чтения со специализированным обслуживанием детей нашей волости. В январе 2011 года в ходе новой кампании по «оптимизации» библиотечного дела в сельской местности и вовсе была лишена статуса библиотеки. Вновь образованную «невнятную» структуру назвали Сектором чтения Карамышевского культурно-досугового центра. А ведь книжный фонд насчитывал 25865 единиц, из них детской — 16 450 единиц!

В результате, на сегодняшний день Карамышево юридически своей библиотеки не имеет.

Администрацией Псковской области 27 мая 2013 года Сектору библиотечной работы был вручён сертификат на открытие модельной библиотеки.

Село Карамышево с населением 906 человек, являющееся административным центром волости с населением 5015 человек, по существующим социальным нормативам должно иметь не Сектор чтения Дома культуры, а свою муниципальную библиотеку.

Назрела необходимость и в капитальном ремонте этого здания. Перевод библиотеки в другое здание (в данном случае — в школу) означал бы прекращение её существования в качестве центра культуры.

В ответ на многочисленные обращения к губернатору Псковской области местных жителей судьбой Карамышевской библиотеки озаботился и сам А.А. Турчак.

Губернатор дважды специально приезжал в село Карамышево (10 декабря 2013 и 6 февраля 2014). Во время второго визита губернатор огласил принятое областной властью решение о необходимости передать в школу часть книжного фонда бывшей детской библиотеки. Здание же библиотеки подлежало ремонту. При этом было предложено сохранить существующий там музей «Русская изба».

27 февраля 2014 года собрание депутатов Псковского района приняло решение безвозмездно передать находящееся в собственности муниципального образования «Псковский район» здание Карамышевской сельской библиотеки в собственность муниципального образования «Карамышевская волость». Были проведены необходимые для ремонта финансовые и организационные мероприятия. С сентября по декабрь 2014 года шёл ремонт при активном участии предпринимателей и жителей волости.

6 февраля 2015 года состоялось торжественное открытие здания библиотеки. Несомненно, это событие имеет значение не только как одно из мероприятий в рамках выполнения федеральной целевой программы «Культура России», но и особенно важно для жителей Карамышевской волости, у которых вновь появилась возможность использовать более широкие литературные ресурсы и идти по пути познания, но уже в новых, более комфортных условиях.

С этого же времени началась работа на общественных началах Культурно- просветительского и историко-краеведческого центра. К сожалению, и до настоящего времени не выделены средства на содержание двух штатных единиц для этого Центра.

Несмотря на недофинансирование, Центр при библиотеке активно и результативно действует. Составлен календарный план работы на 2015 год, который согласован с нашими деловыми партнёрами: с председателем Псковского отделения Союза писателей России И. А. Смолькиным, директором Псковского филиала Российской Международной академии туризма О. А. Козыревой, председателем РО ООО «Союз пенсионеров России по Псковской области» Е. А. Косенковой, директором МБОУ «Карамышевская средняя общеобразовательная школа» И. А. Никифоровой, с главой сельского поселения «Карамышевская волость» Т. Е. Павловой.

Постоянно пополняется библиотечный фонд. От министра культуры РФ В.Р. Мединского поступили книги по истории и культуре России в количестве 36 экземпляров; от настоятеля Псково-Печерского монастыря — православные журналы и книги; журналы Русского Генеалогического общества и сборники трудов его членов; от Историко-родословного и Краеведческого общества — более сотни книжных изданий, от Псковского отделения Союза писателей России.

Альманах «Карамыш»

Доцент Санкт-Петербургского государственного университета О. М. Карамышев, совместно с А. А. Шумковым, главным редактором издательства «Старая Басманная» и его коллегами сделали бесценный подарок: издали два номера историко-краеведческого альманаха «Карамыш». В сборниках опубликованы материалы, посвящённые прошлому, настоящему и будущему Карамышевской земли. Каждый может стать автором сборника. В настоящее время, к юбилею села, готовят к изданию третий выпуск альманаха.

С февраля 2015 года по сегодняшний день был проведён целый ряд интересных просветительских мероприятий для всех возрастных групп, различных по содержанию и форме.

Для детей дошкольного и младшего школьного возраста проходили экскурсии-занятия, познавательные часы, игровые программы, конкурсы «Здравствуй, музей!» (знакомство с устройством русской избы), «Звени — звени, златая Русь!» — рассказ о колоколах, персональная выставка коллекции колоколов и колокольчиков. Организованы тематические выставки-просмотры «Народные праздники на Руси», «Как выглядел дом бабушки и дедушки», «Где хранится прошлое» — экскурсии по музейным комнатам Центра, познавательные часы.

И. Я. Панченко проводила занятия клуба флористики для детей и взрослых. О. Селиванова проводила с детьми школьного возраста мастер-класс по изготовлению кукол в стиле папье-маше.

Проведены встречи с писателями и поэтами Псковщины: прозаиком, лауреатом Губернаторской премии Б. Ильиным, лауреатом литературных премий России А. А. Бологовым, музыкально-поэтический вечер с поэтессой Т. Гореликовой.

Провели выездное заседание Президиума районного Совета ветеранов Псковского района. Проходят заседания Совета ветеранов Карамышевской волости.

Псковская писательская организация провела круглый стол писателей и библиотекарей «Книга и СМИ».

Проходит цикл мероприятий «Играй, гармонь, для ветерана, коснись и сердца, и души!».

Прошло два занятия университета «Три возраста» ООО РО «Союза пенсионеров России по Псковской области», на котором Псковский музей-заповедник предложил культурно-образовательную программу «Образование длиною в жизнь».

Преподавательским составом Псковского филиала ОЧУВО «Российская Международная академия туризма» проведён семинар для жителей волости по основам предпринимательского дела. В ходе реализации исследовательского проекта туристского вуза (данный проект был завершён конференцией в ноябре 2015 года) были организованы экскурсии для студентов и представителей туристского бизнеса города Пскова по объектам историко-культурного и природного наследия Карамышевской волости: в деревню Мелётово — к уникальному храму Успения Пресвятой Богородицы второй половины XV века, знаменитому своими архитектурными формами и фресками, и церкви Святой Троицы (начало XX века); в деревню Виделебье — родину преподобного Никандра Пустынножителя. Из Виделебского погоста вышел и преподобный Евфросин — основатель Спасо-Елеазаровского монастыря, в котором ныне хранятся его мощи. Объектами осмотра стали и храм Иоанна Кронштадского в селе Карамышево, старинный усадебный парк в деревне Зубово, бывшей усадьбе М.М. Карамышева, давшего своё имя железнодорожной станции, а потом и селу и волости.

Модест Модестович Карамышев, многолетний предводитель дворянства, камергер Высочайшего Двора, действительный статский со-

ветник, немало трудился во славу Отечества. При строительстве железной дороги Бологое — Псков выделил деньги на строительство с тем условием, чтобы окрестные крестьяне могли там работать и тем самым содержать свои семьи. Организовал в сельце Зубово земскую школу для крестьян, где учительствовали его супруга и дочь.

С 2010 года у нашей волости есть официально зарегистрированная в Геральдическом совете при Президенте России символика: герб и флаг. За основу взят старинный герб дворян Карамышевых.

Особо следует выделить знаменитый памятник историко-культурного наследия на территории волости — храм Успения Пресвятой Богородицы в Мелётове. В ходе второго этапа конкурса «15 знаменитых мест Псковщины», проводившийся Псковской Лентой Новостей с 1 августа по 30 сентября 2015 года, памятник занял почётное третье место. Этот факт свидетельствует о несомненном интересе к одной из главных достопримечательностей Карамышевской волости.

Разработан план мероприятий Центра и на 2016 год. В их числе на особом месте — празднование 120-летия основания села Карамышево. Успешное проведение мероприятий потребует объединения и координации усилий всех жителей волости, многочисленных карамышеведов и карамышелюбов, наших деловых партнёров.

Мы понимаем, что деятельность Центра не должна ограничиваться только отдельными мероприятиями, — необходимо, чтобы двери этого Центра были открыты для посетителей ежедневно!

Для эффективного функционирования нашего учреждения необходимы две ставки: технического персонала (в одном лице — уборщица, истопник, дворник) и творческого работника (руководителя Центра).

Мы уверены, что достойно пройденный более чем 70-летний путь библиотеки и труд её неравнодушных работников, а также насущные потребности жителей волости, задачи культурно-нравственного и патриотического воспитания заслуживают должного внимания властей и быстрейшего решения проблемных вопросов.

КОНКУРС «КРАЙ РОДНОЙ — РОДНОЕ СЛОВО» В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛАБОРАТОРИИ ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИЯ И ЯЗЫКОВОЙ ЭКОЛОГИИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

А. В. Приображенский
(Петрозаводск),
кандидат филологических наук, доцент Кафедры русского языка Петрозаводского Государственного университета;

Т. Е. Рутт,
кандидат филологических наук, доцент Кафедры русского языка ПетрГУ

Основная цель Лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии (ЛКЭ) — защита, сохранение и развитие всех функций родного языка в условиях Карелии.

Третий региональный конкурс «Край родной — родное слово» (язык, история, культура, ландшафт) был проведён в 2014 году. Лаборатория, разработав положение о конкурсе, организовала его совместно с учреждениями науки, культуры, образования Петрозаводска и Карелии — музеем-заповедником «Кижи», Институтом языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Национальным музеем и Национальной библиотекой Республики Карелия.

Самыми активными участниками конкурса стали местные жители, студенты, школьники, учителя, сотрудники библиотек и музеев из разных уголков Карелии, — одним словом, все те, кто готов сохранить и передать от поколения к поколению культурное наследие родного края.

В декабре 2014 года прошла итоговая конференция участников конкурса, в рамках которой работали две секции: «Этнография, история» и «Диалект, фольклор, ономастика» (всего 22 доклада). Вот названия только некоторых работ, присланных на конкурс в 2014 г. (с указанием их авторов): «Этнографические материалы, собранные в селе Вешкелица Суоярвского района Республики Карелия» (Юлия Викторовна Ефимова, учитель Вешкельской средней школы, её ученики 7 класса, выпускники и студенты филологического факультета ПетрГУ), «Часовни Водлозерского края: прошлое, настоящее, будущее?» (руководитель Наталья Алексеевна Белкина, учащийся 8 класса из поселка Пудожгорский Пудожского района Карелии), «Чудо-пояс» (Владислав Осипов, учащийся 5-а класса Карельского кадетского корпуса им. Александра Невского, учитель географии Поросозерской школы п. Гумарино Суоярвского района Наталья Анатольевна Осипова).

Некоторые конкурсанты уже не первый раз присылают свои исследования и выступают на конференции. В Поросозерской школе, благодаря таким энтузиастам, как Н. А. Осипова, учитель географии, и И. А. Логинова, учитель технологии, работает кружок «Мастерская рукоделия» для учащихся 5–7 классов. На его занятиях ребята учатся технологии вязания одной иглой — способу вязания, который в древности использовали сегозерские карелы.

Учителя-краеведы считают важным делом сохранить традиции своих предков, передать знания и опыт начинающим краеведам. Лучшими на конференции были признаны работы юных конкурсантов из кружка «Мастерская рукоделия». Так, например, ученица 9 класса Осипова Лиза, выполняя работу «Невеличка-рукавица — очень важная вещица», не только познакомилась с традициями вязания и использования рукавиц, бытовавших на территории Сегозерья, но и научилась изготавливать традиционные сегозерские рукавицы. В Сегозерье были разные рукавицы по их назначению: рабочие, охотничьи и рыбацкие, обрядовые и обычные, повседневные.

Не из книг, а от местных жителей, выходцев из сёл Сельги, Паданы, Ахвенламби, Лиза получила уникальные сведения о жизни и традициях сегозерцев. Она узнала, что жители Сегозерья использовали рукавицы при совершении свадебных обрядов и обрядов, направленных на сохранение скота. Во время свадьбы сегозерцы надевали обычно красивые узорные рукавицы, или, по словам информатора Марии Ми-

хайловны Протас, «парадно-выходные». Федосья Николаевна Федотова, жительница д. Юккогуба, поделилась с ученицей воспоминаниями о своей свадьбе: «Максим Михеич выходит из-за стола, приближается, и я подвинусь вперёд — один носок выставлю: «Ну-ка, женихха, приближайся сюда». А мне в ответ говорят: «Ну-ну-ну, невеста, невеста, приближайся». Так каждый со своей стороны двигаемся навстречу. На руки у нас надеты рукавицы, и так в рукавицах подаём друг другу руку. Родня жениха кричит за столом: «Ура! Ура! В нашем полку прибыло! В вашем полку убыло!».

При совершении обрядовых действий, связанных с уходом и содержанием коров, применялись рукавицы из овечьей шерсти. В Сегозерье корову называют *лехмя сюётяя*, т.е. «коровушка-кормилица». Хозяева тщательно оберегали коров от болезней, дурного глаза и злых сил. Именно по этой причине хозяйка в рукавицах из овечьей шерсти, призванных защитить корову от злых сил, на Егорьев день (6 мая) в первый раз после зимы выгоняла коров из хлева. В первый день сенокоса в этих же рукавицах хозяйка косила, чтобы «корова хорошо ела хозяйское сено».

Заслуживает внимания ещё одна конкурсная работа семиклассниц Евгении Гавриловой и Лизы Осиповой «Народные куклы Сегозерья». Рассказы об истории кукол, их роли в некоторых старинных обрядах и в качестве оберегов, информация о некоторых особенностях изготовления сегозерских кукол школьницы получили от местных жителей. Ученицы узнали, что — в зависимости от своего предназначения — существовали обрядовые (Вихма, Шоога /Кувадка/), Керия (Пеленашка), Эмяндя (Параскева), обереговые (Равитте (Рванка), Лапси, Шоога, Нейня /Стригушка/) и игровые куклы (Керия, Лапси).

В Сегозерье существовал такой обряд: когда женщина рожала в бане, то кто-нибудь из женской половины семьи делал кукол (их старинное название Шоога, или Кувадки (русское название) и заманивал в них биеша (нечистую силу, беса), развешивая куколок в предбаннике.

Отметим, что слово *кувадки* отсутствует в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей». Слово *куватка* «младенец, новорожденный» зафиксировано в Обоянском районе Курской области (1858 г.) и в г. Грозный (СРНГ 15: 388). В пудожских и вытегорских говорах в значении «тень» используются слова *кувá*, *кубá*, а также

их производные *кува́ка* «тень», *ку́ба́ч* «сноп соломы или льна» в медвежьегорских, новгородских, кондопожских, бокситогорских, киришских, любытинских, прионежских, чудовских; «связка, вязанка травы» — в любытинских (СРГК 3:45-47).

В каждой Сегозерской семье были куклы-обереги, которые предназначались в основном для детей. В Сегозерье существовал такой обычай: чтобы сбить злых духов с толку, спеленатую куклу Керию, или Пеленашку, подкладывали к младенцу в колыбель, где она находилась до крещения ребёнка и принимала на себя все напасти, угрожавшие не защищённому Богом ребенку. Только после крещения эта кукла убиралась из колыбели. Куклу хранили в доме наравне с крестильной рубахой ребенка. Слово *пеленашка* отсутствует в СРГК и СРНГ. Со временем, как пишут авторы конкурсной работы, в Сегозерье кукла стала игровой, поменялось и её имя: Керия, или Пеленашка (от слова «пеленать») стала называться Лапси (от *фин*. lapsi «ребёнок»). Играя с ней, девочки учились пеленать младенца, кормить и убаюкивать его. Куклу изготавливали из куска ношеной домотканой одежды, вобравшей в себя тепло изготовивших её рук и пропитавшейся трудовым потом. Считалось, что с родным, домашним материалом кукле передаётся частичка жизненной силы

Лицо куклам делали из белой ткани, его нельзя было разрисовывать, чтобы в куклу не вселились злые силы. Только детям разрешалось у игровых кукол лицо рисовать или вышивать. При изготовлении обрядовых и некоторых обереговых кукол ткань рвали, а не резали. Материалом для изготовления большинства кукол служили льняная и шерстяная ткани, причём часто не новые, а оторванные от старой хозяйской одежды. Некоторые куклы делались с использованием травы, соломы, зерна.

Историю родного села Вешкелица Суоярвского района, его прошлое и настоящее изучают школьники под руководством Юлии Викторовны Ефимовой, учителя Вешкельской школы. Материал, который представлен в их конкурсной работе, собран в разные годы детьми и взрослыми. Информантами стали жители села и те, кто родился в Вешкелице, но живёт не в ней, и гости села. Не случайно один из разделов работы назван «История в лицах». Это записанные ребятами рассказы жителей о их нелёгкой жизни, о тяжёлом труде и в годы войны, и в мирное время, воспоминания о том, чем зани-

мались жители, как проводили своё свободное время. Значимость этих материалов велика, прежде всего, для самих школьников, которые после общения со своими земляками старшего поколения, выслушав их рассказы, никогда не позволят себе сказать грубое слово пожилым людям, будут их помнить и чтить. Вот небольшой отрывок из записей Данилы Близнюка и Александра Вышомирского, учеников 8 класса: «Мы, парни, привыкли проводить время за компьютером, играя в «Call of duty» («Долг зовёт»), иногда катаемся на велосипедах, играем в волейбол. Как мы были удивлены, когда узнали, что Падачева Ольга Андреевна в нашем возрасте трудилась, как взрослая! Мы стали расспрашивать. Узнали, что Ольга Андреевна встретила войну одиннадцатилетней девчонкой. Отца с начала войны призвали в армию, в Ленинград, потом на оборонительные работы в Новгород, а семье пришлось эвакуироваться в Архангельскую область, в деревню Подосёново. Как жили? Как и многие в то время — тяжело. В одном доме разместили 8 семей! Приходилось жить дружно. Спрашиваем у Ольги Андреевны: "Ходили ли Вы в школу?" Оказывается, нет. Мама болела, надо было кормиться, помогать ей. Четверо детей — Дуся, Анна, Ольга, Николай — выполняли разную работу: трудились на колхозных полях, на свиноферме, на аэродроме. Рабочий день порой длился с девяти утра до пяти вечера. И откуда у ребят было столько сил?! Только диву даёшься! За работу давали муку, хлеб, детям — 200 граммов, а взрослым — 400.

В 1944 г. семья вернулась из эвакуации, затем отец — с фронта. Послевоенная жизнь у всех была нелёгкая, у Ольги Андреевны — вдвойне, так как сразу после возвращения из Архангельской области умирает мать. А как же без мамы? Тем более в семье, где почти одни девчонки?! Но жизнь не просто идёт, она пролетает, время лечит все раны, как говорится. Дети, которые во время войны трудились не покладая рук, выросли, уже сами преклонного возраста. У Ольги Андреевны 6 внуков, 3 внучки, правнуки. Как это здорово, что жизнь продолжается! Ольга Андреевна награждена медалями "За доблестный труд в Великой Отечественной войне", "60 лет Победы в Великой Отечественной войне", "65 лет Победы в Великой Отечественной войне", "Ветеран труда", медаль материнства».

Заслуживают внимания песни, частушки, стихи, пословицы, заговоры, записанные ребятами от местных жителей. Педагогами разра-

ботаны авторские программы, имеются цифровые образовательные ресурсы по краеведению, богатый наглядный материал. Под руководством педагогов учащиеся занимаются хранением и изучением подлинных памятников истории культуры и быта родного края, различных предметов и документов, знакомятся с традиционными народными ремёслами.

Представляет значительный интерес краеведческая деятельность школьников из других районных школ Карелии. Так, например, учащиеся Машозерской средней школы Беломорского района активно изучают историю родного края, быт и занятия его жителей, обращаясь к архивным материалам, историческим документам, беседуя со старожилами. Результатом краеведческой деятельности стала работа ученицы 11 класса Ксении Годиевой, посвящённая родине её предков — деревне Койвуниеми (д. Берёзово), её жителям. Школьница рассказала об истории этой деревни, которая входила в состав Тунгудской волости. В настоящее время из всего Тунгудского района существуют только деревни Тунгуда, с населением в 40 человек, и Лехта.

На территории, исторически сложившейся как Тунгудская Карелия (или иначе Тунгудская волость), располагается посёлок Новое Машозеро. Тунгудский край имеет свою культуру, язык, остатки языческих верований, неповторимый образ жизни и поистине трагическую судьбу. Термин «тунгудские карелы» является несколько условным: так назвали население карельских деревень, входящих ныне в состав Беломорского района. До 1955 года существовал самостоятельный Тунгудский район с карельским населением, в котором было около 60 деревень.

Эта местность заселена давно, чему имеются подтверждения в исторических документах. В летописных материалах XVI века упоминаются многие местные деревни. Так, в «Книге сбора данных и оброчных денег с тяглого населения Лопских погостов» за 1587–88 гг. упоминается «волость Береский Наволок», то есть Койвуниеми — Берёзово.

Трагические события в стране не обошли стороной и Тунгудский край. Ученица приводит интересный факт: «гражданская война в нашей местности носит название «Кошель-война». Судя по рассказам, народ не хотел воевать друг с другом, против своих, и уходил в лес

на дальние заимки с кошелями за спиной. Разобраться же, кто лучше, кто хуже, кто прав, кто не прав — белые, красные или ещё какие другие, — людям на местах было не просто. Конечно, ушли не все. Когда стала очевидной победа большевиков, многие бежали в Финляндию. Только в феврале 1922 года победила Советская власть.

В секции «Диалект, фольклор, ономастика» прозвучало 10 докладов. Наталья Ивановна Комарова, библиотекарь Пудожской ЦБС, в докладе «Не всё та́кать, ино и покалякать» рассказала о местном говоре Пудожского края (на примере деревни Кубовской). Она составила словарь на основе записей речи своей бабушки Маремьяны Алексеевны Шляминой (в девичестве Насоновой, дожила до 92 лет) и мамы Александры Ивановны Шляминой, 1927 года рождения. В записях содержатся диалектные слова, фразеологизмы, пословицы, поговорки, например: *Чого размяряндалась, вишь розбудила робёнка, дай ёму дулю* (соску). *Когд**о** б**ы**ли мы молод**ы**, мн**о**го труд**и**лись, никак**о**й роб**о**ты не чур**а**лись* (не боялись). *Выстанешь* (встанешь), *когд**ы** пропо**ю**т петух**и**, взам**е**н буд**и**льника, с рукам**о**йника* (умывальник) *ополоснёшь лицо, вытрешься утиральником* (полотенцем). *А пока ч**у**чкаешься* (возишься с мелкими делами) — *самовар заш**у**гайдат* (закипит). *Пофурандаш* (попьёшь чаю), *нал**а**дишь* (накормишь) *скотину, кор**о**ву под**о**ишь, дит**е**й спр**а**вишь* (соберёшь) *в школу пораньше, там наставница их ждёт. А п**о**сле роб**о**ты на п**о**жню с**е**но стогов**а**ть* (укладывать в стога), *ономедь* (на днях, недавно) *гроз**а** была — не успе**л**и.*

Слова *чучкаться*, *зашугайдать* отсутствуют в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей».

Наречие *ономедь* известно не только в говорах Карелии и сопредельных областей, но и в новгородских, тверских, костромских и калужских говорах (СРНГ 23: 223).

Слово *фурандать* «пить чай с шумом, прихлёбывая» употребляется в подпорожских, медвежьегорских, пудожских, кондопожских говорах (СРГК 6: 693).

Слово *шомбуша* «пространство между печкой и стеной, используемое в хозяйственных целях», распространённое в пудожских и онежских говорах (СРГК 6: 901), заимствовано из древне-шведского языка: sømnhûs, søfnhûs «опочивальня, место для спанья»(Фасмер IV: 464).

Некоторые пудожские слова заимствованы из прибалтийско-финских языков:

малтать «понимать, мыслить, разуметь» функционирует в пудожских, медвежьегорских, кондопожских, лоухских, кемских, прионежских, каргопольских, североморских, тихвинских, подпорожских говорах (СРГК 3: 194), из карельского malttoa, malttau «понимает, может», финского malttaa, maltan «смыслить, вспоминать, мочь» (Фасмер II: 564); *кучикать* ср.: *кучитать* «щекотать», возможно, от карельск. kučutta, вепс. kutšutada с тем же значением (Фасмер II: 438);

лёкутать, ср.: *лекота́ть* «бормотать» из карельского lägädäk «говорить», финского läkättää «говорить неясно, болтать» (Фасмер II: 478);

размяряндаться «сильно расплакаться» восходит к глаголу *мя́ряндать* «реветь, кричать», известному в петрозаводских и вытегорских говорах (СРНГ 19: 87). Слово бытует и в пудожских, медвежьегорских говорах (СРГК 3: 285). Слово заимствовано из карельского mörätä «реветь, кричать», финского möristä «реветь, шуметь» (Фасмер III: 30);

нюгайдать «говорить в нос, гнусавить», известное в медвежьегорских и кондопожских говорах (СРГК 4: 57). Слово усвоено из карельскского nühistä, финского nyhistä «фыркать, говорить в нос» (Фасмер III: 92);

шобайдать «говорить тихо, едва слышно, невнятно», зафиксированное в медвежьегорских и пудожских говорах (СРГК 6: 898). В словаре М. Фасмера дано в форме *шабайдать*, *шабандать*. Слово заимствовано из вепсского šäbäitä «производить шум, греметь, рычать», финского sopista «производить небольшой шум, бормотать» (Фасмер IV: 390).

В целом, по мнению Н. И. Комаровой, местные говоры содержат немало «языковых россыпей», обеспечивающих самобытность и яркость русской народной речи.

На третьем конкурсе выступили участники, прочитавшие свои художественные произведения, в текстах которых отражён известный им диалект.

Уже второй раз в конкурсе приняла участие Валентина Ивановна Росликова из посёлка Ламбасручей Медвежьегорского района. Стихотворения Валентины Ивановны написаны на говоре Заонежья, отражающем т.н. заонежское яканье или «ляпанье» — перенос ударения на первый слог, а также произношение под ударением на мес-

те ять «а»: *п»**а**тун*, в *л»**а**си* (в лесу), *м»**а**шак* (мешок), *р»**а**ка* (река) и заударенного «е» как «а»: *о́з»ара*, *с»**и**н»ага* и др. Одни исследователи предполагали, что заонежское «ляпанье» могло явиться следствием воздействия местных карельских диалектов на русские говоры. Однако Б. П. Ардентов считал, что «ляпающие» жители могли прийти на полуостров из акающих местностей России — из области древнего Пскова. Это переселение происходило в эпоху возникновения в псковском говоре аканья (Ардентов: 83).

ПРИТОРОМКО

— За́йди, ко́ мни побесёдуй,
Всё одна́си, да одна́си…
Но́ют ко́сти под погоду,
Ну, ни ка́кой нету спа́си!
— Пр**и**торомко мни, божона,
По́стой, ко́санька, послу́хай,
Не́ту у́ людей закона
Издевляться над старухой!
Хво́рю часто, скоро к Бо́гу,
Там ответ держать придется…
Ну, а нуньку понемногу
Гл**я**жу белый свет в оконце
— Да́вно ль б**ы**ла молоду́ха?
— Всё работала, трудилась…
Нонь — ненужная старуха,
Никому не пригодилась…
Я ж моло́да б**ы**ла бо́йка,
Кросов**и**той да певу́чей,
Ухажоров было сколько!
Выдали на Ламбасру́чей;
Жа́них был, не хаю, сла́вной,
Статью вышел и умишком.
Из семьи богатой, справной,
За́жили своим домишком.

Инной раз к окошку сяду,
Вспоминаю все годочки,
Что прожили вместе к ряду,
Мужа по́мяну, сыночка…
Нету их, уж да́вно нету,
Одна я бобылка стара.
Нет привету с того свету,
За́ что мни такая ка́ра?
Мамка мо́я долго жила,
Видать в ейну я породу.
Сколько сво́их схоронила,
Сколько померло народу!..
— Мни-ко кто закроет гла́за?
Прочитает «отходную»?
Читать нап бы за три раза,
По́прошу тя как родную!
— Этта «смертно» в узелочке,
Да́вно всё уж снаряжёно…
Ска́жу те́бе быдто дочке:
«Приторомко мни, божо́на!»

В 2013 году Валентина Ивановна на базе поселкового клуба организовала фольклорную группу «Бесёдушка». За прошедший год они сделали две программы, две бесёды: Покровскую и Рождественскую, сценарии которых и были представлены на конкурс.

В нашем конкурсе принял участие и коллектив хора русской песни «Питарицы». Этот коллектив ведёт активную работу по изучению, освоению и возрождению пудожского говора. Они восстанавливают тексты традиционных пудожских песен: вспоминают речь своих родителей, своё детство, беседуют с деревенскими жителями, записывают местные слова и выражения. Участники коллектива подготовили и издали сборник песен «Кумушки-подружки», сценарий Никольской зимней ярмарки и музыкального спектакля.

Маслова Галина Васильевна из коллектива «Питарицы» в память о своей матери, Захаровой Елены Васильевны, родившейся в 1914 году в деревне Суйсарь Прионежского района, стала писать рассказы, используя диалектные слова, фонетические и грамматические явления.

В этих историях описываются события, которые произошли с ее мамой и окружавшими ее людьми.

Деятельность местных краеведов направлена на изучение и сохранение историко-культурного наследия своего края, распространение краеведческих знаний. Такая повседневная, кропотливая работа воспитывает в детях любовь к своей стране, своей «малой Родине». Иначе не было бы и стихов, написанных от души, «от сердца»:

АЗМАТОВА Виктория:

КАРЕЛИЯ

Люблю тебя я, край родной!
Красивый и любимый мой!
И если даже уеду я,
Родину свою не предам никогда!
Там, где всюду озёра,
Всюду леса…
Любимая Карелия моя!
Хоть и на карте она мала,
Но для меня очень даже велика.
И тот, кто не бывал в Карелии родной,
Тот не видал красоты такой.
И когда звезда упадёт для меня,
Желание одно загадаю я:
Остаться жить здесь навсегда.

РОДИНА

Птице — небо,
Рыбе — вода,
А мне только одно —
Родина моя!
В ней и поля, и моря,
И цветы.
В ней города
И перед закатом мосты.

Ручьи здесь журчат.
И птички поют.
Пчёлы жужжат
И матери ждут.
Родина была.
И будет всегда!
В сердце сохраню её
Навсегда!

Источники:

1. *Ардентов Б. П.* К изучению заонежского диалекта // Учёные записки Кишинёвского гос. университета. Т. 15. Кишинёв, 1955. С. 73–90.
2. СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–2005. Вып. I–VI.
3. СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сорокалетов. Л.; СПб., 1965. Вып. 1.
4. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М: Изд-во «Прогресс», 1964–1973. Т. I–IV.

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ ПСКОВСКОГО КРАЯ

(к выходу мультимедийного издания)[1]

Н.В. Большакова
(Псков),
кандидат филологических наук, заведующая Научно-образовательной лабораторией региональных филологических исследований ПсковГУ;

Г.И. Площук,
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории региональных филологических исследований

Сказка представляет собой универсальный текст, в котором отражается такая «область духовного творчества» [5, с. 17] народа, где встречается вымысел и реальность, прошлое и настоящее, опыт взрослого и ребёнка, мифологическое сознание и обращённые к современности нравственные нормы поведения. Нет, таким образом, необходимости дополнительно мотивировать обращение к произведениям этого жанра как исследователей, так и публикаторов. Объектом нашего внимания стали тексты необработанных народных сказок, записанных на Псковщине в период с 70-х годов XX века. В 2004 году был опубликован небольшим тиражом сборник «Сказки Псковской области» [7]. Ограниченная доступность книги, а также существенное пополнение архива самобытных текстов стали причиной нового обращения к псковским сказкам. Кроме того, за прошедшие 10 лет появилась необходимость нового прочтения текстов в свете сформировавшихся современных научных направлений исследования устной речи.

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-14-60001.

Подготовленное в 2014 году [2] и выпущенное вторым изданием в 2016 году [3] собрание псковских сказок не является простым переизданием предыдущего. В Лаборатории региональных филологических исследований ПсковГУ (сотрудники которой подготовили издание) с момента её образования на базе двух архивов — фольклорного и диалектного — осуществляется программа внедрения информационных технологий в работу с объединённым архивом и создания на этой основе электронной библиотеки текстов регионального характера «Pskoviana». Первый такой опыт электронной обработки материалов был обобщён в 2012 году, когда было завершено создание трёх электронных баз данных, в том числе и база «Сказки Псковской области» (свидетельство о государственной регистрации № 2012620530). В продолжение этой работы в 2015 году была сформирована технически более совершенная и значительно дополненная материалом электронная база, также получившая свидетельство о государственной регистрации (№ 2015621794).

Концепция нового мультимедийного проекта, посвящённого региональным текстам сказок, состоит в объединении в новой, специально созданной, электронной базе данных архивных текстов необработанных народных сказок, верифицированных по аудиозаписям, самих аудиофайлов, а также научных комментариев, словаря диалектных слов и необходимого справочно-информационного аппарата (все перечисленные позиции отражены в интерфейсе страницы издания). Во второе издание внесены уточнения (главным образом в семантизацию диалектных слов), расширен контент за счёт очерков о наиболее выдающихся псковских сказителях.

Мультимедийное издание в виде электронной базы данных содержит комплексную информацию о псковских сказках. Основную часть издания составляют, конечно, сами тексты сказок и песен сказочного характера — всего 215 единиц, 91 из которых сопровождается аудиозаписями. Публикуемый корпус текстов в значительной степени расширен за счёт новых экспедиционных записей. Новые тексты расшифрованы, а прежние «расшифровки» отредактированы с учётом современных научных направлений в изучении устной коммуникации. Такой подход потребовал более полного отражения характерных диалектных черт речи исполнителей, а также сохранения коммуникативных особенностей устного диалектного дискурса, к числу

которых относятся автокомментарии рассказчиков, повторы, самоперебивы, дискурсивные слова, вокализованные паузы, некоторые невербальные средства (чаще всего смех, иногда описание жестов).

Каждый текст снабжён комментариями с указанием сюжетов и мотивов сказок со ссылками на авторитетную литературу по фольклористике. Комментируются также особенности текстов, связанные с условиями экспедиционной записи, манерой исполнителя.

В электронной базе данных предусмотрена система поиска по ряду признаков: по названию сказки, жанру, по информанту, собирателям, по году и месту обследования, по историко-культурной зоне на территории современной Псковской области.

Мультимедийный проект подготовлен Научно-образовательной лабораторией региональных филологических исследований Псковского государственного университета (содержательная часть) при участии Центра народного творчества Псковской области (разработка приложения для электронной базы данных, модель дизайна).

Специалисты по псковскому фольклору уже высказывались, демонстрируя «псковское лицо» народной сказки [1, 4]. Псковский фольклор справедливо признаётся частью общерусского фольклора, а тексты сказок, записанных в экспедициях, обычно представляют варианты известных традиционных сказочных сюжетов [4]. При большой устойчивости, традиционности фольклорный текст текуч, изменяем и существует в вариантах: такова природа фольклора. Варьирование, таким образом, — одно из важнейших проявлений творческого процесса в фольклоре.

Ярким примером отражения региональных черт является сказка №103 (66) «Как дед другую жену искал», записанная в деревне Паново Опочецкого района. Сюжет разыгрывается в хорошо знакомых рассказчику и слушателям географических реалиях: в поисках новой жены вместо своей, надоевшей, герой отправляется *«сначала в Мякишево — это в ближайшую деревню»*, затем — *«дальше туда к Алолям»*. Слушатель как бы следует вместе с героем по намеченному маршруту и фиксирует ландшафтные детали. Например, когда герой направляется *«к Алолям»*, то отмечает, что *«там река течёт-бежит, хорошая, студёная»*. Речь идёт об известном гидрониме (сейчас это Пустошкинский район) — правом притоке реки Великой реке Алоль. С этими наименованиями — деревня Алоль, река Алоль,

большое озеро Алоль — в настоящее время связано известное курортное место на Псковщине, расположенное сейчас на магистральной автомобильной дороге. Эта сказка — одна из немногих, где в изобилии содержатся местные топонимы; здесь в разговоре персонажей упоминаются также Псков, районный центр Опочка. Герой сказки, попадая в чужие деревни, к своему разочарованию, везде наблюдает абсурдное поведение местных женщин и в результате возвращается «*к своей бабке*», «*обратно в Паново*», поняв, что здесь «*бабы лучше*». Таким образом, мы узнаём и исходный пункт следования героя. Итак, слушатель как бы «проходит» вместе с рассказчицей до пункта назначения и обратно примерно 60 километров. Такую форму композиции фольклорного произведения выдающийся теоретик фольклора В.Я. Пропп относит к древнейшим, когда «путь героя как бы представляет ось повествования», причём стремительность и непрерывность развития действия, совершаемого в пространстве, исключает реальное представление о времени [6, с. 92–93]. Таким образом, выявив очевидные признаки реальности в виде не свойственного сказочному тексту обилия местных топонимов, мы одновременно обнаруживаем универсальные и даже глубоко архаичные черты.

Другим важнейшим признаком текстов псковских сказок является включённость в ткань повествования традиционного обрядового быта, в частности элементов свадебного обряда. В тексты сказок органично входят свадебная песня, причитание, поверье о свадебном каравае. Так, в сказке №115 (74) «Как сваты пастуха о невесте расспрашивали» ответ пастуха (*Если бы она была хорошая, то ей бы и тут жаних нашёлся. И если б в вас был бы жаних хороший, то он бы там нявесту нашёл!*) почти дословно воспроизводит свадебную корильную песню, записанную в Себежском районе (псковский архив):

Хороша б невеста —
Нашла б ближе жениха!
Если б был жених хороший,
Не поехал б за сто вёрст.

Публикуемые сказки обнаруживают связь с различными фольклорными жанрами (быличками, поверьями), бытующими на территории Псковской области: например, представление о том, что

от зубной боли можно избавиться, поковыряв в больном зубе заговорённой щепочкой; поверье о дворовом (ипостась домового); поверье о том, что баня — это обиталище нечистых.

Оригинальные черты придаёт псковскому собранию тот факт, что в нём есть сказки, сюжеты которых не учтены в известных указателях сюжетов. К таким относятся: №148 (102) «Как поп в работники нанялся»; №104 (67) «Про сапожника и его жену»; №105 «Про деда и бабу»; №124 (82) «Жулик и мужик»; №118 (77) «Как невеста на свадьбе голосила»; №151(105) «Как цыган и мужик солнце уговаривали»; №№149, 150 (103,104) «Молонья, моргани!» («Как цыган / мужик огурцы воровал»). В псковском архивном собрании присутствуют также сказки, сюжеты которых или входящие в них сюжетные мотивы известны лишь по единичным публикациям: №19 (12) «Сказка про волка»; №47 (29) «Хромоногая уточка»; №86 (54) «Про Ивана и Марью»; №95 (61) «Кто первый рассердится»; №96 (62) «Барин и работник»; №12 (83) «Как баба свинью замуж отдала».

Таким образом, специфику сказочным текстам придает всё: условия бытования, социальная и фольклорная среда; наконец, функция, которую выполняет сказка. Кому была адресована традиционная сказка? Конечно, в первую очередь, как и сейчас, детской и подростковой аудитории. Сказка (не как исполнительский фольклорный жанр, а как факт традиционного семейного воспитания, как факт социализации молодёжи) всегда содержала в себе интенцию наставничества. Эту особенность сказки психологи оценивают как универсальную, которую возлагают на себя старшие члены сообщества в стремлении передать накопленный опыт: конкретные навыки, рациональные, эмоциональные и деятельностные способы разрешения проблем (в том числе, социальных), идейные и моральные установки [8]. Вместе с тем, в материалах псковского архива есть указания на существование в недавнем прошлом традиции рассказывания сказок и во взрослой аудитории.

Деятельность полевых исследователей народной речевой культуры и языка по собиранию, хранению и презентации текстов приводит к пониманию многоаспектного характера собранного архивного материала. Синтетическая природа самой народной сказки определила и междисциплинарный характер издания: над ним работали как фольклористы, так и диалектологи.

Хорошо известно, что в основе вербальных форм фольклора лежит диалектная основа национального языка. В звучании и в «расшифровках» текстов сказок отражены характерные особенности псковской народной речи. Многие тексты свидетельствуют о том, что рассказчик, перебивая себя, вынужден вводить пояснения языкового и этнолингвистического характера. Так, например, в текст сказки №180 (127) «Купец и волшебная монета» информант включает пояснение для слова армяк, называющего вид старинной крестьянской одежды: *Идеть-идеть, а карман всё почему-то тяжелееть, даже полу армяка* [оттянуло] (*армяк — это такое вроде пальто без подкладки из самотканого сукна*). *Пощупал Назар карман, а он полон золотых!*; в №19 (12) «Сказке про волка» рассказчица объясняет этнографизм *оборы/оборины: Раньше старик со старухой носили лапти, портянки закручивали оборам: тесёмки такие. И эта оборина с-под корыта у бабы и торчала. А старик на печку спрятался.*

Указанные причины определили необходимость создания особого словаря, составленного нами с целью истолкования диалектных слов, называющих нередко уже забытые понятия и реалии. В словаре получили описание более 450 единиц, значительную часть которых составляют диалектные слова, отражающие местные этнографические особенности: *головка* — «мера льноволокна, равная 8 килограммам; голова»; *кладка* — «деревянный помост, мостки у берега водоёма для полоскания белья, купания, рыбной ловли»; *мех* — «вместилище в виде большой сумы из грубой ткани для хранения и переноски чего-нибудь; мешок» и мн. др.

Тематические группы этнографической лексики в текстах сказок представлены неравномерно, количественный состав может быть обусловлен жанровой спецификой текстов. Так, многие сказочные мотивы связаны с русской печью, соответственно, сама печь, её конструктивные части, печные принадлежности и предметы, используемые для приготовления пищи, составляют большой блок этнографизмов: *загнет* — «площадка в русской печи перед челом; загнетка, шесток»; *заслона/заслонка* — «приспособление в виде железного листа с ручкой, закрывающее устье русской печи»; *ленуха* — «кирпичная пристройка к русской печи для лежания; лежанка»; *подпечка* — «углубление, пространство внизу русской печи, где обычно сушили дрова, обувь, зимой могли держать кур»; *чело* — «сводчатое отверстие

в передней части русской печи, куда закладывались дрова, ставились чугуны для приготовления пищи»; *отымка* (в сочетании *отымка горшечная*) — «тряпка, которой прихватывают горячую посуду, горшки»; *чепельник* — «рукоятка сковородника».

Представленность лексики прядения и ткачества также может быть объяснима особенностями поведения сказочных героинь, которые, занимаясь рукоделием, нередко должны пройти испытание, показав своё мастерство. Кроме того, кудель в славянских обрядах являлась символом невесты, женщины вообще: *кудель* — «льняное волокно, приготовленное для прядения»; *повес* — «мера льняных ниток или пряжи (обычно небольшая); повесмо/повесьмо»; *новинка*, мн. *новинки / новиночка* — «только что вытканный холст, домотканое полотно»; *точиво* — «домотканое льняное полотно простого изготовления»; *кросёнцы* — «всё тканое в домашних условиях (на ткацком станке — кроснах): холст, полотенца, половики и т.п.»; *став* — «домашний ткацкий станок, предназначенный для выработки холста»; *поножи* — «ножная педаль ткацкого станка, с помощью которой ткачиха управляет нитями, попеременно поднимая и опуская их».

Состав этнографической лексики формируется за счёт таких тематических групп, которые отражают особенности быта, хозяйственной деятельности населения данного региона, куда входят наименования построек, хозяйственных бытовых предметов, названия традиционной одежды, пищи. Так, народная гастрономия представлена в сказках лексемами: *колотуха* — «мучная каша (чаще из гороховой муки)»; *комы*, мн. — «клецки из муки или тёртого картофеля».

Частотна в текстах сказок лексика, именующая крестьянскую одежду и обувь, — как старинную, так и относительно новую: *боты* — «невысокая обувь из кожи, ботинки»; *зипун* — «старинная верхняя крестьянская одежда в виде кафтана»; *оборы/оборки/оборины*, мн. — «специальные завязки, тесёмки (тканые, плетёные или кожаные) для привязывания лаптя к ноге, обвивающие онучи»; *онучки*, мн. — «широкие полосы плотной материи, навёртываемые на ногу при ношении лаптей; онучи, портянки»; *ситцевик* — «сарафан из ситца (ситец — хлопчатобумажная покупная, не домотканая, материя)».

Таким образом, подготовленное издание не только отражает самобытные черты псковского фольклора на материале сказки как одного

из классических фольклорных жанров, но и является информационно насыщенным памятником традиционной русской народной культуры и языка.

Источники:

1. Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из фондов Фольклорно-этнографического центра. В 2 т. / Автор проекта, составитель, научный редактор А.М. Мехнецов. — СПб.; Псков: ОЦНТ, 2002.
2. Народные сказки Псковского края: мультимедийное издание / Под ред. Н.В. Большаковой, Г.И. Площук. Составители: Н.В. Большакова, Л.Б. Воробьёва, Н.Ф. Лищенко, З.В. Митченко, М.И. Муратова, Г.И. Площук. Разработчик приложения для ЭБД: А.М. Чиликин. — Псков, 2014.
3. Народные сказки Псковского края: мультимедийное издание / Под ред. Н.В. Большаковой, Г.И. Площук. Составители: Н.В. Большакова, Л.Б. Воробьёва, З.В. Митченко, М.И. Муратова, Г.И. Площук. Разработчик приложения для ЭБД: А.М. Чиликин. — Изд-е 2-е, испр. и доп. — Псков, 2016.
4. *Площук Г.И.* Сказки Псковской области из фонда фольклорного архива Псковского государственного педагогического института // Сказки Псковской области / Под ред. Г.И. Площук. — Псков: ПГПИ, 2004. — С. 19–55.
5. *Пропп В.Я.* Специфика фольклора // Фольклор и действительность. Избранные статьи. — М.: Наука, 1976. — С. 16–33.
6. *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность // Фольклор и действительность. Избранные статьи. — М.: Наука, 1976. — С. 83–116.
7. Сказки Псковской области / Под ред. Г.И. Площук. — Псков: ПГПИ, 2004.
8. *Сопикова Т.А.* Сказка в контексте геронтософии // Философия старости: геронтософия. Сборник материалов конференции. Серия «Symposium», выпуск 24. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. — С. 85–88. — URL: http://www.library.by/portalus/modules/philosophy

ГРАД СВЯТОГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА

И. А. Новиков
(Челябинск),
кандидат исторических наук,
доцент Кафедры отечественной истории и права
Челябинского Государственного педагогического университета,
член Совета СКР

Одним из наиболее известных Святых раннего периода христианства и Византийской империи является Иоанн Златоуст (347–407) — богослов, архиепископ Константинопольский, который почитается как один из трёх Вселенских святителей и учителей вместе со святителями Василием Великим и Григорием Богословом. Защитник бедных и убогих, правдолюбец, гонимый завистниками, он скончался по дороге в ссылку на территории современной Абхазии в Команах 14 сентября 407 года. Посмертная слава Иоанна Златоуста была столь велика, что в 438 году его мощи были торжественно перенесены в Константинополь, в храм Святых Апостолов [1].

На северо-западе России память об Иоанне Златоусте нашла должное отражение как в названии одной из башен на западной стороне Новгородского кремля, так, что нас особенно поразило, и наличие икон, на которых изображён лик Святого, которые мы увидели во время проведения III Псковских краеведческих чтений и посещения экспозиции древнерусской живописи в музее Пскова: «Иоанн Златоуст», и «Свт. Иоанн Златоуст и Рождество Христово», и «Царские врата» [2]. Златоустовская башня была воздвигнута в конце XV века на основании более древней постройки. Своё название она получила от стоявшей неподалёку церкви Иоанна Златоуста, возведённой ещё в XIV веке и существовавшей до 1694 года. [3].

Единственный город не только в России, но и в мире, наречённый в честь Иоанна Златоуста, находится в Челябинской области — город

Герб Златоуста

Крылатый конь — символ Златоуста.
Фото Новиков И.А., 2014 г.

мастеров и оружейников Златоуст, расположенный в 120 километрах от областного центра и примерно в 2000 километрах от Москвы, на границе Европы и Азии, в межгорье красивых Уральских хребтов Уралтау, Уреньга и Таганай. Мы уже вскользь обращались к истории города и завода на предыдущих Псковских краеведческих чтениях [4]. Выбор темы исследования объясняется в сохранении исторической памяти об одном из самых почитаемых Святых — Иоанне Златоусте, частицы мощей которого захоронены на Южном Урале. Тем более что шестые Псковские краеведческие чтения проходят в одном из святых мест России — Свято-Успенском Псково-Печерском монастыре.

Своим появлением город Златоуст обязан чугуноплавильному, железоделательному и медеплавильному заводу, основанному в 1754 году. Начиная с Петра I, металлургическая промышлен-ность является основой экономики Урала. Петровская модернизация коренным образом изменила положение России и вывела её в число мировых держав, одним из составляющих стало создание крупной горнозаводской (металлургической) промышленности. Благодаря деятельности Оренбургской экспедиции, при Анне Иоанновне был

основан Челябинск, среди первопоселенцев которого были и выходцы из северо-западной России. Промышленный вектор, затронувший сначала территорию Среднего Урала, при Елизавете Петровне с середины 1740-х годов, распространился и на Южный Урал. Всего за XVIII век на Урале было построено более 170 заводов [5], в том числе и Златоустовский завод, которые выпускали высокосортный металл, что делало возможным удовлетворение не только своих внутренних потребностей, но и его отправку на европейский и среднеазиатский рынок.

Лидерами в строительстве заводов на Южном Урале выступили симбирские купцы И.Б. Твёрдышев и И.С. Мясников. Однако не меньшее число заводов было построено стараниями тульских купцов Мосоловых и Л.И. Лугинина. Именно им Златоуст обязан своим появлением. От тульских оружейников ведёт своё происхождение заводчик Максим Перфильевич Мосолов с братьями Алексеем, Иваном Большим и Иваном Меньшим. Они ничем не отличались от других оружейников, владея в 1721 году всего лишь ручной домницей и двумя железцовыми кузницами. Однако в конце 1720-х — 1730-х годов произошёл их стремительный рост. К середине века у Мосоловых было шесть заводов, разбросанных по губерниям центра страны. Производственная мощность доходила до 50 тысяч пудов чугуна в год, поэтому часть их продукции отправлялась на экспорт [6].

В середине XVIII века доменная металлургия постепенно покидает Тульско-Каширский металлургический район из-за лесного кризиса, который делал производство металла нерентабельным. Поэтому Мосоловы вслед за своими земляками Демидовыми, Г.С. Красильниковым и Я.Р. Коробковым обращают свой взор на Южный Урал. В 1751 году Иван Меньшой в составе семейной компании участвовал в покупке у П.И. Осокина Нязе-Петровского завода. Одновременно по соседству он покупает место по реке Уфалею для строительства Уфалейского доменного и передельного завода [7]. В этом же году, 11 ноября, благодаря И.М. Мосолову был заключён контракт на строительство ещё одного завода «в Исецкой провинции внутри Башкирии в Куваканской волости на речке Сатка и Куваши … железного завода, именуемого Златоустовским» [8]. Тщательно исследовав определённое место, он пришёл к выводу, что ввиду их маловодности и недостаточного количества лесных массивов это сделать невозмож-

Памятник Иоанну Златоусту. Фото Новиков И.А., 2015 г.

но. Поэтому просил Оренбургскую губернскую канцелярию перенести строительство завода на новое место, при впадении речки Тасма в Ай. 31 августа 1754 г. разрешение было получено [9]. С этого времени и ведёт своё начало Златоустовский завод и город Златоуст.

Почему Мосоловы решили назвать свой новый завод «Златоустовским», сказать уже невозможно. Существуют следующие версии наименования. Во-первых, выбор имени был определён тем, что контракт в 1751 году был заключён накануне дня Иоанна Златоуста (13 ноября). Во-вторых, что икона с образом Иоанна Златоуста была фамильной у Мосоловых [10]. В-третьих, заводимый за-вод находился в окружении вотчинных земель башкирского населения, поэтому названия дава-лись: Благовещенский, Воскресенский, Преображенский, Троицкий, Златоустовский, то есть в честь христианских

Соборная (Арсенальная) площадь и Златоустовский завод.
Фото Прокудин-Горский С.М., 1909 г.

праздников; в-четвёртых, свою роль могла сыграть общероссийская традиция наименования населённых пунктов в честь своих небесных покровителей: Санкт-Петербург, Нязе-Петровский, Авзяно-Петровский, Кано-Никольский, Катав-Ивановский завод, «назвавши его Златоустом во имя Ангела одного из заводчиков» [11]. За два с половиной века история с именем города обросла большим количеством версий и легенд. Но вероятнее всего, и в этом можно полностью согласиться с златоустовским краеведом А.В. Козловым, что заключение первоначального контракта 11 ноября 1751 года, накануне дня Святителя Иоанна Златоуста 13 ноября, было обусловлено тем, что Иван Мосолов решил приурочить это событие ко дню своих именин [12]. Осталось только найти метрически подтверждённую запись о рождении Ивана Мосолова, чего пока, к сожалению, не удалось.

Во второй половине 1920-х гг. в местной печати неоднократно звучали призывы переименовать город. В городскую газету «Пролетарская мысль» все жители Златоуста могли присылать свои варианты названия нового социалистического города. Предлагались различные наименования — как географические, производственные, так и революционные, в том числе в честь видных деятелей революции и гражданской войны в Советской России и на Урале: Южноуральск, Стальск, Краснознаменск, Пролетарск, Назаровск, Будённовск, Калининск и другие. «Пролетарская мысль» писала: «Домохозяйка Ездакова предлагает переименовать в "Калинингорск", комсомолец ячейки № 8 Мурдасов предлагает название "Будёновск", рабочий оружейной фабрики Шестерин в "Новотесьминск" или "Тесьминск", домохозяйка Портнова предлагает "Уралостальск". Рабочий косного цеха Шишкин хочет, чтобы город был переименован в "Первомайск", машинистка заводоуправления метзавода Макарова — в "Горноуральск", рабочий метзавода Петрус предлагает "Краснозубовск" в честь известного Златоустовского большевика В.П. Зубова. Преобладают пока предложения о переименовании со «стальными» названиями: "Сталегорск", "Горностальск", "Сталезаводск", "Уралостальск" …» [13].

По нашему мнению, самое «шикарное» название предложил безработный Сергей Анисимович Гаврилов: «Товарищ редактор прошу сообщить в газете Пролетарской мысли в том, что я заявляю город Златоуст назвать Интернационалград в сокращенном Интерналград. На это я могу дать объяснение, хотя не могу обрисовать полностью всю гарантию этого имени. В виду того что я мало развит. Эта песня «Интернационал», сделавшаяся международной песней рабочих всех стран, интернационал эта наш народный гимн всего пролетариата. Здесь в Златоусте большая сила рабочих и имели большие революционные воздействия. Это Златоуст должен быть назван Интерноградом, будет сердцем ни забыта завоевания наша Трудовая Революция [14].

В письмах-предложениях о новом наименовании Златоуста выделяются два с объяснением причи-ны: антизлатоустовское и в защиту названия. Мастер Оружейной фабрики Сордуков писал: «Златоуст … до сего времени носит название Святого Иоанна Златоуста, что для нашего времени не может быть утешением, так как ряд заводов, носивших подобные названия, давно уже переназваны, а поэтому нам златоустовцам также надоело жить в золотых устах святого …» [15].

Рабочий центрального инструментального цеха механического завода Борисов объективно и убедительно рассудил, что «целесообразно ли будет пириеминовать Златоуст какия обстоятельства заставляют вами только мотивируясь тем что Златоуст якобы происходит от святого Ивана Златоустовского то но не придает совсем некого значения потму что сама масса забивает всех свитых да притом от периеменования Златоуста пострадает наш местной бюджет на несколько десятков тысяч да еще придется пириемновать и Самаро-Златоустовскую желдорогу сюда тоже уйдет много денег горсовету и комитету нужно учесь весь дефицит сколько мы потеряем от периеменования и винести на широкое обсуждение рабочих мас нам рабочим часто приходится отрабативить часа по два на разные культнужды и т.д. Не лучше ли будет отказатся от периеменования и Златоуст так оставить Златоустом и ети с экономить несколько десятков тысяч рублей. Которые … бросить на строительства … и культучреждений [16].

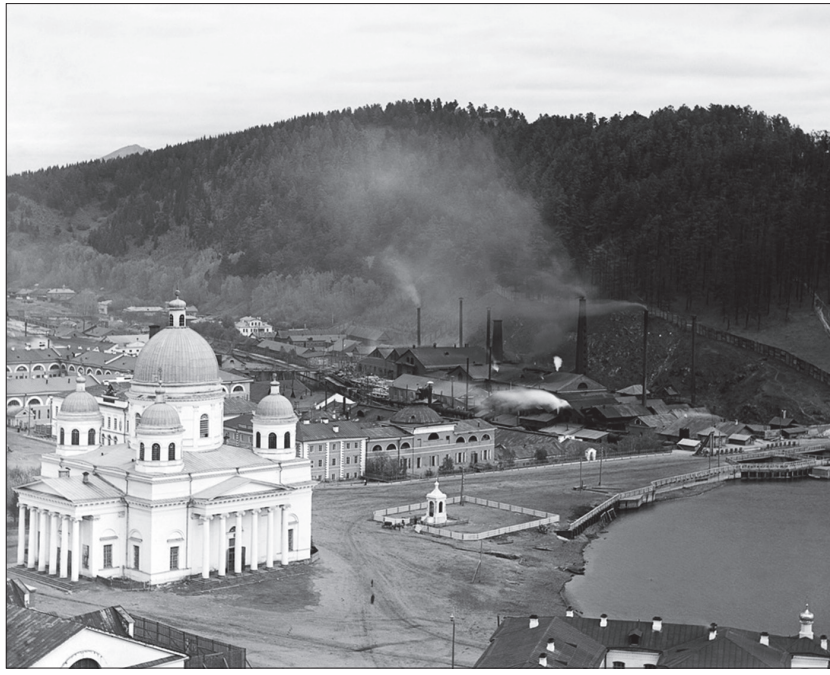
Но вождю мирового пролетариата И. В. Сталину исполнялось 50 лет и в городскую газету стали поступать письма-предложения, письма-требования: «Сталинск вместо — Златоуста», «Златоуст в Сталинск», «Желание тысяч», «Метзавод имени Сталина» и др. «В редакцию газеты поступило письмо от группы рабочих механического завода. … В ознаменование 50-летней годовщины тов. Сталина, мы вносим на обсуждение общественных организаций, всех рабочих и бедняцко-середняцких слоев крестьянства, всех трудящихся предложение о том, что наш город Златоуст переименовать в город Сталинск, а округ считать Сталинским округом. … Город Златоуст должен стать Сталинском» [17].

«Закрытие ряда церквей в Златоусте и в округе говорит само за себя. Поэтому все, что напоминает о религии (имя «святителя» Иоанна Златоуста) — чуждо рабочему классу Южного Урала. Хотя прямого указания, что название города произошло именно от названия «святителя» и нет, но рабочая масса об этом не знает. Желая ознаменовать 50-летие со дня рождения вождя компартии и мирового пролетариата — И. Сталина, трудящиеся Златоуста просят присвоить название центру Южного Урала — Сталинск еще потому, чтобы лишний раз подчеркнуть стремление продолжить дело Ильича, верным и стойким последователем которого является генеральный секретарь ВКП(б).

Рабочие Южного Урала своим желанием о переименовании Златоуста в Сталинск тем самым обещают и впредь стойко стоять на передовых позициях по укреплению экономической мощи первого в мире пролетарского государства. Сталинск вместо Златоуста — вот просьба рабочих Южного Урала к советскому правительству [18]. «Рабочие Златоустовского метзавода в количестве 1000 с лишним человек высказались за то, чтобы в честь 50-летнего юбилея тов. Сталина метзаводу следует дать название «Метзавод имени тов. Сталина» [19].

21 декабря 1929 года пленум Златоустовского окружного исполнительного комитета в городском театре при большом скоплении рабочих и служащих принял постановление: «Переименовать город Златоуст в город Сталинск (на Урале) и округ — Сталинский (на Урале)» [20]. На следующий день в президиум ВЦИК была послана телеграмма о решении: «В день пятидесятилетнего юбилея рождения генерального секретаря партии Иосифа Виссарионовича Сталина торжественное заседание объединенного пленума окрисполкома Златоустовского горсовета совместно рабочими златоустовских заводов, посылая Вам пламенный привет, постановляет: учитывая просьбу, желание рабочих златоустовских заводов, население округа о переименовании Златоуста ознаменование пятидесятилетнего юбилея Сталина город Златоуст переименовать Сталинск, округ сталинский ходатайствуем утверждении. Президиум» [21].

Решение о переименовании было рассмотрено 13 января 1930 г. на заседании административной комиссии ВЦИК и не получило одобрения: «… не возражая против самого переименования, нашла, что переименовать гор. Златоуст в Сталинск является невозможным по следующей причине. Предлагаемое переименование в Сталинск и Сталинский будет неизбежно вызывать ряд недоразумений как по линии Наркомпочтеля, так и по линии Наркомпути Союза ССР, т.к. на территории Союза уже имеются города, ж.д. станции и др. адм. единицы с созвучным названием. … По этому вопросу получено заключение заинтересованных ведомств; причем ни Наркомпочтель, ни Наркомпути, в принципе, не возражают против переименования, все же считают невозможным переименовать гор. Сталинск. Со своей стороны Наркомпочтель Союза ССР, рекомендует переименовать гор. Златоуст в гор. Коба на Урале, а округ — в Коба Уральский округ, назвав, таким образом, и город /станцию/ и округ подлинной



Свято-Троицкий собор и дымящиеся цеха Златоустовского завода.
Фото Прокудин-Горский С.М., 1909 г.

кличкой тов. Сталина … [22]. Таким образом, ВЦИК решение местной власти не утвердил, и город сохранил своё историческое имя — Златоуст.

Однако вернёмся в середину XVIII века. Все намеченные проекты Мосоловых по строительству Златоустовского и других заводов на Южном Урале оказались под угрозой в связи с начав-шимся разделом их семейного имущества. Кроме того, после выхода в 1754 г. Указа Сената «Об уничтожении всех хрустальных, стеклянных и железных заводов в двухстах верстах от Москвы» [23]. Они потеряли до 100 тысяч рублей, так как большая часть их заводов располагалась в запрещённой полосе и пошла на слом. Поэтому вслед за расцветом и благополучием промышленной компании Мосоловых наступил её кризис. После хозяйственных потрясений и скандального раздела имущества в 1759 году всё хозяйство было разделено между враж-

довавшими братьями и племянниками и в скором времени пришло в упадок. По жребию строящийся Златоустовский завод 11 сентября 1759 года «в вечное владение досталось ему Максиму Мосолову … для достройки … послал туда прикащика Григорья Степанова и с ним … денег знатную сумму и немалое число работных людей и велено ему в наймах в работу людей … строить, чтоб как возможно наискорее тот Златоустовский завод нынешним годом в действие пустить …». Для «расширения и распространения того заводу» он перевёл на Южный Урал 485 душ крепостных и приписных крестьян с подмосковных заводов и деревень [24]. Поверенной М.П. Мосолова Алексей Григорьев доносил в 1760 г. в Берг-коллегию, что «новостроящийся Златоустовский завод которой ныне достраиваетца силною рукою и приходит к совершенному действу и для скорейшаго во оное действо приведения ныне при том заводе жительство имеет сын ево господина моего Василий Масалов неотлучно к всему» [25]. Возводимый Златоустовский завод представлял собою миникрепость и имел «к охранению орудия яко то пушки, картечи» [26]. 14 августа 1761 г. Златоустовский завод вступил в строй и стал чугуноплавильным, железоделательным и медеплавильным [27]. После смерти в 1768 году М.П. Мосолова завод достался его старшему сыну Василию, который продал его за 85 тысяч рублей компаньону торгово-промышленной компании «Максим Мосолов и братья» Л.И. Лугинину [28].

Лугинины — одни из крупнейших купцов и владельцев мануфактур по изготовлению парусного материала России середины XVIII века. Их годовой оборот составлял более 600 тысяч рублей. Они вели торговлю со многими европейскими странами, Китаем, Персией, государствами Средней Азии. При строительстве Мосоловыми первых заводов И.К. Лугинин являлся их компаньоном. Однако только в конце 60-х годов его сын Ларион Иванович начинает активно вкладывать капиталы в горнозаводскую промышленность, в том числе и Южного Урала. Л.И. Лугинин, планируя значительно расширить заводское производство, переводит на Южный Урал «состоящих в Тульском полусельце Крюкове да в Орловском уездах в селце Андреянове» 55 крепостных крестьян, а затем ещё 412 «Тульской губернии Алексинского уезду с Покровской полотняной и бумажной фабрик, водяным путем на судах до Казанского наместничества, а от толь следовать сухопутно в Уфимское и Пермское

наместничествы, на железные и медные вододействуемые Златоустовский и вновь заводимой Артинской мои заводы для исправления заводских работ» [29], а также часть мастеровых с Саткинского завода. Кроме того, в 1772 году он купил у П.А. Демидова «на слом» три завода: Корельский, Верхне-Чугунский и Нижне-Чугунский в Нижегородской губернии, а крестьян 414 душ м.п. перевел на Златоустовский завод [30]. Вследствие чего один из заводских посёлков стал называться Демидовкой, а одна из улиц Чугуновской, названия которых сохранились до настоящего времени.

Во время крестьянской войны завод был сожжён, работающие на нём уведены, а несогласные — убиты. По свидетельству Пермского Духовного правления, в Златоустовском заводе — Трехсвятительская церковь с тремя пределами, один из которых был назван в честь Иоанна Златоуста, «с 113 дворами разграблена и сожжена башкирцами и русскими бывшими в злодейской шайке» [31]. Общие убытки Л.И. Лугинина оценивались в 393 тысячи рублей. На их восстановление получил ссуду от государства в 102 тысячи рублей и к 1776 году восстановил производство. Л.И. Лугининым на вновь восстановленном Златоустовском заводе были построены две доменные печи, 6 медеплавильных и 20 кричных горнов с молотами, он одним из первых на Урале ввёл производство сырцовой стали, листового железа, чугунной посуды, прокатное и якорное производства. В полутора верстах от главного располагался Нижне-Златоустовский завод, действовавший как один из передельных цехов главного. Завод был ограждён стенами с караульными башнями и напоминал крепость [32]. В заводском посёлке Л.И. Лугинимым была восстановлена церковь во имя Трёх Святителей, для которой он, по преданию, купил и привёз из Новгорода колокол, отлитый в Любеке в 1664 году [33], открыл для мастеровых и работных людей госпиталь, а для их детей трёхклассную школу [34]. Л.И. Лугинин поселился на Златоустовском заводе, построив в 1783–1785 гг. двухэтажный каменный дом с мезонином, садом, огородом, оранжереей, прудами и конюшней [35], который в перестроенном виде сохранился до сих пор и в нём располагается Краеведческий музей.

После смерти Л.И. Лугинина в 1785 году его состояние оценивалось в 2 млн. 477 тыс. 375 руб. и Златоустовский завод достался внуку Ивану Максимовичу, который управлял заводом из Москвы

Арсенал, почтовая карточка начала XX века. Фото Метенков В.Л.

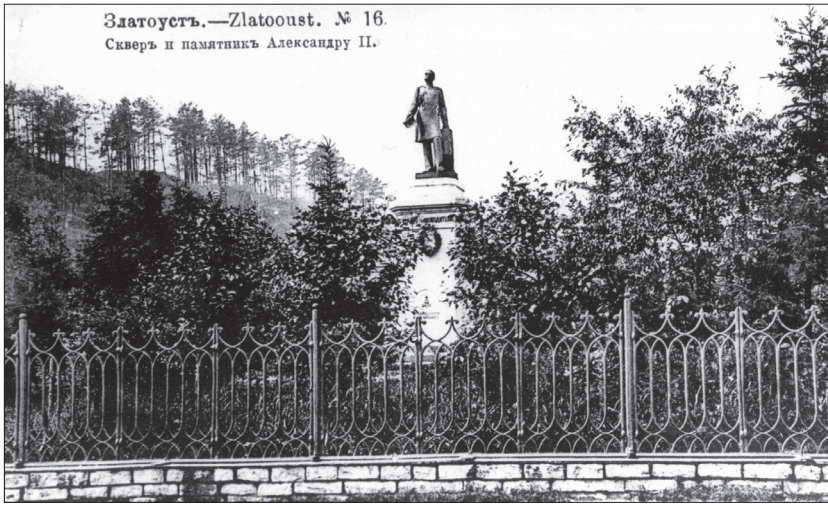
и довёл дело до финансовых затруднений [36]. В 1797–1801 годах завод находился в подвешенном состоянии, так как Сенат и Берг-коллегия не могли определить или взять его в казну, или отдать в частное содержание, так как за долги завод находился под управлением Государственного ассигнационного банка [37]. С 1801 по 1811 гг. — под управлением московского именитого первой гильдии купца А. А. Кнауфа [38]. В 1811 году, неожиданно, было объявлено, что за долги Златоустовские заводы переходят под управление казны. Таким образом, с 1811 по 1917 гг. они находились в ведении Горного департамента. В Отечественной войне 1812 года и заграничных походах русской армии 1813–1814 годов большую роль сыграл наш Южноуральский край, в том числе и благодаря продукции Златоустовского завода, выпускавшего высококачественный металл и отливавшего различную военную продукцию, в том числе пушки, ядра, бомбы, картечь и т.д. [39].

С переходом в казну Златоустовский завод стал центром горного округа, а Златоуст — горным городом, стали быстро развиваться, приобретая всё большую и большую известность доброкачественностью продукции и массой новых технических оборудований и усовершенствований. В его истории оставили след много выдающихся и известных имён горных инженеров и мастеров. Мы выделим только трёх: горных инженеров и начальников горного округа Павла Петро-

Пушки П.М. Обухова у входа в Арсенал. Фото Новиков И.А., 2014 г.

вича Аносова, открывшего тайну булатной стали; Павла Матвеевича Обухова, отлившего первые русские стальные пушки, и мастерового Ивана Николаевича Бушуева — «Иванко Крылатко», создателя летящего коня, чьи художественные творения с этим символом на холодном оружии украшают многие музеи мира. В настоящее время крылатый конь — герб Златоуста, он украшает разные уголки современного города.

В 1815 году на Златоустовском заводе начинает действовать Оружейная фабрика, приезжают иностранные мастера, а в 1830-е годы для неё строится новое здание в стиле позднего промыш-ленного классицизма. Основной продукцией фабрики стал выпуск холодного оружия, в том числе и украшенного. Благодаря иностранным и русским мастерам И. Н. Бушуеву, И. Л. Бояршинову и многим, многим другим формируется златоустовское украшенное оружие. В 1826 году издатель «Отечественных записок» П. Свиньин писал, что «Златоустовский завод на город походит более чем многие уездные города, как регуляторством своим, так и движением. Улицы довольно широки и много зданий каменных в несколько этажей…» [40]. В 1820-е гг. на территории Златоустовского горного округа начинается промышленная добыча золота. Один из приисков был назван в честь Александра I — Царево-Александровский [41]. Деятельность Златоустовского завода и Оружейной фабрики были примером для других,



Памятник Александру II, почтовая карточка начала XX века. Фото Метенков В.Л.

поэтому в XIX — начале XX века их посетили два императора и наследник престола: Александр I — в 1824 году, Николай II — в 1904 г. и Александр Николаевич — в 1837 году. Каждая из поездок имела свою цель, программу, итоги и последствия [42].

В конце XIX — начале XX века Златоустовский завод был самым крупным из казённых заводов на Урале и включал 32 цеха, но при этом приносил убытки до 600 тысяч рублей в год. «Казённость» завода привлекала на него большое число неквалифицированной рабочей силы, что сделало завод и город рассадником революционного движения, действовали различные боевые группы и партии. Поэтому на Златоустовском заводе, в его отдельных цехах был введён восьмичасовой рабочий день ещё в 1897/1898 году. [43]. 13 марта 1903 года произошла «Златоустовская бойня» — кровавое событие, которое современники называли прелюдией «Кровавого воскресенья», — в результате которой погибло и умерло от ран от 45 до 69 человек [44], точные цифры неизвестны до сих пор. К трагедии причастны не только тяжёлые условия труда и низкая заработная плата для низкоквалифицированных рабочих, но и конкуренция за должности и «умы». Несмотря на убыточность и дотации со стороны государства, он оставался крупнейшим поставщиком военной продукции. До 80%

Оружейная фабрика. Фото Новиков И.А., 2015 г.

объёма производства составляли заказы военного и гражданских ведомств. По выпуску стали и снарядов Златоустовский горный округ занимал первое место среди всех казённых и частных округов страны. Златоустовский завод был способен выпускать до 100 тысяч артиллерийских снарядов разного калибра [45], что завод с успехом производил в годы Первой мировой войны.

Не обошли город и завод стороной революционные потрясения и Гражданская война. 27 мая 1918 года в районе станции Златоуст произошёл бой между отрядом Красной гвардии и чехословаками — одно из первых вооружённых столкновений Гражданской войны в России. В годы Великой Отечественной войны в Златоусте также ковалась Победа: выплавлялся металл, изготовлялось холодное и стрелковое оружие, пулемёты, действовало пулемётное училище, формировались дивизии и бригады. В освобождении Великих Лук и других населённых пунктов Псковской области принимали участие 171-я, 381-я и 249-я стрелковые дивизии, сформированные в окрестностях Златоуста. Для танкистов Уральского добровольческого танкового корпуса мастера-оружейники сделали «чёрные» ножи, которые наводили ужас на врага [46]. Златоустовский металлургический завод был единственным заводом в стране, выплавлявшем высоколегири-

рованные марки стали. Каждый второй пулемёт на ИЛ-2 был сделан на «Заводе № 66» [47]. В послевоенные годы Златоуст развивался как центр качественной металлургии и оборонной промышленности.

Чтобы «понять» Златоуст, лучше всего это сделать, прокатившись по городу на трамвае: маршрутов всего два, но они связывают центр с окраинами. Златоустовский трамвай — самый высокогорный не только в России, но и в мире. Это становится особенно заметно, если Вы отправитесь из «старого» города в новые микрорайоны проспекта Гагарина и Нового Златоуста. Путь будет проходить с перепадами высот до 100 метров и по центру «демидовского» посёлка. Современному туристу есть что посмотреть: это не только Краеведческий музей, музеи различных оружейных мастерских, но и памятники природы, да и просто можно подняться на вершины окрестных гор, чтобы полюбоваться великолепными панорамами красот южноуральской природы. Недаром ещё в конце XIX века многие, впервые перевалив Уральский хребет из Европы в Азию и оказавшись впервые в этих краях, удивлялись и восхищались, называя его «Уральской Швейцарией».

Любителям неспешных прогулок можно побродить улочками старого Златоуста, называемого «Город». Вы можете ещё увидеть дома, построенные в середине XIX века, с резными узорами наличников, и перед Вами как бы восстановятся полуцветные фотографии С.М. Прокудина-Горского 1909 года. Сохранился и дом, где прошли детские годы будущего маршала Б.М. Шапошникова. Посетить бывший горнозаводской госпиталь, в котором в 1845–1848 годах лечил больных А.Д. Бланк, дед В.И. Ленина по материнской линии, а вместе с отцом жила его дочь Мария, которой напротив госпиталя установлен памятник (у здания школы № 3). В этой школе учился чемпион мира по шахматам А.Е. Карпов; Златоуст является родиной и для шестикратной олимпийской чемпионки Л.П. Скобликовой.

Большинство же исторических памятников расположено на городской площади, в дореволю-ционные годы называвшейся Соборной или Арсенальной, в революционные годы ставшей «Имени III Интернационала», сохранившей своё название и сейчас, но в большей степени известной как Городская площадь. Прогуляемся по ней и окунёмся в события минувших веков и десятилетий. Чтобы окинуть одним взором сразу всю площадь, лучше всего подняться на середи-

Ассортиментный кабинет — музей Оружейной фабрики. Фото Новиков И.А., 2015 г.

ну ближайшей горы Бутыловка, как это сделали наследник престола Александр Николаевич в 1837 году и фотограф С.М. Прокудин-Горский в 1909-м, — и площадь будет перед Вами, как на ладони. Со стороны завода на площади располагались административные и производственные здания: Главная контора, Арсенал, Оружейная фабрика; на противоположной стороне — Дом горного начальника, складское помещение, кинотеатр. В правой и левой стороне площади располагались учебные заведения — городское четырёхклассное и среднее механико-техническое училище. Также с левой стороны, ближе к центру, — Свято-Троицкий собор с колокольней, а в центре — сад с фонтаном и памятником Царю-Освободителю. Из дореволюционной композиции исчезли только взорванный Собор и уничтоженный памятник Александру II. Все стальные здания сохранились, некоторые в перестроенном виде. План застройки площади был предложен архитектором Златоустовского горного округа Ф.А. Тележниковым, поэтому многие здания спланированы им или при его непосредственном участии. Заводская площадь в дореволюционные годы была одной из красивейших на Урале. Архитектурная композиция площади вместе с домами жителей, часовней Александра Невского и красивейшей панорамой уральской природы, открывавшейся за заводским прудом, создавали завершённую композицию.

Усадьба владельца Л.И. Лугинина, Дом горного начальника — Краеведческий музей. Фото Новиков И.А., 2015 г.

Заводская площадь Златоуста, да и вся его центральная часть, органично сочетает в себе архитектуру и природу Южного Урала. Составители путеводителя по Уралу писали в 1899 году, что «перед въездом в центр города дорога справа имеет высотный горный кряж, лишенный всякой растительности и представляющий собою голые скалы, красиво оборванные и напластованные друг на друга. Поворачиваете направо, и перед глазами — огромных размеров вся красная доменная печь с летящими из нее искрами. А еще далее — около десятка заводских труб и громадное здание Князе-Михайловской сталепушечной фабрики. Переезжаете плотину; впереди большой собор, около него небольшой сквер и в нем памятник Александру II. Перед памятником с краю помещается здание управления Златоустовским горным округом, а рядом с ним Арсенал, за которым тянутся склады и различные заводские застройки. Здание Арсенала украшено большим двуглавым черным орлом, у ног которого сложено оружие» [48].

Любому въезжающему на площадь открывался вид на величественный Свято-Троицкий собор, строительство которого началось в 1835 г. и закончилось в 1840 году. Собор был пятиглавым с двумя приделами: Благовещения и Александра Невского. Он был одним из крупных православных храмов на Урале. Богослужения продолжа-

Одна из улиц дореволюционного Златоуста. Фото Прокудин-Горский С.М., 1909 г.

лись здесь до тех пор, пока 28 января 1928 года малым президиумом Уральского облисполкома было удовлетворено ходатайство Златоустовского окружкома о закрытии Собора и использовании здания в просветительских целях. В 1932 году была разобрана колокольня, а в мае 1933 г. начались работы по ликвидации самого Собора [49]. Это нанесло большой ущерб общей композиции площади.

Главным компонентом в её ансамбле занимало здание Арсенала. В конкурсе на его постройку участвовали архитекторы М.П. Малахов, А.И. Постников и В.И. Бояршинов. Здание было построено по проекту А.И. Постникова в 1825–1833 годах, но строительными работами руководил В.И. Бояршинов и деталировка здания, аттик с уменьшенным в размерах орлом принадлежит ему [50]. По своим размерам оно соотносилось с другими зданиями на площади и совсем не походило на промышленное строение, а скорее — на обще-

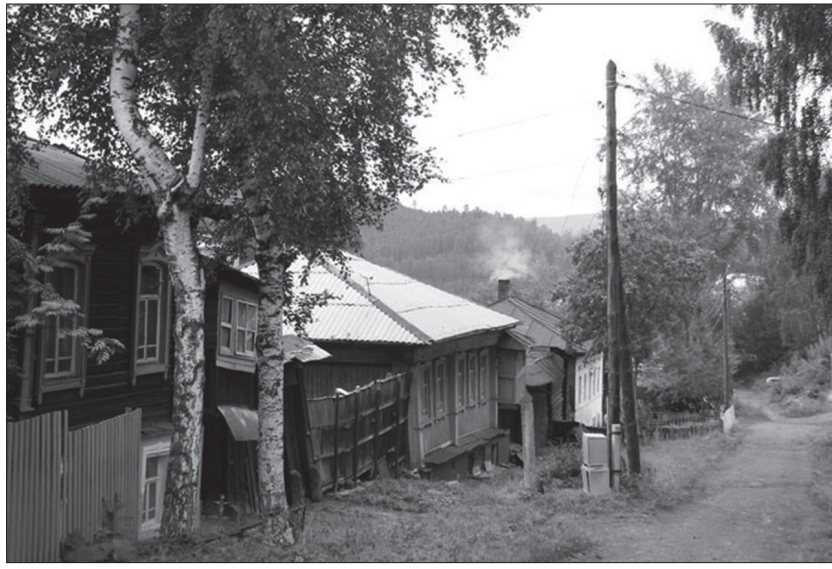
ственное [51]. В настоящее время Арсенал сохранился именно в таком виде, с небольшими изменениями, — сейчас в нём идут реставрационные работы.

Перед входом в Арсенал установлены четыре пушки, которые напоминают о первых русских стальных пушках П.М. Обухова, отлитых в конце 1858 — начале 1859 г. и в 1860 году выдержавших испытание в соревновании в крупповскими. По своим свойствам сталь П.М. Обухова превосходила лучшие марки английской и немецкой стали [52]. К сожалению, в Златоусте нет памятника П.М. Обухову, а в Санкт-Петербурге — завод, станция метро и железнодорожная станция «Обухово».

На одной линии с Арсеналом, справа от него, находится здание Оружейной фабрики, которая открылась в декабре 1815 г., а в 1839 г. для неё завершено строительство отдельного трёхэтажного каменного здания. Оно возведено по проекту главного архитектора Уральского Горного правления И.И. Свиязева под наблюдением архитектора Златоустовских заводов Ф.А. Тележникова [53]. К сожалению, в 1960-е годы был надстроен четвёртый этаж, что несколько изуродовало первоначальный вариант. Слева от Арсенала расположено здание главной конторы Златоустовского горного округа. Оно построено было в 1820-е гг. архитектором Ф.А. Тележниковым в стиле позднего классицизма [54].

Композицию городской площади завершал памятник Александру II, открытый в 1891 году [55] в честь освобождения мастеровых от обязательных заводских работ. Крепостного права на заводе не было, но сами работники считали себя такими, так как они были «крепко» привязаны к заводу, поэтому такой пиетет Царю-Освободителю. Кроме того, Александр II, наследником престола, 7–9 июня 1837 года посетил Златоустовский завод и его окрестности [56]. Памятник разрушен вскоре после Октябрьской революции.

В настоящий момент главной доминантой площади выступает Дом горного начальника — усадьба владельца Л.И. Лугинина. На фасадной части был балкон, а сама площадь обнесена оградой с каменными воротами. С образованием Горного округа в 1811 году и переходом завода в государственное управление, здание было частично перестроено для горных начальников. В советское время, сначала в 1920-х годах, были сняты ворота, позднее был разрушен балкон



Современная улица в старой части Златоуста. Фото Новиков И.А., 2014 г.

по главному фасаду. С 1933 года здание занимает Краеведческий музей. В 1969–1974 гг. была проведена его реконструкция [57].

В современном Златоусте краеведческая жизнь богата и уникальна. Начиная с реализации с 2013–2014 учебного года образовательного проекта «Я — Златоустовец» для всех ступеней образования на территории Златоустовского городского округа, изданы программы курса, методические пособия для учителя и воспитателя и рабочие тетради для детей дошкольного возраста и учащихся с 1 по 11 классы. Таким образом, общий объём составил 28 изданий: 4 программы курса, 12 методических пособий и 12 рабочих тетрадей [58]. В 2010 году в Златоусте проходила одна из секций IV Всероссийских краеведческих чтений [59]. Ежегодно городской краеведческий музей организует и проводит конференцию «Золотые россыпи былого» с выпуском сборника, которая собирает краеведов не только Златоуста и Челябинской области, но и других регионов России [60]. Любителей истории родного края всегда радушно принимает городской архив, в котором они находят новые сюжеты для своих исторических расследований.

Златоустовский трамвай у горы Косотур.
Фото http://transphoto.ru/photo/122636/, 2009 г.

Златоустовский трамвай в районе «Демидовка» поднимается на гору.
Фото http://transphoto.ru/photo/272310/, 2011 г.

Все рассмотренные и перечисленные нами памятники истории и культуры составляют картину первозданного Златоуста, а также позволяют увидеть специфику города-завода. Сохранившиеся памятники являются для нас культурным наследием прошлого. Но утерянное наследие также должно стать всеобщим достоянием, которое можно использовать в просветительской, научно-педагогической и туристической деятельности, что позволит увидеть Град Святого Иоанна Златоуста в гранях четырёх столетий — с XVIII по XXI, — тем более что многие златоустовцы считают Иоанна Златоуста святым покровителем города.

Источники:

1. *Сороцкий М. С.* Златоуст: проповедник, епископ, мученик // Исследовательский потенциал молодых учёных: взгляд в будущее. Сборник материалов VIII всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, молодых учёных и магистрантов. Тула, 2013. С. 154–156.
2. Древнерусская живопись: Иоанн Златоуст [эл. ресурс] // http://museums.pskov.ru/collections/?item=39; http://museums.pskov.ru/collections/?item=82; http://museums.pskov.ru/collections/?item=88 (дата обращения 3.10.2015).
3. *Козлов А. В.* Башня Новгородского кремля // С именем Златоуст / сост. А. В. Козлов, Л. П. Заева. Златоуст, 2007. С. 123–126; Златоустовская башня [эл. ресурс] // http://www.bibliotekar.ru/novgorod/60.htm (дата обращения 3.10.2015).
4. *Новиков И. А.* Северо-западный регион в горнозаводской истории России XVIII — первой половины XIX века // Вторые Псковские региональные краеведческие чтения. Великие Луки 20–22 октября 2011 года / ред.-сост. Т. В. Вересова. Псков — М., 2012. С. 273–282; *Он же.* Вклад Южного Урала в разгром армии Наполеона в Отечественной войне 1812 года (на примере Северо-западной России) // Третьи Псковские региональные краеведческие чтения / ред.-сост. Т. В. Вересова. Псков 10–12 октября 2012 года. Псков — М., 2013. С. 177–193; Он же. Южный Урал в истории Дома Романовых: памятники природы, истории и культуры // Четвёртые Псковские ре-

гиональные краеведческие чтения / ред.-сост. Т.В. Вересова. Псков, 9–11 октября 2013 года. Псков — М., 2014. С. 403–414.
5. История Урала с древнейших времен до 1861 г. / отв. ред. А.А. Преображенский. М., 1989. С. 572–578.
6. *Павленко Н.И.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века: промышленная политика и управление. М., 1953. С. 63–64; 325; 442; 465.
7. *Павленко Н.И.* История металлургии в России в XVIII в.: заводы и заводовладельцы. М., 1962. С. 144.
8. Объединённый государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. И-227. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
9. Там же. Л. 27–32 об.
10. Златоуст — город крылатого коня / Авт.-сост. А.В. Козлов. Златоуст, 2004. С. 12.
11. *Козлов А.В.* Ты был небом самим наречен — Златоуст // С именем Златоуст / сост. А.В. Козлов, Л.П. Заева. Златоуст, 2007. С. 62–63.
12. Там же. С. 63.
13. Архив Златоустовского городского округа (АЗГО). Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 218. Л. 5.
14. Там же. Л. 10-10 об.
15. Там же Л. 11.
16. Там же Л. 28-28 об., орфография и пунктуация сохранена.
17. Пролетарская мысль (Златоуст). 1929. 20 декабря.
18. Там же. 21 декабря.
19. Там же.
20. Там же. 24 декабря; Златоуст — город крылатого коня / Авт.-сост. А.В. Козлов. Златоуст, 2004. С. 12.
21. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3316. Оп. 22. Д. 825. Л. 2.
22. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 21. Д. 89. Л. 12.
23. Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1. (ПСЗ-1). СПБ., 1830. Т. 14. № 10285. С. 210–213.
24. ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 2. Л. 370–371: Д. 13. Л. 106–106 об; 108; 109–109 об; 112 об; 114–115 об; 116 об-117; 118 об-119; 120–121об.
25. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 271. Оп. 2. Д. 691. Л. 283.

26. ГАСО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 3. Л. 62 об.
27. *Козлов А. В.* Город мастеров // С именем Златоуст / сост. А. В. Козлов, Л. П. Заева. Златоуст, 2007. С. 50.
28. ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 10. Л. 12; 40.
29. РГАДА. Ф. 271. Оп. ⅓. Д. 1373. Л. 200; 204; ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 54. Л. 5.
30. РГАДА. Ф. 271. Оп. ½. Д. 1326.
31. АЗГО. Ф. И-70. Оп. 1. Д. 4. Л. 1 об.
32. ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 10. Л. 22; Д. 66. Л. 18; Д. 72. Л. 7.
33. АЗГО. Ф. И-70. Оп. 1. Д. 17. Л. 5-5 об.
34. Златоуст — город крылатого коня / авт.-сост. А. В. Козлов. Златоуст, 2004. С. 12.
35. ОГАЧО. Ф. И-170. Оп. 1. Д. 73. Л. 10; 11; 28 об; 29–29 об.
36. Там же. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 66. Л. 18; Д. 72. Л. 7.
37. Там же. Ф. И-170. Оп. 1. Д. 45. Л. 14 об-15; Д. 73. Л. 189-190; Д. 93. Л. 37; 91.
38. Там же. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 138. Л. 5; АЗГО. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2. Л. 1
39. *Новиков И. А.* Отечественная война 1812 года и заграничные походы русской армии 1813–1814 гг. в историко-культурной памяти народов Урала // Преподавание истории в школе. 2014. № 2. С. 26–30.
40. *Свиньин П.* Златоустовский завод // Отечественные записки. 1826. Ч. 26. С. 259.
41. АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 420. Л. 5.
42. Подробнее: *Боков В. Е.* Посещение высочайшими особами г. Златоуста 30 июня 1904 г. Уфа, 1904; *Он же.* Посещение высочайшими особами Златоустовских казенных горных заводов. Уфа, 1904; Новиков И. А. Юбилейные даты российской истории и Южный Урал: 400-летие Дома Романовых» // Актуализация исторического знания и исторического образования в со-временном обществе. Ежегодник. XVII всероссийские историко-педагогические чтения / гл. ред. Г. Е. Корнилов. Ч. II. Екатеринбург, 2013. С. 180–191.
43. ГАСО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 77. Л. 149; Козлов А. В. Город мастеров // С именем Златоуст / сост. А. В. Козлов, Л. П. Заева. Златоуст, 2007. С. 52.
44. ГАСО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 76. Л. 186.
45. Златоустовский завод // Челябинская область. Энциклопедия / гл. ред. К. Н. Бочкарев. В 6 т. Т. 2. Челябинск, 2004. С. 464; 467.

46. Подробнее: *Новиков И. А.* Героические страницы участия южноуральцев в обороне и освобож-дении Великих Лук (1941–1943 гг.) // Пятые Псковские региональные краеведческие чтения. Великие Луки 15–17 октября 2014 года / ред.-сост. Т. В. Вересова. Псков — М., 2015. С. 226–233.
47. *Козлов А. В.* Город мастеров // С именем Златоуст / сост. А. В. Козлов, Л. П. Заева. Златоуст, 2007. С. 52–53.
48. Цит. по: *Пономаренко Е. В.* Формирование ансамбля города-завода Златоуста в XVIII — начале XX века // Academia. Архитектура и строительство. 2009. № 2. С. 83–84.
49. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 74. Д. 2728.
50. *Окунцов Ю. П.* Златоуст и златоустовцы. Т. 1. Златоуст, 2015. С. 153.
51. *Лотарева Р. М.* Города-заводы России. XVIII — первая половина XIX века. Екатеринбург, 2011. С. 68–70.
52. *Окунцов Ю. П.* Златоуст и златоустовцы. Т. 1. Златоуст, 2015. С. 335–336; 343.
53. Там же. С. 119; 152.
54. *Пономаренко Е. В.* Формирование ансамбля города-завода Златоуста в XVIII — начале XX века // Academia. Архитектура и строительство. 2009. № 2. С. 84.
55. АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 2932. Л. 292.
56. ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 287. Л. 61–63.
57. *Косиков Н. А.* Дом горного начальника // Златоустовская энциклопедия / ред.-сост. А. В. Козлов, Н. А. Косиков, В. В. Чабаненко. В 2 т. Т. 1. С. 103; Ковина Е. П. Музей краеведческий // Там же. Т. 2. С. 47.
58. Я — Златоустовец. 1–4 классы: программа курса для общеобразовательных учреждений. Златоуст, 2013; Я — Златоустовец. 5–9 классы: программа курса. Златоуст, 2013; Я — Златоустовец. 10–11 классы: программа курса. Златоуст, 2013 и др. все их указать не позволяет объем публикации.
59. Вторые Всероссийские краеведческие чтения. (Москва. 26–27 мая 2008 г.); Четвёртые Всероссийские краеведческие чтения. (Челябинск. 20–22 мая 2010 г.) / отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. М., 2011. С. 3.
51. *Лаветкина Е.* «Косиковские чтения» прошли в новом формате // Златоустовский рабочий. 2014. 11 декабря; Глыбовская Н. Почему краеведов притягивает наш город // Там же. 2015. 24 ноября.

ЦЕРКОВНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В ОРЕНБУРГСКОМ КРАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Т.И. Тугай
(Оренбург),
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии
Южного Урала Оренбургского Государственного университета

Церковное краеведение начало активно развиваться на фоне демократизация общественной жизни 1860-х годов. Приходские священники были в России одним из бесправных сословий Российской империи. На это обстоятельство обращала внимание Оренбургская учёная архивная комиссия (ОУАК). Так, член Архивной комиссии о. Н.Н. Модестов в 1913 году передал в дар Комиссии рукопись, содержащую «характерный и правдивый вопль священника того времени о своих нуждах, отчасти верный и ныне»[1]. Тем не менее, именно приходское духовенство сыграло ведущую роль в изучении сельской провинции в рассматриваемый период. Следует напомнить, что в это время оно было самым значительным массово грамотным сословием в России.

Развитие церковного краеведения в Оренбургском крае было обусловлено задачей укрепления православия в связи с наличием большого количества раскольников и многочисленного нехристианского (мусульманского) населения. Однако на практике эта задача решалась значительно шире.

[1] Имеется в виду сочинение московского священника И.С. Беллюстина, труды которого в 60-е гг. имели большое значение в среде духовенства. См.: Отчёт о составе и деятельности ОУАК за 1913 г. Оренбург, 1914. С. 29.

В начале 60-х годов Оренбургский епископ Варлаам составил и предложил приходскому духовенству программу ведения церковных летописей в Оренбургской Епархии[2]. Запись сведений предлагалось начинать с января 1865 года. Значение данного документа определяется обширностью задач, поставленных перед настоятелями приходов. Не только все события церковной, но и гражданской жизни данной местности — села, города — должны были отражаться в летописи. В обязанность приходских священников вменялось фиксировать все явления естественноисторического характера. В этой программе было отведено место и научным сведениям по статистике, метеорологии и прочему. Причём участие в составлении летописи должны были принимать все служители причта. Член ОУАК (1899) И.И. Архангельский для исторического очерка о Казанском женском монастыре в г. Троицке пользовался одной из таких хроник[3].

С 1870-х годов летописи, составленные местными священниками, а также историко-статистические очерки, написанные на их основе, начали публиковать «Оренбургские епархиальные ведомости». В 1873 году весть о выходе епархиального органа была встречена местным духовенством «с единодушным сочувствием и живейшим интересом», о чём свидетельствовали письменные сообщения в редакцию. В одном из них говорилось, что «замкнутая, затёртая в глуши жизнь сельских священников, наконец, откроет себе путь к гласной и небесплодной печатной деятельности»[4]. Редакция газеты, в свою очередь, рассчитывала на «просвещённое содействие епархиального духовенства... по составлению и присылке статей, корреспонденций и заметок» и, прежде всего, по историко-статистическому описанию приходов, и выражала уверенность, что в таком содействии недостатка не будет[5]. По мнению Н.М. Чернавского, Неофициальный отдел газеты «по местной … истории, по количеству и значению статей, должен

[2] Труды Оренбургской Учён. Арх. Комис. — 1900. — Вып. IX. С. 107–114.

[3] *Архангельский И.И.* Материалы для истории г. Троицка. II. Основание в г. Троицке гимназии. III. Казанский женский монастырь. // Тр. Оренбургской Учен. Арх. Комис. — 1900. — Вып. IX.

[4] *Чернавский Н.М.* Оренбургские Епархиальные Ведомости. // Тр. Оренбургской Учён. Арх. Комис. — 1903. — Вып. XII. — С. 157–158.

[5] *Чернавский Н.М.* Указ. соч.

быть поставлен на первом месте» среди губернской прессы[6]. С уничтожением церковных архивов в первые годы советской власти, эти публикации остаются сегодня единственным источником по истории сёл, станиц и малых городов Южного Урала и отчасти Казахстана[7].

Редакция приглашала духовенство также «высказывать своё суждение о местных потребностях духовной паствы, …пастырской практики, вызываемых местными условиями и обстоятельствами, чтобы духовенство, таким образом, стало в близком отношении к редакции, дабы работать для общего дела»[8]. В № 2 за 1896 год она уведомляла

---

[6] *Чернавский Н.М.* Там же — С.179.

[7] Таковы статьи: «Село Исаево, Оренбургского уезда» (ныне — Октябрьское), свящ. Вл. Маллицкого (Ор.Епарх.Вед.1873 г., № III); «Миасская станица в 1741 г.», свящ. А. Левзорова, (1873 г., VI); «Церковно-приходская летопись села Травянского», свящ. Л. Виноградова (1875 г., II); «Село Сухоборское, Челяб. уезда», свящ. П. Шмотина (1882, II); «Церковь св. Николая Чудотворца в Форштадте (Летопись)», свящ. К. Белявского (1886 г., X); «История Калмыковского единоверческого храма», С. Самарцева (1893 г., II); «Село Павловка, Оренб. уезда», В. Смирнова, (1896 г., IX); Костылевский приход, Челяб.уезда», М. Горботанина. (1896 г. XII); «Пречистенский приход» А. Левзорова, (1897 г., XVIII и сл.); «Село Покровка, Оренб. уезда», И. Левского (1898 г., Ш); «Село Романовка, Оренб. уезда», его же (1898 г., VII-XV); «Село Слоновка, Оренб. уезда, его же (1898 г., XVII–XIX); «Село Архангельское, Оренб. уезда», свящ. А. Пинетина (1898 г., VI–VII); «Г. Кустанай», свящ. П. Л. Гордеева (1898 г., VII–XI); «Село Шаламово, Челяб. уезда», его же (1898 г. XVI): «Село Дедово, Оренб. уезда», В. Конторского (1898 г. VI); «Иртецкий поселок, Уральской области», (1893 г. XXI) и «Возникновение Ивановского прихода, Челяб.уезда», прот. И. Мухина, (1898 XX); «Косулинский приход, Челяб. уезда», Мих. Горбунка (1899 г., V–VII); «Село Одинцовка, Оренб. уезда», И. Невского (1899 г., XII–XШ); «Приход Михайло-Архангельской церкви села Гнездовки, Оренб. уезда», П. Чижева (1899, XIV–XVI); «Поселок Жилая Коса, Гурьевского уезда, Урал, обл., Дондукова (1900 г., IV); «Село Долговское Челяб.уезда, (историко-статистическ. очерк)» его же (1901 г., XI–XVII); «Жуковский поселок Кустанайскаго уезда», свящ. Ал. Апустина (1901 г., XVIII–XIX); «Поселок Ракуша, Гурьевского уезда», св. И.Болдырева, (1901 г. XX), «Город Гурьев, Уральской области», свящ. А. Самарнева (1901 г., XXI); «Село Анатольевка, Оренб.уезда», свящ. А. Предтеченского (1901 г., XXIII); «Город Актюбинск, Тургайской области», свящ. А. Емельянова (1902 г., IV); «Село Становое, Челяб. уезда», И. Протопопова, (1902 г. XVII и XIX); «Гор. Илецкая защита», П. Чижева. (1903 г. XV–XVIII); «Село Белоярское, Челяб. уезда», диак. И. Протопопова, (1903 г. XXII); «Описание Илецкого соляного промысла», свящ. А. Андреева (1882 г., XX–XXI) и др.

[8] *Н.М. Чернавский*. Указ.соч. С. 162–163.

читателей, что не публикации общебогословского характера, а «церковно-приходская жизнь в её прошлом и настоящем, в её многоразличных проявлениях, должна быть главным предметом Ведомостей»[9].

Злободневными проблемами на страницах газеты были раскол, сектантство и распространение христианства среди нерусского населения Оренбургской епархии. Публикации на эти темы также содержали немало ценных сведений по истории сёл и приходов, социальному и религиозному составу их жителей[10]. Таким образом, «Оренбургские епархиальные ведомости» внесли немалый вклад в изучение церковной истории местного края.

Процесс демократизации газеты особенно ярко прослеживается с середины 1880-х годов, когда её редактором стал ректор Оренбургской Духовной семинарии, протоиерей Ф.А. Дмитровский (1884–1888). Он привлёк к сотрудничеству преподавателей семинарии. Эта тенденция была продолжена новым редактором Н.П. Израильским, преподавателем гражданской всеобщей и русской истории семинарии, а с 1896 года — редактором Н.М. Чернавским, который в то время преподавал в Духовном училище. Он сам опубликовал статьи по истории епархии и историко-статистические описания пяти приходов[11].

Преподаватель Оренбургской семинарии Н.И. Чижов выступал с критикой ислама[12] и исследовал историю церковно-приходских школ

---

[9] Оренбургские Епархиальные ведомости. 1896, № II.

[10] См., например: «Очерки Оренбургской хлыстовщины», М. Головкина (1898 г., 1899 г., II–IV); «К истории раскола в Уральской Области» (1898 г., X); «Раскол в Костылевском приходе Челябинского уезда», (1899 г., XIV–XVII); «Раскольничий хутор Сарбай», А. Волгина (1899 г., XIX); «К характеристике раскола в Орском уезде в его прошлом и настоящем», его же (1900 г., III–IV); «Причины, способствовавшие распространению раскола в Уральской области», свящ. А. Лоскутова (1900 г., XX); «Сакмарский раскол за последнее время и его защитники», его же (1901 г., XVI–XX); «Раскол в Александровском приходе», С. Коняхина (1903 г., XXII); «Из жизни раскольников в Уральской области», свящ. А. Лоскутова (1903 г., XIV); «Посещение священником русских поселенцев в киргизских аулах Тургайской области», свящ. О. Соколова (1891 г. — XXIII, 1892, 1894–1896 гг.); «Время появления христиан среди киргиз Тургайской области» А. Добросмыслова, (1901 г., V–IV); «Калмыки Оренбургской епархии О. Альметева (1903 г., V).

[11] Оренбургские Епархиальные Ведомости:1895 г., № XXII; 1896 г., II и III; 1898 г., XXII–XXIV; 1897 г., XXII.

[12] Там же:1894 г., IV и др.

Оренбургского уезда[13]. В 1900 году газета печатала «Краткий очерк единоверия» в Оренбургском крае семинарского учителя Д.С. Медведева[14], в 1900–1901 годах — «Несколько новых данных из начальной истории Александро-Невского собора, в г. Уральске» и другие статьи священника И.П. Кречетовича[15]. Последний в то время был инспектором женского Епархиального училища, а впоследствии стал ректором Духовной семинарии.

«Епархиальные ведомости» публиковали работы и других преподавателей Епархиального училища: Петра Райского — по истории оренбургского сектантства[16] и В.П. Троицкого — о Всероссийской Нижегородской выставке 1896 года.[17] Публикация последнего представляет особый интерес в области практического краеведения, так как освещает деятельность духовенства оренбургских приходов в сборе экспонатов для выставки. П. Райский, помимо церковной истории, занимался исторической географией. Он исследовал природные условия Орска, полезные ископаемые в посёлке Хабарды, а также археологические памятники (в пос. Банном)[18]. В 1915 году в Оренбурге был издан его «Путеводитель по городу Оренбургу», который и сегодня является ценным источником по топографии и истории города. Свидетельством тому служит переиздание «Путеводителя» в 2000 году.

Среди преподавателей духовных учебных заведений, которые занимались исследованием местной церковной и гражданской истории, следует выделить уже упоминаемого нами А.В. Васильева. Он преподавал классические языки и пение в Оренбургской семинарии, совмещая педагогическую работу с активной общественной и научной деятельностью, — был членом Тургайского Статистического комитета, советником областного правления и в течение десяти лет редактировал «Тургайскую газету». Его исследования не только публиковались в «Епархиальных ведомостях» и в изданиях Оренбургского ГСК, но и привлекали внимание ведущих научных обществ страны.

---

[13] Там же:1899 г.; 1901 г., Ш–IV; 1902 г., IV–V.

[14] Там же: 1900 г., VIII–XII.

[15] Там же: 1900 г., III–IV; 1901 г., I–VII.

[16] Там же: 1881 г., XI.

[17] См.: 1896 г., XIX и XX.

[18] Сведения по исторической географии Оренбургского края // Тр. Оренбургской Учен. Арх. Комис. — 1911. — Вып. XXV. — С. 213–219. Прил.

Особый интерес у Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества вызвали «Материалы к характеристике взаимных отношений татар и киргизов с предварительным кратким очерком этих отношений» (Оренбург, 1898. 63 с.), в которых А.В. Васильев дал характеристику этническим взаимоотношениям в Оренбургском крае, долгое время не являвшимися стабильными (XVIII и перв.пол. XIX в.), а также проанализировал влияние русских на распространение ислама в киргизской (казахской) степи. В качестве примера татарско-киргизской полемики автор подробно описал поэтические и песенные состязания татар и киргизов (казахов)[19].

Русский востоковед, один из создателей Восточного отделения Общества П.М. Мелиоранский представил две другие работы оренбургского исследователя: «Образцы киргизской народной словесности» и «Киргизские сказки» (Оренбург, 1898. 89 с.), которые являются, по мнению рецензента, большим вкладом в сокровищницу материалов по киргизскому фольклору[20]. Восточное отделение Императорского Русского Археологического общества опубликовало отрывок из работы А.В. Васильева «Образцы киргизской народной словесности» — «Киргизские загадки» (60 с.)[21]. Видный учёный, председатель Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете Н.Ф. Катанов написал объёмную положительную рецензию на его «Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние»[22].

В начале XX века А.В. Васильев уехал в Казань, где продолжал исследовательскую деятельность в Обществе археологии, истории и этнографии (умер в 1945 г.[23]). В годы советской власти это Общество продолжало играть ведущую роль в изучении востока России[24].

---

[19] Записки Вост. отделения Имп. Рус. Археол. общества. — 1899. — Т. XI, вып. I–II. — С. 364–365.

[20] Там же. 1899. — Т. XI. Вып. II.

[21] Там же. 1900 — Вып. II.

[22] Известия О-ва археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском унте. — 1895–1896. — Т. XIII, вып.VI. — С. 556–585. (Раздел «Библиография»).

[23] Оренбургская Биографическая Энциклопедия. — Оренб.книж.изд-во. — М.: Русская книга. 2000. С. 61.

[24] См.: *Ильинский Л.К.* О-во археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском ун-те. // Краеведение. — 1929, № 9. С. 529–535.

В данном обзоре научной деятельности преподавателей средних духовных учебных заведений Оренбурга были выделены только те лица, которые входили в состав Оренбургской Архивной комиссии. Следует отметить, что А.В. Васильев, Н.И. Чижов, а также законоучители М.Я. Божуков (мужская гимназия), А.К. Шильнов (женская прогимназия), П.С. Словохотов (юнкерское училище) были среди первых, кто в 1887 году откликнулись на приглашение оренбургского губернатора принять участие в создании ОУАК[25]. В 1907 году в действительные члены Комиссии был принят преподаватель Духовной семинарии В.Я. Струминский. Его исследовательская деятельность в области краеведения, психологии и истории педагогики получит наибольшее развитие в советский период.

В 1912–1913 годах был создан Оренбургский Церковно-археологический комитет, который основали члены ОУАК — преподаватели Духовной семинарии протоиерей И.П. Кречетович (председатель), о. М.Я. Филологов и о. М.Я. Божуков. В задачу Комитета входили «заботы по изучению и охране церковно-археологических древностей»[26]. В связи с начавшейся Первой мировой войной и последовавшими революционными событиями это учреждение не успело осуществить намеченную программу.

Профессиональный уровень преподавательского состава Оренбургской семинарии был очень высок[27]. Священнослужители-педагоги обладали широкой эрудицией, многогранными научными интересами. Все они получили в своё время высшее духовное образование, а Н.М. Чернавский закончил предварительно саму Оренбургскую семинарию[28]. Преподаватели церковных учебных заведений представляли своеобразную интеллектуальную элиту оренбургского общества на рубеже XIX-XX веков, поэтому не случайно, что они внесли значительный вклад в развитие краеведения в Оренбургском крае.

Причём, члены ОУАК — священнослужители — в силу более высокого уровня образования представляли себе задачу изучения мес-

---

[25] *Цыпляев П.И.* Деятельность Оренбургской Ученой Архивной Комиссии с 1887 по 1897 гг. Ист. очерк // Тр. ОУАК. — 1914. — Вып. XXX. — С. 22.

[26] Труды ОУАК. Вып. XXX. 1914.

[27] См.: Мученики, исповедники и храмы Оренбургской Епархии XX века. Книга 2. Сост. Прот. Н.Е. Стремский. Саракташ. Оренб.обл. 1999, с. 223–224.

[28] Там же, с. 233.

тного края намного шире «церковной археологии». Даже летописец Оренбургской епархии Н.М. Чернавский[29] занимался гражданской историей. Уже в конце 1890-х годов он приступил к изучению истории Челябинска[30], который в 1920-е годы станет для него не только местом жительства, но и новым полем краеведческой деятельности.

Протоиерей И.П. Кречетович в 1911 году выпустил в Москве свою крупную историческую монографию «Крестьянская реформа в Оренбургском крае». Священник о. Модестов Н.Н. изучал начальную историю Оренбурга[31], а также материалы, связанные с пребыванием в крае Ф.К. Зана, В.И. Даля, Т.Г. Шевченко[32]. На одном из заседаний ОУАК он представил подлинную статью В.И. Даля о возвращении русских пленных из Хивы, которую поместил затем в «Русский Архив» (№ 1 — 1915 год).

Следует заметить, что Н.Н. Модестов был первым оренбургским исследователем творчества Т.Г. Шевченко. Ещё в 1913 году Комиссия поручила ему установить точную дату пребывания Шевченко в Оренбургском крае и выработать текст надписи для памятной доски на доме Кутина[33]. Задачу поиска он значительно расширил — изучил творчество поэта в оренбургский период — и результаты его работы были опубликованы ОУАК[34]. Остаются не вполне ясными обстоятельства, в силу которых Н.Н. Модестов оказался в Оренбурге. В ходе данного исследования в ГАОО был найден документ, из которого следует, что, закончив Московскую Духовную академию (1886 г.) в чине кандидата богословия, он имел приход в Москве и вёл службу в Саввинской церкви. Очевидно, попав в немилость московского епархиального

[29] *Н.М. Чернавский.* Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Труды ОУАК. 1900, 1902. Вып. VII и X.

[30] Протоколы заседаний ОУАК за 1899 г. // Труды ОУАК. Вып. VI. 1900 — Оренбург. Прот. № 14.

[31] Основание г. Оренбурга и первоначальное благоустройство его. (По донесению советника Ив.Кир. Кириллова в св. Синод) // Тр. ОУАК. 1917. — Вып. XXXV. — С. 57–74.

[32] См.: Труды ОУАК. 1917. — Вып. XXXV. — С. 5–55; 1913. — Вып. XXVII; 1916. — Вып. XXXIII. — С. 155–163.

[33] Отчет о составе и деятельности ОУАК за 1913 г. Оренбург. 1914. С.28.

[34] *Н.Н. Модестов.* Т.Г. Шевченко как бытописатель и историк Оренбургского края // Труды... — 1916. — Вып.XXXIII. — С. 155–163.

начальства, был лишён прихода и отправлен в 1910 году в негласную ссылку в Оренбург — как он пишет, «для поправки здоровья». Однако из Московской епархии был прислан запрос, не приписан ли Модестов к какой-либо церкви в Оренбурге?[35] Несмотря на то, что в Оренбурге он прихода не имел, подписывался всегда «священник Модестов». Эта двойственность его положения вызывала подозрительность со стороны Духовной Консистории. Так, епископ Феодосий в 1911 году отклонил просьбу ОУАК допустить его к церковному архиву, «за неизвестностью о Модестове епархиальному начальству»[36].

Постоянными корреспондентами научных краеведческих обществ Оренбурга и Уфы были приходские священники[37]. В 1907 году ОУАК разослала по приходам губернии опросные листы о наличии архивов в церквях и в течение года (1907–1908) получила ответы в количестве более 800 листов[38]. На основе этих данных можно установить, что только в Оренбурге в нач. XX века было 42 церкви, в том числе Пантелеймоновская — в Зауральной роще и 22 домовых, а всего в ведении Епархии находилось 710 церквей[39]. По программе Императорской Академии Художеств ряд статкомитетов России собирали сведения о памятниках церковной архитектуры. Заполненные священниками анкеты, в том числе по Оренбургской губернии, хранятся в Рукописном отделе архива ИИМК[40]. Здесь мы обнаруживаем не только сведения о церквях губернии, но и фотографии уже исчезнувших (в 1930-е гг.) церковных зданий Оренбурга (Троицкой церкви, форштадской — Георгия Победоносца и др.), Орского и Челябинского уездов[41]. В 1911 году Архивная комиссия по инициативе Н.Н. Модестова приняла решение выразить благодарность через «Епархиальные Ведомости» всем «отцам-настоятелям» церквей Оренбургской Епархии за проделанную работу[42]. Данные материалы активно использовались

[35] ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 96. Л. 2.
[36] Там же. Л. 28-28 об.
[37] ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 37.
[38] ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 77. Л. 1–828.
[39] ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 96. Л. 31–50об.
[40] См.: Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН Ф. Р-III. №5. Ед. хр. 4228. Л. 1–14; Ед. хр. 5. Л. 17–20.
[41] Там же. № 4228. Л. 1–14; № 4230. Л. 1–15; № 4231. Л. 1–15; №№ 4239–4240.
[42] ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 96. Л. 175.

большевиками в 1919 году при составлении «Инструкции по охране памятников» [43].

Оренбургский Отдел ИРГО также имел многочисленных корреспондентов среди священников. В 1872 году им был объявлен конкурс на лучшие труды по этнографии, истории, статистике, естествознанию Оренбургского края. В 1873 году Отдел обратился к сельскому духовенству с просьбой наблюдать за природными явлениями и получил много подробных и обстоятельных описаний, которые составили своеобразный архив метеонаблюдений. В 1876 году были составлены и разосланы программы для сбора сведений по географии, этнографии, статистике, естествознанию. Среди заполненных листов (более 400) большую часть составляют те, которые подписаны священниками сельских приходов[44].

Яркими представителями любознательного и образованного сельского духовенства были постоянные корреспонденты оренбургских научных обществ — священники Челябинского уезда братья Илья и Александр Инфантьевы. И. Инфантьев занимался энтомологией и сотрудничал с Оренбургским отделом РГО — высылал в Оренбург коллекции насекомых[45]. А в отчёте ОУАК за 1901 год упоминаются археологические изыскания, которые он проводил в уезде вместе с братом. Наиболее успешными оказались раскопки Александра около села Редутского[46]. В 1905 году А. Инфантьев был принят в действительные члены Архивной комиссии[47].

Развитие церковного краеведения было тесно связано с зарождением провинциального общества пореформенной России. Изучение местного края и помощь научным обществам в организации исследовательской работы составляли один из приоритетов в системе общественных ценностей, которые были с воодушевлением восприняты священнослужителями Оренбургского края.

---

[43] Там же: Ф. 67. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–2.

[44] ГАОО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 43, 48, 112.

[45] Изв. Оренбург. отд. РГО. — 1911. — Вып. XXII. — С. 45–54.

[46] «Труды ОУАК» Вып. XI. 1903. С. 131.

[47] Инфантьев Александр Петрович — благочинный Сладко-Карасинского округа, Чел. уезда — жил в с. Горшкове, был настоятелем прихода из 6 церквей. (ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 96. Л. 46.)

ОПЫТ ОПИСАНИЯ ПОКРОВСКОГО НЕКРОПОЛЯ ГОРОДА ОПОЧКИ

А. В. Кондратеня
(гор. Опочка),
краевед

В Опочке в конце XIX — начале XX века существовало 4 кладбища: 2 христианских — Покровское и Троицкое (Скудельня), одно еврейское и одно магометанское. Все они находились на окраинах города. Покровское занимало до 5 десятин земли и было обнесено высокой кирпичной оградой, Троицкое — оградою из булыжника, еврейское — деревянным частоколом; магометанское было устроено для умерших турецких военнопленных и кавказских горцев, переселённых в Опочку в наказание за возмущение и бунт на родине их. Это кладбище было расположено в расстоянии одной версты от города и обнесено деревянным частоколом. Почва всех кладбищ была песчаной и довольно сухой. [1]

В настоящее время (на 2015 год) сохранились Покровское, Троицкое и еврейское кладбища, из которых действующее только Покровское.

Покровское градское кладбище было главным в Опочке, где хоронили в основном прихожан из всех городских церквей, существовавших на тот момент в городе: Спасо-Преображенский собор, Николаевская, Лукинская, Успенская. Единственным исключением была церковь Троицкая, прихожане которой свой покой находили на Троицком кладбище (Скудельне). Это кладбище располагалось в районе Завеличья, то есть за рекой Великой.

Время образования Покровского кладбища неизвестно. Известно только, что оно уже существовало на момент перестройки Петропавловской деревянной церкви в каменную Покровскую в 1804 году. В 1810 году Псковской Духовной консисторией была выдана

Покровской церкви сборная книга для испрашивания доброхотного подаяния на построение каменной ограды вокруг каменной Покровской церкви и кладбища. Собрали 173 рубля 80 копеек. Конечно, этой суммы на постройку каменной ограды вокруг кладбища не хватило. Но что случилось с этими деньгами в дальнейшем, об этом история умалчивает. [2]

В 1843 году на средства опочецкого помещика Ильи Арсентьевича Васюкова вокруг Покровского кладбища был вырыт ров и сделан земляной вал. [3]

В 1855 году был составлен проект на часовню над могилою Алексея Ивановича Затеплинского и ограды и ворот вокруг Покровского кладбища. Об устроении каменной часовни над могилой своего мужа просила коллежская асессорша Мария Затеплинская. Псковская Духовная консистория приняла во внимание, что строение часовни на кладбище опочецкой Покровской церкви может быть благонадёжно, особенно в опасное время повальных болезней, а ещё с построением её может быть устроена каменная ограда на значительном пространстве вокруг всего кладбища без всяких издержек для церкви. Проект был Высочайше утверждён 10 ноября 1855 года в Царском Селе. Для его исполнения требовалось 3500 рублей. Их обещалась дать Мария Затеплинская из средств мужа, которые он ей завещал после своей смерти. [4]

Ограда вокруг кладбища была устроена — остатки её можно наблюдать и в настоящее время, а вот часовню так и не поставили. В 1859 году на могиле А.И. Затеплинского его женой было установлено каменное надгробие с надписями: «Алексей Иванович Затеплинский. Коллежский Асессор и Кавалер. Скончался 26 августа 1851 года. Сооружен супругою его в 1859 году. Первый жертвователь на ограду сей обители».

Первая попытка составления алфавитного списка захоронений XIX–XX веков на Покровском кладбище города Опочки принадлежит Александру Михайловичу Гордину, сотруднику Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург). Этот список им был составлен в конце 90-х годов XX века. На список Гордина опирались и составители (С.Н. Борисенко, Н.Ф. Левин, А.А. Шумков) Псковского некрополя, который включает в себя все территории бывших Псковских наместничества и губернии и нынешней Псковской области.

Наша рабочая группа, в которую входят Григорьева Ольга Сергеевна — учитель истории и обществознания школы № 4, Кург Нина Михайловна, учитель истории, пенсионер, краевед-любитель и я, Александр Кондратеня, провели обследование Покровского кладбища для фотографирования старинных памятников. В ходе этой работы нами были обнаружены новые захоронения, которые не вошли ни в список Гордина, ни в Псковский некрополь. Таким образом, на настоящее время удалось обнаружить и зафиксировать на фотоаппарат 100 старинных памятников, а также провести поиск по записям о смертях похороненных в этих могилах в метрических книгах городских церквей Опочки, которые хранятся в фондах Государственного архива Псковской области (ГАПО). Из 100 фамилий было обнаружено 34 метрические выписки о смерти, что составляет 34 % от сохранившихся могил на настоящее время на Покровском кладбище.

На кладбище при церкви в честь Пресвятой Богородицы хоронили известных для города Опочки и уезда людей. Назовём некоторых из них.

Это **БОЛЫЧЕВ Павел Иванович.** 10.02.1815 — 28.04.1891. Помещик сельца Пашкино Опочецкого уезда. Надворный советник. Окружной начальник государственных имуществ по Опочецкому и Новоржевскому уездам. Умер от старости и разрыва сердца в возрасте 70 лет, похоронили 1 мая 1891 года. [5]

БОЛЫЧЕВ Иван Павлович. †16.07.1896. Младший сын П.И. Болычева. Мировой судья в Опочецком уезде, надворный советник, бывший штабс-капитан, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Умер в возрасте 40 лет в городе Люцине от неврита. Погребён 19 июля 1896 года на Покровском кладбище.[6]

ИГНАТОВИЧ Лев Игнатьевич. † 10.05.1888. Младший брат И.И. Игнатовича. Нотариус. Один из основателей Опочецкого Вольного Пожарного общества.

КАРПОВ Фёдор Адрианович. †24.02.1859, 53 года. Помещик, опочецкий земский исправник, надворный советник. Умер от тифозной горячки. Похоронили 28 февраля 1859 года. [7]

ЛЮБИМОВ Павел Иванович. †27 февраля 1890, 58 лет. Капитан, уездный предводитель Опочецкого дворянства. Умер скоропостижно от разрыва сердца. Похоронили 3 марта 1890 года. [8]

Любимов Павел Иванович. Фото автора

ПАРМАКОВ Василий Фёдорович. †23.03.1891, 50 лет. Начальник Почтово-Телеграфной конторы Коллежский советник. Умер 23 марта от водянки, похоронили 25 марта 1891 года.9

ТЕЛЕПНЕВ Иван Адрианович. 1838 — 20.07.1913, 73 года. Опочецкий 2-й гильдии купец, Опочецкий городской голова в 1890–1894, 1902–1907, гласный Городской думы, директор тюремного отделения. Умер 20 июля от катара желудка, похоронили 23 июля 1913 года. [10]

ТРУСОВ Николай Васильевич. † 01.06.1897. Уездный опочецкий казначей, губернский секретарь.

ШУЛЬЦ Юлий Фёдорович. Коллежский асессор, городовой врач Опочецкой земской больницы (1882 г.). Предположительно, муж Анастасии Шульц, врача Опочецкой земской больницы.

Остановимся на биографии городского головы Опочки Кукольки-на Никифора Ивановича, похороненного на Покровском кладбище.

Никифор Иванович КУКОЛЬКИН (10.02.1814 — 09.06.1889) — опочецкий купец 1-й гильдии, член Островского акционерного общества торговли льном; потомственный Почётный гражданин г. Опочки.

Игнатович Лев Игнатьевич. Фото автора

Затеплинский Алексей Иванович
Фото автора

Окончил опочецкое Уездное училище. Был женат на купеческой дочери Наталье Павловне Бококиной, имел четверых детей: сыновья — Лев и Павел, дочери — Надежда и Римма. Никифор Иванович поступил на службу в Опочке в 1864 году депутатом для поверки земских отчётов. 18 ноября 1871 года стал городским головой и был на этой должности до 1883 года. Из городских глав, служивших со времени введения нового городового положения, был самым относительно просвещённым. Он, прежде всего, был большим патриотом и с особенной любовью относился к родной Опочке. Вместе с Городской думой Никифор Иванович решал хозяйственные и социальные вопросы, занимался поиском средств для пополнения городской казны, заботился об образовании и здравоохранении. Как городской голова являлся председателем Сиротского суда и председателем городской управы.

Был директором тюремного отделения (1871–1883); членом Попечительского совета женской прогимназии (от городского общества); гласным уездного Земского собрания. Труд Н.И. Кукольникина не остался незамеченным. Он был награждён двумя золотыми медалями:

Куколькин Никифор Иванович. Фото автора

в 1873 году за отлично усердную службу пожалован золотой медалью с надписью «За усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте; в 1890 году за пожертвования, сделанные в пользу псковского детского приюта Святой Ольги, Всемилостивейше пожалован Золотой медалью на Аннинской ленте; за попечительство о раненых и больных ему был выдан в 1879 году знак Красного Креста.

В 1878 году на средства купца Кукольникина и мещанина Болдунова градское кладбище «Скудельня» (Троицкое) в расстоянии 200 сажень от Троицкой церкви обнесено было каменною оградою из булыжника. [11]

Софийский (один из историографов Опочки и его уезда) особенно отмечал роль Кукольникина в создании Вольного пожарного общества в 1874 году и городского общественного банка.

Никифору Ивановичу принадлежит честь издания отдельной книжкой собранных и напечатанных в приложении к «Псковским губернским ведомостям» статей историка

П.И. Бутырского под заглавием «Опыт древней истории г. Опочки», Псков 1879 г. Книга эта была издана в ограниченном количестве и со-

Барышников Яков Петрович, Барышникова Акилина Михайловна. Фото автора

ставляет теперь библиографическую редкость. «Желая поделиться, — говорит Кукольки в предисловии книжки — со своими почтеннейшими согражданами г. Опочки этим… сочинением, как драгоценным и единственным памятником нашей Опочецкой старины, я с особым удовольствием принимаю на себя ходатайство о напечатании сего «Опыта древней истории г. Опочки» на мой собственный счет с единственной целью бесплатно ознакомить своих сограждан с настоящим «Опытом...» в виде моего особого почитания моей дорогой Родины».

Опочецкая городская дума отметила особую деятельность Кукольки на еще при его жизни и по ее постановлению от 10 февраля 1876 г. имя Кукольки на «особенным усердием и ходатайством которого положено основание и утверждение Опочецкого городского общественного банка» занесено было на особую доску почета

Wolneina Balbina. Фото автора

как учредителя банка. Городская дума просила о занесении портрета Кукольникина Н.И. на особую доску. [12]

На территории Покровского кладбища сохранился и старинный склеп, он был приведен в порядок работниками Покровской церкви под руководством о. Иоанна Нетребы. В склепе похоронены представители купеческого рода Барышниковых.

БАРЫШНИКОВА Акилина Михайловна. 19.07.1814 — 25.03.1896. Опочецкая купчиха, похоронена вместе с Барышниковым Я.П. Умерла от старости, на 81-м году жизни. [13]

Если старинные памятники конца XIX века и начала XX века представлены уже в виде часовенок или стел, то в начале и середине XIX века это были обычные прямоугольные плиты. На Покровском кладбище сохранились и такие виды надгробий. Назовем пару из них. Это — **КУДРЯВЦЕВ Пётр Екимович**. Опочецкий купец. Градской голова г. Опочка. и **КУДРЯВЦЕВ Иоким Иокимович.** † 13.02.1830, 52 лет. Умер от натуральной болезни 13 февраля 1830 года. [14]

На Покровском кладбище сохранились и надгробия старинных могил и представителей католицизма. Назовем некоторых из них.

Это — **WOLNEINA Balbina.** †15.05.1910, 98 лет. Жертвовательница денег на строительство римско-католического костела в Опочке и **СТУЛЬГИНСКИЙ Владислав Донатович**. † 05.09.1900. Опочецкий мещанин, завещал земельный участок для строительства римско-католического костела в Опочке.

Попытка описания некрополя старинных могил Покровского кладбища г. Опочки, которые сохранились на настоящее время, является составной часть будущей брошюры, которая носит название (в черновом варианте) ХРАМ ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ г. ОПОЧКИ И ЕГО ОБИТЕЛЬ.

Работа по составлению Покровского некрополя продолжается. Для этого будут изучены сохранившиеся метрические книги и другие источники — в основном некрологи, опубликованные в газетных дореволюционных изданиях, что позволит составить более полный список старинных захоронений XIX — начала XX веков, которые не сохранились до настоящего времени.

Источники:

1. Краткий медико-топографический очерк Псковской губернии. Медико-санитарное положение губернии в начале 1890 г. СПб., 1891 г., с. 305–306.
2. ГАПО, фонд 369, опись 1, дело 2153, лист 4; дело 5295, лист 7.
3. РГИА, фонд 218, опись 4, дело 2602, лл. 2–3, 5, 15–16.
4. ГАПО, фонд 39, опись 22, дело 271, лл. 488 об. — 489; дело 599, лл. 224 об.-225.
5. ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 4379, лл. 37 об.-38.
6. ГАПО, фонд 39, опись 22, дело 271.
7. ГАПО, 39-22-271, л. 484 об.-485.
8. ЗАГС Главного государственного управления юстиции Псковской области.
9. МК Успенской церкви г. Опочка Псковской губернии за 1913 год.
10. ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 720, л. 245.
11. ГАПО, фонд 20, дело 2340, 2309, 2238.
12. ГАПО, фонд 39, опись 22, дело 599, лл. 214 об.-215.
13. ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 4337.

О ВЛИЯНИИ ИНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИКИ ПСКОВСКИХ ГОВОРОВ[1]

Л. П. Михайлова
(Петрозаводск),
кандидат филологических наук,
руководитель Лаборатории лингвистического краеведения
и языковой экологии ПетрГУ

Псковские говоры не одно столетие привлекают внимание историков языка, диалектологов, занимающихся самыми разными лингвистическими вопросами, о чём свидетельствуют библиографические сведения[2], свод сведений о носителях псковской речи с 1945 года[3]. Продолжается издание уникального диалектного словаря — «Псковского областного словаря с историческими данными»[4], начатое под руководством профессора Ленинградского государственного университета Б. А. Ларина, сборников «Псковские говоры», ориентированных на изучение исторических процессов, современного состояния говоров, их лингвогеографическое описание. В этом отношении следует подчеркнуть особое значение трудов доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка Л. Я. Костючук, посвящённых жизни псковского слова со времени фиксации его в памятниках письменности до современного состояния[5]. Труды по истории, языку и культуре Северо-Запада России свидетельствуют о роли Псковской земли в истории нашей страны и Европы[6].

Исторически Псковская земля связана с Верхней Русью — историко-культурной зоной, которая характеризуется как «зона стабильного и раннего взаимодействия славян (словен и кривичей) с финскими племенами лесной зоны Восточной Европы (чудь, весь, меря), а равным образом тех и других — с варягами, скандинавами»[7]. В пре-

делах Верхней Руси выделяется диалектная зона Псковского ядра[8]. В связи с заявленной темой данной статьи — о роли языков иной, не характерной для славянских языков структуры, точнее, прибалтийско-финских языков — описываем лексику с необычным фонемным (звуковым) составом, возникшую, по всей вероятности, в тот период взаимодействия, «когда носители прибалтийско-финских языков и диалектов массово переходили на русскую речь»[9]. В поле нашего внимания находятся фонетические варианты слов, функционирующих в псковских, в том числе и печорских говоров. Богатый материал лексико-фонетических вариантов представлен в ПОС, именно он и послужил основой осуществляемого исследования, при этом особо выделяется лексика печорских говоров.

К лексическим заимствованиям относится известное печорским говорам слово *кя́рпы* мн. «жерди с сучьями, предназначенные для сушки гороха» (КПОС)[10], ср. фин. *kärpäs* «суковатая жердь — остов копны; стояк для сети» (Фасмер 2: 441), откуда также олонецк. *кя́рба* «ствол срубленного нетолстого деревца с обрубками сучьев, служащий примитивной лестницей, по которой поднимаются на верх скирды (преимущественно на лесных сенокосах)» Олон.[11], *кя́рбус* «сучковатый кол, жердь, служащие остовом снопа» Олон. (СРНГ 16: 210). Видимо, родственным является и слово *ге́рпы* мн. «колья, на которых ставят бабки ржи» Петрозав. Олон. (СРНГ 6: 166), в котором отразилась мена глухого и звонкого согласного и усвоение в русской речи гласного [*e*] в соответствии с финским [*ä*]. К семантически модифицированным заимствованиям можно отнести слово *кяр* «древесный гриб, чага» Гд., Ляд. (ПОС 16: 450), ср. в эст. *kera* «клубок, шар» (РЭ-ЭРС: 609), фин. *kerä* «клубок», «кочан», «шар», «колобок» (ФРС: 218). Здесь параллельно наблюдается преобразование [e] > [’a] в исконно ударной позиции.

Сохранение в исконных словах начальных сочетаний заднеязычных согласных с гласными переднего ряда *ки-*, *ке-* также обязано прибалтийско-финскому влиянию, о чём писала С.М. Глускина: «Северо-западная группа восточных славян, начавшая с середины первого тысячелетия н.э. заселять территорию Новгородской и Псковской земли, не пережила вместе с другими славянами процесса второй палатализации. Условием для этого было окраинное положение этой группы и, как следствие, некоторое ослабление контактов с другими

славянами. Известную роль в сохранении заднеязычных перед новыми гласными переднего ряда могло сыграть соседство с прибалтийско-финскими языками, знавшими такие сочетания»[12]. Сравним слова, связанные с обозначением цепа: 1. «ручное орудие для молотьбы из рукоятки и подвижного била, цеп» — *кеп* Пск., Новг., *кепо́к* Остр., *кеве́ц* Стр., *кева́лка* Пск., *кеву́шка* Беж., 2. «часть цепа — короткая палка, ударяющая по снопам» — *кеп* Гд., Стр., Палк., Порх., *кепа́к* Кар., *кепе́тик* Пл., Ляд., *ке́петь* Остр., *кепе́ц* н.- Рж., Стр., Порх., Гд., Остр., Палк., Пушк., *кепи́тик* Гд., *кепо́к* Оп., Пушк., Локн., Н.-Сок., Остр., Себ., Стр., *кеве́ц* Сл., Кр., Остр., *кеви́на* Стр., *кево́к* Сл., 3. «рукоятка цепа» — *кеп* Печ., *кепе́ц* Стр., Пав., *кепо́к* Сл., *кевь* Печ., *кивь* Слан., *кеви́на* Сл., Оп., Ляд., Гд., Остр., Палк., Порх., Пушк., Стр. (ПОС 14: 92, 96). Данные материалы подтверждают этимологическое родство слов с *кеп-* и *кев-*, объединённых семантикой, и «показывает суффиксальную производность основы **cĕp-ati*: **koi-p-*» (ЭССЯ 3: 184), которая представлена в русском литературном языке словами с корнем *цеп-*. К приведённым выше примерам обозначения цепа прибавим слово *кя́петок* «короткая палка, часть привяза» Гд. (КПОС), отражающее переход *е* > *’а*. Некоторые русские северо-западные говоры, включая псковские, сохранили звук [к-] перед гласным [е] из ѣ дифтонгического происхождения, чему способствовало влияние прибалтийско-финской системы, в которой сочетание заднеязычного согласного с гласным переднего ряда было обычным[13].

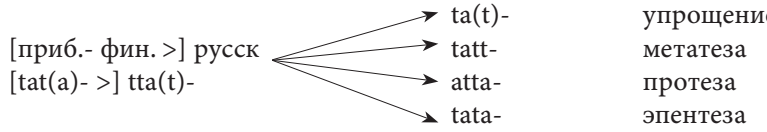
Прибалтийско-финское влияние обнаруживается и в лексемах, имеющих русский словообразовательный облик при иноязычном корне: *замсти́ться* «выпасть из памяти, забыться» Пск. (ПОС 11: 339), *замуста́ть* «сбивать с толку кого-н.» (ПОС 11: 342), ср. фин. *muštua* «чернеть, темнеть» (ФРС: 388).

К фактам прибалтийско-финского воздействия можно отнести и отсутствие согласного перед гласным в начале слова, «финно-угорский *w-* исчез в финском языке перед краткими *о*, *и*, *ӥ*, *а* в саамском перед **о* (> *оа*) и перед *и*»14. Примеры: *и́твина* «поперечный брус, соединяющий вверху полозья саней» (ПОС 13: 356), ср. *витви́на* «прут, тонкая палочка» Кирилл., «большая ветвь» Чухлом. Костром., Новг. (СРНГ, 4: 300); *ёмох* «серп луны в последней четверти, луна на ущербе» Вл. (ПОС 10: 138), ср. *вёмох* «то же» Вл., Н.-Рж., Оп., Нев., Беж., Кр., Н.-Сок., Пореч., Пуст, Пушк., Себ., Сож., Холм. (ПОС 3: 126);

олвяни́ца Пск., Осташк. Твер., Дон. «гриб волнушка розовая» (СРНГ 23, 182), ср. *во́лвенка* «гриб Lactarins torminosus; волнушка» Пск., Свердл., Перм., Тул., Калуж., Курск., Орл., Ворон., Тюмен. (СРНГ 5: 36); *олково́е* окно «волоковое окно» Пск. (СРНГ 23, 188),); *а́лаки* «десны» Остр., Н.-Рж. (ПОС 1: 58), ср. *ла́лака* и *ла́лока* «десна» Пск., Осташк. Твер., Новг., Пуд., Выт. Олон., Холмогор. Арх., Волхов. (СРНГ, 16: 252); *алтора́* «полтора» (ПОС 1: 61); *алта́вка* «перловая крупа» Кр. (ПОС 1: 61), ср. *полта́вка* «сорт крупы» Прион. (СРГК, 5: 61). Отмечено исчезновение начальных звуков [*в*], [*п*], [*л*]. Данное явление распространено преимущественно в северорусских и некоторых среднерусских говорах.

Мена глухих и звонких согласных (d ~ t). Примеры, иллюстрирующие мену d ~ t: *кипю́р* «кружево с выпуклым узорным рисунком» Печ. Пск. (ПОС 6: 163), ср. *гипю́р* «то же» Печ., Себ. Пск. (ПОС 6: 163); *каркáзный* «имеющий круглый каркас» Печ., Пск. (ПОС 13: 501), ср. *каркáс* «круглая железная печка с металлическим остовом» Порх., Пск. (ПОС 13: 501). Пядá, Печ., Пск.[15], ср. *пятá*; *желабóлка* «чашечка у цветка» Пск., Осташк. Твер., «шишка, желвак» Осташк. Твер. (СРНГ 9: 110), ср. *шалабóлки* «головчатые растения» Бат., Хв. Новг., «картофельное яблоко» Валд. Новг. (НОС 12: 74). С.М. Глускина, описывая особенности консонантной системы псковских говоров в данном звене, отмечала 55 случаев «озвончения» и 17 случаев «оглушения», причём звонкие находятся в окружении гласных и сонорных звуков, то есть в сильной позиции. Исследователь видит причины данного явления в иноязычном влиянии: «Такое распределение напоминает отношения между глухими и звонкими аллофонами смычных шумных согласных, предполагаемые в западнофинском праязыке»[16].

Преобразование сочетаний согласных в начале слова проявляется разными способами. Общая схема процесса воздействия прибалтийско-финской языковой системы на русскую в позиции сочетания согласных в начале слова может быть представлена следующим образом:



Упрощение сочетания согласных в позиции перед гласным звуком, формулой tt- > t-, представлено следующими модификатами: *лепо́й* «плохо видящий, слепой» Печ.. Пск. (ПОС 16: 602), ср. *слепо́й*; *лука́ться* «ходить где попало, бродить (о звере)» Гд., Пск. (ПОС 17: 214), ср. *блука́ться* «ходить, бродить, переходить с места на место без особого дела; шляться, шататься» Боров. Новг., Новг., Пск., Твер., Тамб. (СРНГ 3: 31), *блука́ть* «ходить, плутать в поисках дороги» Подп. Ленингр. (СРГК 1: 78).

Внимание привлекает слово *луково́й*, известное в устойчивом сочетании *луково́е окно* (*окошечко*) «задвижное окно» Беж., Кр., Локн., Оп., Остр., Пулк., Пушк., Пыт. Пск. (ПОС 17: 218), ср. *волоково́й* > *волоково́е окно* (*окошечко*) «то же» Вл., Гд., Ляд., Н.-Рж., Палк., Пск., Пуст., Стр. Пск. (ПОС 4: 119). Аналогично употребление слова *лы́ковый*, известного говорам только двух районов Псковской области: > *лы́ковое окно* «волоковое окно» Локн., Пушк. Пск. (ПОС 17: 248). Упрощение анлаута произошло в обоих словах за счёт отсечения начального слога *во-*. Наблюдается перегласовка *о ~ у ~ ы* в корне слова, в слове *лы́ковый* отражена также перетяжка ударения на первый слог.

Протеза tt- > att- иллюстрируется примерами: *абрезе́нт* «редкотканое полотно» Печ. Пск. (ПОС 2: 165), ср. *брезе́нт* «то же» Пск. Пск. (ПОС 2: 165); *аблыка́ть* «ходить, бродить» Порх. Пск. (ПОС 2: 48), ср. *блыка́ть* «то же» Остр., Пушк. Пск. (ПОС 2: 48); *аблыка́ться* «ходить без дела, слоняться» Гд., Печ. Пск. (ПОС 2: 48), ср. *блыка́ться* «то же» Аш., Беж., Гд., Дед., Дн., Кр., Н.-Рж., Оп., Пав., Печ., Пл., Порх., Пск., Пушк., Сл., Сош., Стр. Пск., ЭССР (ПОС 2: 48), «бродить, слоняться без дела, шляться; бродяжничать» Новг., Пск., Твер., Петерб., Смол., Моск., Тамб., Йыгев., Тарт. ЭССР, Йонав. Лит. ССР, *блы'каться* «то же» Славк. Пск. (СРНГ 3: 32).

Эпентеза: tt- > tat-: *балыка́ться* «ходить без дела, слоняться» Гд., Ляд. Пск. (ПОС 2: 48). *балы́к* «скитание, бродяжничество», > *быть в балыку́* «скитаться» Пушк. Пск. (ПОС 2: 48), ср. *блык* «то же», > *пусти́ться в блык* «отправиться бродить, шататься» Н.-Рж. Пск. (ПОС 2: 48). *булыка́ться* «ходить без дела, слоняться» Желачек ЭССР (ПОС 2: 49, 209), Уторг. Новг. (НОС 1: 61; НОС 2010: 47). Последний фонетический вариант — с вставным гласным *-у-* в корне — известен на пограничной территории — в русских говорах Эстонии и западных новгородских говорах.

Метатеза: ttat- > tatt- представлена редко на территории, смежной с Псковской областью, в смоленских говорах: *болка́ться* «часто менять местожительство, переезжая с места на место» Дем., Дор. Смол. (ССГ 1: 213); сравните указанное выше *блыка́ться* «бродить, слоняться без дела, шляться; бродяжничать».

Модификация корня *блык-* привлекает внимание тем, что начало слова преобразуется в нём самыми разными, всеми возможными способами. Ниже представленная сводная таблица включает данные этимологического гнезда с корнем блык-, содержит его модификаты. Буквы «в» и «с» обозначают соответственно «вариант слова» и «самостоятельное слово». Схема в > с показывает переход фонетического варианта в самостоятельное слово, его отход от исходной лексической единицы, разрыв этимологических связей. Именно этот процесс произошёл в смоленских говорах. В псковских говорах преобладают варианты, существующие параллельно с исходной единицей.

Блык-

1. Лыкаться в>с	Кард. Смол.
Лыкала в >с	Духовищ., Поч. Смол.
2. Болкаться в>с	Дем., Дор. Смол.
3. Аблыкать — в	Порх. Пск.
Облыкаться в	Гд.,, Ляд., Печ., Волос.
Аблыкаться в	Гд., Печ. Пск.
Ублыкаться в	Гд. Пск.
Аблыкуший в	Гд., Сл. Пск.
Аблыкуха — в	Гд., Ляд., Печ. Пск.
Облыкуша — в	Печ. Пск.
4. Балык в	Пушк. Пск.
Балыкаться в	Гд., Ляд., Пушк. Пск.
Булыкаться в	Уторг. Новг., Эст.

Представленный материал демонстрирует довольно пёструю словесную картину функционирования слов с начальным сочетанием согласных. Сосуществование различных экстенциальных единиц, явившихся результатом влияния прибалтийско-финской фонологической системы и структурной организации слова, является яркой чертой лексической системы псковских говоров. Указанные процессы, как и многие другие, приводят к изменению внешнего облика

русского слова не только на территории Псковской земли. Псковская лексика, приспосабливаясь к неродственной соседней, испытала в основном иноструктурное воздействие, выразившееся в изменении звукового состава слова, следствием чего в псковских говорах, как и в северорусских, является наличие значительного числа междиалектных лексико-фонетических вариантов. Охват лексики, подвергшейся изменениям в результате внешних проникновений[17], широкая география явлений, подобных описанным выше, расширяет круг проблем, которые стоят перед диалектологами.

Примечания:

1. Исследование выполняется при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.
2. Псковские народные говоры в их истории и современном состоянии: библиографический указатель / Редактор-составитель Н.В. Большакова; составители Л.Б. Воробьева, З.В. Митченко. — Псков: ЛОГОС Плюс, 2013. — 328 с.
3. Псковские говоры и их носители (сведения об изученности псковской народной речи с 1945 г.) — Псков, 1996. — 640 с.
4. Последний выпуск «Псковского областного словаря с историческими данными» вышел в 2014 г. и включает начало списка слов на букву «П».
5. См., например: *Костючук Л.Я.* Псковское слово в прошлом и настоящем. Псков: ПсковГУ, 2011. — 213 с.
6. См.: *Герд А.С.* Язык и речь населения Псковского края // Историко-этнографические очерки Псковского края. Под ред. А.В. Дадло. Псков, 1998. С. 46–53. Псков в российской и европейской истории: Международная научная конференция: В 2-х т. Моск. гос. ун-т печати. — М.: МГУП, 2003;
7. *Глускина С.М.* Мена звонких и глухих согласных в псковских говорах // Псковские говоры. III. Псков, 1973. — С. 49
8. *Лебедев Г.С.* Верхняя Русь по данным археологии и древней истории // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Сла-

вяне и финны / А. Алквист, В.А. Булкин, И.Ю. Винокурова и др.; Под общ. ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. — С. 31–58.
8. *Герд А.С.* Очерк исторической диалектологии Верхней Руси (История ландшафта). — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. — С. 13.
9. *Мызников С.А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ / Ин-т лингв. исслед. — Спб.: Наука, 2004. — С 345.
10. В ПОС данное слово не отмечено.
11. Здесь и далее сокращения географических названий соответствуют данным использованных словарей.
12. *Глускина С.М.* О второй палатализации заднеязычных согласных в русских говорах // Псковские говоры. II: труды второй Псковской диалектологической конференции1964 года. — Псков1968. — С. 41–42.
13. *Лыткин В.И.* Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М. : Наука, 1974. — С. 119.
14. Там же. С. 130.
15. *Глускина С.М.* Мена звонких и глухих согласных в псковских говорах // Псковские говоры. III. Псков, 1973. — С. 37
16. Там же. С. 49.
17. *Михайлова Л.П.* Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. — Петрозаводск: Изд-во КГПА; М.: ООО «Вариант», 2013. 352 с.

Сокращения:
КПОС — Картотека Псковского областного словаря.
НОС — Новгородский областной словарь.
ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными.
СРГК — Словарь русских народных говоров Карелии и сопредельных областей.
СРНГ — Словарь русских народных говоров.
ССГ — Словарь смоленских говоров.
ФРС — Финско-русский словарь.
РЭ-ЭРС — Русско-эстонский и эстонско-русский словарь.
ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков.

ИСТОРИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ ПАЛКИНСКОГО РАЙОНА ДО XVIII ВЕКА

В. С. Дементьев
(Палкино/Псков),
аспирант Кафедры географии ПсковГУ

Территория современного Палкинского района имеет давнюю историю заселения. Примерно 80–100 тысяч лет назад эта территория была покрыта мощным слоем льда, толщина которого могла достигать 500–700 м. О леднике по сей день напоминают озёра, холмы, гряды, валуны… Самым крупным озером района является Белая Струга или Уситовское [2]. Именно на берегу этого озера была обнаружена и изучена стоянка первобытных людей эпохи мезолита (7–6 тысяч лет до н. э.) [1].

Стоянка данного периода является единственной на территории Псковской области. Она находится в 6 километрах от поселка Палкино (рис. 1).

Во времена неолита (6 тысяч лет до н.э.) территория района уже была сравнительно плотно заселённой. Люди в то время занимались охотой, рыбной ловлей, собирательством ягод, грибов и орехов. В отличие от нынешнего времени, вся территория района была покрыта лесами. Люди поселялись на берегах озёр и рек. В связи с небольшой численностью населения территория района оставалась малоосвоенной в хозяйственном плане [2].

Позже население стало разводить домашних животных — коров, свиней, коз и лошадей. В быту местные жители начали использовать глиняную посуду, орудия из кости и камня, а немного позднее — изделия из железа. Жилища в это время стали укрепляться земляными валами. Например, в 1912–1913 годах одной из археологических

Рис. 1. Местоположение стоянки эпохи мезолита (V–VII тыс. до н. э.)

экспедиций на территории района были обнаружены древнее городище и оборонительные земляные валы. Данные укрепления находились в районе деревень Грибули, Сопки, Раихино, а также вдоль рек Великая и Кудеб. Там же были выявлены насыпные курганы [2]. Курганы обнаружены в деревнях Медведково, Демеши, Кузнечонки, что на берегу реки Кудеб и в Носове, Лещихине, что на берегу и недалеко от реки Великой. В деревне Сопки курганная группа была разрушена распашкой (рис. 2) [1].

С середины первого тысячелетия нашей эры территория района стала осваиваться славянами-кривичами. Вероятно, что до прихода кривичей здесь жили финно-угорские племена. Какое-то время кривичи жили на одной территории с финно-угорскими племенами, но постепенно ассимилировали последних.

Рис. 2. Археологические памятники Палкинского района [1].

Цифрами обозначено:
Памятники погребальные и языческого культа: 1; 2 — Крашняково; 3 — Варницы; 4 — Сухлово; 5 — Лещихино; 6 — Рычково; 7 — Демеши; 8 — Бунгино; 9 — Медведково; 10 — Заполье; 11 — Панкратово; 12 — Ярлыки; 13 — Носово; 14 — Сопки; 15 — Веретье; 16 — Ванино.
Селища: 1 — Болотово; 2 — Леонтьево; 3 — Усадище; 4 — Крюково; 5 — Ерилово-Бородино; 6 — Раихино; 7 — Медведево; 8 — Ванино; 9 — Родовое; 10 — Флорево; 11 — Заполье; 12 — Бунгино; 13 — Медведково; 14 — Борохново; 15 — Синицы; 16 — Дивино; 17 — Плавучая Берёза; 18 — Жуково; 19 — Ерёмино; 20 — Палкино; 21 — Локно.
Городище: I — Борохново.

Рис. 3. Поселения древних племён на западных рубежах Киевской Руси.

Соседями кривичей с запада являлись племена балтов, являющиеся предками современных латышей. Латыши до сих пор Россию именуют «Криевия» [2].

В память о тех временах на территории района до наших дней сохранились языческий культовый камень I — начала II тысячелетия на северо-восточном склоне Веретьей горы, в 200 метрах к юго-западу от деревни Веретье, и культовый камень «Перун» I–II тысячелетия, обнаруженный на западной окраине деревни Колчино, прямо посреди пашни [5]. Веретья гора является высочайшей точкой в Палкинском районе, её высота составляет около 163 метров.

Гора на данный момент является объектом культурного наследия регионального значения, а находящийся на ней культовый камень объявлен памятником археологии [6]. Второй культовый камень находится в деревне Колчино Новоуситовской волости.

В деревне Борохново, что в 2 километрах от Палкина, расположено городище, которое датируется 2-й половиной I тысячелетия [1].

Гора Веретье — наивысшая точка Палкинского района
и историко-археологический объект

Есть предположение, что поселение на данном городище было укреплено и имело свой ров. Но в ходе археологических раскопок, которые производились здесь в начале 80-х годов XX века и в 2010–2012 годах, было выяснено, что поселение перестало существовать в результате пожара, хотя частично использовалось и в дальнейшем [4].

Современная территория Палкинского района примыкает к таким древнерусским городам, как Изборск и Псков. Такое приграничное положение, безусловно, сказывалось на развитии и жизни населения на этой территории. Это связано с тем, что Псков и Изборск вели многочисленные войны, которые напрямую влияли на жизнь местного населения. Многие войны прокатывались по территории современного Палкинского района и сопровождались разорением местного населения, уничтожением деревень и сёл. До появления названия «Палкино» это место именовалось «Смолино», что указывало на главное занятие поселян — добычу смолы, дёгтя и поташа. До сих пор церковный приход в Палкине именуется Смолинским. Речка и озеро в райцентре называются соответственно Смолинка и Смолинское [5].

Городище Борохново

В 988 году Киевская Русь приняла христианство. Это коснулось и Палкинской земли — язычников здесь становилось всё меньше, христианство стало основной религией. Вместо языческих капищ возводились деревянные церкви и часовни. Но об их существовании на территории района в древний период на данный момент пока ничего неизвестно.

Дальнейшая жизнь населения района была связана с защитой западных рубежей. Псков вёл бесконечные войны, в которых также принимали участие палкинские жители, что не удивительно, так как Палкинская земля являлась пограничной. Палкинские земли из века в век находились на пути передвижения неприятельских войск, что собственно и объясняет малозаселённость территории. Для защиты Псковской земли от неприятеля были построены новые крепости в Изборске и Острове. Палкинская земля оказалась на перепутье между укреплёнными городами. На протяжении XIII века территория Псковской земли не раз подвергалась нашествию немецких рыцарей и литовцев. Например, в 1247 году на реке Кудеб произошла

битва между литовским и русским войсками. Для жителей Палкинской земли это был тяжёлый период. На протяжении XIV–XV веков Псковская земля вновь подвергалась нападению ливонских рыцарей. На Палкинской земле больше всего страдала центральная её часть, так как враг при передвижении из Изборска в Остров опустошал населённые пункты на этой территории.

На протяжении XII–XV веков Палкинская земля неоднократно подвергалась стихийным бедствиям, которые сопровождались неурожаями, болезнями, голодом и другими невзгодами. Примерами могут служить неурожаи в 1128, 1161, 1230, 1430, 1435 и другие годы. Территория района на себе испытывала многочисленные засухи, сильные морозы и другие природные ненастья, которые сопровождались голодом, болезнями, от которых погибало много местных жителей.

Палкинская земля на протяжении XI–XVI веков входила в состав Новгородской и Псковской республик, а в 1510 году, как и вся Псковская земля, вошла в состав Московского государства. Местное население было по-прежнему малочисленным, в основном проживало в небольших деревнях, на берегу водоёмов. Основными занятиями жителей были земледелие, рыболовство и огородничество. Населённые пункты располагались на пустошах — тех территориях, где ранее был лес, впоследствии вырубленный или уничтоженный пожаром. Преобладало подсечное земледелие, то есть несколько лет сельскохозяйственные культуры выращивались на землях, на которых когда-то произрастал лес, в дальнейшем вырубленный или выжженный. Когда земля теряла своё плодородие, жители искали новый участок для земледелия. В те времена большая часть Палкинской земли принадлежала феодалам-боярам, монастырям и церквям. С XV–XVI веков начинается закрепощение крестьян.

Перед присоединением Псковской республики к Московскому государству будущая палкинская территория была поделена между Псковским (Завелицкая и Прудская засады), Островским и Изборским уездами (рис. 4).

По всей территории Московского государства в сельском хозяйстве тогда стал применяться трёхпольный севооборот. Через некоторое время он стал использоваться и на территории Псковской земли. Система трёхпольного севооборота палкинскими крестьянами применялась вплоть до XX века.

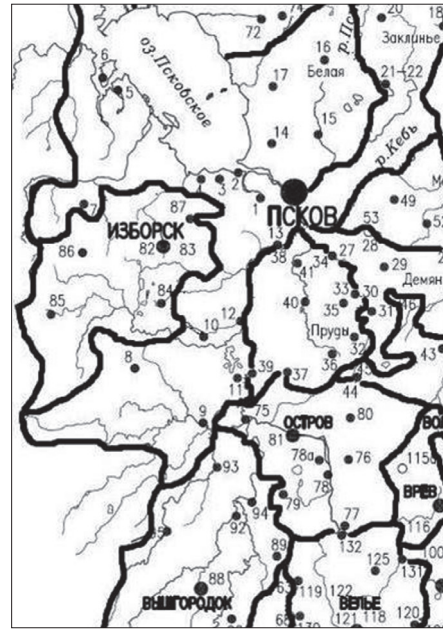


Рис. 4. Положение территории Палкинского района в составе средневековой Псковской земли [3]

XVI век для Псковской земли оказался весьма тяжёлым: во-первых, по ней прокатилась Ливонская война; во-вторых, начались эпидемии различных болезней. Например, в 1592 году произошла эпидемия чумы — из-за болезни умерло много жителей. Данная территория к тому времени была и так уже опустошена в результате Ливонской войны и нашествия войск польского короля Стефана Батория. Из-за болезни появилась необходимость переселения жителей других уездов на опустошённые земли.

В течение XVI века палкинцы участвовали в многочисленных войнах в составе войск московского государя. На рубеже XVI–XVII веков, в Смутное время, местное население пережило трёхлетний голод. Немного позднее ко всем бедам прибавилось нашествие литовских войск — были разорены многие сёла и деревни. Но вскоре после вступления на престол Михаила Романова наступило некоторое затишье. К тому времени Палкинская земля была разорена многочислен-

ными войнами, голодом, эпидемиями. Население здесь сократилось многократно — по некоторым оценкам, в десять раз. На Палкинской земле находились участки, принадлежавшие Псково-Печерскому монастырю. Крестьяне продолжали платить большой налог помещикам и государству, в виде оброка, а затем в виде барщины [2].

Вся территория современного района почти за весь период средневековья приняла на себя ряд испытаний, которые были связаны с многочисленными войнами, эпидемиями, природными катаклизмами, голодом. До конца XVIII века территория современного Палкинского района оставалась слабо заселённой, так как здесь было много заболоченных земель, значительная часть территории была покрыта лесом. Перелом в заселении данной территории наметился в конце XVIII века и был связан с быстрым ростом товарного льноводства и укреплением Российского государства. В дальнейшем эта территория стала одной из самых продуктивных льноводческих частей Псковской губернии [5].

Источники:

1. Кадастр «Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области» / Кол. авторов. — Псков: ПГПИ, 1997. — 732 с.
2. *Кайдалов Г.А.*, *Кайдалова И.А.* Страницы истории Палкинского района Псковской области. — Псков: ООО фирма «Псковское возрождение», 2003. — 392 с.
3. *Харлашов Б.Н.* Погосты и губы в Псковской земле XIV–XVI вв. Автореферат диссертации кандидата исторических наук. М.: Институт археологии РАН, 1995. 6 с.
4. URL: http://nwpskov.ru/content/articles/?ELEMENT_ID=5720&SECTION_ID=597
5. URL: http://portal.pskovlib.ru/palkinskiy-rayon/krayevedenie
6. URL: http://tourism.pskovlive.ru/obj/monasteries/3601
7. URL: http://www.zapoved.net

ВЛАДИМИР ДАЛЬ И ОРЕНБУРГСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

И. К. Зубова
(Оренбург),
кандидат физико-математических наук,
доцент Кафедры математического анализа ОГУ

В истории оренбургского краеведения важное место занимает период с 1833 по 1841 годы, когда военным губернатором Оренбургского края был Василий Алексеевич Перовский (1795–1857). Чиновником особых поручений при нём был Владимир Иванович Даль (1801–1872).

В. И. Даль, создатель «Толкового словаря живого великорусского языка», известный лексикограф и писатель, был человеком энциклопедических знаний и разносторонних интересов. Его можно с полным правом называть и замечательным этнографом, натуралистом, востоковедом. Жизненный путь В. И. Даля, как замечают его биографы, можно разделить на несколько отрезков, каждый из которых, продолжительностью около семи лет, связан с определённым видом его деятельности и немалыми успехами на этом пути.

По первому образованию Даль — морской офицер. В 1819 году он окончил Морской кадетский корпус в Петербурге и затем семь лет отслужил на флоте. Однако, убедившись, что морская служба — не его призвание, в 1826 году он поступил на медицинский факультет Дерптского университета, который окончил досрочно в 1829 году. В это время началась русско-турецкая война, куда были мобилизованы все казённокоштные студенты-медики. Даль прошёл всю эту войну в качестве военного хирурга. После войны он заведовал лазаретом в Умани, боролся с холерой в Каменец-Подольске, а в 1831 году вновь оказался в действующей армии — при подавлении польского мятежа.

Неизвестный художник. Портрет В. И. Даля. Конец 1830-х гг.

После окончания польской кампании, весной 1832 года, Даль получает назначение в военно-сухопутный госпиталь в Петербурге, где становится широко известен как блестящий хирург.

Таким образом, семь лет им было отдано медицине. Однако в начале 30-х годов из-за беспорядка, который ему пришлось наблюдать в госпитале, из-за царившей там бюрократии и бездушия по отношению к больным, Даль решает оставить медицину и совершенно переменить род деятельности.

В 1833 году, после внезапной смерти 20 марта этого года оренбургского военного губернатора П.П. Сухтелена, на этот пост назначается генерал-адъютант В.А. Перовский, имевший к своим тридцати семи годам богатую событиями биографию и большие военные заслуги. Блестяще образованный и чрезвычайно энергичный человек, он рад был новому назначению, которое давало ему возможность новой, широкой и интересной деятельности. Получив назначение, он сразу же начал формировать свою «команду» и пригласил В.И. Даля на должность чиновника особых поручений.

Знакомство Перовского и Даля состоялось, скорее всего, через литераторов. Ведь в это время Даль уже опубликовал под псевдонимом «Казак Луганский» свои первые сказки, вызвавшие живое одобрение А.С. Пушкина и других писателей. С В.А. Жуковским Даль был знаком со времени своей учёбы в Дерпте. Перовский же поддерживал самые тесные связи с литераторами: он был ближайшим другом Жуковского, приятелем Пушкина, родным братом Антония Погорельского — под таким псевдонимом вошёл в литературу Алексей Алексеевич Перовский, также дружески общавшийся с Далем.

Осенью 1833 году Даль с молодой женой Юлией Егоровной приезжает в Оренбург — город, с которым для него будут связаны следующие восемь лет. Этот период занимает важнейшее место как в его личной жизни, так и в творческой биографии. Вместе с тем эти годы представляют собой важный период в истории изучения Оренбургского края. Как и его предшественник П.П. Сухтелен, В.А. Перовский большое внимание уделял научным исследованиям в крае.

В этот период Оренбург был пограничным городом, крепостью, стоявшей на страже юго- восточной границы России. Кроме того, это был центр дипломатического и торгового общения государства со среднеазиатскими ханствами, отношения с которыми были у России непростыми. Оренбургский военный губернатор должен был также следить за порядком в «киргиз-кайсацкой», то есть казахской степи. К этому времени прошло уже сто лет с тех пор, как казахи приняли российское подданство, однако их непрерывные междоусобицы и отношения с враждебным России Хивинским ханством ставили перед русской администрацией немало проблем.

Главная же из них состояла в том, что хивинцы, нередко при пособничестве степных кочевников, постоянно нападали на торговые караваны, грабили их и при этом (а также и при многих других обстоятельствах) захватывали в плен русских людей, которых затем продавали на невольничьих рынках Хивы и Бухары.

Документы Государственного архива Оренбургской области показывают, насколько разнообразной и напряжённой была деятельность чиновника особых поручений при Оренбургском военном губернаторе, обязывавшая входить во все эти проблемы. В то же время эта должность позволила Далю глубоко и всесторонне изучить Оренбургский край. Его живо интересовала и разнообразная природа, жи-

вотный мир этого края, и жизнь населявших его народов, и сведения о малодоступных тогда государствах Средней Азии, поступавшие в Оренбург. Оренбургский период нашёл широкое отражение в литературном и научном творчестве, которого Даль не оставлял, несмотря на огромную служебную занятость.

С самого начала своей службы в Оренбурге Даль начинает знакомить российскую публику с этим совсем ещё малоизвестным краем. Первые публикации о башкирах и уральских казаках появляются в «Ежегоднике Дерптского университета» и в газете «Северная пчела».

«Если вообще край здешний представляет смесь необыкновенного, странного, многообразного, хотя ещё дикого, то уральское войско и заповедный быт его, столь мало известный, заслуживает внимания и удивления», — пишет Даль в письме к главному редактору «Северной пчелы» Н.И. Гречу уже в сентябре 1833 года, после своего первого знакомства с уральскими казаками. Вскоре письма Гречу, предназначенные для публикаций в этой газете, становятся регулярными. На основе этих заметок спустя 10 лет в сборнике «Наши, списанные с натуры русскими», изданном в Петербурге, появится очерк Даля «Уральский казак», представляющий собой результат этнографического исследования, заключённого в литературную форму. Очерк сразу получил высокую оценку В.Г. Белинского.

Полны этнографических деталей и произведения Даля «Майна», «Башкирская русалка», «Бикей и Мауляна» — первое в русской литературе произведение о жизни казахов. В основу его легли реальные события. Повесть о большой любви двух незаурядных молодых людей, погубленных завистью и алчностью близких, была написана на основе документов Оренбургской пограничной комиссии и рассказов очевидцев. В ней нашли место богатые сведения из истории Оренбурга, описания города, обычаи казахов, их яркие портреты. Повесть проникнута симпатией и глубоким сочувствием к её героям.

Особо следует отметить роль В.И. Даля в истории создания Оренбургского краеведческого музея, которому исполнилось уже 180 лет. Создателем первого в Оренбурге музея был военный губернатор П.П. Сухтелен. В 1830 году, считая, что чрезвычайно интересный во многих отношениях оренбургский край малоизвестен даже его жителям, он решил, что музей особенно необходим учащейся публике. Поэтому начало музею положено было при Неплюевском военном

Дом В. И. Даля в Оренбурге (ул. Пушкинская, д. 42). Фото И. К. Зубовой

училище, открытом в 1825 году и названном в память основателя Оренбурга И.И. Неплюева.

Сухтелен обратился ко многим чиновникам, учёным, начальникам заводов, губернаторам других регионов с просьбой о содействии в создании музея. На его просьбу откликнулись с большим энтузиазмом, и к 1833 году музей при Неплюевском военном училище имел богатую коллекцию и был заметной достопримечательностью города, о чём свидетельствуют как архивные документы, так и свидетельства современников. Музей состоял из двух отделов: этнографического и естественноисторического, то есть включающего в себя экспонаты, относящиеся к зоологии, ботанике, минералогии.

В.А. Перовский, который сам увлекался коллекционированием редкостей и был неплохим знатоком ботаники, сразу уделил внимание музею. По его указаниям был наведён должный порядок в управлении музеем, в его финансировании и учёте имущества.

Однако со временем музей при училище пришлось передать в ведомство военно-учебных заведений, и Перовский решил, что теперь нужно создать новый музей края, который принадлежал бы уже городу Оренбургу. Строительство здания для такого музея было начато в 1835 году. Экспонаты были поделены: при Неплюевском училище остались минералогическое собрание и нумизматический кабинет,

а остальные коллекции перешли в «Музеум края». Архивные документы, которые удалось обнаружить в ГАОО и ПФА РАН, показывают, что В.А. Перовскому и В.И. Далю принадлежит не только заслуга организации этого музея, но и большой личный вклад в формирование его фондов.

В.И. Даль получил в Дерптском университете не только медицинское, но и основательное общебиологическое образование. В годы учёбы он так увлекался зоологией, что даже хотел стать учёным-зоологом, но выбрал медицину из материальных соображений, так как семья его была очень небогата. В Оренбурге эти его интересы нашли широкое применение.

Зимой 1836–1837 года В.А. Перовский и В.И. Даль находились в длительной командировке в Петербурге, решая в столице целый ряд важных для края вопросов (Именно поэтому Далю суждено было оказаться у постели умирающего Пушкина). К их числу относился и вопрос о подготовке для оренбургского музея квалифицированных мастеров чучельного дела. Перовский обратился к директору Зоологического музея Петербургской Академии наук академику Ф.Ф. Брандту (1802–1879). В это время Брандт для пополнения коллекций столичного музея устанавливал связи с натуралистами- любителями, работавшими в разных регионах России, и просил их присылать в столицу образцы шкур животных и птиц этих регионов. Малоизвестный животный мир Оренбургского края представлял для него большой интерес. Рассчитывая получить интересные экспонаты для Зоологического музея, он с готовностью согласился взамен выполнить просьбу Перовского об обучении чучельников.

Решено было отправить к Брандту в Петербург четырёх способных «казачьих малолетков» — подростков-казачат. Всё, что было связано с их обучением, было поручено Далю. В дальнейшем он от имени военного губернатора вёл всю официальную переписку обо всех делах, касающихся этих молодых людей: оплате их учёбы, условиях их жизни, их прилежании и поведении и т.п. Кроме того, именно на Даля возлагались все обязанности, связанные с добычей и отправкой в петербургский Зоологический музей шкур редких животных из Оренбургского края и зауральских степей. Деловая переписка с академиком Брандтом быстро приобрела дружеский характер и сделалась научной.

Четверо юношей, прошедших обучение в столице, вернувшись в Оренбург, поступили в полное распоряжение В.И. Даля и работали под его непосредственным руководством до 1841 года, то есть до отъезда Даля и Перовского в Петербург. Архивные документы показывают, что все они и впоследствии были связаны с деятельностью оренбургского музея, а самый талантливый из них — Андрей Скорняков, вероятно, по протекции Даля, несколько лет работал препаратором Зоологического музея в Петербурге.

Оренбургский период сыграл в дальнейшем важную роль в биографии Даля-зоолога. В 1844 году в «Литературной газете» появилась серия его статей под общим названием «Зверинец». Статьи эти представляли собой научно-популярные очерки, написанные в основном на материале собственных наблюдений Даля над животными Оренбургского края и зауральских степей. В частности, статья о верблюде была едва ли не первым описанием этого совсем ещё не известного науке животного.

21 декабря 1838 года Петербургская Академия наук избрала Даля членом-корреспондентом по естественному отделению, тем самым он получил официальное признание как учёный-натуралист, — кандидатура его была выдвинута академиками Я.И. Шмидтом, Ф.Ф. Брандтом и К.М. Бэром.

В 1847 году Даль был назначен редактором и составителем учебников по естественной истории для военно-учебных заведений. Учебники по зоологии и ботанике были опубликованы соответственно в 1847 и 1849 годах. Первый из них был написан Далем в соавторстве с известным педагогом и натуралистом А.Ф. Постельсом и иллюстрирован художником А.П. Сапожниковым. Эти учебники явились в значительной степени итогом деятельности Даля как натуралиста в оренбургский период его жизни.

Среди проблем, занимавших Даля и как литератора, и как учёного, и как государственного служащего во время его деятельности в Оренбурге, большое место занимали судьбы сотен людей, находившихся в неволе в Хиве и Бухаре, попавших туда не в связи с военными действиями, а украденных и угнанных в рабство. Разбой такого рода в XVII–XIX веках процветал на восточных границах России. В 20–30-х годах XIX столетия свыше четырёхсот русских томились в неволе в государствах Средней Азии. Хотя и редко, но случалось,

что отдельным счастливцам удавалось освободиться, бежать или, ещё того реже, заслужить освобождение. Такой человек, прежде чем вернуться домой, оказывался сначала в Оренбурге и давал обстоятельные показания Оренбургской пограничной комиссии.

Бывший невольник должен был назвать своё имя, рассказать о том, чем он занимался до пленения и при каких обстоятельствах был пленён. Затем он описывал свою жизнь в неволе и объяснял, как ему удалось освободиться. После этого ему задавали самые разнообразные вопросы о жизни и быте людей, среди которых он жил, об их скотоводстве, земледелии, способности воевать, отношении к России и русским. Такие показания были тогда для русского правительства единственным и поэтому чрезвычайно ценным источником сведений о Средней Азии. Этими показаниями пользовался Даль при написании нескольких захватывающих рассказов, познакомивших российского читателя с бытом восточных народов и судьбами мужественных русских людей.

Так, в основе рассказа «Осколок льду» лежит реальная история русской девушки. Когда она, будучи ещё девочкой-подростком, пасла в поле телят, её украли кочевники и продали в Бухару. Здесь она попала в услужение к эмиру и три года ухаживала за ним, человеком немолодым и болезненным. Работящая, расторопная, жизнерадостная, но очень строгого поведения девушка полюбилась не только эмиру, но и его приближённым и другим невольникам. И после того, как она в жаркий день раздобыла осколок льда для больного, лежавшего в жару эмира, тот не только отпустил её на волю, но и отправил с торговым караваном домой, в Орскую крепость.

Рассказы пленников Фёдора Грушина и Якова Зиновьева, которые были украдены туркменами во время рыбной ловли на Каспийском море, были написаны Далем от лица самих этих людей. Сызранский мещанин Фёдор Грушин провёл десять лет в рабстве у хивинского хана, несколько раз бежал, его возвращали, но не казнили: при дворе хана он пользовался уважением за свою богатырскую силу. В конце концов, очередная попытка побега ему удалась. Один из казахских султанов-правителей помог Фёдору и его товарищу добраться до Оренбурга.

Яков Зиновьев, экономический крестьянин Московской губернии, служил тюленщиком у купца Голикова в Астрахани и попал в плен

Даль и Пушкин в Оренбурге. Скульптор Н. Петина, архитектор С. Смирнов

летом 1831 года. Он, как и ранее Грушин, стал рабом хивинского хана, тоже несколько раз бежал, наконец, после многих испытаний, попал в Бухару.

В противоположность хивинскому хану, бухарский эмир стремился поддерживать с русским императором торговые и дипломатические отношения. Он запретил подданным иметь русских рабов и строго покарал тех, кто до этого указа плохо обращался со своими невольниками. С того момента все русские в Бухаре находились только при дворе эмира и там с ними относительно неплохо обращались. Якова Зиновьева привели в Оренбург вместе со слоном, которого эмир получил от афганского правителя и отправил в дар русскому императору. При этом, как рассказывал Зиновьев Оренбургской пог-

раничной комиссии, серебряную сбрую, в которой слон пришёл в Бухару, и ковры, которыми он был покрыт, эмир оставил себе, и даже клыки у слона отпилил.

Этот рассказ Даль за подписью «Владимир Луганский» опубликовал в 1839 году в газете «Санкт-Петербургские ведомости», дополнив его рассказом ещё одного бывшего пленника, урядника Егора Попова, который описывает два трагических случая с русским пленником Егором Щукиным и с группой английских купцов. Попов был свидетелем жестокой и бессмысленной казни этих людей по приказу хивинского хана.

Начиная с XVIII века русское правительство постоянно искало способы прекратить кражи людей с угоном их в Среднюю Азию. Но только зимой 1839–1840 года Хивинский поход Перовского положил конец этому разбойному промыслу. Поход считался неудачным, так как русские войска не дошли до Хивы. Однако после него хивинский хан Алла-Кул, выполняя требования правительства России, отпустил на волю всех русских невольников, а затем своим указом запретил хивинцам производить набеги на российские владения и даже покупать русских рабов.

Даль был участником этого тяжелейшего похода, он вместе со всеми испытал все его трудности, выполняя множество разнообразных служебных обязанностей, а иногда и оказывая больным медицинскую помощь.

Мы остановились здесь лишь на трёх направлениях деятельности В.И. Даля по изучению Оренбургского края.

Источники:

1. *Даль В.И.* Письма о Хивинском походе //В.И. Даль. Полное собрание сочинений. Т. 10. — СПб., 1898. С.445–509.
2. *Матвиевская Г.П., Зубова И.К.* Владимир Иванович Даль в Оренбурге. — Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 2007. — 383 с.
3. *Матвиевская Г.П.* Переписка В.И. Даля с академиком Ф.Ф. Брандтом // Академия наук в истории культуры России XVIII–XIX веков. — С.-Петербург: Наука, 2010. С. 335–356.

ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СОБЫТИЯ ВОЙНЫ 1240–1242 ГОДОВ КАК ЗАДАЧУ ИССЛЕДОВАНИЯ ОПЕРАЦИЙ

В. А. Потресов
(Москва),
кандидат технических наук,
участник экспедиции АН СССР
по уточнению места Ледового побоища

Постановка задачи исследования

Одним из событий, подвергающихся переоценке, является Ледовое побоище: ставится под сомнение победа Александра Невского, высказываются мнения о банальной пограничной стычке. Причины этого в том, что, несмотря на уникальное совпадение оценок в ливонских и русских источниках, их толкование содержит ряд «белых пятен».

Историки, исследовавшие событие, рассматривают его автономно, не в контексте войны 1240-х — 1242-х годов, которую вёл Новгород с Ливонским орденом. Изучая летописи, они оставляют за бортом военный быт (питание, физические возможности людей и другие, которые являются константами); упускают способы и сроки передвижения, маршруты войсковых коллективов; не учитывают метеофакторы, вероятность случаев; упускают роль разведки.

Данное исследование ставит задачу существенного снижения неопределённостей в оценке развития событий, предшествовавших и непосредственно следующих за Ледовым побоищем с помощью математико-эвристических методов.

Метод решения

Исследование операций — раздел системного анализа, междисциплинарного средства решения задач высокой неопределённости. Эти методы применяются в планировании боевых действий, оценке эффективности оружия, воинских формирований, решения комплексных задач снабжения, передвижения армий и многого другого [1].

В исследовании впервые рассматриваются события, предшествовавшие и спровоцировавшие битву на Чудском озере в пространстве действующих аргументов, не учитывавшихся ранее; исследован временно́й фактор развития событий, выполнена несмещённая оценка некоторых числовых величин.

Настройка метода для конкретной задачи

При исследованиях Чудской битвы пространства аргументов формировалось произвольно, поэтому толкования (конечная функция) существенно отличались.

Пусть существует некоторое множество M всех аргументов, влияющих на событие, такое, что все элементы пересекающихся подмножеств $a_i \in A$ и $b_j \in B$ принадлежат M.

$$a,b \in M$$

Легко видеть, что функция
$f_n = f_n\,(a_1, a_2 \ldots a_n)$, где $a_1, a_2 \ldots a_n$ — подмножество A_n аргументов, описывающих событие, в общем случае не равна функции:
$f_m = f_m(b_1, b_2 \ldots b_m)$, где $b_1, b_2 \ldots b_m$ — подмножество B_m других аргументов, характеризующих событие иным автором (функции называются равными только в том случае, если они принимают равные значения при равных значениях аргументов, то есть подмножество A_n, в общем случае, не равно B_m).

Прежде, например, Карамзин, уклонился от точной локализации Ледового побоища, учитывая тексты источников:

$$y_1 = f_1(x_1),$$

конечное значение функции формировалось одним аргументом [2].

Поздние исследователи (например, Бунин) добавили географическую среду, введя аргумент x_2: $y_1 = f_1(x_1, x_2)$, повысив определённость.

Экспедиция Караева [3] ввела новые аргументы: приёмы средневекового боя (x_3), численно обобщила изменяемость аргумента x_2 (географической карты) во времени (аргумент t), гидрологию озера (феномен сиговицы), прогноз погоды, топонимики района, геологические особенности, водно-волоковые пути (зимники). Это позволило построить сложную функцию:

$$y_2 = f_2\,[x_1, t(x_2) \ldots x_{k-1}, x_k],$$

где k — число аргументов, существенно влияющих на конечный результат.

Битву на Чудском озере нельзя сводить к задаче одного-двух аргументов (числу участников, погибших рыцарей, слов в летописях и т.п.). Есть важные аргументы, позволяющие снять неопределённости в оценке Ледового побоища, как заключительного сражения войны 1240 — 1242 годов:

- временная атрибутация событий в принятой на 1240-е годы системе исчисления (календарь);
- направления передвижения войск;
- снабжение армии;
- данные о технических возможностях перемещения;
- роль разведки;
- метеоусловия;
- случайные факторы;
- сведения из документальных источников, не рассматривавшихся прежде.

АНАЛИЗ СОБЫТИЙ ВОЙНЫ 1240–1242 ГОДОВ

I. Ливонская интервенция и интрига с князем

1. Захват Изборска и сдача Пскова войскам Ордена

НПЛ [4]: *Того же* ***лета <6748 [1240]> взяша Немци****, медвежане, юрьевци, вельядци с княземь Ярославомь Володимиричемь* ***Изборьско****. И* ***выидоша пльсковичи вси, и бишася с ними, и победиша я Немци.****<…>. дети поимаша у добрыхъ мужь в тали, и отъидоша проче; и тако быша безъ мира: бяху бо переветъ держаче с Немци пльсковичи, и* ***подъвели ихъ Тве/л.128./рдило Иванковичь съ инеми, и самъ поча владети Пльсковомь с Немци, воюя села новгородьская****.*

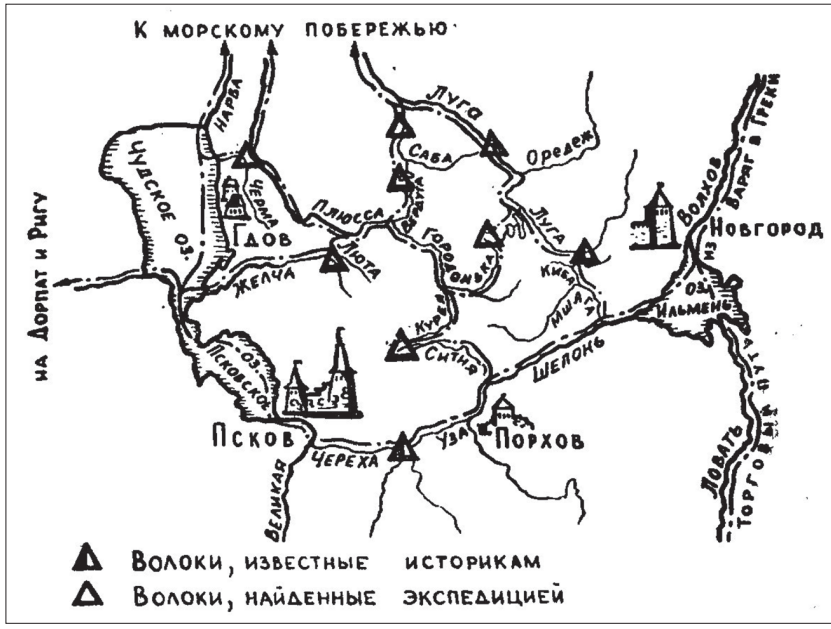


Схема 1. Древние водные пути новгородские

В конце лета 1240 года войска Ливонского ордена вторглись в пределы Новгородских и Псковских владений. Расчёт агрессоров, захвативших Изборск, а затем Псков, был связан с созданием военных баз на южном направлении для взятия Новгорода. Копорье готовилось с той же целью на северном. Захват этих пунктов обеспечивал снабжение армии за счёт местного населения [5].

Псковичи, исчерпавшие оборонные ресурсы потерями в битве за Изборск, сдали город. В Ливонской рифмованной хронике (2151–2154) говорится: «Русские изнемогли от боя // под Изборском // они сдались ордену» [6], а перед этим (2137-2138): «Псковичи тогда // не были рады гостям»[7].

2. Исход Александра Невского из Новгорода

НПЛ: ***В то же лето, тои же зимы выиде князь Олександръ из Новагорода*** *къ отцю в Переяславль съ матерью и с женою и со всемь дворомь своимь, роспревъся с новгородци.*

Зимой 1240–1241 годов, рассорившись с Александром Невским, новгородские бояре изгоняют его из города.

3. Создание военной базы в Копорье

НПЛ: *Тои же зимы придоша Немци на Водь с Чюдью, и повоеваша и* ***дань на нихъ възложиша, а городъ учиниша в Копорьи*** *погосте.*

Зимой 1241-го рыцари захватили северо-западные Новгородские земли (Водскую пятину), создали военную базу крепость Копорье и обложили данью местное население.

Взволновал Новгород не захват земель (И не то бысть зло…), а то, что ливонские мобильные отряды грабят купцов в тридцати верстах от Новгорода (***за 30 верстъ до Новагорода ганяшася,*** *гость биюче; а семо Лугу и до Сабля*).

Погост Саблё: княгиня Ольга в 947 году «установила по Мете и Луге погосты, оброки и дани» [8].

4. Возвращение Александра в Новгород

НПЛ: *Новгородци же послаша къ Ярославу по князя, и дасть имъ сына своего Андрея. Тогда же сдумавше новгородци, послаша владыку с мужи опять по Олександра; а* ***на волость Новгородьскую наидоша*** *Литва, Немци, Чюдь, и* ***поимаща по Луге вси кони и скотъ****, и нелзе бяше орати по селомъ и нечимь, олна вда Ярославъ сына своего Александра опять* [9].

Бояре, чтобы вернуть Александра, посылают переговорщиков к Ярославу — тот предлагает младшего Андрея. Новгородцев начинают волновать проблемы сельского хозяйства, пахоты — стало быть, начало переговоров — весна 1241 года.

НПЛ: ***В лето 6749*** **[*1241*]*.*** ***Приде Олександръ князь в Новъгородъ****, и ради быша новгородци.*

Вероятнее всего, поздней осенью 1241 года Александр возвращается в Новгород.

II. Северо-западный поход Александра Невского

5. Возвращение Копорья

НПЛ: *Того же лета поиде князь Олександръ на Немци на городъ Копорью, с новгородци и с ладожаны и с Корелою и съ Ижеряны, и* ***взя городъ, а Немци приведе в Новъгородъ.***

В конце 1241 года Александр разрушает Копорье и изгоняет гарнизон. Летописец не указывает дату события (***только Ледовое побоище*** атрибутировано ***точной датой***, днём недели и сакральными характеристиками).

III. Юго-западный поход и Ледовое побоище

6. Движение войска к Пскову

НПЛ: *В лето 6750* [*1242*]. ***Поиде князь Олександръ*** *с новгородци и* ***с братомь Андреемь*** *и с низовци* ***на Чюдьскую землю на Немци*** [10].

Известно [11], что НПЛ в этот период велась в мартовском счёте. Отсюда следует, что войско двинулось в сторону Пскова не раньше 1 марта 1242 года [12].

По ряду оценок (А. Строков, Е. Разин) численность войска составляла 15 тысяч [13], но эти данные сомнительны, ведь расчёт должен опираться на реальные возможности вооружения и обмундирования воинов. Проследив соотношение отмобилизованных войск на протяжении столетий (до времени массовых армий), я пришёл к выводу, что до Первой мировой войны соотношения практически не менялись, составляя от 1 до 5 процентов населения [14]. Отсюда оценочное значение войска Александра Невского — 1500 воинов.

Армия двигалась по системе: р. Волхов — оз. Ильмень — р. Шелонь — р. Уза — волок в р. Черёха — р. Черёха — р. Великая (*см. схему 1*) — всего около 300 километров. Скорость движения конной группировки: «При организации марша … в снег или по плохим дорогам … падает до 4–5 км в час» [15]. Близкие данные даёт профессор А.Н. Кирпичников и, ссылаясь на работу М.И. Иванина [16], определяет скорость движения войска от Москвы до Куликова Поля в 20–25 километров в день [17]. Основу русского войска составляла пехота, для которой расчёты генерала от инфантерии Н.П. Михневича [18] показывают, что походное движение без обозов составляет 20–25 вёрст [19] в сутки (4 версты в час)[20]. Общая скорость рассчитывается по движению обозов, 3 верст/час. Военный теоретик, генерал-фельдмаршал Х.К.Б. фон Мольтке [21] также определил длину дневного перехода в 25 километров. Путь от Новгорода до Пскова русское войско могло проделать за 12–15 дней [22].

Подсчитаем массу провианта и фуража для такого похода. По «Уставу воинскому сухопутному» Петра I от 30 марта 1716 года, чело-

век потребляет более 5 килограммов провизии в день [23], лошадь в зимний период — 10 килограммов корма. Армия в полторы тысячи человек и 500 лошадей (без учёта обоза и обслуги) в течение пятнадцатидневного марша должна потребить свыше 200 тонн провианта. По целинному снегу лошадь в санной упряжке способна везти не более 200 килограммов. Для перевозки такого груза (без военного имущества) потребовалось бы ещё тысяча лошадей и возчиков. Стало быть, гнать из Новгорода обоз не реально, и припасы реквизировались у населения, жившего на пути движения армии. Однако опустошение района движения делало невозможным возвращение армии по тому же маршруту в Новгород.

Этот момент, связанный с обратным маршрутом, как будет показано, и определил то, что основное сражение войны произошло на льду Чудского озера.

7. Овладение Псковом

Расчётное время появления русской армии под Псковом — не раньше 12–15 марта. Известно (НПЛ), что князь перекрыл все дороги к городу (***зая вси пути*** *и до Пльскова*), чтобы прекратить поступление в Псков продовольствия, вызвать голод и недовольство горожан.

Летописи не упоминают, какого числа был освобождён Псков (НПЛ: *и изгони князь Пльсковъ, изъима Немци и Чюдь, и сковавъ поточи в Новъгородъ*). Армия Александра Невского, оставив в Пскове гарнизон, вероятно, смогла покинуть город не раньше 15–20 марта (реально — ближе к 25 марта).

8. Дальнейшие действия Александра Невского

Александр выполнил поставленную задачу, сняв угрозу для Новгорода. Однако (НПЛ: …*а самъ* ***поиде на Чюдь***) он направляется в Чудские земли, на западный берег Чудского озера. Известны соображения на этот счёт:

— попытка завоевать Дерпт (Юрьев) — Е.А. Разин (1940), А.А. Строков (1955), М.С. Ангарский (1960);
— вызвать рыцарей на сражение в благоприятных для Александра условиях — Г.Н. Караев (1966).

В Ливонской рифмованной хронике указано (2226–2228), «…что пришел князь Александр // с войском в землю братьев-рыцарей, //

чиня грабежи и пожары» [24]. Последнее говорит, что Александр не собирался завоевывать землю: жгут при отступлении.

Не убедительна и точка зрения Г.Н. Караева [25]. Почему рыцарей, потерявших Копорье и Псков, вдруг «возбудил» грабёж прибрежной чуди?

Считаю: Александр пополнял припасы, чтобы скорее увести войско на Новгород, ведь скоро должны вскрыться реки, и перемещение войсковых коллективов станет невозможным.

Возвращаться по старому пути на Новгород (Великая — Черёха — Шелонь) войско не могло: там закрома после похода на Псков были пусты.

С востока в Чудское озеро впадает Желча — река, служившая частью водно-волокового пути, связывавшего это место с Новгородом (*см. схему 1*) [26]:

р. Желча — р. Люта — (волок) — р. Плюсса — (волок) — р. Ситня — р. Шелонь — оз. Ильмень — р. Волхов (вариант: …р. Плюсса — р. Вердуга — (волок через озёра Вердуга, Муж, Сяберо и р. Сяберка) — р. Саба — р. Луга и далее на Новгород, но он отпадал по той причине, что районы вдоль Луги подверглись разграблению рыцарями).

До устья Желчи по льду Псковского и Теплого озёр 4–5 дневных переходов, а продотряды пока налегке грабили Чудские земли. В район устья Шелони армия должна была подойти к концу марта — началу апреля 1242 года.

Экспедиция Караева показала, что реки Луга, Шелонь, Великая и другие вскрываются во второй декаде апреля (календарная поправка с XIII века +5 дней, 5 апреля 1242 года соответствует 10 апреля начала XXI века) [27].

9. Ледовое побоище

9.1. Нужна ли была битва Александру Невскому?

Скорее, нет. Русская армия, проведя «военную операцию с целью сбора продовольствия и фуража у населения» [28], была отягощена обозом и стремилась до вскрытия рек попасть в Новгород.

9.2. Действия ливонцев

Согласно эстонскому археологу и историку А.Э. Кустину [29], в XIII веке наиболее заселённой и зажиточной частью этого региона было

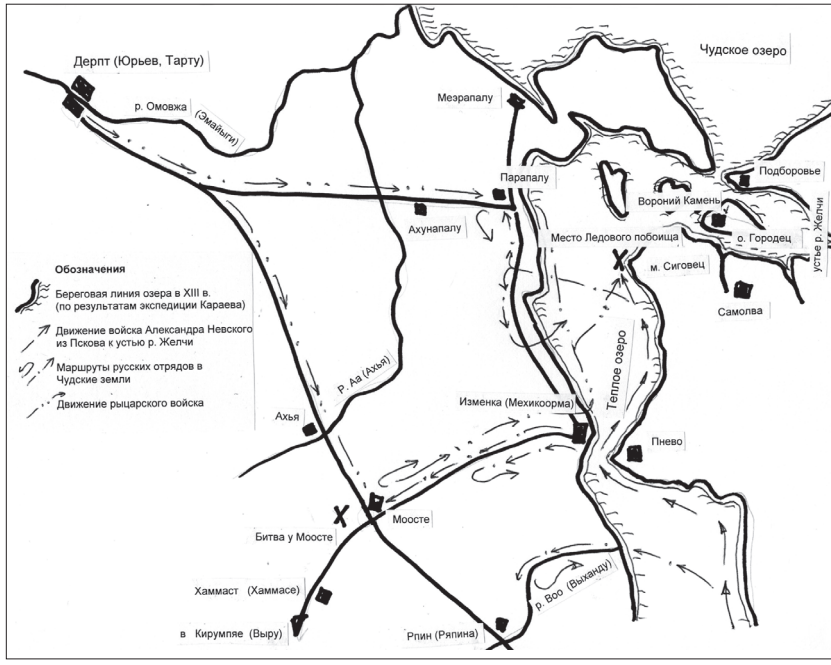


Схема 2

пространство севернее реки Воо [30] (ныне Выханду). Пути, имевшие важное значение, расходятся из Мехикоорма на запад и на юг: Мехикоорма-Разина-Ляанисте, которая через Вынну направляется в Тарту. Из Ряпина важнейшие дороги ведут на северо-запад через Моосте в Ахья, оттуда в Вынну и Тарту. «**Моосте, таким образом, является местом скрещивания дороги, идущей с востока, из Мехикоорма и дороги Ряпина-Ахья-Тарту. Важнейший водный путь, по сохранившимся в народе воспоминаниям, из Мехикоорма, тянулся вдоль побережья Чудского озера до Парапалу** [31]**, оттуда через Ахунапалу поворачивал на Таза, у Кикасааре проходил через р. Ахья и направлялся дальше через Кастре и Мякса в Тарту.** <…> Все **главные пути сообщения** — как летние, так и зимние — **сосредоточиваются в Мехикоорма»**.

Рыцарское войско, скорее, двигалось из Дерпта двумя эшелонами на Ахунапалу-Изменку и на Моосте-Изменку (основные силы), где и разбили встретившийся им отряд Домаша и Кербета.

Логично предположить, что их разведка (разъезды) «висела на хвосте» у русской армии и, едва лишь последняя продемонстрировала намерение направиться в сторону устья Желчи, рыцари, соединившись, скорее всего, в Изменке или севернее, выступили на лёд Чудского озера. Александр же спрятал обозы за мысом Сиговец в Желчинском заливе под прикрытием сиговицы и Городца на одноимённом острове.

Маловероятно, что рыцари успели собрать достаточно сил, чтобы сразиться на равных. Ливонская хроника сообщает лишь о реакции командования на «зажитие» русского войска (строка 2229): «Епископ не оставил это без внимания» [32].

9.3. Действия Александра

А.И.Бунин считал, что «Русская рать, выступив из Пскова, направилась по льду через Псковское озеро к устью реки Воо <по Списку Псковской губернии — р. Лыбовская>, где вступила в Чудскую землю и продолжала затем путь к Юрьеву, по Суболицкой области, между берегом оз. Чудского и р. Аа, притоком р. Омовжи или Эмбаха. Ратники шли несколькими дорогами, забирая по пути продовольствие у местных жителей» [33].

С этим можно согласиться с оговоркой, что не вся армия Александра вступала в Чудскую землю.

Александр ускорил бы отступление в глубь Новгородских земель, однако, похоже, вмешивается случай: реки вскрылись раньше, и движение на Новгород стало невозможным. Тогда князь, зная от разведки Домаша состав рыцарского войска, уверенно принял бой у мыса Сиговец, имея в тылу опорный пункт Вороний Камень и сиговицу на правом фланге.

То, что Александр не мог увести войско на Новгород, подтверждается и тем, что после Чудской битвы князь двинулся в Псков (озёра вскрываются позже) и не отправил в Новгород пленённых рыцарей.

Значение Ледового побоища и причины последующей его мифологизации

Наиболее достоверные сведения о Ледовом побоище содержатся в ранних летописях. В поздних же больше деталей, которые превращают летописную запись в «литературное произведение». Также сообщения о событиях Великой Отечественной войны появлялись сперва в газетах, затем работали журналисты, а после войны написаны повести, романы, эпопеи.

После Ледового побоища родственники Александра Невского почти сто лет были связаны с Псковом и были заинтересованы в возвеличивании этой победы.

Но, даже если битва на Чудском озере произошла случайно, поставив точку в военной кампании 1240–1242 годов, она явилась единственным серьёзным сражением всей кампании. С ним связано заключения мира с «немцами»: «Того же лета Немци прислаша с поклоном: “без князя что есмы зашли Водь, Лугу, Пльсков, Лотыголу мечем, того ся всего отступаемъ; … мы ваши пустим, а вы наши пустите”». [34]

Вокруг Ледового побоища сегодня нет ажиотажа и славословия, но эта битва была и навсегда останется в памяти русского народа. Оно привлекало и будет привлекать искателей зыбкостью поля боя, как манят загадки Земли Санникова, Атлантиды, града Китежа — мест, скрытых под водой.

Основные выводы

Впервые при оценке событий войны 1240–1242 годов применён системный подход, учитывающий новые аргументы ($x_1 \ldots x_n$) и позволивший выстроить события в чёткий алгоритм, существенно снизив неопределённость в последовательности и взаимной значимости событий.

Показана возможность уточнения результатов исследования исторических систем путём добавления факторов (как аргументов конечной функции), а также разработки весовых коэффициентов, учитывающих степень влияния факторов на конечный результат. Показано, что аргумент может представлять собой функцию, зависящую от других аргументов.

Представленное в исследовании множество аргументов $A_n = \{x_1 \ldots x_n\}$ не является конечным, поскольку всегда может существовать $A_m = \{x_1 \ldots x_m\}$ такое, что $m > n$, — иначе говоря, исследователям оставляется простор для введения новых аргументов.

Определена основная поведенческая функция Александра Невского в Ливонской кампании. Показано, что для достижения поставленной задачи он применял различные приёмы.

Впервые показано, что Чудская битва не являлась запланированным сражением войны 1240–1242 годов, а оказалась случайным событием, одновременно существенно повлиявшим на результат всей кампании. Исключительность значения битвы подтверждается тем, что это единственная операция на пространстве военных действий, которая имеет точную и сложную временную атрибутацию.

Работа имеет постановочный характер. Количественные расчёты выведены за её пределы и будут опубликованы впоследствии.

В результате выработан новый взгляд на события войны 1240–1242 годов, который согласовывает позиции разных исследователей Ледового побоища.

Примечания и источники

1. Впервые перевод военно-стратегических задач на язык математики осуществил Фредерик Ланчестер, открывший в 1916 году так называемый «квадратичный закон», количественно связавший достижение победы с факторами численного превосходства в живой силе и эффективностью оружия.
2. В общем случае исследовались разные источники, но обозначены они как один аргумент, описывающий историческую среду.
3. *Караев Г.Н.* Ледовое побоище и его трактовка. // Ледовое побоище 1242 года. М.-Л. : Наука, 1966. — С. 145–166.
4. Большинство исследователей (Бегунов, Данилевский и др.) считает наиболее точно передающей события этого периода Новгородскую 1-ю летопись (здесь и далее НПЛ). Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. // Полн. собр. русских летописей. Том III. — М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. Лл. 127 об., 128.

5. …на волость Новгородьскую наидоша Литва, Немци, Чюдь, и поимаща по Луге вси кони и скотъ. НПЛ. Л. 128 об.
6. *Бегунов Ю.К.*, *Кляйненберг И.Э.*, *Шаскольский И.П.* Письменные источники о Ледовом побоище. // Ледовое побоище 1242 г. ... — С. 201.
7. *Бегунов Ю.К.*, *Кляйненберг И.Э.*, *Шаскольский И.П.* ... — С. 201.
8. Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. СПб., 1996. — С. 29.
9. НПЛ. Л. 128 об.
10. НПЛ, Л.129.
11. *Бережков Н. Г.* О хронологии русских летописей по XIV век включительно // Исторические записки. 1947. № 23. — С. 325–363.
12. Хронологическая таблица сайта Свято-Троицкой Александро-Невской лавры сообщает, что Псков освобождён в конце 1241 года.
13. *Бегунов Ю.К.*, *Клейненберг И.Э.*, *Шаскольский И.П.* … — С. 229.
14. Обоснованию численного состава посвящено исследование, выполненное методом обратной прогнозной экстраполяции стат. материалов за многие годы (будет опубликовано).
15. *Салитан И.* Служба конницы. — М. Государственное военное издательство. 1935.
16. *Иванин М.И.* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. — СПб. 1875.
17. *Кирпичников А.Н.* Куликовская битва. Л. Наука. 1980.
18. *Михневич Н.П.* Стратегия. Книги 1–2. 1899–1901.
19. 1 верста = 1066,8 м.
20. Не указано, в какое время года, и по каким дорогам.
21. *Мольтке Хельмут Карл Бернхард*, фон: О глубине походных колонн. 1866.
22. Примем нормы питания, нагрузок и т.п. совпадающими с нормами для конца XIX — начала XX века, когда сохранялись пешие и конные способы перемещения армий.
23. Хлеб — 2 фунта; мясо — 1 фунт; вино (водка) — 2 чарки; пиво — 1 гарнец. Кроме того, на месяц: круп –1.5 гарнца; соль — 2 фунта. Этот минимум позволял выживать в случае, если солдаты грабили местное население.
24. *Бегунов Ю.К.*, *Клейненберг И.Э.*, *Шаскольский И.П.* … — С. 213.

25. *Караев Г.Н.* Ледовое побоище и его трактовка. // Ледовое побоище… — С. 157.
26. Оба этих пути были открыты и обследованы экспедицией АН СССР в 1959, 1960 и 1962 гг. См. Потресов А.С., Шолохова Е.В. Древние водные пути новгородцев // Ледовое побоище… — С. 65–97.
27. *Тюлина Т.Ю.* К вопросу о природных условиях в XIII в. в северной части Тёплого озера // Ледовое побоище… — С. 103–121.
28. *Бегунов Ю.К.*, *Клейненберг И.Э.*, *Шаскольский И.П.* … — С. 178.
29. *Кустин А.Э.* Некоторые данные о заселении западного побережья Тёплого озера (X–XIII вв.). Там же. С. 98–102.
30. По данным барона Карла Врангеля, река Воо или Вохандо вытекает из озера Таммула и впадает в пролив, соединяющий озеро Чудское с Псковским. Длина 110 вёрст. Правый берег лесист, от границ Псковской губернии подходит Бентенгофский лес. Ниже мызы Ней-Койкюль берега густо заселены; на реке устроено много мельниц. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. — С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890–1907.
31. Ныне Богом забытое место на берегу Чудского озера.
32. *Бегунов Ю.К.*, *Клейненберг И.Э.*, *Шаскольский И.П.* … — С. 213.
33. *Бунин А.И.* О месте битвы русских с немцами. // Тр. Десятого археол. съезда в Риге, т. 1, М., 1899. С. 214.
34. НПЛ. Лл. 129 об., 130.

Малоизвестные страницы истории города Печоры и Псковской земли

ИЗ ИСТОРИИ ПСКОВСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Л.Я. Костючук
(Псков),
доктор филологических наук,
профессор Кафедры русского языка
филологического факультета ПсковГУ

Каждый регион имеет свои достопримечательности, и познать, описать, сделать их доступными современникам и потомкам — задача и краеведов-«родиноведов» (по словам И.И. Василёва, первого краеведа, удостоенного звания «Почётный гражданин г. Пскова» в 1900 году). В свободное от многочисленных служебных обязанностей время он написал 40 (из 50) томов краеведческих серьёзных исследовательских трудов, посвящённых «Псковской стране», опубликовал их, в частности и том «Дела Псковской казённой канцелярии» — юридические документы псковского юридического производства [Василёв, 1884]. Он хорошо понимал значимость таких памятников, которые содержали и доносили до потомков псковскую разговорную речь (Псковская историко-краеведческая библиотека достойно носит и оберегает имя И.И. Василёва: так, летом 2015 года были проведены очередные Василёвские чтения, посвящённые 115-летию награждения краеведа званием Почётного гражданина города Пскова). Неслучайно в список псковских письменных памятников XIII–XVIII веков, необходимых для исторической части «Псковского областного словаря с историческими данными» [ПОС, 1967–2014, в. 1–25] Б.А. Ларин, инициатор уникального в мировой лексикографии регионального словаря полного типа и включающего материалы из псковских памятников письменности, внёс и этот труд И.И. Василёва [ПОС, в. 1, с. 22].

Чем же привлекали псковские памятники письменности учёных и XIX, и XX, и XXI веков разных специальностей?

Не вдаваясь в историю славянской письменности, подчеркнём роль церковнославянского языка русского извода, который способствовал развитию прежде всего богослужебного дела, а затем и развитию христианского чтения (например, Жития святых, «Сказание о Борисе и Глебе», на Псковской земле — «Повести–житие Александра Невского», «Сказание о Довмонте», «Память–житие Саввы Крыпецкого» и под.), формированию русского литературного языка [Ларин, 1975; Успенский, 1994; 2002; Живов, 2013, с. 9–20; Улуханов 2003; Толстой, 2013, с. 3–8]. На Русь славянское письмо болгарского, кириллического варианта пришло в конце X века с принятием христианства. Как считает большинство учёных, создано оно было изгнанными из Центральной Европы учениками Константина-Кирилла и Мефодия после кончины Учителей (которые сначала создали «глаголицу»).

Но, видимо, было у русичей какое-то подобие письма до этого. Ведь известна надпись на кириллице (в виде одного слова) горушна / горуна на амфоре из села Гнездово Смоленской области, которая относится к началу X века. Открытие в Новгороде в 1951 году первой берестяной грамоты (а потом и псковских — около 10, в Старой Руссе, Торжке, Смоленске) — всё это обнаружило достаточно развитую грамотность восточных славян, писавших друг другу в основном на бытовые темы [Зализняк, 2003, с. 218–223].

При переписывании богослужебных книг на церковнославянском (южном) языке восточнославянский (древнерусский) писец невольно вносил разные особенности своего языка — например, городъ вместо градъ; холъмъ вместо хлъмъ; цоканье и др. Так изучают изменения в церковнославянском, которые закреплялись, а также по восточнославянским свидетельствам судят о развитии некоторых явлений в древнерусском языке [Кандаурова, 1957, с. 178-286; Мжельская, 1056; Глускина, 1968, с. 20–43; Денисенко, 1979, с. 130–135 и многие другие].

Книжная письменность и сочинительство были развиты в основном среди монахов в монастырях. «Начальная русская летопись» (первый древнерусский летописный свод) была создана в XI веке монахом Нестором в Киево-Печерской лавре; в XII веке появился расширенный вариант — «Повесть временных лет». До нас эти произведения дошли в более поздних списках. Стали создаваться и де-

ловые документы, в частности исходящие от крупных монастырей грамоты, устанавливающие права и обязанности обителей, а также и как ответ на вышестоящие послания из Москвы. Появились своды законов: знаменитая «Русская правда». Важной не только в местном, но и в общерусском отношении явилась «Псковская судная грамота» XIV–XV веков, которая в замечательных юридических статьях отражает и местные проблемы (например, о весеннем лове снетков), и псковские языковые особенности (фонетические, грамматические, лексические).

Дошли до нас 35 частных псковских грамот XIV–XV веков в основном в копиях и выписях XVII века и только одна («Духовная Акилины, жены князя Федора») оказалась подлинной конца XV века. Для нас эти грамоты стали известны в 1966 году благодаря их открытию, изучению и публикации Л.М. Марасиновой [Марасинова, 1966]. Для изучающих историю и диалектологию русского языка — это бесценный источник для наблюдений и открытий на разных языковых уровнях (мочигло ‘яма с водой для вымачивания стеблей льна’; князь Федоре вместо конечного -ъ; цоканье и др.).

Б.А. Ларин, вопреки серьёзным препятствиям, утвердил своими исследовательскими открытиями право на признание считать ценными источниками для изучения русской народной речи записи иностранцев в прошлые века [Ларин, 2002].

Приведём одно открытие, которое стало доступным благодаря исследованиям иностранных источников Б.А. Лариным: западноевропейский учёный Г.В. Лудольф, издавший в 1696 году в Оксфорде «Русскую грамматику», отмечал, как в разных ситуациях разговаривают на Руси: книжный церковнославянский звучит при общении с высокими людьми или в книжной речи, а в быту те же люди говорят просто, по-русски. «Но точно так же, как никто из русских не может писать или рассуждать по научным вопросам, не пользуясь славянским языком, так и наоборот — в домашних или интимных беседах нельзя никому обойтись средствами одного славянского языка, потому что названия большинства обычных вещей, употребляемых в повседневной жизни, не встречаются в тех книгах, по которым научаются славянскому языку», — сделал замечательное заключение Г.В. Лудольф. Оно объясняет наличие у русских не одного языка в общении в зависимости от разных ситуаций [Лудольф, 2002, с. 602–603].

Известны тексты Андрея Курбского, Ивана Грозного, во-первых, на церковнославянском языке, обращённые к людям аналогичного уровня и в соответствующей официальной или торжественной ситуации, и, во-вторых, тексты для бытовых обстоятельств с использованием простонародных слов и выражений [Успенский, 1994, с. 45, 47, 56].

В Псково-Печерском монастыре, известном и в прошлом не только в северо-западном пограничье, но и на Руси вообще, как и в других обителях, велась писцовая деятельность. Монастырь имел деловые отношения с Москвой. Это способствовало выработке письменных норм, для чего важна была начитанность писца, а при переписывании церковнославянских текстов шло запоминание оборотов, совершенствовался выбор слов. Это приводило к становлению писцового мастерства.

И сам Псков как крепость на северо-западе был заметным и значимым центром. Историк Н. Костомаров, учитывая, в частности, это обстоятельство, в «Лекциях по русской истории» ещё в 1861 году писал: «Писательство во Пскове было значительно развито, ибо неоднократно псковитяне ссылаются на грамоты князей и разные письменные акты. Видно, летописи были также видом этих официальных бумаг и служили для справок, оттого-то в них так усердно записывались всякие постройки, не только церковные, но и гражданские» [Цитируется по: Насонов, 2003, с. 13].

Изучая псковское летописание, А.Н. Насонов ставил цель определить, где, кем, под чьим руководством велось оно. В результате он утверждал, что не князь, не владыка играли роль в псковском летописании, а «летописным делом в Пскове руководили местные выборные вечевые должностные лица — сначала сотские, а потом посадники, когда к началу XIV в. должность посадника стала фактически выборной» [Там же, с. 40]. А позже «на ход летописной работы значительное влияние оказывали вечевые дьяки и, может быть, ларник — заведующий ла́рем при церкви Св. Троицы, при которой велась летописная работа в Пскове до начала XVI в. включительно» [Там же, с. 40]. Это было самостоятельное летописное создание.

Соотношение летописных записей, учёт разных описываемых обстоятельств позволили учёному признать, что были своды 1547 и 1567 годов. Мнение В. Иконникова [Иконников В. Опыт русской историографии. Т. III, в. 1. Киев, 1908. С. 814], что «составителем свода 1547 г. был игумен Псково-Печерского монастыря известный Кор-

нилий», А.Н. Насонов считает ошибочным [Насонов, 2003, с. 13] и утверждает, что учёт приписки на л. 239–239 об. и изложения событий 1553 года (7061) в Псковской первой летописи привёл его к предположению, что Строевский список псковских летописей принадлежит Псково-Печерскому монастырю, причём «одно из известий указанного ряда повествует о решающей роли известного игумена [Корнилия. — *Л. К.*] Псково-Печерского монастыря при взятии Вельяна» [Насонов, 2003, с. 14]. А изучение Строевского списка и показания «Повести о Печерском монастыре иже во псковскои земли…» (80-е годы XV века) «дают основания предположить, что составителем Строевского списка был игумен Псково-Печерского монастыря Корнилий», «что этот список был написан если не им самим, то под его руководством» [Насонов, 2003, с. 14]. Свод же 1567 года, который сложился в Псково-Печерском монастыре, был связан с игуменом Корнилием, отражал «настроения боярства, оппозиционные московскому государю». Это отличает его от другой ветви псковского летописания (Погодинского списка) на основе свода 1547 года: в нём отражается лояльность государю — считается, что все псковские беды от московских наместников [Насонов, 2003, с. 41]. Учёт всего этого «проливает свет на обстоятельства казни игумена Корнилия Грозным <…> и на политическую роль Псково-Печерского монастыря, где бывал Курбский и где что-то писал, что́ потом приходилось прятать “страха ради смертного”» [Насонов, 2003, с. 20].

Рукописями Корнилия ещё в 20-е годы XX века (до своей репрессии) интересовался Л.А. Творогов. Он даже обращался в соответствующие учреждения буржуазной Эстонии за разрешением предоставить ему возможность поработать с рукописями Корнилия в библиотеке Псково-Печерского монастыря, который в те годы находился на территории, относившейся к Эстонии (Хорошо, что архив сохраняет важные сведения, относящиеся к культуре и истории края).

Научный мир постепенно (особенно со второй половины XX века) всё больше узнавал о письменных памятниках, которые вышли из замечательной псковской писцовой школы, прежде всего Псково-Печерского монастыря.

Наша Кафедра русского языка Псковского вуза помнит, как на одном из археологических семинаров прозвучал доклад об обнаруженной хозяйственной книге монастыря. Работа по созданию «Псковс-

кого областного словаря с историческими данными» заставляет нас постоянно следить за становящимися известными псковскими памятниками письменности. Благодаря усилиям С.М. Глускиной, помощи директора Областного госархива, материальной поддержке руководства Пединститута удалось получить в распоряжение лексикографов фотокопии листов этой книги.

И началось изучение скорописных памятников. Н.Д. Сидоренская увлечённо вела изучение и ряда потом обнаруженных в архиве (ГАПО) хозяйственных книг монастыря XVII века: (1) переписные книги 1639, 1652, 1655, 1663, 1682 годов, в которых подробно и внимательно, с привлечением местных слов-наименований фиксировались разнообразные реалии окружающего монахов мира; (2) приходо-расходная книга 1674–1675 года особенно позволяет обнаружить разнообразные местные наименования для товаров (Ведь даже плохо сохранившаяся из-за пожара приходо-расходная книга начала XVII века, которую обнаружил В.Д. Белецкий в конце 60-х годов при раскопках в Довмонтовом городе и подарил фотокопии листов студенческому лингвистическому кружку для исследования, что мы и сделали, обнаружила интересный материал [Костючук, 1984, с. 20–22]).

Н.Д. Сидоренская при внимательном изучении памятника сделала удивительное открытие: в переписной книге 1682 года обнаружила фактически ещё два своеобразных памятника. 1) Прежде всего с отдельной пагинацией страниц и самоназванием документа — «Нетную книгу», в которой при своеобразной (как будто предвзятой) переписи всякого имущества в монастыре при смене игумена Паисия выписывалось (до мелочей!) то, чего большая комиссия не находила при сверке с предыдущей переписью несколько лет назад, то есть то, что в 1682 году находится «в нетех». 2) Ещё удивительнее: в са́мом конце памятника обнаружилась, как назвал исследователь, «Нетная книга наоборот»: список названий того, что обнаружено при переписи 1682 года, но что почему-то не числилось в монастыре при предыдущей переписи, то есть что находится в 1682 году «налицо», «в лицех» [Сидоренская, 2010].

Так Н.Д. Сидоренская оставила замечательный результат своих научных изысканий: публикации ценных текстов, исследование многих-многих наименований, обнаружение особых обстоятельств, сопровождающих в прошлом создание памятников хозяйственного письма.

Е.В. Ковалых принимала участие в работе над «нетными книгами». Кроме того, Е.В. Ковалых детально изучила некоторые хозяйственные памятники псково-печерского письма, продолжает изучать другие, находить интересное в их лексике, графике, орфографии [Ковалых, 2000; 2007].

Изучение текстов хозяйственных книг XVII века Псково-Печерского монастыря даёт важный материал и для наблюдений над сложением грамматических норм русского языка в начальный период формирования национального языка (по определению Б.А. Ларина): об этом свидетельствует исследование С.Н. Романенко, посвящённое выработке норм именного склонения этого периода и показывающее, как это отражалось в письменной речи писцов-псковичей при отражении местных особенностей [Романенко, 2009, с. 102–114].

Псковская писцовая школа, как показали исследования памятников и других жанров (таможенных великолукских и псковских книг [Кириллов, 2006, с. 53–58; 2009, с. 117–121]; псковских летописей, грамот, житий [Костючук, 2010, с. 50–54: 2011, с. 34–40]), представляет такой драгоценный материал, который в результате исследований подтверждает выводы коллег, обнаруживает более ранние фиксации ряда известных языковых явлений, обнаруживает необычные процессы на всех языковых уровнях.

Изучение псковских памятников письменности подтверждает мнение многих учёных, обращавшихся к этому материалу: это была одна из лучших писцовых школ — с хорошей выучкой писцов, разнообразием жанров создаваемых произведений. Не устаёшь с удовольствием приводить справедливые слова Б.А. Ларина о ценности письменного богатства Псковского края: «Кроме Новгорода, ни один край («удел») феодальной эпохи не сохранил такого обилия торговой, юридической, политической документации, такой богатой местной литературы; достаточно напомнить о выдающихся своим местным колоритом Псковских летописях» [Ларин, 1967, с. 3].

Замечательно, что в условиях получения когда-то настоящего филологического образования каждый из исследователей привлекал (пытается это делать и сейчас) молодых исследователей — студентов. Результаты каждого приносят и практические результаты, которые используются в словарных статьях «Псковского областного словаря с историческими данными».

Источники:

1. *Василёв И.И.* Дела Псковской провинциальной канцелярии. Материалы для истории Псковской страны. Псков: Типография Псковск. губернск. правления, 1884.
2. *Живов В.М.* Исторический очерк о церковнославянском языке // Плетнёва А. А., Кравецкий А. Г. Церковнославянский язык. [5-е изд., стер.] М., 2913. С. 9–20.
3. *Зализняк А.А.* Значение берестяных грамот для истории русского языка // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. Материалы международной конференции, Великий Новгород, 34–27.09.2001 г. М.: Индрик, 2003. С. 218–223.
4. *Кириллов Ю.В.* Метрологическая лексика Великолукских таможенных книг: общерусское и местное // Материалы XXXV международной филологической конференции: Материалы секции «История русского языка и культурная память народа», 13–18.03.2006 г. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 53–58.
5. *Кириллов Ю.В.* Таможенные книги псковского региона XVII века как лингвистический источник // Торговля, купечество и таможенное дело XVI–XIX вв. Курск, 2009. С. 117–121.
6. *Ковалых Е.В.* Общерусское и региональное в языке хозяйственных книг Псково-Печерского монастыря XVII века: Автореф дисс… канд. филол. наук. Псков, 2000.
7. *Ковалых Е.В.* О неизученной хозяйственной книге Псково-Печерского монастыря // Историческое слово в историческом развитии (XIV–XIX вв.). Вып. 3. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 55–59.
8. *Костючук Л.Я.* К истории одного фрагмента из псковских грамот XIV–XV веков // Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX вв.). Вып. 5: Материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXVIII Международной конференции 16–29.03.2009 г. СПб.: ИЛИ РАН, 2010. С. 50–54.
9. *Костючук Л.Я.* Местный церковнославянский текст русского извода XVI века как источник сведений о народных говорах // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени акад. В.В. Седова: Материалы 56-го заседания. М.; Псков, 2011. С. 34–40.

10. *Костючук Л.Я.* О неопубликованной рукописной книге XVII века, найденной в Довмонтовом городе // Археология и история Пскова. Псков: ПГОИАХМЗ, 1984. С. 20–22.
11. *Ларин Б.А.* [Введение] // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л.: ЛГУ, 1967. С. 3.
12. *Ларин Б.А.* Лекции по истории русского литературного языка (XI — сер. XVIII в.). М., 1975.
13. *Ларин Б.А.* Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб.: СПбГУ, 2002.
15. *Лудольф Г.В.* Русская грамматика. Оксфорд, 1696 // Ларин Б.А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб.: СПбГУ, 2002. С. 509–682.
16. *Марасинова Л.М.* Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М., 1966.
17. *Насонов А.Н.* Из истории псковского летописания // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. Псковские летописи. М.: Языки русской культуры, 2003. С. 9–44.
18. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–25… Л./СПб.: ЛГУ/СПбГУ, 1967–2014…
19. *Романенко С.Н.* О формах дательного, творительного и местного падежей множественного числа имён существительных в хозяйственных книгах Псково- Печерского монастыря XVII века // Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. 4. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2009. С. 102–114.
20. *Сидоренская Н.Д.* Нетные книги Псково-Печерского монастыря 1682 г. Псков, 2010.
21. *Толстой Н.И.* Предисловие к первому изданию // Плетнёва А.А., Кравецкий А.Г. Церковнославянский язык. [5-е изд., стер.] М., 2913. С. 3–8.
22. *Улуханов И.С.* Церковнославянский язык русской редакции: сфера распространения и причина эволюции // Исследования по славянским языкам. № 8. Сеул, 2003. — Интернет-ресурс.
23. *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.) / 3-е изд. М., 2002.
24. *Успенский Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 1994.

КНИГОПЕЧАТАНИЕ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ КОРНИЛИЕВСКОГО ПЕРИОДА

Н. П. Иванова
(Санкт-Петербург),
кандидат педагогических наук

Книга — создание человеческого ума, сердца и воли. Одновременно она имеет определение факта и фактора исключительной силы во времени и пространстве.

Первые рукописные книги были велики и значимы, но не имели широкого распространения и свободной доступности. Появившееся книгопечатание позволило быстрое распространение полезной информации, давшей в дальнейшем развитие науки, техники и общественной мысли.

Издательницей первых печатных книг явилась просвещённая Европа. Первая книга, напечатанная глаголицей, вышла в 1483 году в Венеции, затем в польском городе Кракове были изданы первые славянские книги кириллицей с обращением к читателям на малоросском языке. Только через 100 лет после издания первой книги началось печатное дело в Московской Руси.

Фёдор Андреевич Толстой, титулованный граф, известный учёный и книгочей, имевший большую библиотеку старопечатных книг, говорил: «Изобретение типографии — искусства набором металлических букв заменять письмо, принадлежит к важнейшим и самым полезным для человечества. Сим, просто — механическим искусством система просвещения совершенно изменилась…, получив необыкновенное ускорение. Таким образом, сие важное искусство, возникнув у одного народа, к примеру — европейского, перешло во все части просвещённого мира. Историю книгопечатания можно весьма

справедливо назвать картиною развития умов народных. … Переписывание искажало богослужебные книги: ошибки писцов и изменения злоумышленные давали повод к всякого рода толкам. От того рождались ереси, распри, преследования. Соборы учёных мужей, филологов не могли изгнать злоучения. Типографии внесли точность. Способ размножения однообразных книг упрочил целостность Священных писаний.».

Русь святая от Европы не отставала, но — по разным причинам, убеждениям — отстаивала рукописное производство книг. Ведь в Древней Руси учились читать по рукописной Псалтири и не очень принимали западные веяния. Однако техническое детище — книгопечатание — достигло Центральных и Северо-Западных районов Руси.

В современном обществе, со школьной скамьи всякому человеку известен Иван Фёдоров, первопечатник российский, открывший в Москве в XVI веке первую типографию. В XVI веке в Москве было отпечатано всего 18 наименований книг. Тираж составлял несколько сот экземпляров, считавшийся большим. Первой книгой Ивана Фёдорова был «Апостол» 1564 года издания, ставший памятником печатной книги по оформлению, представляя собой образец высокого типографского искусства. Затем в 1574 году им был напечатан первый Букварь, издана «Острожская Библия». За ними были изданы Четвероевангелие, Псалтирь и другие книги.

Многие историографы называют эти издания источниками русского книгопечатания.

В XVI веке в Москве за государственный счёт было организовано книгопечатание в крупной типографии европейского типа — Московском печатном дворе.

Московское книгопечатание, относящееся к середине XVI века, совпадало со временем централизации Московского государства, изменения в нём традиционного уклада. Увеличение территорий за счёт присоединения обособленных земель вызывало расширение деятельности Православной Церкви. В новые земли посылались миссионеры — проповедники веры православной. На новых землях строились храмы и монастыри. Появилась потребность в богослужебных книгах, что не могли в достаточном количестве дать рукописные мастерские.

В 1561 году на Стоглавом Соборе был дан царский указ о введении книгопечатания на Руси. Царь Иоанн IV говорил о том, что в церквах

Божьих по церковным книгам чтут, поют, учатся и пишут с них, поэтому книги должны быть грамотны и в достаточном количестве.

Таким образом, в XVI веке механическое издание книг заменяло рукописное. Во время правления Иоанна Грозного книгопечатание принимает государственный статус — Царь повелел: «Печатные книги покупать на торгу и в святые церкви полагать». Как всякое нововведение, книгопечатание имело своих сторонников и противников. Среди сторонников введения книгопечатания был старец Артемий, по одному из предположений, инок Псково-Печерского монастыря. В 1553 году он был сослан в Соловецкий монастырь, из которого бежал в Великое княжество Литовское. Артемий стал на защиту книжного учения и за издание печатных учебников, которых на Руси было недостаточно. Он писал царю Иоанну: «Зело нужна божественная Азбука к учению детям».

Возвращаясь к Стоглавому Собору, отметим, что на нём обсуждался вопрос обучения и был принят Указ об организации обучения детей в церковно-приходских школах с обеспечением их Азбуками. Этот указ решал проблему обеспечения учебных пособий типографским способом. Учителями утверждались священнослужители и монахи. До правления императора Петра I просвещение и обучение народа осуществляла Православная Церковь. Лучшие монастыри того времени были своего рода народными университетами.

История Государства Российского повествует о том, что в XVI веке город Псков был на высоком уровне развития экономики, культуры и в дальнейшем сохранял за собой ведущую роль культурного и ремесленного центра Руси. В этот период на Псковской земле создаются памятники литературы, искусства и архитектуры. Псковские земли населяли знатные роды и преуспевающее купечество. Вокруг Пскова размещались монастыри, некоторые из них примыкали к оборонительной системе крепостей. В том числе находился Псково-Печерский монастырь — порубежная крепость. Многим славен Псково-Печерский монастырь — история его великая, яркая и правдивая. Находясь на границе с Ливонией, он нёс защитную функцию, миссионерскую, просвещая и обращая в православную веру прибалтийские народы.

В 60-е годы XVI столетия Псково-Печерский монастырь был крупным, значимым, признанным — святыней Северо-Запада Руси. Именно в этот период на высокий уровень вышла его миссионер-

ская деятельность, прежде всего его игумена преподобномученика Корнилия. Его проповедь среди народов сету, эстов была обширна и действенна. Он многих обратил в православие. Монастырь являлся духовно-просветительским центром северо-западной части Руси. Библиотека монастыря — его сокровищница — содержала редкие летописи, книги, откуда черпали духовные крупицы образованные люди того времени.

Сам игумен Корнилий поражал всех своим совершенством и учёностью. Ему выпала честь написать «Повесть о Псково-Печерском монастыре».

В XVI столетии широкое развитие получили библиотеки — частные и общественные. Особое место в монастырях отводилось библиотекам, содержащим богослужебные и церковно-назидательные книги. Чтение книг являлось богоугодным деланием, предписанным монашеским Студийским уставом и с XI века ставшее обязательным для монашеского общежительства на Руси. В последующие века библиотеки пополнялись новыми изданиями, создавая кладовую богослужебной, духовно-просветительской, исторической и другой душеспасительной литературой.

Отмечено, что в XV–XVI веках в крупных монастырях были высокообразованные монахи. Подтверждением этого является высказывание одного из образованнейших людей того времени князя Андрея Курбского: «Убиенный с игуменом Корнилием монах Вассиан — учёный муж и искусный в Священном писании…» Следовательно, монах Вассиан был выдающимся богословом.

Общеизвестно, что типография во Пскове появилась в XIX веке. В более ранние столетия церковные летописи повествуют об устройстве церковных братств в Киеве, Полоцке, Львове, Могилёве, Новгороде и Пскове. Братчики, как их тогда именовали, вели религиозно-нравственную просветительскую деятельность. Строили церкви, церковно-приходские школы, типографии, распространяли книги.

Насельник Псково-Печерского монастыря монастырский библиотекарь архимандрит Феодосий (в миру Коротков Анатолий Петрович), почивший в 2008 году, в 1972–1975 годах, занимаясь исследовательской работой по истории Псково-Печерской обители, отметил следующее: керамиды, находящиеся в Богом зданных пещерах со времён игуменства преподобномученика Корнилия, изготавлива-

лись почти тем же способом, каким печатались самые первые книги — с помощью разборных форм. Далее он размышляет о том, что, возможно, монастырь применял эту технику исполнения, заимствуя опыт западного книгопечатания, начавшегося ранее московского. Из писем князя Андрея Курбского, адресованных в Псково-Печерский монастырь, — отмечал Анатолий Петрович, — становится очевидным, что монастырь обладал не только богатой библиотекой, но и высокообразованными монахами, знавшими о книгопечатании. Это наводит на мысль о том, что в монастырском посаде, имевшем много ремесленных мастерских, мог располагаться анонимный книгопечатный станок. Если состоятельные дворяне могли себе позволить завести печатный станок, вероятнее всего, мог приобрести такой же станок деятельный и мудрый игумен Корнилий. Самодостаточный Псково-Печерский монастырь имел на то средства, а главное — необходимость в многотиражном издательстве. За истечением веков и исторических потрясений и невероятного революционного вандализма, когда уничтожалось почти всё церковное, особенно книги, очень трудно определить истинное положение этого вопроса: имел ли Псково-Печерский монастырь книгопечатный станок, какой имели «братчики»?

Если Анатолий Петрович — архимандрит Феодосий — так размышлял, — значит, он какую-то информацию находил в древних писаниях, где упоминался Псково-Печерский монастырь. Однако по книгопечатанию Северо-Западной Руси каких-либо исследований не наблюдается. По поводу раннего периода механического печатания книг много разногласий. Больше вопросов, нежели подтверждений.

Нам известно глубокое исследование истории Псково-Печерского монастыря, проведённое почившим архимандритом Феодосием в период его жизни в миру, в котором он повествует, что до 1917 года библиотека Псково-Печерского монастыря была одной из крупных и уникальных на Руси. Согласно переписной книге 1642 года, в монастыре находилось более 300 рукописных и печатных книг исторического, литературного и богослужебного содержания. Известный псковский учёный, исследователь Творогов Леонид Алексеевич, яркая в науке личность, говорил: «В Корнилиевской библиотеке Псково-Печерского монастыря находились древнейшие летописи, в том числе и список “Слова о полку Игореве”, который я брал в свои руки

и работал с ним, будучи студентом Санкт-Петербургского университета. Я любил ездить на каникулы в Псково-Печерский монастырь, в его библиотеку поработать с первоисточниками. Я держал в руках Острожскую Библию 1581 года и с благоговением её читал — всё это было до пролетарского потрясения и общего вандализма. Псково-Печерский монастырь в Корнилиевские времена был духовным центром древнерусского просвещения Северо-Запада Руси».

Одна из версий архимандрита Феодосия о том, что библиотека, возможно, имела Корнилиевские печатные книги или брошюры, и то, что игумен Корнилий один из первых изготовил кожаные обложки книг с теснением по образцу керамид, — отрицается современными историографами: «Этого не было, потому как не могло быть...»

Другие, хотя с большим сомнением, но не исключают возможность попытки игумена Корнилия что-либо подобное этому предпринять. За недостаточностью времени и изменениями, произошедшими в жизни Анатолия Петровича Короткова, вопрос книгопечатания монастыря в Корнилиевский период не нашёл подтверждения.

Исследований по книгопечатанию в Псковском крае XVI века пока не наблюдается, хотя имеется гипотеза присутствия частной анонимной типографии, либо печатного станка в Псково-Печерском монастыре и в каком-либо родовитом дворянском имении, которая пока не получила подтверждения.

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ И ИЗБОРСК В ЗАВЕРШАЮЩИЙ ПЕРИОД СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Я. Н. Рабинович
(Саратов),
кандидат исторических наук, доцент Кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского Государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

События Смутного времени в районе Псково-Печерского монастыря неоднократно привлекали к себе внимание исследователей. Однако все историки ограничивались описанием осады монастыря в 1611 году литовским гетманом Ходкевичем и Александром Лисовским, используя при этом единственный источник, опубликованный в «Прибавлениях к псковским летописям» в 1851 году[1].

Вне поля зрения отечественных историков и местных краеведов остались документы Разрядного приказа, опубликованные ещё в 1890 году, в которых содержится ценная информация о новой попытке шведского военачальника Якоба Делагарди захватить Псково-Печерский монастырь в феврале 1614 года[2]. К данному сюжету обращался только историк Г.А. Замятин в 1940-х годах при написании монографии о Пскове в Смутное время, однако этот труд Замятина был опубликован лишь в конце 2008 года[3].

---

[1] О нашествии поганых Литвы и Немец на обитель Пречистой Богородицы Печерский монастырь в Псковской области: Псковские и Софийские летописи (Прибавления к псковским летописям) // ПСРЛ. СПб., 1851 Т. 5. С. 54–55.

[2] АМГ. Т. 1 (1571–1634). СПб., 1890.

[3] *Замятин Г.А.* Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII века // Замятин Г.А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / сост. Г.М. Коваленко (далее — Замятин Г.А. Борьба за Псков). СПб., 2008.

Об Изборске в Смуту источников сохранилось очень мало. Поэтому особую ценность представляют те фрагментарные сведения, которые чудом сохранились в документах, хранящихся в отечественных и зарубежных архивах (в Москве, Тарту, Стокгольме). Некоторые документы о событиях Смутного времени в районе Печёр и Изборска опубликованы ещё до революции в ряде сборников (АИ, РИБ, Сб. НОЛД и др.). Думается, что настала пора обратиться к данному сюжету и попытаться оценить значение обороны Печёр и Изборска для дальнейших событий завершающего периода Смуты.

Одним из главных героев этого очерка является игумен Псково-Печерского монастыря Иоаким, 16-й настоятель монастыря, который управлял монастырём, начиная с 1593 года. Иоаким находился в монастыре в самое тяжёлое Смутное время вплоть до 1616 года. В 1605 году он первым в Печерском монастыре был возведён в сан архимандрита. В июле 1616 года Иоаким был посвящён в Москве в архиепископы Псковские (стал первым псковским архиепископом). Он скончался 24 апреля 1623 года[4].

Монастырь и его игумен вместе с Псковом, начиная с сентября 1608 года, когда в Пскове утвердился тушинский воевода Ф.М. Плещеев, и вплоть до заключения Столбовского мира (февраль 1617 г.), находился в состоянии конфронтации с Новгородом. Печёры поддерживали Псков в его борьбе с Василием Шуйским, Псков и Печёры совместно выступали против шведов и поляков, Печёры вместе с Изборском признали очередного самозванца Лжедмитрия III (Псковского вора Сидорку), который с декабря 1611 года укрепился в Пскове.

Весной 1612 года в Печёрах воеводой был Алексей Юрьевич Пустошкин, а его помощником — стрелецкий сотник Никита Васильевич Белый. Сохранилось письмо этих воевод к пану Станиславу Рагозинскому в Нейгаузен от 20 апреля 1612 года. Воеводы «царя Дмитрия Ивановича» получили из Нейгаузена «*лист о миру и добром совете*». Такое же письмо с просьбой о мире ливонцы направили в Псков к воеводе князю И.Ф. Хованскому. В ответ печерские воеводы Пустошкин и Белый сообщали Рагозинскому, чтобы тот успокоил своих людей: «*Живите по-прежнему безбоязненно, вам от русских людей*

[4] См. *Макарий* (*Булгаков*), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 741.

никакого дурна не учинится»[5]. По-видимому, в это время вся власть в Печёрах принадлежала воеводам Лжедмитрия III Алексею Пустошкину и Никите Белому, а не архимандриту Иоакиму.

Подробности дальнейших событий в 1612–1613 годах в районе Печерского монастыря и Изборска неизвестны. Мы знаем только, что уже в мае 1612 года Печёры, как и Псков, свергли власть Псковского вора, который был арестован. Осенью 1612 года Псков и Печёры признали правительство Трубецкого — Пожарского (псковичи просили у ополченцев помощи для защиты от шведов), а в 1613 году признали Михаила Романова законным русским царём. В том же году восстания против шведов в Тихвине и Гдове завершились победой сторонников Москвы, но шведы сумели удержать в своих руках Порхов, который они стали использовать в качестве базы для наступления на Псков и Печёры[6].

К зиме 1614 года обстановка для Швеции в Новгородской земле складывалась крайне неблагоприятной. В это время с юга к Новгороду подошли передовые отряды московского войска князя Д.Т. Трубецкого под командованием Андрея Палицына, который укрепился в Рамышевском острожке и парализовал действия шведско-новгородской администрации в районе Старой Руссы. Все попытки шведов захватить этот острожек были безуспешны. С огромным трудом войска Делагарди сумели отбить наступление москвичей на Ладогу и деблокировать эту крепость, тем самым вновь открыть дорогу с севера по Волхову к Новгороду. Переговоры в Выборге между новгородцами и шведами закончились провалом. Новгородцы не хотели признавать королём Густава Адольфа, не хотели унии со Швецией (как Польша и Литва по Люблинской унии, чего добивался Густав Адольф). А в са-

---

[5] Лист Самозванцевых воевод Пустошкина и Белого в Новый городок, пану Рагозинскому, о пересылке перемирных грамот к Лжедмитрию в Псков, с обещанием жителям безопасности со стороны Русских ратных людей. 1612, апреля 20 // АИ. СПб., 1841. Т. 2 (1598–1613). № 335. С. 401.

6 О восстании в Тихвине, Гдове и Порхове см.: Замятин Г.А. «К Российскому царствию пристоят». Борьба за освобождение русских городов, захваченных шведами, в 1613 — 1614 гг. / сост. А.Н. Одиноков, Я.Н. Рабинович; под ред. Г.М. Коваленко. Великий Новгород, 2012; Рабинович Я.Н. Малые города Псковской земли в Смутное время. Псков: ГППО «Псковская областная типография, 2014; Рабинович Я.Н. Малые города Новгородской земли в Смутное время / под ред. Г.М Коваленко; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Вел. Новгород, 2013.

мой Швеции на сейме в Эребру в январе 1614 года сословия предложили королю Густаву Адольфу заключить мир с Москвой.

Учитывая все эти обстоятельства, Густав Адольф решил немедленно начать операции по захвату Гдова и Печерского монастыря, чтобы отрезать Пскову все пути продовольствия и заставить москвичей быть умеренными в своих требованиях на будущих мирных переговорах. Король не без основания надеялся, что Михаил Романов за признание его русским царём, согласится уступить шведам города Новгородской земли. В случае захвата Печёр и Гдова в феврале 1614 года шведы надеялись договориться с Москвой уже весной этого же года на условиях, о которых можно только гадать. Возможно, Печёры должны были стать разменной картой. Шведский король рассчитывал, что Москва согласится на шведские условия, даже на большие территориальные и финансовые потери, чтобы вернуть православную святыню. Однако поход Эверта Горна на Гдов в феврале 1614 года, как и два предыдущих в августе и октябре 1613 года, завершился провалом.

Одновременно с походом на Гдов шведы предприняли в феврале 1614 года попытку захвата Псково-Печерского монастыря. Под Печерский монастырь были отправлены из Новгорода «Петр Лавин да Карбел» со своими частями (Pierre de la Ville, de Corobell, Jacob Bourgia). Пьер Делавиль и Якоб Коробелл, два француза на шведской службе, находились в России ещё с 1609–1610 годов, они участвовали в походе князя М.В. Скопина-Шуйского на Москву. Об отправке отряда П. Делавиля и Я. Коробелла из Новгорода к Печерскому монастырю мы узнаём из распросных речей «*выходца римлянина Павла Иванова*», которого псковский воевода князь И.Ф. Хованский прислал в Москву 25 апреля 1614 года[7]. Через неделю, 3 мая 1614 года, «*римлянин толмач Павел Иванов*» получил из Казённого приказа государево жалование: «*… 4 аршина сукна английского темно-синего … за немецкий выход*»[8].

В Москве, в Разрядном приказе, перебежчик П. Иванов рассказал: «*… в нынешнем в 122 (1614) году в великий мясоед за четыре недели до*

[7] Распросные речи выходца римлянина Павла Иванова о положении войска Якова Понтусова в Новгороде. После 25.4.1614 г. // АМГ. СПб., 1890. Т. 1 (1571–1634). № 82. С. 121.

[8] Расходная книга товарам и вещам 1613–1614 гг. // Приходно-расходные книги Казенного приказа // РИБ. СПб., 1884. Т. 9. С. 285.

масленницы немецкой воевода Петр Ловил да Карбел пошли из Великого Новагорода похваляясь под Печерский монастырь на взятье, а с ними французских, нерлянских и цысарских людей шестьсот человек». На пути к Печёрам этот отряд остановился на время «*во Мшаге от Новагорода пятьдесят верст*». Из Мшаги Делавиль на один день съездил на совещание в Новгород для решения вопроса об оплате, где ему была уточнена дальнейшая задача. Г. А. Замятин писал, что «*Пьер Делавилль ездил со Мшаги в Новгород, вероятно, с целью получить от Делагарди пополнение*». Павел Иванов сопровождал Делавиля в этой поездке в Новгород и видел, как «*немецкие люди из монастырей и от храмов за городом колокола все поснимали, а хотят их везти за море*»[9].

После возвращения Делавиля из Новгорода во Мшагу, он пошёл к Печерскому монастырю «изгоном», надеясь внезапной атакой, взорвав крепостные ворота, захватить монастырь. Ранее ему неоднократно удавались подобные мероприятия. В апреле 1610 года Делавиль, используя петарды, сумел ворваться в Иосифо-Волоколамский монастырь, а в августе того же года — захватить Ладожскую крепость. Оба военачальника, Делавиль и Коробелл, в своё время отличились также при обороне крепостей: первый полгода оборонял захваченную Старую Ладогу, а второй удержал в своих руках Порховскую крепость[10]. Поэтому Якоб Делагарди, отправляя в поход таких опытных воинов, был уверен в успехе. Часть своих больных людей Делавиль оставил в Порхове. 19 февраля 1614 года им был выдан хлеб из государевых амбаров «*по приказу немецкого воеводы Лавила*»[11].

Защитникам Печерского монастыря во главе с игуменом Иоакимом и келарем Онуфрием предстояло выдержать трудный экзамен. События прошлых лет научили монастырских старцев быть осторожными. Важную роль игумен Иоаким отводил не только поддержанию вверенной ему крепости в боеготовом состоянии, но и агентурной разведке, сбору информации о противнике. Ещё 21 января 1614 года

---

[9] *Замятин Г.А.* Борьба за Псков. С. 293; АМГ. Т. 1. № 82. С. 121.

10 См.: *Мархоцкий Н.* История Московской войны. М., 2000. С. 66; *Делавиль П.* Краткое рассуждение … // Историографический сборник. Саратов, 2008. Вып. 23. С. 134.

[11] Книги расходные государевой хлебной казны в Порхове. 1614, февраль — июнь // RA, NOA. Serie 1 :32. С. 2. (копии документов Новгородского архива любезно предоставлены автору Адрианом Александровичем Селиным).

один из печерских жильцов, Васька Ларионов, прибыв из Нейгаузена, в расспросе сообщил игумену Иоакиму важные сведения об отправке из Риги в Новгородскую землю новых войск; о том, что шведы посылают своих лазутчиков в Псков и псковские пригороды, о планах польского короля. Эти сведения «*государева богомолья Печерского монастыря архимандрит Иоаким*» на следующий день, 22 января, передал псковским воеводам, которые немедленно отписали об этом в Москву. Новые сведения о том, что из Пернова идут «*триста человек французских немец*», сообщил лазутчик «*крестьянин Рейнко, который посылан для вестей*» из монастыря в Нейгаузен [12].

Также монастырь получал аналогичные известия от жителей Дерпта (Юрьева Ливонского), который в то время принадлежал Речи Посполитой, но проводил относительно самостоятельную политику, осуществлял торговые операции с псковичами и монастырскими старцами. Иоаким сообщал, что ему писал «*…ливонскаго подстаростье Александр Рогоза о тех же немецких людех вести*». Келарь монастыря Онуфрий 8 февраля 1614 года отписал обо всех последних новостях псковским воеводам, которые, в свою очередь, сообщили об этом в Москву. Данное донесение было получено в Москве 28 марта, а уже 30 марта от царя Михаила Фёдоровича в Псков была отправлена грамота, в которой указывалось, чтобы «*жили с великим береженим и вестей всяких проведывали и лазутчиков всяких посылали куды пригоже*»[13]. Однако в Москве, отправляя эту грамоту, по-видимому, ещё ничего не знали о событиях, которые произошли в середине февраля в Печерском монастыре.

Несмотря на принятые Иоакимом меры предосторожности, прибытие отряда Делавиля к монастырю 10 февраля 1614 года оказалось неожиданным для местных жителей[14]. Во всяком случае, многие крестьяне не успели укрыться за стенами монастыря, не успели спрятать или эвакуировать имущество, живность, лошадей. В отписке Иоакима царю сообщалось, что отряд Делавиля трижды пытался взять монас-

[12] Отписка Псковских воевод Ивана Хованского да Никиты Вельяминова и Василия Корина о вестях про Литовских и Немецких людей, что они, соединившись, намерены вместе воевать Русскую землю. 1614 г. // АМГ. Т. 1. № 67. С. 103.
[13] АМГ. Т. 1. № 67. С. 104.
[14] Дата прибытия французов к монастырю приведена в царской грамоте архимандриту Иоакиму от 5 апреля 1614 г. См.: АМГ. Т. 1. № 67. С. 103–105.

тырь (12, 14 и 16 февраля), но каждый раз враги встречали сильный отпор. Иоаким писал царю: «*Благоверному и христолюбивому государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея русии, изо Пскова твоего государева царского богомолья Успенья Пречистые Богородицы Печерскаго монастыря чернцы архимарит Иоаким с братиею Бога молим и челом бьем*». Далее в отписке излагаются подробности трёх штурмов монастыря[15].

Первый штурм «*Петр Лавин да Карбел с французскими немцы*» предприняли 12 февраля 1614 года. Они пришли «*в девятом часу дни* (то есть уже ближе к вечеру, в сумерках, после захода солнца. — *Я.Р.*) *с конными и с пешими и со многими людми изгоном и забежью вломилися в острог*», однако монахи «*с ратными людьми, и с стрельцы и со всеми православными христианы, затворив городовую железную решетку*», вступили в бой в воротах, стреляли «*с стены из наряду и каменьем до нощного часу*». Главный удар врага был направлен с северной стороны против Святых ворот. В ходе штурма французы побили и ранили многих старцев и стрельцов, но всё же вынуждены были отступить. Защитники монастыря во время этого боя у Святых ворот отбили у французов «*пинарду целую с зельем и с доскою*». Как мы помним, именно эти ворота были укреплены лучше других. Враги получили достойный отпор.

После неудачного первого штурма французы «*стали около монастыря на гостином и на конюшем дворе и в слободке Палковке*». Монастырь оказался в осаде. Французы многих печёрских крестьян с женами и с детьми побили или взяли в плен; а «*на конюшем дворце и на селцех монастырские лошади и всякую животину поимали*».

Через день, **14 февраля**, но уже «*в восьмом часу ночи*», французы вторично пошли «*на приступ всеми людьми*». Теперь удар врага был направлен с северной стороны к двум воротам: к Никольским и у Нижних решёток. Французы наступали «*с сенными возами и с приметы за щитами и с пинарды*». Согласно донесению Иоакима, воины Делавиля «*у Никольских ворот выбили пинардами острожные ворота и острог сломали*». Тем не менее, защитники монастыря отбили

[15] Отписка из Псково-Печерского монастыря архимандрита Иоакима с братией о троекратном приступе Литовских людей к монастырю и об отбитии их. 1614 г. // АМГ. Т. 1. № 71. С. 108.

все приступы неприятеля; французы потеряли «*у Нижних ворот две пинарды целы с зельем и с досками*».

16 февраля «в седьмом часу ночи» французы повели атаку на монастырь в третий раз с двух сторон: «*с Никольской да с Сборской стороны*». Ударам подверглись северные Никольские и юго-восточные Изборские ворота: враги приходили «с сенными возы под стену за щитами с клевцами и с кирки и с ломы, и пробили городовую стену, а промеж возов просе(кли?) землю и хотели вести подкоп». Однако и на этот раз защитники монастыря нападающих «*из наряду, и каменьем, и катками многих побили и поранили, и от города отбили, а щиты у них, и клевцы, и кирки, и ломы поимали и сенные возы сожгли*»[16].

Об этом штурме монастыря 12–16 февраля писал шведский королевский историограф Юхан Видекинд: «*Делавилль и Коробелл всерьез и храбро бросились на приступ, так что ворота отворились; но, бросившись на приступ, они не обратили внимания на опущенные решетчатые ворота. При этом несколько человек наших были убиты, между ними и брат Делавилля*»[17].

Сведения об этих же событиях приводит Эверт Горн в своём донесении королю Густаву Адольфу из Нарвы от 19 февраля 1614 года. Э. Горн писал, что Делавиль во время приступа не обратил внимания на ворота, которые упали, поэтому некоторые из шведов и были убиты. «*Куда он теперь направился, я не могу знать*»[18].

Французы, потерпев троекратную неудачу, «пошли прочь в Литовскую землю мимо Новой городок похваляючися, что хотят быть с болшими людьми и с нарядом под Печерский монастырь на осаду». Часть наёмников Делавиля отделилась от основных сил и отправилась на родину, в «Цесарскую землю»: «*А из Печерского монастыря пошло немецких людей в свою землю сто тридцать человек*»[19].

О потерях французов в ходе штурма монастыря мы узнаём из расспросных речей выходца Павла Иванова: «*Под Печерским монастырем немецкаго воеводку Карбела ранили да Петрова брата Лавилова убили, а немецких людей побили и поранили с двесте человек, и ныне*

[16] АМГ. Т. 1. № 71. С. 108.
[17] *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 311.
[18] *Замятин Г.А.* Борьба за Псков. С. 294.
[19] АМГ. Т. 1. № 71. С. 108; № 82. С. 121.

де с Петром Ловилом немецких людей только с полтреяста (около 250. — *Я. Р.*) *человек, а стоять им в Наугородцком уезде на заставе в Воцкой пятине на городце*»[20].

Гибель любимого брата, который в 1611 году, взятый новгородцами в плен под Ладогой, чудом остался в живых, большие потери среди личного состава (200 воинов), ранение «немецкого воеводки Карбела», а также отсутствие продовольствия вынудили Делавиля снять осаду монастыря. Отступление французов от монастыря произошло 21 февраля: «*…февраля в 21 день в пятом часу ночи немецкие воеводки со всеми немецкими людьми, зажегши свой стан, пошли в Литовскую землю мимо Новой городок*»[21]. Французы направились в Дерптское епископство, разоряя всё на своём пути, на что позднее жаловались на переговорах Габриэлю Оксеншерна польские представители[22].

Если Эверт Горн не знал, куда направился Делавиль со своими людьми после неудачи под Печёрами, а Видекинд писал о пребывании французов на территории Литвы возле Дерпта, то русские источники позволяют уточнить дальнейший маршрут этого французского полковника на шведской службе. В распросных речах новгородского посадского человека «*Ивана Филатова сына Железникова*», которого новгородцы отправили по указанию Якоба Делагарди для переговоров с московским воеводой князем Д.Т. Трубецким, сказано, что «*под Печерским монастырем Муксоловила и Карбеля государевы люди побили и с тово бою на Сборное воскресенье* (неделя христоявления православия в 1614 году приходилась на 13 марта — *Я.Р.*) *Муксоловил пришел в Новгород при нем Иване с невеликими людьми*»[23]. Известно, что с 29 марта по 27 апреля 1614 года в Порхове выдавался хлеб «*на воеводу на Петра на Лавила порутчику и трем ротмистрам Муторзию и Декарю и Лабуртанилу и приказным и рядовым солдатом*»[24].

---

[20] АМГ. Т. 1. № 82. С. 121.

[21] АМГ. Т. 1. № 67. С. 105.

[22] *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 493; АМГ. Т. 1. № 67. С. 103–105.

[23] *Замятин Г.А.* Борьба за унию Новгорода со Швецией в 1614 году // Новгородский исторический сборник: сб. науч. тр. / редколл.: В. Л. Янин (отв. ред.) и др. Санкт-Петерб. ин-т истории РАН, Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, Новгород. музей-заповедник — Великий Новгород, 2014. Вып. 14 (24). С. 409.

[24] Книги хлебной раздачи в Порхове Ивана Селиванова. 1614, март — сентябрь // RA, NOA. Serie 1 :82. С. 5.

Надгробие Г. Ододурова. 1560 г.

Игумен Иоаким отправил в Москву царю Михаилу Фёдоровичу 27 февраля с сеунчем (радостной вестью о победе) монастырских служек Данилку Иванова и Сеньку Сотникова[25]. Обычно в качестве таких гонцов-сеунщиков посылались в столицу наиболее отличившиеся в боях воины, поэтому можно утверждать, что Данила Иванов и Семён Сотников сыграли важную роль в обороне монастыря от французов Делавиля.

В ответной грамоте царя Михаила Фёдоровича игумену Иоакиму подчёркивалось, что «*такая победа над немецкими людьми учинилась, место от иноверцов освободилося, по милости всемогущего,*

[25] АМГ. Т. 1. № 71. С. 108

в Троице славимого бога и пречистыя Богородицы помощию и всех святых молитвами, а нашим царским счастьем, а вашими молитвами и раденьем, а ратных всяких людей прямою к нам службой и раденьем». Царь предписывал архимандриту с братиею, чтобы они в монастыре «*жили с великим береженьем и осаду укрепляли накрепко и наряд по городу, в которых местех пригоже, велели поставить, и ратных и всяких людей по городу велели росписати, и места осадным и всяким людем, где кому в осадное время быть, велели указать*», — словом, предписывалось быть в полной готовности. В случае появления врагов (шведов или поляков) монахи должны были писать в Москву, Псков и в псковские пригороды воеводам, а сами обязаны были «*сидеть в осаде крепко и над врагами промышлять по мере сил*»[26].

Царь не отправлял немедленно ратных людей на помощь монастырю — он ограничивался обещанием: «*А мы по вестем ратных людей в Печерский монастырь велим послать изо Пскова и изо псковских пригородов и велим вам помогать и над немецкими и над литовскими людьми промышлять, сколько милосердный Бог помочи подаст*».

К сожалению, источники почти ничего не сообщают о простых защитниках монастыря. Нам не известны имена героев, которые не щадили своей жизни, чтобы отстоять монастырь от врага (игумен, келарь, жилец, крестьянин, несколько служек — вот и все, о ком сообщают источники), поэтому стоит привести имена ещё двух служилых людей, которые получили награды именно за «Печерскую службу». Это помещик Водской пятины Гурьев Павел Афанасьевич и псковский помещик Татьянин Макар Иванович. В Кормлёной книге Галицкой Четверти указано, что им было придано к старому окладу по 1–2 рубля. М.И. Татьянин получил придачу к денежному окладу уже в мае 1614 года, а П.А. Гурьев — в мае 1616 года. Оба помещика были награждены именно за оборону Псково-Печерского монастыря, за «Печерскую службу». Макар Татьянин отличился ранее при обороне Гдова в 1613 году, «*за Гдовскую службу и осадное сиденье велено давать из чети вновь 5 рублей*»[27].

---

[26] АМГ. Т. 1. № 67. С. 105.

[27] Кормленая книга Галицкой Четверти 7121-25 гг. (1613-1617): Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / сост. и пред. Л.М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 101, 170.

Можно привести имена ещё четырёх защитников монастыря, которые погибли при отражении вражеского штурма 16 февраля 1614 года: это помещики Шелонской пятины Игнатий Мягкой, Кирилл Скунщиков (Кунщиков), а также Терентий Нагин и Поликарп Сергеев. Имена этих четверых героев увековечены на одной из керамических надгробных плит, расположенной на одной из пещерных улиц в Богом зданных пещерах монастыря[28].

Среди других лиц, чьи имена сохранились на керамидах, следует обратить внимание на каменщика Кабалихина, в иночестве схимника Сергия, который был убит 16 июня 1613 года. В этот день сведений об осаде монастыря не обнаружено, зато хорошо известно, что именно в это время псковичи сумели освободить от шведов Гдов. На керамической плите написано, что этот каменщик не преставился, а «убиен был», что подтверждает версию об участии его в освобождении Гдова.

Возможно, что имена других защитников монастыря высечены на каменных надгробных плитах, которых только за первую половину XVII века имеется в пещерах не один десяток.

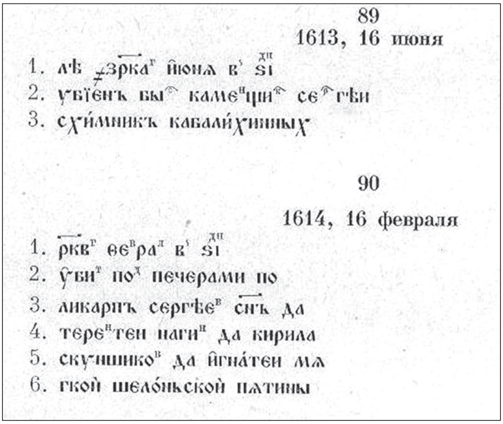
Сведений о том, что происходило в Изборске и Печёрах в 1614–1616 годах, сохранилось мало. В Книгах разрядных в 1614 году упоминаются воеводы Изборска Григорий Кокорев и Павел Сеславин[29]. В 1615 году мы видим в Изборске уже других воевод: Григория Боброва и Карпа Ушакова[30]. В другой разрядной записи приведена важная информация о составе гарнизона Изборска осенью 1615 года. По отписке воеводы Григория Боброва, по состоянию на 9 октября 1615 года, в крепости было 11 детей боярских и 50 стрельцов с сотником Богданом Мавриным. Также в состав гарнизона Изборска входили 15 пушкарей и затинщиков, что свидетельствует о наличии в крепости весьма значительного наряда. Кроме того, 4 воротника обслуживали Талавскую башню с захабом и Тёмную башню с Николь-

---

[28] *Плешанова И.И.* Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. М., 1966. Вып. VI. С. 188, 205. ***Благодарю библиотекаря Псково-Печерского монастыря архимандрита Филарета за помощь в поиске имён защитников монастыря.***

[29] Разрядная книга 1613–1614 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 296.

[30] Книги разрядные по официальным оных спискам (далее — Книги разрядные). СПб., 1853. Т. 1 (1614–1627). Стб. 76.


89

1613, 16 июня

1. лѣ ҂зрка июня в ѕі
2. убіенъ бы камен щик се гѣи
3. схимникъ кабалихиныхъ

90

1614, 16 февраля

1. ркв февра в ѕі
2. уби по печерами по
3. ликарпъ сергѣев снъ да
4. терен тен наги да кирила
5. скушнико да игнатеи мж
6. гкой шелоньской пятины

1-1-ППМ-40

ским захабом (по-видимому, по два воротника на каждую башню). Всего состав гарнизона Изборска насчитывал 81 человек. Причём, помощником Григория Боброва вновь записан Павел Сеславин, а не Карп Ушаков[31].

Защитники Изборска и Псково-Печерского монастыря весной 1615 года способствовали разгрому шведских войск под Псковом. После неудачной попытки захватить Псков в январе 1615 года шведский фельдмаршал Эверт Горн попытался установить блокаду Пскова со стороны Ливонии. Для этого между Псковским озером, Печёрами и Изборском было устроено несколько укреплённых острожков, где базировались шведские отряды Роберта Мюра, Асмуса Глазенапа, Якова Мак-Дувалля, а также перешедшие на шведскую службу польские отряды Иеронима Дембинского и Яна Карвацкого. Э. Горн воспользовался при этом советом новгородца-изменника Никиты Калитина, который уверял, что в случае прекращения поставок продовольствия в Псков из Дерпта и Нейгаузена псковичи вынуждены будут капитулировать[32].

[31] Книги разрядные. Стб. 177.

[32] Расспросные речи Никиты Калитина. Февраль 1614 г.: Арсеньевские шведские бумаги 1611–1615 гг. / пер. А.В. Полторацкого // Сб. Новгородского общества любителей древности (далее — Сб. НОЛД). Вып. V. Новгород, 1911. № 9. С. 25–29.

Действительно, уже в марте — апреле 1615 года в Пскове, как писал в своём донесении королю от 27 апреля Эверт Горн, «*простые люди испытывают сильный голод и нужду, потому что зимой был отрезан подвоз из Дерпта и других мест…, псковичи теперь дошли до крайности от того, что прекращен к ним подвоз зимой*»[33]. Первые попытки псковских воевод в начале марта 1615 года прорвать эту блокаду завершились неудачей. Г.А. Замятин привёл отрывок из письма Арвида Теннессона от 27 марта из Выборга канцлеру А. Оксеншерне, в котором говорится о победе шведов над 600 псковичами, «которые хотели напасть на шведский лагерь между Псковом и Дерптом»[34].

Однако псковские воеводы сумели извлечь урок из этой неудачи: гарнизоны Печёр и Изборска были усилены. Теперь шведские и польские отряды сами оказались в трудном положении из-за недостатка продовольствия. Между союзниками начались раздоры и даже отдельные стычки. Юхан Видекинд писал, что войска, которые пришли под Печёры, не имели никаких средств к существованию, «*да и переслать им продовольствие из-за плохого состояния дорог и большого разлива рек не было возможности*». Видекинд жаловался, что поляки могли бы вместе со шведами «*сделать там многое, если бы поддерживали с ними согласие. На деле же они вели себя скорее как враги, чем как друзья*»[35].

Один польский отряд Яна Карвацкого был вынужден отступить к польской границе, а вскоре главные силы шведов отошли на север, к Чудскому озеру (конница — в Гдов, а пехота — в Дерпт). Это ослабление вражеских войск не укрылось от внимания псковичей. В результате согласованных действий русских воинов из Пскова, Изборска и Печёр польский отряд Иеронима Дембинского был полностью уничтожен, о чём сообщал королю Эверт Горн в своём донесении от 26 мая. Учитывая время на доставку донесения из-под Печёр через Гдов в Новгород, где находился в то время шведский главнокомандующий, можно считать, что разгром польского лагеря псковичами произошёл в первой половине мая. Видекинд ничего не говорит об этой неудаче шведов.

---

[33] Лист Эверта Горна королю Густаву Адольфу. 27.4.1615 г. // Сб. НОЛД. Вып. V. № 16. С. 46–54.

[34] *Замятин Г.А.* Борьба за Псков. С. 311.

[35] *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 341–342.

Зато Эверту Горну скрывать было нечего: он писал, что после ухода из укрепления отряда Роберта Мюра псковичи захватили врасплох польский отряд «*из-за их беспечности*», при этом до 50 поляков было взято в плен и отправлено в Псков, «*а прочие по большей части убиты*»[36].

Трудно определить точное место нахождения данного укрепления, которое было удалено от Пскова на 6–7 шведских миль (около 30–40 км). В письмах А. Глазенапа и Я. Мак-Дювалля Эверту Горну от 29 января и 2 марта 1615 года, которые хранятся в библиотеке Тарту, упоминается Кулга погост (Kulga pogoſt), где находился шведский лагерь[37]. Возможно, здесь речь идёт о современной деревне Кукуевка, расположенной в 30 км западнее Пскова, удалённой на 10–15 километров от Изборска, Печёр и Псковского озера, что позволяло шведам контролировать сухопутные и водные дороги к Пскову.

Таким образом, попытка шведов зимой — весной 1615 года установить блокаду Пскова со стороны Ливонии закончилась провалом. Вскоре состоялся знаменитый поход к Пскову шведского короля Густава Адольфа. Однако, даже во время осады Пскова Густавом Адольфом в августе — октябре 1615 года казаки из Печёр совершали далёкие рейды в сторону Гдова, умудряясь переправиться на восточный берег в наиболее узком месте между Чудским и Псковским озёрами. По словам Ю. Видекинда, 300 казаков разбойничали в сентябре и октябре под Гдовом. Они же напали на Аллентакен. Голландские послы, которые в октябре 1615 года направлялись к Пскову, осаждённому войсками Густава Адольфа, сообщали, что после проезда Гдова они вынуждены были двигаться далее с осторожностью в сопровождении большой охраны, чтобы проехать в один день через опасный лес. Кого так опасались послы, когда впереди перед ними был Псков, плотно осаждённый шведским королём? Оказывается, в этом лесу, который простирался более чем на 10 миль, «*ежедневно несколько человек убивают и грабят русские, приходящие сюда через Пейпусское озеро из Печоры, значительного монастыря по ту сторону Пскова*»[38].

---

[36] Лист Эверта Горна королю Густаву Адольфу. 26.5.1615 г. // Сб. НОЛД. Вып. V. № 20. С. 59–63.

[37] *Кордт В.А.* Из семейного архива графов Делагарди // Ученые записки императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1894. Т. 2. С. 83, 93.

[38] Донесения нидерландских посланников о посольстве в 1615–1616 гг. в Швецию и Россию // Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 24. С. 40.

Эти партизанские рейды из Псково-Печерского монастыря по тылам шведских войск затрудняли подвоз припасов к Пскову и наряду с героической обороной защитников Пскова вынудили шведского короля в октябре 1615 года снять осаду города и отступить в Нарву.

Ровно через год в начале сентября 1616 года Изборск и Печёры вновь оказались в центре событий. В это время воеводу Григория Боброва сменил в Изборске Иван Васильевич Шестунов, один из героев взятия и последующей обороны Гдова от шведов в 1613–1614 годах. Стрелецкий сотник Богдан Маврин по-прежнему командовал стрельцами Изборска[39]. Сам же Григорий Бобров получил другую важную задачу.

Летом 1616 года шведский военачальник Карл Гюлленельм предпринял очередной поход к Пскову. Потерпев неудачу у стен города, шведы устроили лагерь в устье реки Великой, где построили мощное укрепление с гарнизоном из 700 воинов. Для обеспечения этого гарнизона продовольствием в сторону Изборска и Печёр был отправлен специальный конный отряд в 500 всадников во главе с Патриком Рутвеном. Однако защитники монастыря и Изборска не дали шведам осуществить свои планы. Гюлленельм, говоря о неудаче этой «продовольственной экспедиции», писал, что вся местность в округе разорена, продуктов достать негде. Он умолчал о нападениях на этих фуражиров защитников Печёр и Изборска. Шведская конница вынуждена была отступить к Гдову, оставив гарнизон укрепления в Устье на произвол судьбы.

Защитники Печёр и Изборска не только обеспечили блокаду шведского укрепления со стороны Ливонии, но и приняли активное участие в ликвидации этого вражеского лагеря. Отрядом псковичей командовал прежний воевода Изборска Григорий Степанович Бобров. В декабре 1616 года шведский гарнизон в Устье капитулировал, изнывая от голода. Псковичам достались богатые трофеи, в том числе вся артиллерия шведов. Перед этим печёрские старцы через своих разведчиков сообщили воеводе Григорию Боброву, что к шведам на выручку двигается из Дерпта крупный отряд (до 500 солдат). Остатки вражеского гарнизона после капитуляции были отпущены на родину. Встретив по пути отряд, спешивший к ним на помощь, солда-

[39] Книги разрядные. Стб. 391.

ты из этого укрепления (в основном, финны) едва не были перебиты своими товарищами, считавшими их предателями. Эти события происходили уже после подписания в Ладоге предварительных условий мирного договора, по которому прекращались все боевые действия между русскими и шведами[40].

Значение героической обороны Псково-Печерского монастыря, как и Гдова, очень велико. После провала попыток Эверта Горна и Пьера Делавиля овладеть в феврале 1614 года данными крепостями шведы временно вынуждены были отказаться от похода на Псков; псковичи получили некоторую передышку и сумели лучше подготовиться к отражению наступления короля Густава Адольфа в 1615 году. В свою очередь, поражение шведов под Псковом способствовало началу мирных переговоров в Дедерине и заключению Столбовского Вечного мира, который современники считали довольно выгодным для России. По этому поводу С.М. Соловьёв писал: «*В Москве и Стокгольме были очень довольны Столбовским миром; возвращение Новгорода и избавление от шведской войны при опасной войне с Польшей делали нечувствительною потерю нескольких городов: теперь было не до моря!*»[41].

Будем надеяться, что данная отрывочная информация хоть немного развеет ту завесу тумана, которую мы наблюдаем при изучении событий, связанных с Изборском и Печёрами в Смутное время.

---

[40] Подробности событий 1616 г. под Псковом см.: *Замятин Г.А.* Борьба за Псков. С. 360–388.

[41] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Соч. в 18 кн. Кн. V. Т. 9. М., 1995. С. 101.

О МАЛОИЗВЕСТНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ В РАБОТАХ ВЛАДИМИРА ШУМАНА/МУРОМЦА

Л. В. Пуусепп
(гор. Пайде, Эстония),
учитель русского языка и литературы

Печёрский монастырь — центр православия почти у самой эстонско-российской границы, не закрывавшийся даже в самые трудные для него годы. В 2007 году его назвали шестым чудом России. Это уникальный по своей красоте архитектурный ансамбль, который никого не оставляет равнодушным. Он очаровывает каждого, не может не волновать и того, кто впервые посетил его, и того, для кого монастырь — неотъемлемая часть родного города. Таким он был всегда для меня, таким он был для моих родителей. Для папы он стал источником вдохновения, а маме, Селюгиной Нине, посчастливилось даже какое-то время пожить в доме настоятеля с ноября 1919 по август 1920 год, когда Бутырская школа, в которой работали мои дедушка и бабушка, располагалась на территории монастыря

Мой отец, Муромец (с 1939 г.) Владимир Владимирович, более известный в Печорах под фамилией Шуман, родился в 1905 году в Сангасте (Эстония) в семье помощника начальника станции, которая тогда носила название Загниц . Семья по долгу службы отца вынуждена была часто переезжать. Дед, Шуман Владимир Никифорович, служил в той же должности на станциях Изборск и Печоры, а позже выполнял разные работы, на которых не было строгих требований к знанию эстонского языка. С 1907 жили в Печорах, где в 1925 году отец закончил гимназию. Позже два года учился в Таллиннском Высшем техникуме на архитектурном отделении, но не закончил его. Работал на строительстве железной дороги Тарту–Петсери (1929–1931).

Семейный портрет (1906–1907 г.)

А после прохождения воинской службы — чертёжником-конструктором в городах Валга и Тарту, но до перевода в Выру в 1944 году считал себя истинным печерянином. Никогда не терял связи с городом, в котором продолжали жить до смерти его родители и одна из сестёр, Евгения Владимировна Булина.

Человеком он был талантливым. С юности занимался живописью, в 1934 году увлёкся фотографией, а с 1971 года — любительским кино. Сохранились созданные им самые различные произведения, связанные с Печорами и Печерским монастырём. Вот о некоторых из них и хочется рассказать.

Прежде всего, это фотографии. Интересных довоенных я нашла немного. Это фото Печор после пожара и 3 фотографии с Певческого праздника в Печорах, монастырские виды. Особенно много удачных видов в чёрно-белом варианте хорошего качества создано в послевоенные годы. Долгие годы папа был «официальным нелегальным» поставщиком памятных открыток-фотографий для монастыря. Воз-

Семейный портрет (1912–1913 г.)

можно, где-то в монастырских архивах сохранились образцы его работ. У меня тоже хранятся некоторые, причём на отдельных указана конкретная дата и количество заказанных фотографий.

С конца 60-х годов папа стал увлекаться цветной фотографией. Тогда появились слайды изумительной красоты. В нашем родительском доме в Выру хранится целая коллекция великолепных слайдов, заснятых в Пскове, Изборске, Новгороде, Суздале, Владимире, Коломне, Пушкинских Горах, Бухаре и Самарканде, но значительная их часть посвящена Печерскому монастырю.

В 70–80 годы им было снято несколько фильмов о монастыре, о самых важных событиях в его жизни, — вероятно, они ещё существуют в архивах.

Подробнее хочется рассказать о более редких произведениях. Мою квартиру в Пайде украшают 4 дорогих мне акварели с видами монастыря.

Первая из них написана в 1927 году. На ней изображена звонница (45 × 32).

Печоры после пожара. 1939 г.

На второй (1929) изображён любимый папой сюжет — вид на купола Успенского собора со Святой горы(46,5 × 31).

К 1930 году относятся две акварели: Ризница (50 × 37) и другая — очень скромный вид на Никольский храм сверху (48 × 32).

Не знаю (а спросить теперь не у кого), как и когда отцу пришла в голову идея по второй картине создать рисунок для вышивания. Но так или иначе существуют вышитые крестиком ковры-картины размером 1,36 на 92 сантиметров с изображением монастыря. Я знаю о существовании трёх. Одна была всегда в доме отца — и сейчас она на почётном месте в Выру. Другая была в доме сестры отца Евгении Владимировны Булиной и её супруга Виктора Александровича (брата настоятеля Печерского монастыря Иоанна в 1920–32 годах и моего крёстного). Евгения Владимировна больше всего и принимала участие в вышивании. Вероятно, вышивала и бабушка, мать отца, Шуман Магдалина Фёдоровна.

После смерти Евгении Владимировны и Виктора Александровича в 1985 году их дочь Татьяна увезла его вместе с другими дорогими для неё вещами в Подмосковье, в город Железнодорожный, где умерла в 1997 году. Вскоре пропал без вести её муж Гожий Юрий Павлович. О судьбе этого ковра мы ничего не знаем.

Третий ковёр я видела только на фотографии. Он был в Таллинне в семье Батариных.

Клавдия Павловна была подругой моей бабушки Серафимы Васильевны Селюгиной — на одной из фотографий, присланных Клавдией Павловной, изображена компания на фоне этого ковра. Разница только в том, что наши ковры в одинаковых деревянных рамах, а этот без рамы.

Сохранились все, необходимые для работы материалы: копия на кальке с подписью Вл. Шуман и датированная 1 мая 1933 годом, затем перенесённая на миллиметровку (3 мая 1933 г.), раскрашенная и разделённая на квадраты, как это обыкновенно делается на рисунках для вышивки. Там же указаны цвета ниток, необходимых для вышивки. Всего около 100 тысяч крестиков насчитывает эта работа. Сохранилась запись о том, что тётя Женя начала её 28 декабря 1933 года. Сколько времени заняла эта работа — не знаю, но к концу 30-х годов два ковра были готовы.

Ковёр-картина вызывает восхищение у всех. Многие не верят, что такое можно вышить. Однако эта красота существует уже около 80 лет…

Вид крепости. 19 августа 1951 г.

Мои родители на фоне ковра и картины

Настенная деревянная тарелка «Гусляр»

Владимир Владимирович Муромец/Шуман

Была задумана и другая работа с изображением звонницы, сохранились некоторые подготовительные наброски, но… не состоялось.

И последнее, о чём хотелось бы рассказать, — это настенные деревянные тарелки (диаметр 33 см). Судя по сохранившимся эскизам и трафаретам, они были посвящены самым различным сюжетам, среди них и фрагменты картин разных художников (любимый папин Гусляр), и виды монастыря. Этой работой, как я помню, они занимались вместе с Виктором Александровичем Булиным, — она являлась одной из статей их дохода. Но существует одна фотография, вероятно, какой-то выставки в Печорах (к сожалению, дата не указана), где представлены 10 тарелок, некоторые из них определённо выжжены моим отцом, потому что они существуют доныне: две — в Выру у брата и одна — у меня.

Вот и всё, что хотелось бы рассказать о вкладе моего отца в художественную историю Печор и монастыря.

Отец умер 16 ноября 1989 года в Выру и похоронен там, хотя ещё при жизни он приготовил себе место на Печорском кладбище рядом с родителями, недалеко от сестры. Но, к счастью, в конце жизни он сам передумал, предвидя, как нам сложно будет посещать могилы в Печорах. А могилы дорогих мне бабушек и дедушек я стараюсь посещать по мере возможности.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕЧОРСКОГО ГОРОДОВОГО МАГИСТРАТА В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

О. А. Астраханбиева,
археограф Отдела информации, публикации и научного использования документов Государственного архива Псковской области

Впервые городовые магистраты на территории Российской империи как местные учреждения по управлению посадским населением в уездных городах, слободах, крупных торгово-промышленных сёлах возникли на основании именного указа Петра I от 15 февраля 1720 года [1]. На основании закона «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 года старые магистраты были упразднены и созданы вновь как местные административно-судебные учреждения, осуществлявшие управление городским населением. Деятельность магистрата регламентировалась «Учреждениями для управления губерний» 1775 года, «Городовым положением» 1785 года и указами Сената [2].

По именному высочайшему указу Екатерины II от 7 июня 1782 года Печорской слободе был присвоен статус уездного города, с выделением территории собственного уезда из состава Псковского уезда «по многолюдству и обширности оного» [3]. В соответствии с этим в Печорах были открыты присутственные места: городское правление, уездное казначейство, уездный суд, дворянская опека, нижний земский суд, сиротский суд и городовой магистрат [4].

Городовой магистрат состоял из присутствия и канцелярии. В присутствие входили 2 бургомистра и 4 ратмана. Бургомистры приравнивались к чиновникам XI класса, ратманы — XIII класса. При городских магистратах состояли прокурор и 2 стряпчих: по уголовным и по гражданским делам. Канцелярию возглавлял секретарь.

Согласно статье 72 Городового положения «городской глава, бургомистры, ратманы выбираются обществом городским через всякие три года по баллам; старосты же и судьи словесного суда выбираются тем же обществом всякий год по баллам» [5]. Печорским городовым магистратом управляли 2 бургомистра и 4 ратмана, но одному бургомистру и двум ратманам дозволялось по очереди не присутствовать.

После выборов бургомистрам или ратманам городового магистрата необходимо было произнести и подписать клятвенное обещание [6]. «Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием в том, что … верно и нелицемерно служить и во всем повиноватися, не щадя живота своего до последней капли крови… и всякую мне вверенную тайность крепко хранить буду и поверенной и положенный на мне чин, как по сей генеральной, так и по особливой определенной по времени до времени Ее Императорского Величества именем от представленных надо мною начальников, определяемым инструкциям и регламентам и указам надлежащим образом по совести своей исправлять и для своей корысти, свойства, дружбы ни вражды противо должности своей и присяги не поступать и, таким образом, себя весть и поступать как доброму и верному Ее императорского Величества подданному благопристойно есть и надлежит» [7].

В 1782 году первыми бургомистрами Печорского городового магистрата стали Ермолай Кожевников [8] и Козьма Шенбутон, а первыми ратманами — Ефрем Балберов, Иван Шапошников, Петр Алеусев и Осип Пушницын [9]. Известно, что у бургомистра Ермолая Кожевникова объявленный капитал составлял 505 рублей, он имел лавку, где торговал немецкими товарами, и один небольшой кожевенный деревянный завод и одну деревянную водяную мучную мельницу. Козьма Шенбутон также имел объявленный капитал в 505 рублей и владел совместно с Ермолаем Кожевниковым лавкой. Для сравнения: бургомистр Псковского городового магистрата Афанасий Петрович Русинов с детьми Фёдором и Петром имел объявленного капитала 1100 рублей, а ратман того же магистрата Иван Плотников с детьми Иваном, Петром и Герасимом имел 525 рублей объявленного капитала.

Согласно сообщению Печорского уездного казначейства, в 1783 году бургомистры получали 40 рублей жалования, а ратманы — по 33 рубля 33 копеек. [10] Для сравнения: крупа гречневая стоила

от 48 до 53 копеек за килограмм, стоимость мяса говяжьего свежего варьировалась от 50 копеек до 1 рубля за килограмм [11].

Под руководством Городового магистрата состоял Словесный суд. По делам местного самоуправления городовые магистраты могли обращаться в Губернский магистрат, по судебным делам апелляционной инстанцией для них служили Палаты уголовного и гражданского суда [12].

Городовые магистраты создавались как судебные учреждения для ведения уголовных и гражданских дел купцов и мещан. Одновременно осуществляли некоторые административные функции: взимали подати, обеспечивали проведение рекрутского набора и т. д. С 1785 года по Городовому положению ведали организацией выборов на должности цехового управления и утверждением лиц, избранных на эти должности, приёмом мастеровых в цехи, записью в купечество и мещанство, выдачей купцам свидетельств на вступление в подряды, выдачей купцам и мещанам паспортов, оформлением договоров о найме, надзором за иногородними торговцами и промышленниками, организацией еженедельных городских торгов, ведением книг городских земель и строений для выдачи справок при их покупке, утверждением купчих на недвижимость, освидетельствованием качества товаров, выдачей мер и весов. Члены городовых магистратов и ратуш принимали участие в освидетельствовании соляных магазинов, освидетельствовании и запечатывании крепких напитков. В дальнейшем к указанным функциям прибавились выдача книг маклерам и нотариусам и их ревизия.

Магистрат рассматривал дела самого разного содержания: о кражах, покупке или продаже дома, розыске различных лиц, сокрытии рекрутов, высылке в расправу, о провозе различных товаров и многое другое. Значительную часть в деятельности Магистрата составляли дела об «обидах». Под обидами, как правило, понималось хулиганство: побои, оскорбительные слова, ругательства. Прошения о защите подавали не только купцы и мещане, но и мелкие чиновники, офицеры, крестьяне. Наказаниями за хулиганство в зависимости от степени тяжести мог быть арест до 7 суток или взыскание «безчестья» [13].

Решение Городового магистрата можно было оспорить в Губернском магистрате. Чтобы передать свою жалобу, нужно было внести в Магистрат 25 рублей. Эти деньги хранились до решения Губернского магистрата, и если выяснялось, что Городовой магистрат принял правильное решение, то деньги эти использовались на нужды Магистра-

та. Переносить дела из Городового магистрата в Губернский запрещалось, если речь шла о деле, настоящая цена которого ниже 25 рублей. Городовому магистрату предписывалось заканчивать в один срок дела, по которым человек содержался под стражей. [14]

На хранении в Государственном архиве Псковской области (ГАПО) находится около 300 дел Печорского городового магистрата. В протоколах заседаний Магистрата зафиксированы основные вопросы и принятые решения, а также определения Магистрата.

О основных направлениях работы Магистрата показывает количество рассмотренных ими дел по тем или иным вопросам. За 17 лет работы Печорский городовой магистрат решил 246 дел. Из них, например, 45 дел о причинении обид, оскорблений; 31 дело о взыскании по векселю, 27 дел о побоях и т.д.

Наименование дел, которые рассматривал Городовой магистрат	**Количество данных дел в Магистрате**
О причинении обид/ оскорблений	45
О взыскании по векселю	31
О побоях	27
О взыскании денег	23
О пойманных с кормчим вином	23
О краже товара/ имущества/ денег	21
О покупке/ продаже/ разделе дома	12
О покраже лошадей	10
О провозе льна/ водки/ соли	6
О высылке в расправу	5
О пожарах	4
О розыске различных лиц	4
О сокрытии рекрутов	3
Об исполнении завещания	1
О фальшивых рублях	1

Особый интерес вызывают книги записи векселей и протестов по ним. Ведь впервые в России вексель появился в начале XVIII века благодаря развитию торговых отношений с германскими княжествами. В России наибольшее распространение получила практика использования векселей для оформления займов. В векселе содержались сведения об оплате определённой суммы, наименование плательщика, которому необходимо было оплатить вексель, в какие сроки должен был произойти платёж, наименование того, в пользу кого должен быть совершен платёж или по чьему приказу.

В фонде Печорского городового магистрата сохранились маклерские книги, в которых были записаны сделки, совершённые через биржевого маклера. В данных книгах подробно описывались условия сделки. В них содержалась информация о лицах, предъявивших акты для записи в книгу; сведения, на какую сумму была совершена сделка, когда она была совершена или когда должна быть исполнена.

Печорский городовой магистрат просуществовал недолго: по указу Павла I от 31 декабря 1796 года Печорский уезд был упразднён, Печоры стали заштатным городом Псковского уезда [15]. В связи с изменением статуса Печор в 1797 году Магистрат был преобразован в Ратушу.

Источники

1. Государственный архив Псковской области. Путеводитель в двух томах (Том 1). 2011. С. 136.
2. Государственность России. Словарь — справочник. Кн. 1. М. Наука. 1996. С. 254.
3. Городские поселения в Российской империи. Т. 4, СПб. 1864. С. 307.
4. ГАПО. Ф.74. Оп.1. Д.85. Л. 837, 847.
5. Городовое положение от 24 апреля 1785 г. Раздел Б. О городовых обывателях. Установление общества градского и о выгодах общества градского. Пункт 31. Л. 7. Из библиотеки ГАПО.
6. ГАПО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 449. Л. 3 — 3 об.
7. Губернский Псков в архивных документах: сборник документов Государственного архива Псковской области. С. 80.
8. ГАПО. Ф.590.Оп. 1. Д. 264а. Л.3

9. ГАПО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.
10. ГАПО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 7. Л. 3–3 об.
11. Губернский Псков в архивных документах: сборник документов Государственного архива Псковской области. С. 204–205.
12. Государственность России. Словарь — справочник. Кн. 1. М. Наука. 1996. С. 254
13. Бесчестье — денежная сумма в пользу обиженного, причём размер бесчестья зависел от общественного положения пострадавшего и пола.
14. Российское законодательство. Т. 5. Учреждения для управления губерниями. М. Юридическая литература. 1987. Глава XX. ст. 285, 286, 292.
15. Городские поселения в Российской империи. Т. 4, СПб. 1864. С. 307.
16. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. Т. 9. 1956 г. С. 295.

СВЕДЕНИЯ О ДВОРЯНСКОМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ В ПЕЧОРСКОМ УЕЗДЕ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ, ОТЛОЖИВШИЕСЯ В ФОНДЕ VI ДЕПАРТАМЕНТА ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СЕНАТА ЗА 1783–1797 ГОДЫ

Н. П. Меньшов
(Москва),
кандидат исторических наук,
ведущий специалист РГАДА

В Российском Государственном архиве древних актов (РГАДА) имеется фонд VI Департамента Правительствующего сената, учреждённого в Москве в связи с разделением Сената на шесть департаментов по манифесту императрицы Екатерины II от 15 декабря 1763 года.[1]

Шестой департамент в Москве имел ту же компетенцию и те же полномочия, что и Второй департамент Сената в Петербурге, то есть в его функции входили дела судебные по Юстиц- и Вотчинной коллегиям, Судному приказу и Экспедиции о колодниках, а также межевые дела. В его ведении находились губернии центральной России, которые до Сенатской реформы были подведомственны Московской сенатской конторе.

Шестой Департамент подчинялся Общему собранию Московских департаментов Сената[2], где разбирались дела, не получившие реше-

[1] Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. СПб.: В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830–1851. Т.XVI Т. 16. Т. 16: С 28 июня 1762 года по 1765: [№№ 11582–12301]. СПб.: В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — 1124 с., с. 462–468, №11989.

[2] РГАДА Ф. 269

ния в Пятом и Шестом департаментах, а также ведавшему финансовыми (продажа гербовой бумаги) и кадровыми вопросами в губерниях центральной России.

По указу от 27 января 1805 года о реорганизации Сената[3] Шестой департамент Сената преобразован в Седьмой (апелляционный) гражданский департамент в Москве, а Пятый — в Шестой (апелляционный) уголовный департамент в Москве, чьи документальные материалы отложились в фондах Российского Государственного исторического архива (РГИА).

Делопроизводство Шестого департамента поступало на хранение в Сенатское отделение Разрядного архива. В 1812 году его материалам нанесён большой ущерб французскими войсками: описи утеряны, дела перебиты, а часть дел уничтожена. В 1814 году на материалы, обнаруженные на территории Кремля Комиссией под ведением сенатского обер-прокурора Николая Ивановича Огарёва, были составлены три описи, получившие название «Описи делам, собранным по выходе неприятеля из Москвы». В эти описи частично включены дела до 1764 года, переданные из Московской сенатской конторы для последующего решения в Шестой департамент, а также незначительное число дел за 1805–1812 годы, однако часть материалов этого департамента, в том числе книги журналов и протоколов, хранились не описанными. В 1852 году делопроизводство Шестого департамента передано в Московский архив Министерства юстиции (МАМЮ), где хранилось в V отделе, называвшемся Архивом московских департаментов Сената. В настоящее же время в фонде Шестого департамента Сената имеется около 11 тысяч единиц хранения за 1718–1812 годы, размещённые по восьми описям. Интересующие нас документальные материалы по Печорскому уезду отложились в последней, восьмой описи, где хранятся книги донесений и объявлений уездных судов о купчих и закладных крепостях на имения, заключённых в период с 1777-го по 1812 год.

С октября 2014-го по середину июня 2015 года, с целью выявления сведений о сделках с недвижимостью по Себежскому и Невельскому

[3] Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. СПб.: В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830–1851. Т. XXVIII 1804–1805: [№№ 21112–21982]. СПб.: В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — 1353 с., с.794–799, №21605.

уездам Полоцкой губернии, какой — либо существенной информации по этим уездам мною обнаружено не было, за исключением сведений о приобретении за 120 рублей себежским помещиком Андреем Фёдоровичем Набелем у опочецких помещиков коллежского секретаря Ивана Сергеевича Третьякова и премьер-майорши Федосьи Ивановны Мамоновой (урождённой Пустоваловой) пустоши Золотой остров в Ключевской волости Красногородской части Опочецкого уезда Псковского наместничества, а позднее за 98 рублей он продал эту пустошь ротмистру «польской службы» Ксаверию Дементьевичу Дорошкевичу. Необнаружение сведений о сделках с недвижимостью по землевладениям, расположившимся ныне на территориии южной части Псковской области, привело меня к реализации проекта, который я назвал «Дворяне все родня друг другу». В ходе просмотра восьми дел (никем и никогда ранее не просматривавшихся) из восьмой описи и 28 дел из второй описи фонда Шестого департамента Сената мною было обнаружено 14 дел, содержащих сведения о дворянах Псковской губернии, заключивших в общей сложности 1087 сделок с недвижимостью в последнюю четверть XVIII века. Больше всего сделок было заключено дворянами Порховского (203), Опочецкого (190) и Холмского (150) уездов, но, поскольку наши чтения проходят на территории Печорского района, расскажем о 65 рапортах, поступивших в Шестой департамент Сената из Печорского уездного суда в период с 1783-го по 1797 год.

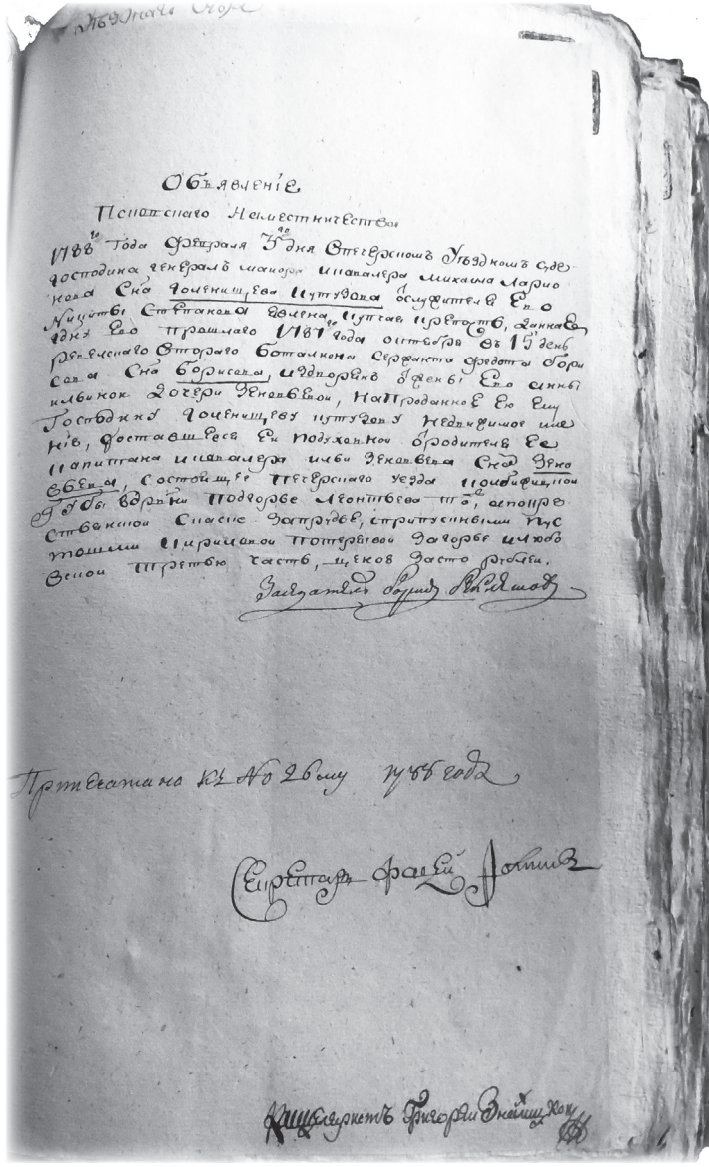
В фонде Шестого департамента Сената имеется ненумерованное дело — конволют под следующим заголовком: Доношения и объявления Псковского и Печорского уездных судов о публикации купчих и закладных крепостей на недвижимые имения[4], в нём, как мы уже отметили выше, имееется 65 записей о сделках с недвижимостью, заключавшихся в Печорском уездном суде на протяжении почти 15 лет под председательством отставного секунд-майора Ивана Михайловича Беклешова, коллежского асессора Ивана Гавриловича Яхонтова и отставного прапорщика Ульяна Терентьевича Хотимского. Среди этих 65 записей заслуживают внимания те, где упоминаются фамилии потомков себежских казаков, переведённых к новым местам не-

[4] РГАДА. Ф. 264 Оп. 8. Ед. хр. 99. В связи с отсутствием нумерации листов мы ссылаемся на №№ записи.

сения ратной службы и поверстанных поместными окладами: Василевских (№4), Каурчиных (№5), Ежовых (№6), Заморениных (№6, 18, 34, 41), Сисеевых (№7, 16), Пустоваловых (№25), Ветошниковых (№43) и Белозёровых (№31). Также стоит отметить факт приобретения 15 октября 1787 года генерал-майором М.И.Голенищевым — Кутузовым[5] за 100 рублей у вдовы сержанта 2 батальона 7-го Ревельского пехотного полка Федота Борисова Анны Ильиничны Зеновьевой третьей части деревни Подгорье «Леонтьево тож, а по крестьянской сказке Запрудье» с пустошами Кирилово, Потеряево, Загорье и Любовская (№24). Имеются записи о последовательном приобретении представителями рода Сибилёвых деревни Гверстонь в Пецкой волости Печорского уезда. Так, запись №42 касается приобретения председателем I департамента Псковского верхнего земского суда коллежским (впоследствии статским) советником Петром Ивановичем Сибилёвым 23 мая 1788 года у секунд-майорш Анастасии Васильевны Зубатовой и Марфы Васильевны Поздеевой, а запись №51 от 20 июля 1793 года закрепляет эту деревню за племянницей Петра Ивановича, девицей Надеждой Алексевной. Соседняя деревня Печки была приобретена 2 августа 1795 года женой поручика (впоследствии генерал-майора) Лейб-гвардии Преображенского полка Ивана Степановича Алексеева, Екатериной Михайловной Сумароцкой, у своего отца коллежского советника Михаила Петровича Сумароцкого за 1000 рублей (№3). 19 апреля 1795 года губернский секретарь Яков Данилович Пушкарёв приобрёл у прапорщицы вдовы Анны Петровны Пальчиковой и её сыновей — коллежского асессора Михаила, секунд-майора Николая и Лейб-гвардии прапорщика Дмитрия Андреевичей Пальчиковых[6] — «недвижимое имение, доставшееся ей Анне после покойного мужа её, а им Михаилу, Николаю и Дмитрию от отца, прапорщика Андрея Филиппова сына Пальчикова», а именно шесть пустошей в Залеженской губе Печорского уезда за 1500 рублей (№52). 19 крестьянских душ, проживавших в деревне Брунищево, были приобретены 8 января 1796 года женой прапорщика Ивана Александ-

[5] Также имения Голенищевых-Кутузовых находились в Великолуцком, Порховском, Торопецком и Холмском уездах Псковской губернии.

[6] Подробнее см.: *Н.Н. Новикова.* Имение Щиглицы и его владельцы // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал Псков. Выпуск №21 за 2004, с. 74–80.



Объявление из Печерского уездного суда о приобретении М.И. Голенищевым-Кутузовым третьей части деревни Подгорье

ровича Воробьевского Авдотьей Ивановной у капитан-лейтенанта Никиты Ивановича Борисова за 740 рублей. Деревни Задребье, Лазарево и Прудищи были приобретены 24 августа 1786 года дочерью надворного советника Ивана Гавриловича Зорина Анной Ивановной Зориной у надворного советника Степана Никитича Лодыженского за 3000 рублей (№ 56). 200 крестьянских душ в деревнях Борок, Горушка, Заходы и Пыжово были получены 21 января 1796 года женой подполковника и кавалера Дмитрия Семёновича Хвостова, племянницей русского поэта Михаила Матвеевича Хераскова — русской писательницей Александрой Петровной Хвостовой (урождённой Херасковой) в дар от своего отца, статского советника Петра Матвеевича Хераскова (№58). 18 марта 1784 года полковник Василий Степанович Плещеев, приобретя за 99 рублей у поручика Матвея Ивановича Каурчина «недвижимое имение, следующее ему по наследству после деда ево родного Ивана Моисеева сына Бухвостова» (№5) положил начало строительству своей родовой усадьбы в селе Залесье, в которой он построил в 1796 году в стиле классицизма церковь во имя Троицы Живоначальной с приделом во имя свв. мчч. Флора и Лавра, где и был погребён.

Изучив документальные материалы по истории землевладения Печорского уезда, мы приоткрыли завесу, скрывавшую от нас его историю. Как и в каждом селении, за всё время, что он отмечен на карте Печорского района, были годы стабильности и спокойствия, были и драматичные, — он переживал изменения, а вместе с ним менялись и его жители. Думается, что знание истории населённых мест необходимо нам, так как только с ним приходит осознание ответственности за судьбы родной земли и того, как много может дать человеку среда, в которой он обитает. Данные материалы необходимы исследователю прошлого Печорского края во избежание фактологических ошибок. Хочется верить, что проделанная нами работа послужит на благо псковского краеведения.

СОСЛОВНАЯ ВОЙНА В ПЕЧОРАХ XVIII — XIX ВЕКОВ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ МИФ?

А. А. Гулин
(Великие Луки),
старший преподаватель Кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Государственной академии физической культуры и спорта

В конце XX века российские исследователи Б. М. Кириков и К. М. Плоткин в своей статье «Печоры в XVI–XVIIII вв.: от слободы к городу» выдвинули тезис о том, что в конце XVIII — начале XIX века город стоял на грани сословной войны: «Преобразование слободы в город стало важнейшей вехой в истории Печор. Но эта чисто административная мера не могла сама по себе привести к быстрой и кардинальной перестройке структуры и образа жизни полусельского поселения. …И хотя город приобрёл права общественного самоуправления, значительная часть его населения по-прежнему противилась насильственным преобразованиям. … Острота ситуации усугублялась тем, что, в силу указа Екатерины II (1782), крестьянам воспрещалось жить в городах, а записанным в купечество и мещанство селиться в уездах, в сельской местности. … Город стоял на пороге сословной войны. Ратуша отнимала у крестьян земли и огороды, включённые в новую городскую черту, требовала их выселения; крестьяне же, в свою очередь, возмущались из-за того, что отрезанную у них «под строения города» пашенную землю «общество никак заселить не может, кроме того, что также оною землею купечество имеет хлебопашество», или использует её для выгона, или же сдаёт в оброк» [1, с. 106].

Этот же тезис Б.М. Кириков, спустя двадцать лет, повторяет в своей статье «Город Печоры — несостоявшийся петербургский проект» (совместно с К.М. Плоткиным) [2, с. 112–113].

Однако в своём очерке «Псковский край в конце XVIII — середине XIX века» К.М. Плоткин практически ничего не упоминает об столь знаменательном историческом событии, как война между купеческим и крестьянским сословиями, которая имела бы место в Печорах в это время [3, с. 30–31].

Не содержит таких сведений и путеводитель по г. Печоры, поскольку там отмечается, что «к 1856 году в городе насчитывалось 58 торговых лавок, 3 кожевенных и 3 солодовенных завода. Печеряне торговали льном, мукой, мёдом, воском, холстами, сукнами, кожей, ремесленными изделиями. Через город шла торговля и с заграницей, для сбора пошлин в 1677 году в Печорах утверждается таможня. Развитию края способствовало строительство в 1886 году Псково — Рижской железной дороги, которая связала Печоры с Петербургом, Москвой, Ревелем (Таллином), Ригой» [4, с. 32].

Кроме того, имеется ряд обстоятельств, которые практически прямо препятствовали возникновению войны между сословиями купечества и крестьянства в Печорах XVIII — XIX веках. Во — первых, основным занятием крестьян, которые проживали в окрестностях Печор, являлось льноводство. Отмечается, что… «Естественно, что природные условия во многом определяли состояние и направленность сельского хозяйства и вообще экономики губернии. Это была сугубо аграрная губерния с незначительным количеством городского населения (в конце века — 7%). Погода и земли не способствовали ведению зернового хозяйства, хотя кое-где оно имело место. Около половины необходимого для населения и скота хлеба ввозилось из других мест. Зато благоприятными были условия для производства льна — ценнейшей культуры, под которой находилось более 9% всех посевных площадей» [5]. По мнению И.И. Василёва, «Льняная промышленность, — издавна существующая в губернии, — до последнего времени находилась в весьма странном положении. Несмотря на то, что как оказалось впоследствии, что почти три четверти нужд населения покрываются доходами от льняного промысла, губерния считалась исключительно земледельческой [6, с. 6]. Однако, поскольку льноперерабатывающих промышленных предприятий в Печорах

XVIII — XIX веках фактически не было, весь лён, который выращивался крестьянами, шёл на продажу, преимущественно за рубеж.

Как заметил И.И. Василёв, «Можно полагать, что оно (льняное производство) развивалось по мере развития торговых отношений Пскова с иностранцами, и по всей вероятности развитие этого промысла обязано Ганзейскому союзу. К этому предположению нас приводит то обстоятельство, что лучшие и более правильные сведения о способах возделывания и обработки льна находятся на западных границах губернии, и отсюда постепенно слабеет производство льна в восточной стороне. Таким образом сведения о ценности этого растения заносились постепенно с запада. Нельзя при этом упустить из виду, что льняное производство преимущественно развито в местностях бывшей прежде древней Псковской области, т. е. той части губернии, которая когда-то вела непосредственную торговлю с иностранцами, принадлежащими Ганзейскому союзу» [6, с.12].

При этом он же отмечает, что купцы Печор льном «ведут торговлю летом с рижскими и псковскими купцами, а зимой отправляют лён гужом в Ригу. Вся отправка печерских торговцев простиралась не свыше 80.000 пудов льна, т. е. на сумму 320 000 руб. Впрочем, в 1870 году непосредственные сношения печерских купцов с Ригою почему-то прекратились» [6, с. 146].

Но, по его замечанию, существует ещё род торговли, когда «псковский купец принимает от себя поставку льна заграничному купцу по условию, в течение года поставить определённое количество льна, за что поставщик получает от каждого доставленного берковца (примерно 10 пудов — примечание моё, *А.Г.*) известный процент. Лён ставится при этом по цене, существующей на псковском рынке; вследствие чего, для контроля над действиями псковского купца присылаются агенты от заграничного, которые присутствуют при браке льна и вместе следят за существующими ценами [6, с. 147].

Также И.И. Василёв выделяет два класса купцов, ведущих внешнюю льняную торговлю: «Ко второму классу должно отнести тех купцов, которые хотя и отправляют лён за границу и большими партиями, но продают его на месте агентам заграничных купцов и фабрикантов, или же доставляют его купцам, находящимся в портовых городах, т.е. в Санкт- Петербурге, Риге и Нарве. Из таких купцов, занимающихся льняной торговлей, считалось: в Пскове — 13,

в Печорах — 4, в Псковском уезде — 2, в Острове — 8, в Опочке — 4, в Опочецком уезде — 3, в г. Холм — 2, в Холмском уезде — 1, в г. Порхов — 2, в Порховском уезде — 2 и в посаде Сольцы — 6, всего 47 купцов» [6, с. 147].

Если крестьяне собирались идти войной на купцов, то получается, что согласно диалогу персонажей из пьесы А.Н. Островского «Волки и овцы», написанной в конце XIX века, —

Лыняев. На это я вам отвечу русской сказкой: «Влез цыган на дерево и рубит сук, на котором сидит. Идёт мимо русский и говорит: "Цыган, ты упадёшь!" — "А почем ты знаешь, — спрашивает цыган, — разве ты пророк?"

Купавина. Это глупо, глупо, Михайло Борисыч. Кто ж станет рубить тот сучок, на котором сидит?» [7], — это им было прямо невыгодно, поскольку в подобном случае они бы оставались без источника средств к существованию.

Во-вторых: хотя само понятие «война» является достаточно размытым, определить которое по этой причине представляется затруднительным, особенно к межсословным взаимоотношениям, в данном случае между сословиями купцов и крестьян. Но в любом случае, это должно быть явление достаточно массовым и сопровождаться какими-либо активными действиями с какой- либо стороны. Естественно, что любые события, происходившие в стране или в отдельной её части, не могли остаться вне внимания таких органов государства, как полиция и жандармерия, особенно если учитывать то обстоятельство, что полиция и жандармерия России конца XVIII — начала XIX века многими исследователями признавались лучшими в мире, в том числе по ведению делопроизводства. Но архивных данных о задержаниях Печорской городовой полицией либо Псковского губернского жандармского управления лиц, ведущих подобные действия, обнаружить не удалось.

В-третьих, большинство крестьян, которые проживали в окрестностях Печор, находились в конце XVIII — начале XIX века на положении экономических, приписанных к Тайловскому волостному правлению, то есть крестьян, которые ранее принадлежали Псково-Печерскому монастырю и приписным монастырям, а также приходским церквям. Крестьяне производили уголье, которое поставляли в монастыри и церкви (в данном случае уголье — это угли для рас-

Псково-Печерский монастырь. Фото В.В. Муромца/Шумана

топки печей в храмах, — примечание моё, *А. Г.*) [8, с. 20]. Контроль за поставкой крестьянами угольев в храмы осуществляли церковные старосты, которые избирались из числа знатных граждан города, к которым в том числе относились купцы города Печоры. Выступление крестьян, которые были обязаны посещать церковные службы, против церковных старост (купцов) по этой причине представляется явлением практически невозможным, поскольку эти крестьяне в случае совершения каких — либо действий со своей стороны подвергались бы церковному наказанию (наложение епитимьи). «Епитимья — это церковное наказание, накладываемое представителями церкви за те или иные грехи и проступки. Сейчас церковь вправе накладывать епитимью на верующих только за отступление от церковных заповедей и канонов. До революции 1917 года церковь очень активно сотрудничала с органами светской власти — и епитимью накладывали не только за «грехи», но и за реальные уголовные преступления. Власть церкви над каждым прихожанином была колоссальна, и в течение жизни епитимья накладывалась не-

однократно на каждого из них. Только тогда представители клира не ограничивались одними молитвами и постом, применяя зачастую реальное лишение свободы в виде ссылки в монастырь или даже на каторжные работы [9]. Церковная власть в Печорах была настолько сильна, что даже в начале XX века отмечалось, что «самостоятельного, отдельного от монастыря значения пригород не имеет» [10, с. 41]. Ни в одном из описаний Псково-Печерского монастыря, составленных разными авторами, не содержится сведений о каких — либо выступлениях крестьян и налагаемой на них за эти действия епитимьи. Не содержит подобных сведений и такое издание, как «Псковские епархиальные ведомости», хотя на его страницах, например, встречается рассказ о наказании за невоздержанность в речах (в словах родителей), когда мать прилюдно отругала своего сына-пастушка за утерянную корову, то есть о гораздо менее значимых общественных проступках со стороны крестьян.

Таким образом, в ходе проведённого исследования не было добыто каких-либо достоверных доказательств, которые бы являлись подтверждением версии, выдвинутой исследователями Б.М. Кириковым и К.М. Плоткиным о возможности сословной войны в Печорах в конце XVIII — начале XIX века.

Жалобы крестьян, о которых упоминают Б.М. Кириков и К.М. Плоткин, высказанные во время визита в Печорскую обитель в 1819 и 1822 российского императора Александра I, напротив, свидетельствуют о том, что крестьяне вынуждены были искать компромисс между своими собственными интересами по надлежащему использованию земельных участков, изъятых у них для общественных нужд (развития городской территории) и интересами иных сословий, в том числе купцов и мещан, которые проживали на территории города Печоры в конце XVIII — начале XIX века.

Что является примечательным, этот компромисс они пытались искать исключительно в рамках действия законов той эпохи, что свидетельствует о достаточно высоком уровне правовой культуры, которая была характерна для всех сословий указанных временных периодов.

Источники:

1. *Кириков Б.М., Плоткин К.М.* «Печоры в XVI–XVIII вв.: От слободы к городу» // в кн.: Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. Сборник статей к 75 — летию В.Д. Белецкого. — СПб., ART — CONTACT, 1994.
2. *Кириков Б.М.* Город Печоры — несостоявшийся петербургский проект (совместно с К.М. Плоткиным) //в кн.: *Кириков Б.М.* Архитектура Петербурга — Ленинграда: страницы истории / Б.М. Кириков; НИИТАГ РАСН. — СПб.: Издательский дом «Коло», 2014.
3. *Плоткин К.М.* Очерк истории Псковского края // в кн.: Историко — этнографические очерки Псковского края — [Монография] / Под ред. А.В. Гадло. — Псков; ПОИПКРО, 1998.
4. Печоры. Псково-Печерский монастырь. Путеводитель. — Псков, ООО Издательский дом «Утро. Псков», 2013.
5. Наследие Земли Псковской / Культура и история Пскова и Псковской области. Достопримечательности, туристическая инфраструктура. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://culture.pskov.ru/ru/history/gubernia
6. *Василёв И. И.* «Исторические известия о льняной промышленности и льняной торговле в пределах Псковской губернии» // в кн.: «Лён и Псковская губерния» (с таблицею движения цен на лён и картою льняной промышленности Псковской губернии). — Псков, Типография Губернского Правления, 1872.
7. *Островский А. Н.* «Волки и овцы». Комедийная пьеса в пяти действиях. Действие второе. Явление второе. // Журнал «Отечественные записки», 1875, № 11. — СПб., 1875.
8. *Митрополит Евгений* (*Болховитинов Е. А.*). Описание Псково-Печерского первоклассного монастыря. — Дерпт, Типография И. Х. Шинмана, 1832.
9. *Селевич Ю. Л.* Церковные наказания [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.science-techno.ru/nt/article/tserkovnye-nakazaniya
10. Краткий историко-статистический очерк городов и городских поселений Псковской губернии. — Псков, Пар. Типография Губернского Правления, 1904.

ТРАКТИРНЫЙ ПРОМЫСЕЛ В ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ СЕРЕДИНЫ XIX–НАЧАЛА XX ВЕКА

Е. В. Красотина,
старший преподаватель ПФ РМАТ,
эксперт по сертификации туристских услуг
и услуг средств размещения РОССТАНДАРТа

Данная статья рассчитана на ознакомление с первыми правовыми классификациями заведений трактирного промысла в дореволюционной России. На примере Псковской губернии представлены требования к трактирным заведениям, распределение акцизного и патентного сбора в казну города и государства, приведены данные о количестве трактирных заведений, наименовании, месторасположении и их содержателях. На примере нескольких типов заведений трактирного промысла в г. Пскове в статье приведены экономические показатели, без которых невозможно определить эффективность деятельности трактирных заведений на благо города, горожан и гостей.

В соответствии с требованиями «Высочайшего положения о гостиницах, ресторациях, кофейных домах, трактирах и харчевнях» от 2 февраля 1821 года за № 28.538 Полного собрания законов Российской Империи, была предпринята первая правовая классификация трактирных заведений для Санкт-Петербурга и Москвы. На основании этого Положения число открываемых гостиниц, ресторанов и кофейных домов для двух столичных городов неограниченно, а трактиров в Санкт-Петербурге должно быть не более 50, а в Москве не более 40. Городская Дума, с утверждения Военного Генерал-Губернатора, определяла, сколько и в какой части города должно быть открыто трактиров, — и это определялось единожды. Остальные заве-

дения трактирного промысла можно было открывать на усмотрение содержателей этих заведений.

Для губернских, портовых, уездных, безуездных и заштатных городов, а также для посадов и местечек, в 1869 году было принято «Положение о трактирных заведениях, постоялых дворах и съестных лавочках в городских поселениях».

В соответствии с Положением, трактирным заведением считалось «открытое для публики помещение, в котором либо сдаются в наём покои со столом, либо производится продажа кушанья и напитков для употребления на месте».

Трактирные заведения подразделяются на:

- гостиницы, предназначенные для приюта и продовольствия приезжающих и вообще посетителей. Они должны иметь не менее 10 номеров с мебелью, кроватями и всеми принадлежностями, и на каждые 10 комнат не более двух общих комнат, не учитывая бильярдной комнаты.
- постоялые дворы устраиваются для приюта и продовольствия приезжающих из простонародья; они должны иметь для торговли не менее двух комнат, из которых в одной должен помещаться общий стол для постояльцев, а в другой — кухня или буфет, приспособление для ночлега постояльцев, конюшня или навес для лошадей. В постоялых дворах разрешена продажа акцизных напитков, чая, кофе и всего съестного, а также корм для лошадей;
- меблированные квартиры, отдаваемые со столом, если один хозяин отдаёт более 6-ти комнат;
- трактиры — заведения при дороге, имеющие широкий ассортимент закусок, несколько горячих блюд; обслуживаются половыми (официантами). Нередко в заведении имеется несколько комнат для отдыха и временного пребывания проезжающих;
- ресторации — ресторан низшего разряда,
- кофейные дома — заведения, в которых подавалось кофе и десерты, а также ликёр только для употребления на месте;
- греческие кофейни (в г. Москве);
- кухмистерские — специальные заведения для дешёвых обедов: в них можно устроить свадебные купеческие торжества,

семейные обеды, вечера, а гимназисты снимали зал для постановок своих любительских спектаклей;

- харчевни — заведения низкого класса с небольшим ассортиментом простых блюд, закусок и алкогольных напитков;
- буфеты при театрах, балаганах, пароходах, на пароходных пристанях, станциях железных дорог, в клубах и публичных собраниях разного рода;
- овощные и фруктовые лавки, где в особых покоях предлагаются на месте закуски и завтраки с разными съестными припасами;
- городские галереи в Москве с правом держать стол и продавать напитки;
- открываемые на летнее время палатки на гуляньях.

К содержанию трактирных заведений допускались купцы всех 3-х гильдий, мещане, цеховые, крестьяне, торгующие по свидетельству всех 4-х родов, но если содержатель трактирного заведения, торгующий по свидетельству 4-го рода, оплачивал в городскую казну свыше 200 рублей, тогда он должен был записаться в гильдию купцов или взять торговое свидетельство 3-го рода.

Каждое трактирное заведение должно было иметь вывеску на русском языке. Если в одном доме одному содержателю принадлежит несколько заведений, то каждое заведение считалось отдельным.

Продажа жизненно важных припасов и напитков, а также отдача в наём покоев, производится в трактирном заведении по вольным ценам.[1]

На право содержать трактирное заведение содержателю необходимо было подать объявление в Городскую Думу с указанием сословия, в котором он состоит, какого типа заведение будет открыто, в каком доме будет размещаться, оплатить гербовую марку и акциз в пользу Городской Казённой палаты. Акциз делился на 3 класса: 1 класс — 60 рублей, 2 класс — 30 рублей, 3 класс — 15 рублей. Патентный сбор был разделён на 3 разряда: с трактирных заведений в местах 1-го разряда — 150 рублей, в местах 2-го разряда — 50 рублей, в местах 3 разряда — 30 рублей. Объявление на право открытия трактирного заведения рассматривалось в течение трёх дней. Городская Дума обязала Городское Полицейское управление обследовать помещение, в котором предполагалось размещение трактирного за-

Справа – гостиница «Париж». Открытка начала XX в. из коллекции Н. Левина

ведения, составить на основании этого обследования заключение о возможности открытия данного заведения.

В соответствии с «Обязательным постановлением Псковской Городской думы о порядке устройства и содержания заведений трактирного промысла в г. Пскове» от 26 августа 1893 года к трактирным заведениям предъявлялись следующие требования:

«Заведения трактирного промысла с продажей крепких напитков дозволяется открывать в помещениях, имеющих не менее двух или трёх светлых и удобных комнат для посетителей с приличной обстановкой, площадь комнат должна быть не менее 15-ти квадратных саженей (32 м^2). Высота этих комнат должна быть не менее 3,5 аршин (2,48 м^2). В гостиницах площадь комнаты должна быть не менее 3 квадратных саженей (6,4 м^2), иметь высоту потолка 4 аршина (2,80 м^2), если номера расположены на первых двух этажах. Для номеров третьего этажа высота потолка остаётся 3,5 аршина (2,48 м^2). В отдельном при заведении помещении должна располагаться кухня. Это требование относится к вновь открываемым заведениям, а уже существующие должны быть приведены в соответствие в течение 1894–1895 годов.

В каждой комнате заведения должен быть вентилятор. Комнаты для посетителей не должны иметь перегородок и находиться в общей между собой связи, навешивание дверей между комнатами воспрещается. В одной комнате может быть поставлен буфет.

Воспрещается открытие заведений трактирного промысла с продажей крепких напитков, за исключением гостиниц по Сергиевской улице от дома Гладкова до крепостной стены, и по Великолукской улице от здания бывшей гауптвахты до дома доктора Исполатова на углу Георгиевской улицы. Это обязательство вводится с наступлением 1895 года.

Заведения трактирного промысла без продажи крепких напитков, а также и пивные лавки с продажей горячей пищи дозволяется открывать в помещениях, имеющих площадь в двух комнатах не менее 12 квадратных саженей (25,6 м^2) и высотой 3,5 аршина (2,48 м^2).

При каждом заведении должно быть удобное ретирадное место (туалет), соединённое с самим заведением закрытым ходом.

Вход в заведение должен быть с улицы и иметь надлежащую вывеску, соответствующую роду заведения, над входом должен висеть фонарь, который с 15 июля по 01 мая с наступлением темноты должен быть зажжён до окончания торговли (до 11 часов вечера). В гостиницах только для постояльцев продажа крепких напитков допускается в занимаемых номерах во всякое время, а в общих комнатах с 7 часов утра до 12 часов ночи.

Помещения заведений трактирного промысла должны содержаться в чистоте и опрятности, прислуга должна быть благонадежная и в опрятной одежде. Для ночлега прислуги должно быть особо приспособленное помещение вне заведения.

Содержатель заведения должен иметь в готовности не менее 2-х горячих блюд кушанья, а равно и чай для отпуска посетителям по их требованию.

Помещения постоялых дворов следует содержать в чистоте: сор с полов выметать ежедневно, полы и койки мыть не менее раза в неделю, комнаты по утрам ежедневно в утреннее время проветривать в любое время года открытием форточек или окон. Белить помещения не менее 2-х раз в год. Для ночлежников должны быть поставлены кровати или нары, причём каждое место на нарах для одного человека должно быть отделено от другого перегородкой в 4 вершка (17,8 см) высоты и не должно быть менее 16 вершков (71,2 см) ширины.

В дни шествия в г. Пскове крестных ходов до их окончания, а также 22 апреля и 27 ноября в дни празднования священной памяти Святого Благоверного Великого князя Гавриила Псковского до окончания богослужения в кафедральном соборе, воспрещается торговля в трактирных заведениях с продажей крепких напитков.

В гостиницах дозволяется иметь наёмную женскую прислугу, в других трактирных заведениях женская прислуга нанимается только для работы на кухне.

Кушанья, подаваемые в заведениях, должны быть из свежих припасов, напитки без вредных примесей.

Учредить в заведении внутренний присмотр за недопущением беспорядков и воровства, если нанятая прислуга окажется не благонадёжной, буде уличена в воровстве или в невежливом обращении с публикой, такая прислуга после подтверждения полицейским дознанием по предложению господина полицмейстера должна быть уволена. [2]

Свидетельство на право содержания трактирного заведения возобновляется перед наступлением каждого нового года в октябре месяце. Если действия свидетельства не возобновлено, трактирное заведение закрывается с 1 января наступающего года».

В городе Пскове в дореволюционный период существовали такие трактирные заведения, как «Лондон» — на Сергиевской улице в доме Гладкова; «Санкт-Петербург» — на углу Сергиевской и Архангельской улиц в доме Гитца; «Палермо» — на Сергиевской в доме Дорофеева, «Дерпт» на Архангельской улице; «Париж» — меблированные комнаты на Сергиевской улице № 25 в доме Гельдта; «Ливадия» за штабами — открыта в бывшем трактире, «Друзья» — у железнодорожного вокзала; «Новая Палермо» — вместо трактира напротив железных рядов; «Гатчина» — на Великолукской улице в доме Аристова, напротив Присутственных мест; «Якорь» — на Великолукской; «Америка» — трактир на Торговой площади; «Рига» — на Садовой улице, бывшая «Коммерческая»; «Биржа» — по Великолукской в доме Разбегаева против Присутственных мест; «Лифляндия» — на Торговой площади; «Псков» — в доме Гельдта; «Царское село» — на берегу реки Псковы в доме Задумова; «Индия», «Новый Свет» — на Завеличье по Рижскому шоссе, принадлежала Александре Лазовской; «Золотой лев» — на Архангельской улице; «Болгария» — владелец Зуев; «Новоселье», «Берлин»; «Европа» — по Великолукской улице

Гостиница «Лондон». Открытка начала XX в. из коллекции Н. Левина

в доме Хмелинского, напротив почты; «Россия» — на Пушкинской №7 в доме Вырвич; меблированные комнаты «Москва» — на углу Великолукской и Губернаторской; «Венеция» — сначала трактир, а затем гостиница на Нарвской в доме Теплова; «Ялта» — на Сергиевской № 25; «Бристоль». [3]

В 1869 и 1875 годах в Псковской губернии количество трактирных заведений в среднем не менялось и составляло порядком 161 заведение, из них 74 находилось в Пскове. [4,5]

Согласно Положения о трактирном промысле, для распределения акциза между трактирными заведениями в каждом городе существовало общество трактирщиков, которое каждые четыре года в сентябре месяце выбирало для раскладки акциза, из своего трактирного общества, депутатов и кандидатов. Количество депутатов и кандидатов зависело от количества трактирных заведений, но их число не должно было быть не менее 10 и не более 50 человек. Одновременно с депутатами выбирается равное число кандидатов. Через каждые 2 года половина депутатов сменяется и их место занимают кандидаты. [1]

В Государственном архиве Псковской области хранится документ, в котором Псковская Городская управа, на основании своего Постановления № 1325 от 12.08.1892 года, сообщила содержателям трактирных заведений следующее: «В виду исчисления 4-х летнего срока выбранных от 13.08.1888 г. депутатов и кандидатов, согласно п. 22 и 23 приложения к ст. 31 XII т. Устава о городском хозяйстве, от общества содержателей трактирных заведений для выборов новых депутатов и кандидатов на новый 4-х летний срок, приглашаются в помещение Городской управы 12 сентября 1892 года все содержатели трактирных заведений. Городская управа просит всех содержателей трактирных заведений до 1 октября 1892 года подать объявления на то, будут ли они содержать трактирное заведение в будущем 1893 году». К постановлению прилагается список, состоящий из 43 фамилий содержателей трактирных заведений в г. Пскове. Голосование проходило при помощи шаров избирательных и неизбирательных: два — списками для выбора депутатов и два — списками для выбора кандидатов, о чём в баллотировочном списке от 12.09.1892 г. указано следующее: в голосовании принимали участие 27 человек. Если содержатель трактирного заведения не мог присутствовать на заседании по выборам депутатов и кандидатов, он оформлял доверенность на право своего голоса доверенному лицу и заверял эту доверенность у нотариуса. На основании баллотировочного списка по первому списку выбрано три депутата (Зимрот Ф.П., владелец гостиницы «Лондон», Блюм К.А, Степанов Г.), по второму списку выбрано шесть депутатов (Степанов С.А., Галлин Ф.Я., Лепин А.Н., Артимович А., Войков М.И.), по третьему списку выбраны кандидаты (Петров В., Заволоцкий П., Лейус Т., Ермолаев Н., Степанов И., Богданов А.М, Вирбелауер Л.), по четвёртому списку были выбраны 3 кандидата (Галковский С.; Дорофеев С., владелец гостиницы «Палермо»; Пестовский М.) [6].

В «Псковских губернских ведомостях» от 8 декабря 1873 года № 48, в официальной части, была опубликована раскладка для содержателей трактирных заведений о взимании акциза в пользу г. Пскова и патентного сбора в пользу казны. На основании этой раскладки владельцы 61 трактирного заведения должны были оплатить акциз в пользу города в 1874 году — 7320 рублей, патентного сбор в пользу казны — 6680 руб. Трактирные заведения были представлены тремя

буфетами; тридцатью семью харчевнями; двадцатью гостиницами и одним трактирным заведением «Америка», расположенном на Торговой площади. Сумма акциза в раскладке с каждого содержателя трактирного заведения установлена в 120 рублей в год, а сумма патентного сбора зависела от типа заведения, его доходов и расходов, а также от того, в какой из трёх частей города располагалось заведение. Если харчевня находилась в собственном доме хозяина заведения, тогда сумма сбора была от 100 рублей до 240 рублей; если хозяин заведения арендовал помещение, сумма патентного сбора была от 55 рублей до 240 рублей. Для буфетов патентный сбор составлял 35 рублей, для содержателей гостиниц — 55 рублей. С харчевни, принадлежащей барону Фитингофу по улице Великолукской в доме подполковника Высоцкого, патентный сбор был обозначен в 500 рублей. Барону Фитингофу в городе Пскове принадлежало 7 харчевен, которые были размещены в разных частях города: по скату Власьевской горы в доме мещанина Тимофея Павлова; на Запсковье, в городском доме под названием «Варлаамский»; по Великолукской улице в городском доме под названием «Красный», по Новгородской улице в доме купца Смоленского, в Петровской слободе в доме крестьянина Калинина, по Варлаамской улице в доме под названием «Прежний».[7]

Для получения промыслового свидетельства на право содержать трактирное заведение в следующем году и расчёта акциза и патентного сбора, все владельцы заведений заполняли заявления (декларации) о фактической деятельности своего трактирного заведения за прошедший год и определяли плановые экономические показатели на следующий год. На примере нескольких заявлений от владельцев трактирных заведений разного типа можно создать общую картину деятельности предприятий трактирного промысла в Пскове.

Содержателем трёх буфетов в здании железнодорожного вокзала в 1908–1909 годах был Валей Бекбулатов, крестьянин Рязанской губернии. Буфеты располагались в залах для пассажиров I–III класса. Арендная плата за помещения, в которых располагались буфеты, была 3500 рублей в год. В буфетах, расположенных в пассажирских залах I и II класса, работали три члена семьи Бекбулатовых, два наёмных приказчика, служащих всякого рода было 15 человек. На оплату жалования уполномоченным приказчикам было выплачено за год — 1200 рублей, остальным служащим было выплачено заработ-

ной платы — 3552 рубля. Всего на оплату труда наёмных служащих за год выплачено — 4752 рубля. Содержание служащих в заведении (довольствие, помещение, стол), кроме членов семьи, обошлось за год содержателю заведений в 3060 рублей. Общий оборот от двух буфетов за 1908 год составил 36598 рублей 70 копеек, прибыль — 9750 рублей. На 1909 год Бекбулатов планировал увеличить оборот до 50000 рублей и прибыль — 7500 рублей, о чём было указано в разделе «Заявления для расчета акциза и патентного сбора на следующий год». За промысловое свидетельство оплачено 75 рублей, оклад раскладочного сбора — 120 рублей, стоимость патента в Казенную палату составила 300 рублей. Буфетом, расположенным в зале для пассажиров III класса, заведовал приказчик, наёмных служащих в этом заведении было 5 человек. Служащим было оплачено за работу в 1908 году — 960 рублей, содержание служащих обошлось заведению в 1080 рублей. Общий оборот составил — 21975 рублей. На 1909 год был запланирован оборот — 35000 рублей, прибыль от оборота — 5250 рублей, оклад раскладочного сбора 84 рубля, патентный сбор — 187 рублей. Промысловое свидетельство обошлось хозяину заведения в 75 рублей. [8]

Гостиница «Лондон» располагалась на Сергиевской улице в доме Гладкова. Содержателем гостиницы «Лондон» в 1908 году был Поташев Василий Якимович. В гостинице для общественного пользования был зал, в котором находился буфет, столовая и 10 номеров для постояльцев. Гостиница имела один парадный вход, складских помещений не имелось. Содержатель сам заведовал гостиницей, арендная плата в год составляла 2000 рублей. Обслуживали посетителей 2 члена семьи и 9 человек работников всякого рода. На оплату жалованья работникам за год было выплачено 1000 рублей, содержание работников обошлось заведению в 1000 рублей. Общий оборот за 1908 год составил — 10000 рублей. Стоимость промыслового свидетельства обошлась в 75 рублей, оборот на 1909 год был запланирован — 15000 рублей, прибыль от оборота — 2250 рублей, оклад раскладочного сбора 36 рублей. В 1913 году гостиница «Лондон» перешла к Томмингас Адольфу Адамовичу. В заявлении заведение обозначено как гостиница и трактир, увеличился и номерной фонд до 14 номеров. За аренду помещений, принадлежащих заведению, в 1912 году содержатель оплатил 2200 рублей, а на следующий 1913 год произошло

В этом здании располагалась гостиница «Россия». Фото Т. Вересовой, декабрь 2015 г.

увеличение арендной платы до 3000 рублей в год. В заведении работали кассир и 11 человек обслуживающего персонала. Кассиру было выплачено жалованье в размере 240 рублей за год, а обслуживающему персоналу — 1380 рублей. Содержание обслуживающего персонала (помещение и стол) обошлось заведению в 1000 рублей. Оборот от продажи составил в 1912 году — 17000 рублей. На 1913 год был запланирован оборот в 20000 рублей, и прибыль от оборота должна была составлять 3000 рублей. Раскладочный сбор на 1913 год составил 43 рубля 50 копеек, стоимость промыслового свидетельства 75 рублей. [9]

На Михаила Архангельской улице содержательницей меблированных комнат в 1908 году была Яковлева Мария Ивановна. В заведение был один вход, обслуживали постояльцев 4 наёмных служащих, жалованье которых за год составило 240 рублей. Оборот от содержания заведения в 1908 году составил 5000 рублей, прибыл от оборота — 600 рублей, оклад раскладочного сбора — 9 рублей 60 копеек, за промысловое свидетельство содержательница меблированных комнат оплатила 15 рублей. [10]

На Петропавловской улице в доме Гладкова содержательницей Постоялого Двора в 1908–1909 годах была Пенина Евдокия Дементьевна. Заведение состояло из одной комнаты и своей квартиры внизу, двух маленьких комнат наверху и закрытого двора. Складских помещений не было, только одна кладовая. В заведении работала сама содержательница и работник с работницей. Содержание работников обошлось в 240 рублей за год. Общий оборот составил 700 рублей, арендная плата за помещения — 350 рублей, содержание прислуги обошлось в 100 рублей и, как указывает Пенина Е.Д. в заявлении, что себе осталось от доходов только 10 рублей. На следующий 1909 год выкуплено промысловое свидетельство за 15 рублей, планируемый оборот — 2000 рублей, прибыль — 200 рублей, оклад раскладочного сбора составил 3 рубля 20 копеек. [11]

На Новгородской улице в доме Кузьмина располагался трактир низшего класса с разрешением на торговлю крепкими напитками. Содержателем трактира был Никифоров Александр. Трактир состоял из четырёх комнат, имел один вход. За аренду помещения содержатель трактирного заведения платил в год 800 рублей. В трактире работал сам хозяин заведения, четыре человека служащих и мальчик-прислуга. Служащим за год владелец заведения оплатил жалованья 240 рублей. А содержал прислугу при своей семье, на что было потрачено за год 432 рубля. Общий оборот трактирного заведения в 1908 году составил 30000 рублей, прибыль — 1572 рубля. В следующем 1909 году содержатель трактира запланировал получить оборот 35000 рублей с прибылью от оборота — 1995 рублей. Промысловое свидетельство выкуплено за 15 рублей, раскладочный сбор составил 32 рубля 25 копеек. Содержатель трактира указал в заявлении и план по продаже красных вин на 21500 рублей, с этой суммы он отдельно оплатил Казенной палате акциз в 3% от суммы продаж. [12]

На основании приведённых выше данных можно проследить первые шаги законодательства Российской Империи по проведению классификации заведений трактирного промысла. Благодаря сохранённым архивным данным, которые в очень малом объёме приведены в статье, мы узнаём, какие существовали трактирные заведения в городе Пскове, где они располагались, сколько служащих трудилось в трактирном заведении, какие были доходы и расходы, как распределялся акцизный сбор для Псковской Городской управы и патент-

ный сбор для Псковской Казённой палаты. Имеющийся архивный материал по трактирным заведениям г. Пскова, который не вошёл в данную статью, будет освещён в других статьях, посвящённых гостеприимству Псковской губернии в дореволюционный период.

Источники:

1. Полный Устав о питейном сборе (с изменениями и дополнениями изданный правительством с 1862 г. по 1868 г). Положение о трактирах. 1869 г. Москва.
2. ГАПО. Ф.79. Оп.2. Д.63. Л.5-8. Рукопись
3. Материалы предоставлены Почётным гражданином г. Пскова, краеведом Левиным Н.Ф.
4. Памятная книжка Псковской губернии за 1869 год, выпуск третий. Таблица 23.
5. Сравнительная таблица о числе питейных заведений в городах. Материалы для статистики Псковской губернии, г. Псков, В типографии Губернского Правления, 1870 г.
6. Памятная книжка Псковской губернии за 1875 год, выпуск третий. Сравнительная таблица о числе питейных заведений в городах. Материалы для статистики Псковской губернии, г. Псков, В типографии Губернского Правления, 1876 г.
7. ГАПО. Ф. 116. Оп.1. Д. 24. Постановление городской управы о выборах депутатов и кандидатов для раскладки акциза и патентного сбора на 1893–1896 гг.
8. ГАПО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 13. Дело о раскладке акцизов с трактирных заведений на 1874 год.
9. ГАПО. Ф. 278. Оп.1. Д.2. Заявления торговых и промышленных предприятий г. Пскова для получения промысловых свидетельств на 1909 г., заявления №№437-438.
10. ГАПО. Ф. 278. Оп. 1. Д. 2. Заявление № 448.
11. ГАПО. Ф. 278. Оп. 1. Д.2. Заявление № 457.
12. ГАПО. Ф. 278. Оп. 1. Д. 2. стр. 271–272.
13. ГАПО. Ф. 278. Оп. 1. Д. 2

СОБРАНИЕ ГОРОДСКИХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ: ВОПРОСЫ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ В ПЕЧОРАХ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

А.А. Иванова
(Псков),
архивист Отдела методической и научно-справочной работы ГКУ ПО «Государственный архив Псковской области»

Собрание городских уполномоченных создано на основании высочайше утверждённых 13 апреля 1866 года императором Александром II «Правил об упразднении магистратов и судебных ратуш» и соответствующего указа Правительствующего сената от 15 апреля 1866 года, в соответствии с которыми в городских поселениях, где магистраты и ратуши заведовали делами городского хозяйства, вводилось упрощённое общественное управление [1]. В 1866 году ратуша в Печорах упразднена и введено упрощённое общественное управление.

«Городовое положение»1870 года и «Городовое положение» 1892 года закрепили подобную организацию управления небольшими городскими поселениями [2].

К таким небольшим поселениям и относились Печоры. В начале XX века Печоры — небольшой пригород Пскова, в котором проживало около 1500 человек [3].

При упрощённом управлении Городская дума заменялась Собранием городских уполномоченных из 12–15 человек, а вместо Городской управы и Городского головы избирался староста с одним или двумя помощниками.

Согласно инструкции об организации городских упрощённых управлений, утверждённой министром внутренних дел Иваном Николаевичем Дурново 30 мая 1893 года, городской староста являлся председателем Собрания городских уполномоченных, исполнял

его постановления, осуществлял управление всеми административно-финансовыми и хозяйственными делами городского населения, составлял проекты городских смет и денежные отчёты, вёл учёт городского имущества, осуществлял сбор справочных цен на продовольствие, строительные материалы, работы и рабочую силу и представлял их в уездную земскую управу и в строительное отделение губернского правления.

Городские уполномоченные, староста и его помощники избирались на четырёхлетний срок.

Контроль за деятельностью упрощённых городских общественных управлений осуществляло Губернское по земским и городским делам присутствие, возглавляемое губернатором. В течение года планировалось проводить 24 заседания Собрания городских уполномоченных, по 2 ежемесячно [4]. Рассматривая дела на заседаниях, решения по делам принимались сразу путём голосования, за редким исключением решение вопросов откладывалось.

Велись Журналы Собраний, в которых записывали дату, присутствующих (прибывших) и отсутствующих (по какой причине), «список дел, подлежащих рассмотрению» и решения по этим делам. Журнал подписывался городским старостой. Копии журналов отправлялись Псковскому губернатору.

Известно, что после реформы с 1870-го до 1877 года главой упрощённого Общественного управления Печор являлся староста Павел Степанович Куликов, купец 2-й гильдии [5].

В начале XX века, с 1901 до 1907 года, Городским общественным управлением руководил городской староста Пётр Фёдорович Коровников. В 1909–1912 годах во главе Управления находился староста Гавриил Ефимович Чухненков [6]. В 1913–1914 годах обязанности старосты исполнял Никитин Николай Иванович [7].

Упрощённое Общественное управление располагалось в доме, принадлежавшем Гавриилу Ефимовичу Чухненкову, на главной Торговой площади города [8].

Собрание уполномоченных рассматривало и решало самые разные вопросы городской жизни, но самое большое внимание Собрание уделяло решению вопросов по благоустройству Печор.

В начале XX века уровень благоустройства был крайне низок, только половина улиц имела булыжное мощение. Электричество от-

сутствовало: улицы освещались керосиновыми фонарями. Не было и водопровода, население «страдало от недостатка не только доброкачественной воды для питья, но и не имело достаточного количества воды на случай пожаров, так как существующие пруды постоянно пересыхали» [9], поэтому вопрос об устройстве артезианского колодца в пригороде Печорах «составлял предмет первостепенной важности и необходимости для местных жителей» [10].

В 1899 году Собрание городских уполномоченных заслушало доклад городского старосты о необходимости устройства артезианского колодца. В 1900 году печорский городской староста, согласно постановлению Собрания, обратился к Псковскому губернатору «с ходатайством о разрешении позаимствования из городского запасного капитала 2000 руб. для окончания, устраиваемого в пригороде Печорах артезианского колодца» [11]. Псковское губернское по земским и городским присутствие разрешило взять необходимую сумму из запасного капитала.

Работу по бурению скважины для колодца выполнил владелец механического заведения в г. Пскове Александр Карлович Штейн. В мае 1914 года подрядчиком И.И. Сультсоном была оборудована механическая часть городской водокачки. Кроме того, сметами были предусмотрены расходы на содержание и ремонт мостовых, булыжных, колодцев, устройство уличной канализации, содержание городской водокачки.

Например, 1912 году было потрачено 300 рублей «на очистку городского пруда под названием «Пропасть», 200 руб. «на устройство уличной канализации», при этом смета расходов городских сумм на 1912 год составляла 4694 рубля 29 копеек [12].

Большое внимание Собрание уделяло противопожарной безопасности. Ещё 8 августа 1887 года в Печорах было основано Вольно-пожарное общество, Устав которого был официально утверждён 10 января 1911 года. Для содержания общества в смете расходов «городских сумм» предусматривались денежные средства. Например, в 1914 году по смете расходов городских сумм на выдачу пособия Печерскому вольно-пожарному обществу предусматривалось 144 рубля. Смета расходов на весь год составляла 5290 рублей 35 копеек [13].

Уполномоченные рассматривали прошения мещан, купцов, крестьян о передаче усадебных мест, о передаче городских земель под

застройку, под кладовые, по отводу и нарезанию новых усадебных мест, и, как правило, Собрание «единогласно» выносило постановления в пользу просивших, если выделенные земли не мешали городской застройке [14].

При обсуждении вопросов «об отводе под постройку городских усадебных участков», могли отказать просителю «до получения сведений о благонадёжности просителя» [15].

Собрание оказывало различную денежную помощь — например, выделялись средства и на содержание хора певчих церкви Сорока Мучеников и на крестные ходы из Печерского монастыря.

Собрание решало вопросы народного образования. Выделялись пособия и на содержание Земской школы, Высшего начального училища, Печерского эстонского двухклассного училища [16]. В марте 1914 года Собрание постановило выделить для строительства здания низшего ремесленного училища городской усадебный участок земли [17].

Кроме того, Собрание занималось и делами торговли: это и сдача в аренду торговой площади на время ярмарок и базаров, и торговые сборы. Например, в 1905 году размеры местных сборов с обращением их в доход пригорода, «с заведений без продажи крепких напитков сто пятьдесят рублей и с одного трактирного заведения с продажею крепких напитков в запечатанной посуде — триста рублей» [18]. В мае 1913 года был принят проект постановления, запрещающий в пригороде Печеры скупать жизненно важные продукты до 12 часов дня, исключая дни открытых ярмарок [19], покупка и продажа льна в ярмарочные дни должна производиться только на базарной площади, с дворов и лавок в ярмарочные дни торговля запрещена [20].

В военное время — в августе 1914 года — Собрание, рассмотрев предложение Псковского губернатора от 4 августа 1914 года за № 1435 об оказании помощи семьям призванных на военную службу, единогласно постановило: образовать в пригороде Печеры городской комитет из местных жителей, для обследования материального положения и нужд семей, призванных на военную службу, изыскать средства, необходимые для помощи этим семьям; ассигновать из свободных городских сумм в распоряжение комитета сто рублей, внести эту сумму в расходную городскую смету на 1915 год [21].

Такие расходы Собрание городских уполномоченных могло позволить благодаря следующим источникам доходов: сборы с недви-

жимого имущества; сбор с торговли и промысла, трактирных заведений, постоялого двора, с оброчных статей (земель под огороды, хлебопашество, сенокос, под мельницу, гумно, кузницы, лавочки, под усадьбы); проценты с запасного капитала [22], процентов с текущих средств, находящихся на вкладе, за городские общественные меры, городские общественные весы и другое [23].

Анализируя данные смет расходов и доходов за 1904 и 1911 годы, можно сделать вывод, что расходы не превышали доходов, расходы и доходы увеличивались: в 1904 году доходы — 3654 руб. 87 коп., расходы — 2741 руб. 52 коп. [24]. В 1911 году в доход (по смете и сверх сметы) поступило 5254 рубля 88 копеек, израсходовано 4123 рубля 97 копеек [25].

Если сравнивать поступления в доход в 1907 году пригорода Печоры, посада Александровский Псковского уезда и пригорода Красный Опочецкого уезда (где тоже было упрощённое управление), то можно сделать вывод о финансовом благополучии в пользу Печор, где доход составил 3925 рублей 22 копейки, на посаде Александровский — 890 рублей 95 копеек, в пригороде Красный — 1169 рублей 83 копейки [26].

Для справки: в 1907 году в Печорах проживало 2040 человек, в Александровском посаде — 3693, в пригороде Красный — 1979 [27].

К 1914 году в городе функционировала земская больница на 24 койки, медицинский персонал состоял из врача, фельдшерицы-акушерки и одного фельдшера (когда число фельдшеров возросло до трёх, были открыты три фельдшерских пункта в сёлах Паниковичи, Слободка, селе Лисья Слободской волости) [28]. По статистическим данным 1910 года, рождаемость превышала смертность [29]. В городе работала Вольная аптека [30].

Дети могли учиться в Печерской земской школе, в Печерском высшем начальном училище, Печерском 2-хклассном М.Н.П. училище, Печерском 2-х классном эстонском училище [31]; при монастыре в церковно-приходской школе.

Из общественных организаций в городе работали: эстонское музыкально-певческое общество «Калев», Общество сельского хозяйства, Просветительное общество, Общество трезвости «Сеятель», Общество пчеловодства, Вольное пожарное общество.

Также в Печорах действовали ссудо-сберегательное товарищество, Государственная почтово-телеграфная сберегательная касса № 2, школьная сберегательная касса № 7 при Печерском министерском училище (была приписана к государственной сберегательной кассе № 17 при отделении государственного банка). В Печорах работало почтово-телеграфное отделение, была железнодорожная станция Балтийской линии Северо-западной железной дороги. В Печорах было 5 домов призрения. К октябрю 1914 года введено городское электрическое освещение [32].

Изучив документы, относящиеся к деятельности Собрания городских уполномоченных, хранящиеся в ГАПО, можно придти к выводу, что Собрание успешно осуществляло управление всеми административно-финансовыми и хозяйственными делами городского поселения и за период с начала XX века до 1914 года, было многое сделано и для улучшения благосостояния горожан и по благоустройству города.

Источники:

1. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1866. 1-е полугодие. — СПб., 1866. — № 33. С. 219. Ст. 250. Правила об упразднении магистратов и судебных ратуш. § 3, 4.
2. Свод законов Российской империи. Т. II. Часть I. Общее губернское учреждение. Книга IV. Раздел второй. Городовое положение. Глава первая. Общие положения. Ст. 1948, 1949. СПб., 1876.
3. ГАПО. Ф. 79. Оп. 2. Д. 336. Л. 6.
4. ГАПО. Ф. 79. Оп. 2. Д. 402. Л. 16, 16 об.; Д. 577. Л. 10, 10 об.
5. «Памятная книжка Псковской губернии на 1869 г.». — Псков. 1869. С. 111.
6. «Памятная книжка Псковской губернии на 1909–1910 гг.». — Псков. 1909–1910. С. 88.
7. «Памятная книжка Псковской губернии на 1886 г.». — Псков. 1886. — С. 149; Тоже на 1893 г. — Псков, 1893. — С. 58; Тоже на 1895 г. — Псков, 1895. — С. 59.
8. «Памятная книжка Псковской губернии на 1909–1910 гг.». — Псков. 1909–1910. С. 88.

9. Журналы Псковского губернского по земским и городским делам присутствия / Вестник Псковского губернского земства. 1900. № 6. Июнь. С. 45, 46.
10. Журналы Псковского губернского по земским и городским делам присутствия / Вестник Псковского губернского земства. 1900. № 6. Июнь. С. 45, 46.
11. ГАПО. Ф. 79. Оп. 2. Д. 298. Л. 4.
12. ГАПО. Ф. 79. Оп. 2. Д. 1468. Л. 61 — 71.
13. ГАПО. Ф. 79. Оп. 2. Д. 1468. Л. 81 об., 86 об.
14. ГАПО. Ф. 79. Оп. 2. Д. 1322. Л. 41, 62, 64.
15. ГАПО. Ф. 79. Оп. 2. Д. 1322. Л. 94.
16. ГАПО. Ф. 79. Оп. 2. Д. 575. Л. 24 об.; Д. 1468. Л. 9, 9 об.
17. ГАПО. Ф. 79. Оп. 2. Д. 1531. Л. 9, 9 об.
18. ГАПО. Ф. 79. Оп. 2. Д. 577. Л. 7.
19. ГАПО. Ф. 79. ОП. 2. Д. 1468. Л. 21 об., 22.
20. ГАПО. Ф. 79. Оп. 2. Д. 1468. Л. 4 об.
21. ГАПО. Ф. 79. Оп. 2. Д. 1531. Л. 47, 47 об.
22. ГАПО. Ф. 79. Оп. 2. Д. 575. Л. 13 — 19.
23. ГАПО. Ф. 79. Оп. 2. Д. 1468. Л. 89 об., 92 об. — 93 об.
24. ГАПО. Ф. 79. Оп. 2. Д. 577. Л. 18 об., 19, 27.
25. ГАПО. Ф. 79. Оп. 3. Д. 62. Л. 85, 112.
26. Подати и повинности / Статистический обзор Псковской губернии за 1907 г. Псков. 1908. С. 22.
27. Движение населения / Статистический обзор Псковской губернии за 1907 г. Псков. 1908. С. 19.
28. «Памятная книжка Псковской губернии на 1913 — 1914 гг.». — Псков. 1914. С. 164.
29. Ведомость о движении населения в Псковской губернии за 1910 г. / Обзор Псковской губернии за 1910 г.
30. «Памятная книжка Псковской губернии на 1903г.». — Псков. 1903. С. 104.
31. ГАПО. Ф. 79. Оп. 2. Д. 1468. Л. 83 об.
32. ГАПО. Ф. 79. Оп. 2. Д. 1531. Л. 61 об.

ПРАВОСЛАВНЫЕ СВЯТЫНИ ИЗБОРСКА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

Б. И. Бугров
(Изборск),
кандидат военных наук, полковник в отставке

Свою статью я хочу начать с одного эпизода, описанного Н.П. Дроздовым в рассказе «Изборск, как необычное место на карте России». Вспоминаются слова женщины, приехавшей в Изборск сразу после Великой Отечественной войны из далёкой Сибири: «Подходя к стенам крепости с высокими башнями, мне невольно хотелось воскликнуть: боже мой, какую громадину сложили из камня, сколько труда положено предками древней земли, чтобы защитить Русь. Надо же, деревня Изборск меньше нашей, а в ней построено четыре храма и все действующие. Вот где Божья благодать!».

Действительно, Изборск — знаковое место. Как нигде в другом регионе России, в Изборске и его окрестностях на сравнительно небольшой территории сосредоточено 8 церквей, 31 часовня, Священный Холм Славы. Действующие в прошлом, два мужских и девичий монастыри, три церковно-приходские школы, четыре богадельни, а также множество придорожных поклонных каменных крестов, родники и другие святыни.

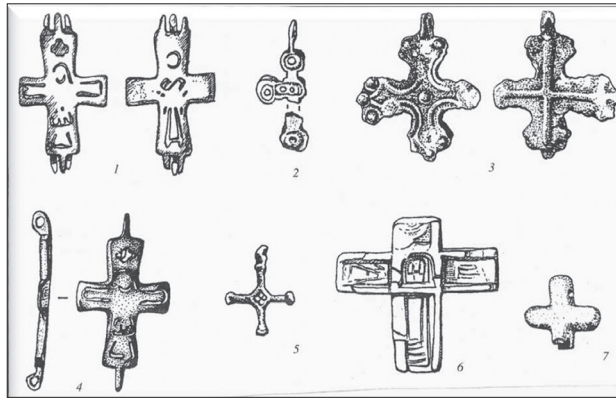
Говоря о средоточии в Изборске такого количества православных святынь, невольно задаёшься вопросом: почему так произошло? Почему столько святынь в этом месте? В определённой мере на данный вопрос дают ответ результаты проводимых в Изборске и его окрестностях археологических раскопок. Более двадцати лет (с 1971 по 1992 год) на Труворовом городище под руководством академика В.В.Седова раскопки проводились систематически. Была вскрыта и изучена вся площадь бывшего города. В ходе раскопок было выяв-

Изборская крепость. Фото М. Чурова

лено более десяти тысяч вещевых находок, представляющих интерес для науки. И, что очень важно, обнаружено достаточное количество металлических, каменных и даже янтарных нательных крестиков, которые стали появляться в этих местах практически ещё до официального принятия христианства на Руси.

Из множества найденных экземпляров встречаются крестики с изображением на лицевых сторонах распятого Христа. Обе поверхности этих крестиков сильно стёрты, по-видимому, от длительного их употребления. Как полагают археологи, эти христианские символы имеют корсунское происхождение и поступали в Изборский край из Византии. Кроме металлических нательных крестиков, в изборской коллекции немало и каменных экземпляров, сделанных изборскими мастерами из местного камня.

Приведённые выше примеры раннего появления христианских символов веры византийского образца и изготавливаемые местными мастерами свидетельствуют о том, что в древнем Изборске и его окрестностях были люди, которые еще до начала крещения Руси до глубины души прониклись истинной христианской верой. Остаётся этому только удивляться, ведь Изборск удалён от Корсуни (Херсонеса) почти на две тысячи километров.



Крестики-тельники

Памятник святой равноапостольной великой княгине Ольге с князем Владимиром в городе Пскове. Автор — Вячеслав Михайлович Клыков

Генеральная карта Псковской губернии 1820 года

Объяснить такой феномен можно только тем, что первая христианка на Руси, святая равноапостольная великая княгиня Ольга происходила из здешних мест. Она своим подвигом принятия христианской веры воодушевляла своих земляков-язычников последовать её примеру. Следует отметить также, что её внук, Владимир Красное Солнышко, как утверждают учёные, родился и провёл своё детство в местечке Будник, что в пятнадцати километрах от Пскова. Поэтому Псковскую, и в первую очередь Изборскую землю, с полным основанием можно считать колыбелью православной христианской веры. Именно эта земля в последующем породила много российских святых и архиереев.

Губернская дорога Псков–Изборск–Печоры,
ранее она называлась Старая ямская (Ольгинская) дорога

Интересуясь с детства историей родного края, последующим глубоким её изучением, я пришёл к выводу, что раннее проявление в Изборске христианских символов, безропотное принятие христианской веры и последующее строительство многочисленных храмов, монастырей и часовен — всё это промысел блаженной Ольги, которая, согласно Иоакимовой летописи, «Происходит родом от древнерусской княжеской династии изборских».

Об изборском происхождении Ольги пишет и уроженец Островского уезда Псковской губернии, один из первых русских историков В.Н. Татищев, который также отмечает, что «великая княгиня Ольга происходит от Земли Изборской и принадлежит роду Гостомысла». Информация о происхождении святой Ольги от Изборска содержится и в Раскольничьем летописном списке, а также в других источниках. Есть основания также предполагать, что Креститель Руси — Владимир «Красное Солнышко» (внук Ольги) — родился и провёл свое детство с матушкой Малушей тоже в Изборске.

Обобщая все имеющиеся материалы, я попытался создать древо святой равноапостольной великой княгини Ольги. Об этом я подробно докладывал 23 июля этого года на Ольгинских чтениях, которые проходили в Москве в Храме Вознесения Господня.

После своего крещения в Царьграде (957 г.) Ольга отправилась в новгородские и псковские земли, установила там оброки и дани;

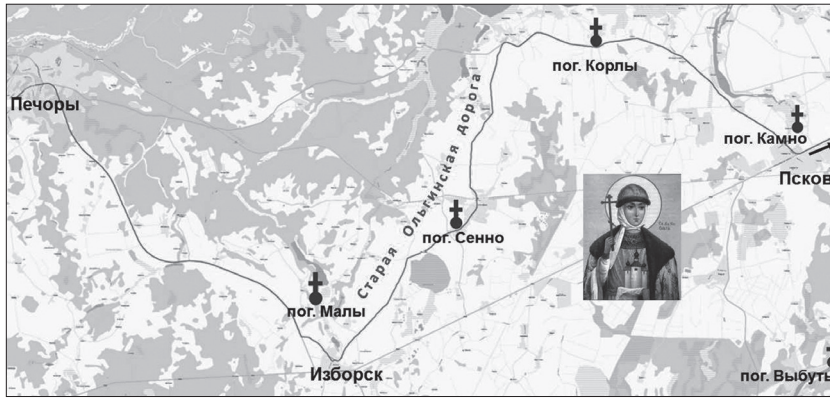
затем образовала систему «погостов» — центров торговли и обмена, в которых более упорядоченно проходил сбор податей; после этого по погостам стали строить храмы.

История свидетельствует, что Ольга создала несколько центров торговли и обмена на Изборской земле, в том числе погосты Камно́, Выбуты, Корлы, Сенно, Малы и другие. Все эти погосты расположены на древней Ольгинской дороге, проходящей через Изборск из Пскова в Печоры. Вдоль неё и сейчас стоят храмы, часовни и каменные придорожные кресты. Сохранившиеся летописные сведения и предания гласят, что позднее по этой исторической дороге следовали Иван Грозный, Анна Иоанновна, возможно даже, Пётр Великий и Александр Невский. Другого сухопутного пути в Прибалтийские страны на северо-западе России в тот период просто не существовало. Это были, своего рода, ворота в Европу. В настоящее время эта историческая дорога практически исчезла. В советское время её разбили тяжёлыми автомобилями и тракторами. Сейчас все ездят по построенной в начале XIX века шоссейной дороге федерального значения Псков–Рига.

Святая равноапостольная великая княгиня Ольга заложила основы будущего возведения храмов, монастырей и других святынь в России, в том числе и на древней Изборской земле. В связи с этим в православном мире её почитают как храмоустроительницу. На всех иконах она изображена с храмом, поддерживаемым левой рукой.

Изборск издавна называли «Домом Святого Николы». Ещё в конце X века, принимая крещение, выбрали изборяне своим небесным покровителем Николу Чудотворца — «поборника Земли Русской», заступника пленных и угнетённых, покровителя плавающих и путешествующих, важного помощника во всех повседневных делах. Никола стал заступником города, жившего в суровых условиях тревожной пограничной жизни.

В Изборске два храма посвящены Святому Николе: церковь Николая Чудотворца на Городище и Никольский собор в крепости на горе Жеравьей. В них наши предки молились перед сражением с иноземными завоевателями, отпевали героев, павших смертью храбрых под крепостными стенами, просили защиты в лихие годины. Следует отметить, что Никольские храмы в Изборске были знаменем этого города-крепости, символом стойкости его жителей, это была первооснова Изборска.



Становление погостов на Ольгинской дороге (IX–X вв.)

Если проанализировать, когда были воздвигнуты на Изборской земле другие храмы и монастыри, то мы видим, что все они появились в XVI веке в эпоху царствования Ивана Грозного (1530–1584) — в период, когда велась Ливонская война (1558–1583). Ливонский орден, Швеция, Польша и Великое княжество Литовские, объединённые в одну коалицию, спровоцировав Россию на войну, пытались в очередной раз не только захватить территорию России, но главным образом силой заставить исповедовать католическую веру.

Иван Грозный, будучи глубоко верующим человеком и непреклонным защитником православной христианской веры, делал всё возможное, чтобы не допустить проникновения католичества на территорию государства. С этой целью на порубежной Псковской земле, совсем ещё недавно вошедшей в состав Московского государства (1510 г.), он повсеместно возводит каменные храмы и монастыри. При этом главной задачей ставилось застолбить и укрепить его западные рубежи от проникновения врага, защитить православную веру, которую исповедовал наш народ. По-видимому, в определённой мере, именно так можно объяснить целесообразность строительства в Изборске и его округе ряда церквей: Рождества Богородицы (1585 г.); Николая Чудотворца (1584 г.); Рождества Христова (1558 г.); Георгия Победоносца (1562 г.); Сергия Радонежского и Никандра Псковского (ок. 1580 г.). Никольский, Мальской и Богородицкий девичий монастыри тоже были образованы и обустроены примерно в это же время. Почти все

Возведение храмов и монастырей в эпоху Ивана Грозного

храмы и монастыри имели каменные ограды и в любое время, в случае угрозы, превращались в крепости.

Как уже отмечалось, в Изборске и его окрестностях сосредоточено более 30 часовен. Чтобы рассмотреть их возникновение и строительство, необходимо снова обратиться к истории.

Согласно данным Российского энциклопедического словаря, «часовня» — это небольшая христианская культовая постройка без алтаря. В часовнях читаются молитвы и акафисты, совершаются молебны, отпеваются усопшие. Название «часовня» происходит от слова «час», «часы», то есть место, где совершается небольшая служба.

В России часовни появились с периода распространения христианства и первоначально строились в лесной глуши и на местах языческих капищ. Так в Новгороде часовня была возведена на месте, где раньше стоял идол языческого бога Перуна; в Ростове на месте прежнего стояния Велеса. Во время правления Петра I законодательно часовни были запрещены, так как в них старообрядцами стали совершаться тайные богослужения. Императорский Указ 1722 года требовал разобрать все часовни вне зависимости от того, старообрядческие они или нет. Однако, как свидетельствует история, это не везде выполнялось. Часовни по-прежнему строились. Правда, они потеряли старообрядческую направленность и возводились, в основном, в честь наиболее почитаемых в данной местности святых. Многие часовни, в том числе в Изборске, возводились в разные годы в память о произошедших

Никольский собор на территории крепости. Фото автора

Церковь Николая Чудотворца на Городище. Фото автора

значимых исторических событиях: сражений, боёв (часовня Флора и Лавра); в память о совершаемых чудесах (часовня иконы Корсунской Божией Матери); на перекрёстках дорог, где проходили крестные ходы (часовни Николая Чудотворца, Успения Пресвятой Богородицы и др.), или на святых родниках (часовня преподобного Серапиона).

Чтобы узаконить и привести в норму состояние дел со строительством часовен, в царствование Александра III «миротворца», Синод издал именной Указ о предоставлении права епархиальным архиереям разрешать постройку часовен в селениях и городах и осуществлять за этим личный контроль. С этого периода в России, в том числе и в Изборском крае, началось массовое строительство часовен.

Примерно в это же время (середина XIX века) происходит уточнение устройства церковных приходов. Право устанавливать границы между ними также предоставляется епархиальным архиереям.

Так, в Изборске и его округе появились Никольский, Богородицкий, Сеннской, Мальской, Сергия Радонежского и Николая Чудотворца с городища приходы. Позднее два крайних были объединены с Никольским и Богородицким приходами.

Одновременно осуществляется закрепление деревень для празднования наиболее почитаемых святых, которые являлись их небесными покровителями. В честь этих святых, по инициативе и на средства жителей, стали строиться часовни, посвящённые Николаю Чудотворцу, Петру и Павлу, Флору и Лавру, пророку Илие, Никандру Псковскому, Анастасии Римлянке, архангелу Михаилу, Иоанну Предтече и другим святым и пророкам. В дни памяти святых церковнослужителями прихода обязательно совершалась в часовнях служба. К жителям праздничных деревень, как правило, прибывали все их родственники, которые в течение двух дней праздновали и отдыхали, «гуляли» в соответствии со сложившимися годами правилами и традициями.

Таким образом к концу XIX века в России была проведена всеохватывающая церковная административно-территориальная реформа. Она способствовала сближению людей друг с другом, укрепляла родственные связи; дала возможность крестьянам не только трудиться с утра до ночи, но и возможность культурно отдохнуть, сходить в церковь помолиться Богу (в воскресные и праздничные дни в соответствии с церковными канонами работать строго запрещалось); открытие в приходах церковно-приходских школ (Указ Александра III

Возведение часовен в Изборском крае в XIX–XXI вв.

Возведение часовен в Изборске в XIX–XXI вв.

Деревни Богородицкого прихода, отмечающие дни памяти наиболее почитаемых в общине святых

от 1883 года) обязало всех детей учиться грамоте и получать начальное образование; большое значение имела созданная система благотворительности для нищих и немощных (только при Никольском соборе было три богадельни); установление ежегодного обязательного исповедания и причащения всех прихожан церквей, а также их крещение при рождении и отпевание в случае смерти, довело до точного (практически в реальном времени) учёта жителей в приходе и, соответственно, во всей епархии (губернии).

Много из этих благих и, по моему мнению, очень полезных начинаний сохранилось в Изборске до настоящего времени. Практически все крестят новорожденных детей, всё больше изборян и жителей окружающих деревень стали исповедоваться и причащаться, повсеместным является отпевание в церквях усопших. Почти во всех храмах открыты воскресные школы или действуют летние православные лагеря. В большинстве деревень отмечают местные православные праздники: «Николу», «Илью», Спас, «Никандру», «Петра и Павла», Троицу, «Михайлу» и другие.

При подготовке к настоящим Краеведческим чтениям, обследовав практически все часовни древней Изборской земли, отмечу: в настоящее время большая их часть обслуживается и находится в хорошем

Священный Холм Славы. Фото автора

состоянии. Во многих по праздничным дням совершается служба, которую ведут настоятели местных церквей. В то же время многие часовни годами не ремонтировались, никто за ними не присматривает и находятся они в полуразрушенном состоянии; некоторые были уничтожены в Гражданскую и Великую Отечественную войнах; отдельные просто сгорели и больше не восстанавливались.

Одним из особо почитаемых сегодня изборянами мест является Священный Холм, который воздвигнут в 2007 году в православный праздник Крестовоздвижения. Крест возвышается на глыбе камней-валунов, собранных здесь же со Словенского поля, и символизирует собой непрерывность единства истории России.

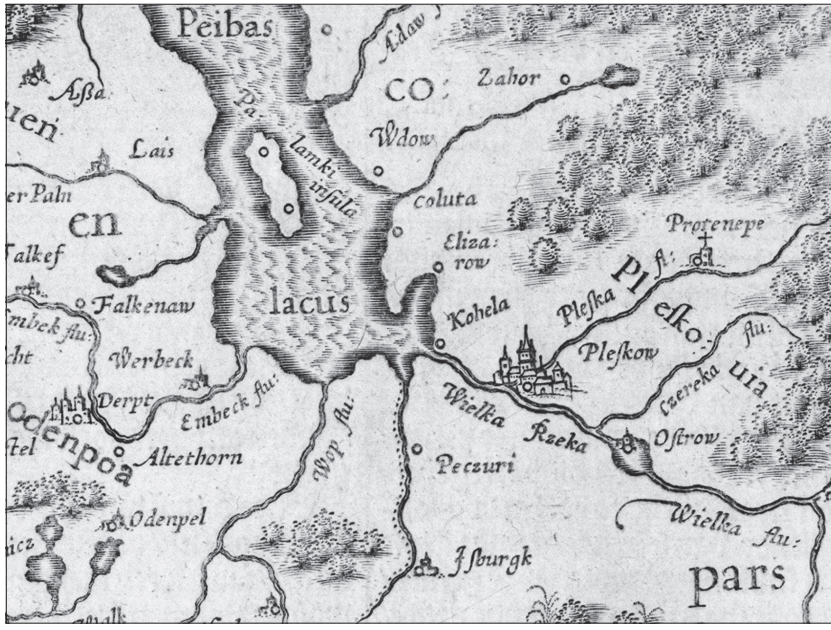
Изборская земля для установки памятника выбрана не случайно. Она наиболее тесно связана с историей России, становлением её государственности и православия. Данный комплекс, возведённый на западных рубежах нашей Родины, олицетворяет собой идею обобщения трёх составляющих: истории зарождения и развития государства Российского; объединения (собирания) русских людей в трудные годы испытаний и напоминание недругам нашим, что «кто с мечом к нам придёт, тот от него и погибнет». Очень важно, что крест установлен в том месте, «откуда есть пошла Земля Русская».

СЛОБОДСКАЯ ВОЛОСТЬ. ИЗ ИСТОРИИ НАСЕЛЁННЫХ МЕСТ ПЕЧОРСКОГО КРАЯ

А. Н. Ефимов
(Псков),
краевед

Северо-западное побережье Псковского озера. Здесь вдоль берега, на притоках Псковского озера и прилегающих островах, расположены псковские деревни Кулье, Лисьё, Колпино, Ме́дли, Шарто́во, Дубки, Заболотье, Киршино, Бу́довиж, Каменка, Рожитец, Ку́лиска, Городище, Ястребьё... В непосредственной близости от этих деревень проходит эстонско-российская граница. Сразу за границей другие деревни — Вярска, Лоботка, Верхулитса, Трески, Микитамяэ, Рысна, Тоомасмяэ, Выыпсу, Аудьяссааре, Люйбнитса… Раньше название большинства этих деревень звучало по-другому: Верхоустье, Слободка, Верхулица, Тростянка, Никитина Гора, Большое Тросно, Томасова Гора, Выбовка, Авдеево, Любницы. Все вышеперечисленные деревни до 1920 года входили в состав Слободской волости Псковского уезда Псковской губернии. Испокон веков это были исконно русские земли, здесь бок о бок проживали и русские и представители народности сету — потомки псковской чуди.

По заключённому 2 февраля 1920 года Тартускому мирному договору между Эстонией и Советской Россией Слободская волость вместе с Печорской, Паниковской и значительной частью Изборской волостями Псковского уезда отошли к Эстонии. На такие уступки большевики пошли потому, что считали, что всё это временно. Руководитель Советской России Владимир Ильич Ленин заявлял: «Мир с Эстляндией – это окно, пробитое русскими рабочими в Западную Европу, это неслыханная победа над всемирным империализмом…».



Шведская Ливония и Псковская земля. Карта 1673 г.

В.И. Ленин был убеждён, что Эстония тогда переживала период керенщины и что рабочие очень скоро свергнут эту власть и создадут Советскую Эстонию, которая заключит с Советской Россией новый мир. Но этого не произошло.

На переданных Эстонии землях был образован уезд Петсеримаа, который включал в себя 11 волостей и центром которого стал город Печоры (*эст.* — Петсери). В 1922 году на территории бывшей Слободской волости были образованы 3 волости: Кулейская с центром в селе Кулье, Ярвесуу (от *эст.* järv — озеро, suu — устье) с центром в селе Вярска (Верхоустье) и Мяэ (от *эст.* mäe — гора) с центром в деревне Микитамяэ (Никитина Гора). Кулейская волость была преимущественно русскоязычной, а волости Ярвесуу и Мяэ — с большинством населения сету. В январе 1945 года часть «подаренных» в 1920 году В.И. Лениным псковских земель были возвращены в состав образованного Печорского района Псковской области, но больше половины территории бывшей Слободской волости всё же оставили в соста-

ве Эстонии. В Указе Президиума Верховного Совета об образовании Псковской области от 23 августа 1944 года было сказано: «Учитывая неоднократные просьбы населения, включить в состав Псковской области Слободскую волость, выделив её из состава Эстонской ССР, за исключением части населённых пунктов с преобладающим эстонским населением и составляющих ныне волость Мяэ Эстонской ССР».

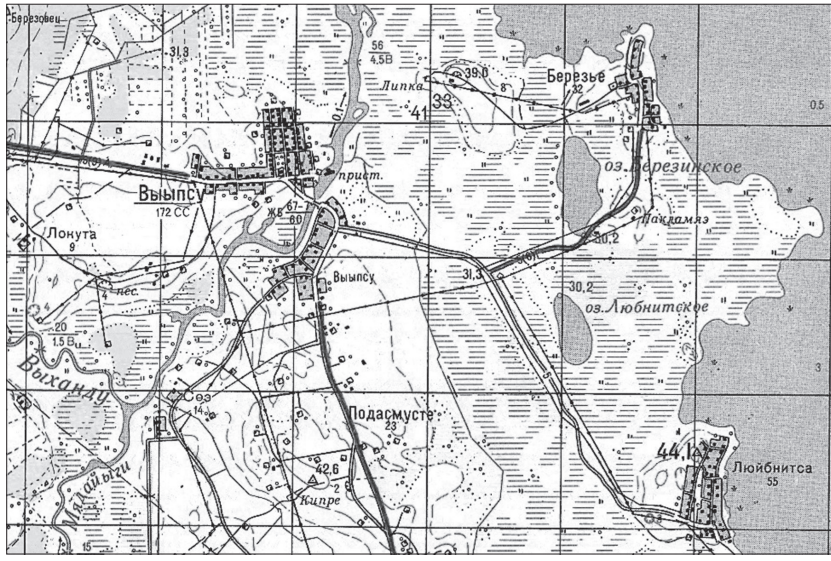
В средневековье земли бывшей Слободской волости относились к Завелицкой засаде Псковского уезда. Здесь располагались Колпинская губа с центром в погосте Колпино и Кулейская губа с центром в погосте Кулье. Колпинская губа впервые упоминается в 1557 году, с запада она граничила с Ливонией. Уже в XIII веке граница между Псковской землёй и соседним Ливонским орденом проходила от устья реки Воо (сейчас — река Выханду) и далее на юг по реке Меде (сейчас — река Мядайыги), доходила до истока Меды, а затем поворачивала на запад и шла по реке Пимже. Сейчас с этими рубежами совпадает западная граница земли народности сету — Сетумаа. Согласно псковской писцовой книге 1585–1587 годов в Колпинской губе значатся сельцо Выбовско, деревни Березье, Любница «на реке на Колпине», Щертово, Мядлы, Лютое, Томасово, Деготниково, рыбацкие селения — исады Щертово и Любницы «на Великом озере», исад на Колпинском погосте, исад на Мтеском острове. В Кулейской губе значатся деревни Будовиж, Зыково, Полухино, пустоши Ячменева, Воронкина, исады Лисья, Селцы, Воронья, Подмогилье, Тросно Большое «на реке на Тросне», исад «у погоста в Кулье над Кулицкою рекою на берегу», исад Загубочье «над Верхолицею рекою на берегу», исад Кримешова «над Верхолскою рекою», исад «в Тростне в Меншой над Верхулицкою рекою», исад Верховской «над Верхолицкою рекою на берегу», исад «на Дубках на Малых на Колпинской губе на берегу», исад «на Коломце на Великом озере на острову», исад «на острове на Будевиже у озера», исад Воронья «на Великом озере на острову на берегу над Вронскою рекою».

Во времена великих войн XVI–XVIII веков через эту землю прошли войска практически всех правителей тех времён — Стефана Батория и Ивана Грозного, Карла XII и Петра I. В описях 1628 года в Колпинской губе значатся сельцо Выбовское, деревни Любница, Березье, Щертово, Мядлы. В описях 1652 года в Кулейской губе, в вотчине Псково-Печерского монастыря, значатся деревни Верхутско,

Деревня Лоботка (ранее — Слободка)

Слободка, Ржава, Верхулица, Большое Тростно, Тростянка, Тони, Малое Тростно, Никитина Гора, Чернолесье, Деготниково, Подмогилицы, Кремешово, Поповичи, Невелина, Загубочье, Выползова, Кулейско, Дубцы, Лисья, Будовеж, Городища, Лутовеж, Селища, Журова- Кохова. В Колпинской губе в 1652 году значатся монастырские деревни Любница и Щертово. В монастырских описях 1711 года значатся деревни Верхутско, Слободка, Верхулицы, Ржава, Тростянка, Тони, Малое Тросно, Никитина Гора, Чернолесье, Новинок, Поповичи, Невелино, Ястребова, Красная Гора, Кулейско, Лутовишь и другие. До издания Духовных Штатов 1764 года Псково-Печерскому монастырю, кроме деревень, принадлежали исады Колпино, Березье, Любницы, Кулье, Подмогилье, Лисья, Будовижи, исад Рожитца, исад Большого Тросна, рыбные ловли Верхоустинская и Коломенка. При Екатерине II все церковные земли перешли в собственность государства, а крестьяне были переданы в ведомство Коллегии экономии. В 1786 году впервые значатся деревни Игрище и Узеницы.

В 1776 году при образовании Псковской губернии территории бывших Колпинской и Кулейской губ сначала входили в состав Псковского уезда, с 1782 года — в состав образованного Печорского уезда, а с 1796 года после его ликвидации вновь вошли в состав Псковского уезда. После крестьянской реформы 1861 года Псковский уезд был разделён на сословные (крестьянские) волости. В 1861 году была созда-



Деревня Выыпсу (ранее — дер. Выбовка) на карте 1979 г.

Деревня Выыпсу, а ранее псковская деревня Выбовка

на Кулиская волость с центром в деревне Кулья, которая относилась к ведомству государственных крестьян. На начало 1869 года в Кулиской волости насчитывалось 76 селений, 850 дворов и 4887 душ обоего пола. В состав волости входили Кулейское, Любницкое, Киршинское, Мало-Троснинцкое, Больше-Кулисское, Лисейское, Будовижское, Селищенское и Городищенское сельские общества. Колпинское, Медельское и Немольское сельские общества относились к Зачеренской волости, находившейся в ведении ведомства временно-обязанных крестьян. В 1869 году при создании всесословных территориальных единиц из Кулейской и части Зачеренской волостей была образована Слободская волость. Своё название волость получила по деревне Слободка, которая до сих пор стоит на левом берегу реки Вярска (ранее — Верхоустинская) напротив села Вярска (ранее — Верхоустье). В 1874 году в Слободской волости проживало 6088 душ обоего пола.

В 1882 году краевед И. И. Василёв в своём издании «Опыт статистическо- географического словаря Псковского уезда Псковской губернии» сделал описание Слободской волости. Местность здесь простиралась ровная, безлесная и болотистая. По территории волости протекали реки Верхоустинская (длина — 13 вёрст), Кулейская (длина — 7 вёрст), Пимжа, Гнилушка, Журовка, а вдоль границ волости — реки Воо (Выбовка) и Меда (длина — 30 вёрст). На территории волости располагались озёра Глухое, Мязовецкое, Ястребово, Березенное, Любницкое, Ярвепе (Журовское), Ржаво и Тельпово. Территория Слободской волости составляла 23115 десятин или примерно 42380 гектаров. Слободская волость с востока граничила с Лифляндской губернией, с юга — с Печерской волостью Псковского уезда. В состав волости входило 9 сельских обществ, волостное правление находилось в деревне Кулья. Населённых мест насчитывалось — 130, в том числе 4 погоста и 111 деревень, в которых было 1024 двора. В волости работали 71 снетосушильный завод, 12 кузниц, 3 ветряные и 4 водяные мельницы.

К 1905 году население Слободской волости достигло 10606 человек. По сведениям за 1914 год, число дворов и жителей в некоторых населённых пунктах Слободской волости составило: деревня Лисьё — 152 двора и 920 жителей, деревня Будовиж — соответственно 80 и 620, село Кулье — 79 и 474, деревни Городище — 77 и 398, Выбовка — 53 и 316, село Колпино — 42 и 276, деревни Шартово — 42 и 285, Большое

Земли Слободской волости. Карта 1917 г.

Кулиско — 39 и 252, Никитина Гора — 38 и 261, Большое Тросно — 38 и 277, Киршино — 37 и 260, Медли — 34 и 229, Любницы — 33 и 242, Большая Тростянка — 33 и 215, Мёдово — 32 и 225, Сошниково — 30 и 159, Красная Гора — 29 и 214, Слободка — 26 и 182, село Верхоустье — 23 и 164, деревни Рожитец — 24 и 129, Подмогилицы — 24 и 153, Каменка — 23 и 165, Журово-Кахово — 20 и 144, Чернолесье — 17 и 121,

Большие Сельцы — 16 и 132, Верхулицы — 16 и 115, Лутобиж — 15 и 96, Подсосонье — 13 и 73, Забудовиж — 12 и 77, Ржава — 12 и 76, Тони — 12 и 81, Узеницы — 11 и 77, Березье — 10 и 69, Малое Тростно — 8 и 58, Томасова Гора — 8 и 46, Мязовичи — 7 и 59.

Самым древним на территории бывшей Слободской волости является Колпинский погост с церковью Преображения Господня на острове Колпино. Остров расположен в центре Шарто́вского залива Псковского озера, его площадь составляет 11 кв. км. Шестикилометровый пролив между материком и островом, ширина которого меняется в разных местах от 650 метров до 2 километров, местные жители до сих пор называют Колпиной-рекой. На острове расположены три деревни — Шарто́во, Колпино и Ме́дли. Принадлежность этой территории Пскову подтверждается сообщением летописи под 1463 годом по случаю нашествия ливонцев и сожжения ими Колпинской церкви. По этому случаю летопись гласит: «И псковичи в тыя часы поидоша тамо, и приидоша в Калпиное по рану, и узреша, что немецкая сила жгут исады и церков калпиньскую зажгли. И тако, помолившееся Богу, ударишася на них; а Немцы убояшеся и побегоша, а псковичи биша их в погоню на 15 верст до Кохове реке». Нынешняя каменная Преображенская церковь в погосте Колпино построена в середине XVI века (по колоколам 1557 г.). Предание гласит, что на острове во время Ливонской войны бывал царь Иван Грозный, по его указанию храм и построен. В 1847 году ветхий коробовой свод разобрали, и вместо него было устроено деревянное плоское перекрытие, кровля получила четырёхскатную форму, тогда же вместо каменного барабана устроили деревянный с шлемовидной главкой. В 1857 году был построен новый притвор, а в 1874-м — новая двухъярусная колокольня. Таким образом, после перестроек XIX века от старого храма остались только стены четверика. В 1961 году Колпинский храм был закрыт, он стал ветшать и разрушаться. Псковские реставраторы в течение 1988-92 годов отремонтировали Спасо-Преображенскую церковь, она вновь стала приходской. С 2004 года Колпинская церковь является приписной к Ильинской церкви в деревне Кулье. В деревне Шартово сохранилась каменная Анастасиевская часовня.

Напротив острова Колпино, на берегу Псковского озера, находятся две деревни — Березье и Любницы. До 1920 года эти деревни относились к приходу Колпинской Спасо-Преображенской церкви. В Березье

Кирмаш в селе Верхоустье около Георгиевской церкви. Фото 1913 г.

Крестный ход в селе Верхоустье около Георгиевской церкви. Фото 1913 г.

дома построены параллельно берегу Псковского озера, это типичная рыбацкая деревенька. Березье является единственным местом в Сетумаа, где до сих пор живут старообрядцы. На окраине деревни есть местное кладбище, где похоронены представители этой веры. Название деревне Любницы, согласно преданию, дал царь Петр I, который бывал здесь во время Северной войны и любовался живописными видами побережья Псковского озера. На самом деле, деревни Любницы и Березье, как уже говорилось выше, впервые были упомянуты в описях конца XVI века. Тогда крестьянские и рыбацкие дворы в Любнице числились за церквями «Петра святого Верхнеостровского монастыря да Богоявления изо Пскова из Бродов», а крестьянские дворы в Березье принадлежали церкви «Николы Чудотворца изо Пскова с посаду с-Ызборские улицы». Во время Северной войны деревня Любницы была сожжена дотла шведами, описи 1711 года говорят по этому поводу: «Дер. Любница, пуста… на том же исаде восемнадцать дворов пусты, а дворы сожгли свенские воинские люди…». По сведениям 1872–77 годов, в Березье проживал 61 житель, в Любницах — 81. В 1882 году в Березье работали 6 снетосушильных заводов. Деревни Любница и Березье всегда исторически были населены русскими, сейчас их названия по-эстонски звучат как Люйбнитса и Бересье. В 2014 году в Любницах проживало 83 жителя, а в Березье — 43. В настоящее время жители деревень занимаются не только рыбной ловлей, но и выращиванием овощей — в основном, лука. В Березье даже центральная улица называется Луковой. Ежегодно в августе в Любницах проводится традиционная ярмарка, где продают рыбу, лук и чеснок.

В 2,5 километрах к западу от деревни Березье на правом берегу реки Выханду расположена деревня Выыпсу, а на левом берегу — посёлок Выыпсу, эти населённые пункты сейчас имеют разные самоуправления. В средневековье псковичи называли реку Выханду в нижнем течении Выбовкой, а эсты именовали её Воо. До сих пор местные жители называют Выханду в нижнем течении Воойыги, её ширина в районе Выыпсу составляет 60–75 метров. Правобережная часть Выыпсу в прошлом была псковской деревней Выбовкой, она впервые упомянута в 1427 году в псковских летописях под названием Выбовск по случаю столкновения псковичей с немцами. По данным описей 1585–87 гг., сельцо Выбовско принадлежало помещику Ивану Ильину сыну Языкова. В псковских писцовых книгах 80-х годов. XVI века значится цер-

Остров Колпино на карте 1979 г.

Поминание усопших на кладбище погоста Верхоустье. Фото 1913 г.

ковь Николы Чудотворца в селе Выбодском. В 1786 году крестьяне деревни Выбовка принадлежали помещикам Шишковым, надворному советнику А.Д. Яхонтову, коллежской асессорше А.И. Пущиной и ведомству казённой палаты экономических крестьян. На протяжении нескольких столетий Выбовка оставалась приграничным селением, через неё проходил торговый путь из Дерпта в Псков. В 1882 году в деревне Выбовка (Лыбовка) был 41 двор и кузница.

До начала XX века на левом берегу реки Воо находилось поместье Вебс или Ней Раппин, оно впервые значится в 1792 году. Эсты именовали Вебс как Воосу. В 1856 году владелец поместья и соседней мызы Раппин Пётр фон Сиверс построил здесь трактир и несколько жилых домов. В Вебсе стали селиться торговцы, ремесленники и рыбаки. Во второй половине XIX века рядом с поместьем вырос крупный торговый центр и порт — до устья реки Воо отсюда было около 3 километров. В 1911 году в местечке Вебс проживало 750 человек, в 1920 году Вебсу присвоили статус посёлка, а в 1924-м посёлок получил своё нынешнее название Выыпсу (*эст.* Võõpsu), впоследствии к нему отнесли деревню Выбовку. С конца 1930-х годов важность порта Выыпсу стала уменьшаться, а хозяйственная деятельность в посёлке сокращаться. Пароходное движение из порта Выыпсу окончательно прекратилось в 1950-е годы. После последней административной реформы 2013 года Выыпсу вновь оказалось разделённым по реке Выханду: посёлок Выыпсу остался в составе волости Ряпина, а деревню Выыпсу отнесли к волости Микитамяэ. В деревне Выыпсу, называвшейся раньше Выбовкой, до наших дней сохранился сетуский памятник архитектуры 1709 года — деревянная Никольская часовня (Võõpsu tsässon). В 2014 году в деревне Выыпсу проживало 90 жителей.

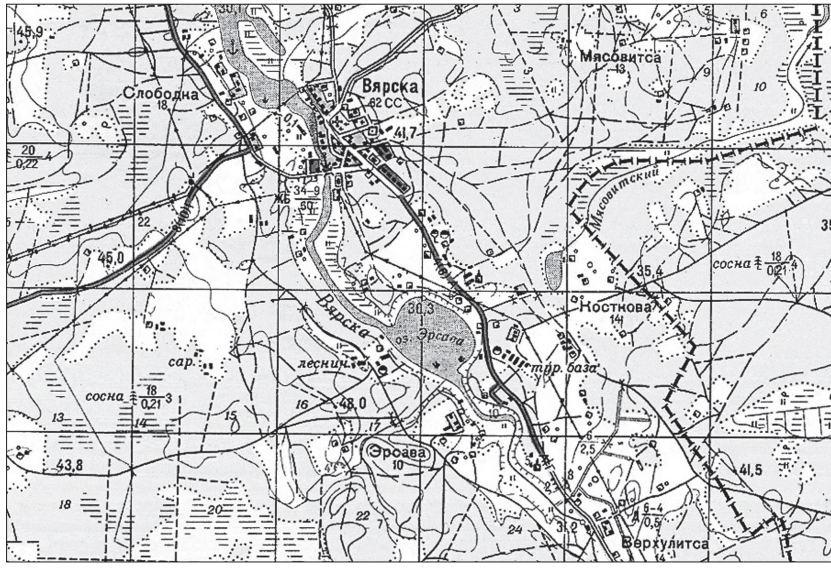
Известно, что в 1920-х годах в деревне Выбовке, как и в соседней деревне Березье, проживали старообрядцы. Это были потомки первых русских заселенцев ближайшей мызы Раппин в Лифляндии (ныне — город Ряпина), где в 1710–22 годах существовал старообрядческий монастырь. Главным источником существования обители являлось хлебопашество и рыболовство. В декабре 1711 года на кладбище Ряпинской общины, на берегу реки Выбовки, был перезахоронен основатель старообрядческого Федосеевского согласия Феодосий Васильев, казнённый в июле того же года в Новгороде. В 1722 году обитель разгромили правительственные войска, часовня обители была

Река Вярска (Верхоустинская) около села Вярска

Река Вярска (Верхоустинская). Вдали Шартовский залив Псковского озера.
Справа — санаторий Вярска

превращена в протестантскую церковь. Существует устное предание о том, что рядом с могилой Феодосия Васильева якобы была построена баня, и что однажды слуга владельца мызы графа Лёвенвольде наломал веток с берёзы, посаженной на могиле страдальца за древлеправославную веру, и отправился париться в баню. В тот же час тело слуги покрылось гнойными струпьями, спустя два года после безуспешного лечения он умер в страшных страданиях. Спустя двести лет от Ряпинской старообрядческой обители уже не оставалось никаких следов. Выдающийся старообрядческий историк и писатель И.Н. Заволоко предполагал, что монастырь находился на месте Ряпинской корчмы у лютеранской кирхи святого Михаила (1781 г.), в 1920-х годах здесь часто находили человеческие кости и черепа.

Примерно на полпути из Выыпсу в Вярску находится старинная сетуская деревня Микитамяэ (*эст.* Mikitamäe), она впервые упоминается в письменных источниках в 1500 оду под названием Никитина Гора. По сведениям 1872–77 годов, в Никитиной Горе проживало 106 человек. Сейчас деревня Микитамяэ является административным центром одноимённой волости, её население в 2014 году составляло 288 человек. В Микитамяэ сохранилась одна из самых старых деревянных построек в Эстонии и самая старая сетуская часовня святого Фомы (Mikitamäe vana tsässon), построенная в 1694 году. В волости Микитамяэ немало других сетуских деревень — Теганитса (до 1920 г. — Деготницы), Ряэзолаане (Чёрнолесье), Тоомасмяэ (Томасова Гора), Варесмяэ (Вороново), Лаоссина (Клавшино), Рысна (Большое Тросно), Усинитса (Узеницы), Пуугнитса (Пугницы). В Сетумаа почти в каждой деревне есть своя часовня, которая здесь называется цяссон (*эст.* tsässon). Обычно это небольшое деревянное здание с крестом наверху, украшенное изнутри иконами, рушниками, свечами и цветами. Около деревни Ряэзолаане сохранилась часовня Ильи Пророка (Rääsolaane tsässon), построенная в 1773 году. В деревне Рысна есть Анастасиевская часовня (Suurõ-Rõsna tsässon), время её постройки неизвестно. В 1948 году в деревне Усинитса на месте старой часовни 1759 года была сооружена часовня Михаила Архангела (Usinitsa tsässon). В деревне Лаоссина у входа на кладбище стоит возведённая в 1864 году часовня Рождества Пресвятой Богородицы (Laossina tsässon). В 2014 году в Рысна проживало 55 жителей, в Усинитса — 52, в Лаоссина — 27, в Ряэзолаане — 15.



Село Вярска (ранее — село Верхоустье) на карте 1979 г.

Река Выханду (Выбовка) около дер. Выыпсу

Село Вярска (эст. Värska) впервые упомянуто в псковских описях 1585–87 годов как исад Верховской, принадлежавший Псково-Печерскому монастырю. Река, на которой возник исад Верховской, сначала называлась Верхолицкой или Верхулицкой, позднее Верхутской, Верхоустинской. По монастырским описям 1678 и 1711 года значится деревня Верхутско. В 1759 году на берегу реки Верхутской архимандритом Псково- Печерского монастыря Иосифом с братиею была построена деревянная Георгиевская церковь, погост получил название Верхоустье или Верхнее Устье. В 1882 году деревня Верхутско была смежная с погостом Верхоустье, впоследствии произошло их слияние в село Верхоустье. К концу XIX века храм в погосте Верхоустье обветшал и в 1904–1907 годах вместо него на средства прихожан и доброхотных жертвователей была построена каменная церковь во имя святого Великомученика Георгия. В 1914 году в селе Верхоустье располагалось волостное правление Слободской волости, здесь ежегодно проходило два торжка: 23 апреля и 26 ноября. После 1920 года село Верхоустье стало Верской, потом — Вярской, а приход Георгиевской церкви вошёл в состав Эстонской апостольской православной церкви. Верхоустинская река тоже поменяла своё название — сейчас это река Вярска. Её длина около 20 километров, ниже деревни Верхулитса она протекает через озеро Ырсава (Ржаво), ширина реки около села Вярска не превышает 75–80 метров, а ниже деревни Вяйке-Рысна (ранее — Малое Тросно) увеличивается до 600–700 метров. Ныне село Вярска известно своей минеральной водой не только в Эстонии, но и за её пределами. В 2,5 километрах от Вярски, около деревни Вяйке-Рысна, находится санаторий «Вярска». В 2011 году в селе Вярска проживало 443 человека. Напротив села Вярска, на левом берегу реки Вярска, располагается деревня Лоботка. Ранее название этой деревни звучало как Слободка, она впервые упоминается в письменных источниках в 1652 году. По сведениям за 1889 год, в Слободке находилась квартира участкового урядника, в 1905 году здесь работал стоичный пункт земской почты, на котором содержались лошади, в 1909 году — земская школа. Выше по течению реки Вярска находится деревня Верхулитса (ранее — Верхулица или Верхоулица). В древности через Верхулицу проходил торговый путь из Дерпта в Псков. В 1970-х годах между Вярской и Верхулицей был построен цех по розливу популярной минеральной воды «Вярска». Около Вярски есть другие типично сетуские деревни:

Река Кулейская с эстонского берега

Река Медайыги (Меда)

Церковь Георгия Великомученика в селе Вярска (ранее — с. Верхоустье)

Подмотса (ранее — Подмогилицы), Тонья (Тони), Кремессова (Кремесово), Вельна (Невелино), Мяэзовитса (Мязовицы), Ырсава (Ржава), Трески (Тростянка), Селизе (Селище), Игризе (Игрище), Ярвепяэ (Журово-Кахова), Недсая (Нечаево) и другие. В деревне Вяйке-Рысна, на берегу реки Вярски, находится часовня Анны Праведной (Väike-Rõsna tsässon), дата её постройки неизвестна. В деревне Подмотса (Podmotsa tsässon) на кладбище находится часовня Святой Троицы, построенная в 1760 году. В деревне Трески есть часовня Иоанна Предтечи, возведённая в 1758 году (Treski tsässon).

Другой древний погост — Кулейский — находится на территории Крупской волости Псковской области. Погост Кулье с церковью Ильи Пророка известен по псковской писцовой книге 1585–87 годов. В письменных источниках XIV века имеется запись: «Ко святому Илии в Кулью». В 1715 году в погосте возводится неизвестно какая по счёту деревянная Ильинская церковь, которая сгорела в 1850 году. В 1853 году здесь построили новую деревянную церковь, которая сгорела 6 апреля 1914 года, и тогда прихожане решили выстроить каменный храм. Новую каменную церковь во имя Пророка Ильи освятили

Церковь Владимирской иконы Божией Матери в деревне Лисьё

Церковь Георгия Великомученика в селе Вярска

Церковь Ильи Пророка в деревне Кулье

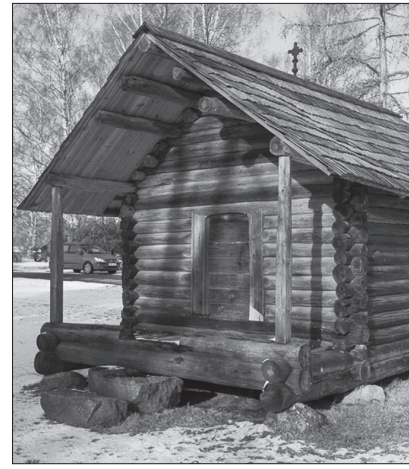
2 августа 1917 года; пока шло строительство храма, богослужения совершались в доме крестьянина Александра Георгиева. Ранее к Ильинской церкви была приписана деревянная часовня в деревне Красная Горка, она не сохранилась. До 1920 года к храму была приписана часовня в дер. Подмогилицы, во время крестного хода иконы в часовню доставляли в лодке через Кулейскую реку. В старину в дер. Кулье ежегодно 20 июля проходил торжок, где торговали листовым табаком и разными съестными припасами.

Лисейский погост известен с 1854 года, тогда здесь была построена первая деревянная церковь во имя Владимирской иконы Божией Матери. Второй храм, тоже деревянный, вместо сгоревшего прежнего возвели в 1883 году на средства прихожан и купца Фёдора Прокопьевича Пронникова. Для постройки новой Владимирской церкви прекрасные строевые брёвна доставлялись по озеру из гдовских лесов. В деревне Лисьё также сохранилась и действует каменная Владимирская часовня. В дер. Будовиж действует каменная Троицкая часовня, построенная в 1907 году. На острове Каменка сохранились три часовни: Ильи Пророка в деревне Каменка (1910 г.), Владимирской иконы Божией Матери в дер. Рожитец (1910 г.) и в деревне Мёдово (1907 г.).

Церковь Спаса-Преображения в деревне Колпино

К 1970 году в Кулейском сельсовете Печорского района имелось два рыболовецких колхоза: в дер. Кулье находилась центральная усадьба колхоза «Дружба», а в дер. Будовиж — колхоза «Прибой». В колхозе «Дружба» 71 гектар земли был отведён под выращивание овощей. Овощеводы здесь получали высокие урожаи — в среднем по 300 центнеров лука и по 435 центнеров моркови с гектара. За год валовой сбор составлял 2500–3000 тонн овощей. Жители острова Колпино были объединены в две бригады колхоза «Дружба». Одну бригаду составляли рыбаки, а в другую входили овощеводы, в основном — женщины, которые выращивали лук, огурцы, морковь, свёклу, капусту, редьку. Деревни тогда были многонаселёнными: например, в 1979 году в Кулье было 102 двора, в Колпине — 55 дворов, в Шартове — 76, в Медли — 51. На острове Колпино работали две школы, клуб, кинотеатр, магазин, аптека, фельдшерский пункт. С 1995-го по 2015 год в состав Кулейской волости входила 21 деревня, 9 из которых располагались на островах Псковского озера. С 1995 года администрация Кулейской волости находилась в деревне Киршино. По оценке Псковстата, население Кулейской волости на 1 января 2015 года составило 827 человек. Жителей в населённых

Часовня Святой Троицы в деревне Подмотса (ранее — деревня Подмогилицы)



Часовня св. Фомы в деревне Микитамяэ (ранее — деревня Никитина Гора)

Часовня Святителя Николая Чудотворца в дер. Выыпсу (ранее — деревня Выбовка)

пунктах с каждым годом становится всё меньше и меньше: к примеру, в деревне Колпино сейчас постоянно проживают всего 12 человек. На остров Колпино целых два года не ходил паром, всё это время его жители оставались отрезанными от материка, только весной 2015 года паромная переправа была восстановлена. В ходе реформы по укрупнению сельских поселений 6 октября 2015 года Кулейская волость была упразднена и вошла в состав Крупской волости.

А как же живут сейчас люди по ту сторону границы, на исконно русских территориях — в волостях Вярска и Микитамяэ? В основном здесь проживают представители народности сету. На 1 января 2014 года население волости Вярска составляло 1174 человека, а население волости Микитамяэ — 1015 человек. В селе Вярска есть культурный центр сету и певческое поле для праздников. В первое воскресенье августа разделённый границей народ сету собирается на День сетуского королевства — праздник, который возник здесь в 1992 году. Каждая крупная деревня хотя бы раз в год проводит «кирмаш» — большой сельский праздник, в основном, связанный с одним из церковных праздников. На Пасху в Вярске и Микитамяэ катают яйца, танцуют, катаются на качелях. В Микитамяэ в первое воскресенье после Пасхи отмечают праздник Воскресения Тоома (Фомино воскресенье). В Вярске дважды устраивают «кирмаш» на Юрьев день. В Трески в «кирмаш» на Иванов день жгут костёр. Самым большим богатством жители волостей Вярска и Микитамяэ считают свою уникальную и самобытную культуру.

СЕТОМАА — ЗЕМЛЯ СЕТО. ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Х. П. Тсопатало
(Печоры),
руководитель ансамбля народности сето

Сетомаа расположена на приграничной территории Эстонии и России. Маленький народ сето испокон веков живёт на Печорской земле и Выруском и Пыльваском уездах Эстонии. В древние времена представителей народа сето называли псковской чудью. Сето — коренной угро-финский народ, сохранившийся до наших дней. Историческая область проживания народа сето называется Сетомаа.

В июне 2010 года Правительство России признало сето коренным малочисленным народом Российской Федерации. Данное решение поможет стимулированию мер по поддержке и сохранению народности сето. В 2010 — 2014 годах работала программа «Поддержка коренной малочисленной народности сето, проживающей в Печорском районе».

Согласно переписи населения, которая проходила в 2000 году на территории России, только 197 человек признали себя сето, при этом 172 из них проживает в Псковской области. Но и в Печорском районе многие записали себя эстонцами — так, как раньше записывали в паспорте. В Эстонии, по разным оценкам, проживает от 4000 до 10000 представителей народности сето.

Когда-то давно, в 80-е годы XIX века, известный этнограф Г.Г. Трусман отмечал на Печорской земле 18280 человек сето, что больше половины населения района. А в 1905 году в Печорском районе проживало более 21000 представителей народа сето — это максимальная численность проживания сето в Печорском районе за всю историю существования.

23 февраля 1944 года была создана Псковская область, в 1945 году в область вошёл Печорский район, организованный из 8 волостей и города Печоры, входящих раньше в состав Эстонии. Раздел Сетомаа между Россией и Эстонией подорвал внутреннее единство сето. В поисках лучшей жизни многая молодёжь стала покидать родные места и уехала учиться в Эстонию, где после учёбы остались жить и работать, создавали семьи. После учёбы вернулись немногие.

Говорят, сето — мирные люди. Жили отдельно от других народов, чтобы сохранить свой род, свой язык, традиции.

Как же жили наши предки? Письменности не было, иностранных языков не учили, в давние времена даже рисунков варежек не брали от чужого человека. Только немногие ребята в начале XX века учились в церковноприходской школе на русском языке, а в 20-х годах XX века стали учиться на эстонском языке. Вместо книг было устное народное творчество: песни, рассказы, сказки, загадки, пословицы. Устное народное творчество передавалось из уст в уста, из поколения в поколение.

Нарративные песни пели дома, в семье — в работе, в воспитании детей. Интересные, талантливые слова стали передаваться из деревни в деревню, потом уже немного изменённые в разных деревнях, поэтому до наших дней сохранились на одну мелодию разные варианты слов. Сказительницы, которые могли сочинить песню сразу по теме дня и затянуть на несколько часов, смотря по обстановке. Люди сохранили в своей памяти слова древних песен и передавали другим поколениям. Пели обо всём, что окружало человека, — природа, люди, жизнь и плачи смерти. До наших дней дошли и лирико-эпические песни, как эхо давних времён. Бытовые песни, рабочие песни доносят до наших дней условия жизни, быта и работы в те далёкие годы.

В деревнях были свои традиции, при этом везде немного разные. Зимой по четвергам вечером встречались в одном доме, где семья поменьше, да изба побольше, — чтобы погулять. Рассказывали сказки, играли игры, танцевали под гармонь и песню. В эти вечера не работали.

Народ сето любил и любит природу, что отражается в песнях, традициях, сказках. В Сетомаа мало тех женщин, которые не знают песни предков или не умеют сами слагать песню на конкретную тему.

Сложилась уже традиция, что девушка на свадьбе должна запевать сама песни матери, отцу, брату, сестре, крёстной и другим родственникам. Поэтому мать учила дочь с малолетства песням сето, чтобы был словарный запас и знать сразу, о чём петь.

Сетоские песни стали записывать с 1869 года. Больше всех записывал в то время деятель культуры, писатель Якоб Хурт. Он записывал в 1877, 1884, 1886, 1909 годах в разных деревнях Сетомаа. Эти песни сохранились до наших дней в песенных антологиях. В 2010 году антологии сетоских песен переиздавались.

ОДЕЖДА. НАРОДНЫЙ КОСТЮМ

Красота одеяния сетоских девушек и женщин была общепризнанной среди русских и эстонских крестьян. В литературе XIX века группу сетоских женщин в праздничных нарядах нередко сравнивали со стаей белых лебедей. И до наших дней традиционный комплект народного костюма бережно сберегается во многих семьях и одевается в праздничных случаях,

Но время неумолимо идёт вперёд, и на смену домотканым нарядам уже давно пришли ткани фабричного производства. Но верность сетоской женщины своей национальной одежде даже в XX и XXI веках поражает историков. Вплоть до 60-х годов XX века в некоторых деревнях её носили не только в праздники, но и в будни. В будни, конечно, не такой нарядный: белая тканая рубашка без рисунка, китасник — простой ежедневный сарафан, простой грубый тканый льняной передник, на голове просто — косы, прикрытые скромным платком.

Сарафан — сукман, который шили из плотного чёрного сукна: китасник — тонкий чёрный сарафан, шили из хлопчатобумажной, льняной или из тонкой шерстяной ткани; рубашка — из качественного отбеленного льна, тканого ярко-красной тоненькой шерстяной нитью, с орнаментом на рукавах. Позже, уже с начала XX века, ткали орнамент с бордовой тоненькой шерстяной нитью. Стан рубахи кроили из грубой ткани полотняного переплетения. И вся эта одежда была самотканая, позже — уже 20-30-х годах XX века — чёрное сукно на сукман покупали фабричного производства.

Обязательной принадлежностью были передник и самотканый пояс, с красивым орнаментом. Женщинам сето также полагалась но-

сить полотенчатый головной убор — линик. Узор, в концах которого ткалось из ярко-красных тоненьких шерстяных ниток, — это в более давние времена. С начала XX века стали ткать из бордовых ниток. Узор составлял животный и растительный орнамент или какие-нибудь геометрические фигуры. Поверх головного убора женщина надевала ещё головной пояс вокруг кос и потом только платок.

Мужской костюм, очень близкий к русской национальной одежде, состоит из белой самотканой рубашки-косоворотки, красными тоненькими шерстяными нитками выбранный рисунок в национальных мотивах на воротнике и по низу рубахи, самоткаого или пояса и полоса-

тых портков. На ногах хромовые длинные сапоги или лапти и гольфы, связанные национальным орнаментом, куда заправлены портки.

Одежда, тщательно оберегаемая и сохраняемая, передаётся у сето из поколения в поколение.

Гордостью каждой сетоской женщины были и остаются серебряные национальные украшения. В конце XIX — начале XX века украшения изготовляли в основном из серебра разных сплавов. Использовались также монеты царской чеканки. В настоящее время изготовляются из старых белых монет 60-х и 90-х годов XX века и потом покрывают никелем.

Главным украшением была фибула — сыльг. Сыльг похож на большую опрокинутую воронку (самые крупные достигали 30 сантиметров в диаметре) — она имеет в центре отверстие с язычком, при помощи которого сыльг прикрепляется к одежде. Мастера украшали его растительным и геометрическим рисунком. Изготовляли сыльг из серебра.

Помимо этого нагрудного украшения, костюм сетоской женщины украшали многочисленные цепочки с монетами, колокольчиками, подвески в виде лепестков. По заказу мастер изготавливал специальные ожерелья и браслеты.

С украшениями у сетоской женщины было связано немало верований и обрядов. Фибулу- сыльг никогда не надевали в церковь, а невесте в первый день свадьбы полагалась его носить. Вода, налитая в него, считалась очищающей и оплодотворяющей: ею умывались, пили, поили скот для обеспечения приплода. Женщина передавала свой сыльг старшей дочери, когда она выходила замуж. В состоятельных семьях таких украшений было у каждой женщины, но таких семей было мало, так как украшения сетоской женщины стоили целое состояние. И всё-таки в семьях пожертвовали многим, чтобы изготовить дочери серебряные украшения, — это было честью семьи.

Сетоские женщины носили украшения в течение всей жизни, исключение было лишь посещение похоронного обряда, куда не одевалось никакого украшения. В будние дни это была маленькая цепочка, зато в праздничные дни вес украшений мог достигать нескольких килограммов. Особенно богаты украшения были у невест и у женщин среднего возраста. Не зря говорили, что молодуху по цепям узнаешь, ведь у неё могли быть цепочки разной длины, толщины, и плетёные с подвесками, и серьги, браслеты, кольца и сыльг.

Издавна сетоский народ занимался земледелием: выращивали зерновые, лён, табак. Лён сами вручную обрабатывали, пряли и ткали одежду, бельё, полотенца. Полотенца ткали разные: одни, более грубые, — для вытирания рук, посуды, на портянки; другие, из отбеленного льна, с орнаментом, декоративные — для украшения комнаты, вывешивали на стенах. Обычно такие полотенца вывешивали с одной и с другой стороны иконы и между окон. На таких полотенцах, как правило, вышивали цветочный орнамент, а концы полотенца обвязывали кружевами с разными орнаментами.

Хелью Тсопатало. Фото Т. Вересовой. 8.10.2015 г.

Лииви Чижова, участница ансамбля сето. Фото Т. Вересовой

Сетоские женщины очень рукодельные: они ткали, вязали крючком, на спицах, вышивали, шили. На спицах в основном вязали носки, варежки, узор которых почти никогда не повторялся. Сетоской девушке надо было много пар варежек связать, чтобы одарить всех, кто пришёл её сватать. Много пар варежек надо было подарить на свадьбе: например, где она сидела; надо было оставить варежки, когда она ушла от стола; одарить варежками тех, кто накрывал стол, кто принёс ей утром воду для мытья рук, кто баню истопил. Молодых на второй день свадьбы водили в баню: дыму напустили и втолкнули туда молодых на несколько минут.

Варежки давали также тому, кто поможет одеть в последний путь члена семьи, и тем, кто копал могилу, — в основном это делали свои деревенские мужики...

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ В ЛАТВИЙСКОЙ ПРЕССЕ 1920-х — 1930-х ГОДОВ

Ю. Л. Сидяков
(Рига),
доктор филологии, доцент
Отделения русистики и славистики Латвийского университета

Печоры и Псково-Печерский монастырь в 1920-е — 1930-е годы для русской эмиграции, осевшей в прибалтийских странах, а также и для проживавшего там русского национального меньшинства были излюбленным местом религиозного, и не только исключительно религиозного, паломничества. В связи с этим и частотность упоминания Печор в латвийской русской прессе этого периода необычайно велика и значительно превышает упоминание других священных для русского прибалтийского населения мест. Псково-Печерский монастырь не был единственным православным монастырём, находившимся в то время в Прибалтике. В Риге продолжал существовать и действовать Свято-Троице-Сергиев женский монастырь со Спасо-Преображенской пустынью при нём, в Эстонии — Пюхтицкий монастырь. И один и другой также посещались паломниками. Но это были обители в то время ещё сравнительно молодые. Пользовавшийся широкой известностью и в дореволюционное время Валаамский монастырь, находящийся на территории тогда принадлежавшей Финляндии, был по своей удалённости для проживавших в Латвии православных менее доступен. Паломничества туда время от времени совершались, но были не особенно частыми. Псково-Печерский монастырь территориально находился сравнительно близко и особенно привлекал паломников своей древностью. Кроме того, Печоры и Изборск оставались нетронутым уголком прежней дореволюционной России. И одно уже это с необычайною силою влекло к себе русских эмигрантов. Подобным же краем был и отошедший

к Латвии Пыталовский уезд, однако Печорам он проигрывал исторической памятью. Посещавшие Латвию и Эстонию в 1920-х — 1930-х годах выдающиеся культурные деятели русского зарубежья считали своим долгом побывать в этом отошедшем к Эстонии, освящённом историей, уголке русской земли. Своего рода ритуалом стало посещение Эстонско-Советской границы в Изборске, откуда, по преданию, в хорошую погоду можно было разглядеть купола псковского Свято-Троицкого Собора. Известный русский писатель Иван Шмелёв, также посетивший эти места, из-под колючей проволоки, разделявшей Эстонию и советскую Россию, взял горсть родной земли, завещав положить её после своей кончины в гроб [1].

Самыми значительными выходившими в Латвии в 1920–1930 гг. русскими газетами были «Слово» и «Сегодня». Более всего «печорская тема» отразилась на страницах «Слова», активно позиционировавшего себя в качестве издания, отражавшего интересы русского национального меньшинства Латвии. За период существования газеты (1925–1929), в ней появилось около 40 публикаций о Печорах [2]. Особенно много о монастыре писалось в 1926 году, когда праздновалось его 450-летие. Сообщения о торжествах открывали номера газеты, занимали видное место на первых её страницах. Наряду с краткими заметками в «Слове» и «Сегодня» помещались пространные очерки, занимавшие целые газетные «подвалы» и более. Нередко такие публикации принадлежали известным в литературном мире русского зарубежья авторам. О Печерском монастыре писали Сергей Минцлов, Пётр Пильский, Виктор Третьяков, Леонид Зуров [3]. Писал о Печорах также и Иван Лукаш, опубликовавший в «Слове» целый цикл очерков на эту тему [4].

Теперь более подробно о том, что интересовало писавших о Печорах авторов, что в первую очередь замечалось ими. Тут прежде всего обращают на себя внимание ностальгические мотивы. Так, например, в посвящённом Печерскому монастырю очерке С.Минцлова мы находим следующие строки: «Сердце дрогнуло у меня, когда открылось неизменное — серые стены, башни и главы монастыря, свое, настоящее, родное, повидать которое хотя бы издали так томительно хотелось вот уже много лет!» [5]. Еще более яркий пример можно привести из очерка В.Третьякова «В древних Печорах и Изборске»: «Из окна вижу типичную площадь уездного города с торговыми рядами, под-

водами и пожарной каланчей. Бородатые русачки бродят по площади, торопятся яркоплаточные бабы с корзинами товара на базар. Все это как бы вышло из картин Кустодиева и Малявина. Мир снова становится прост и понятен, как будто и революция выдумана: ее просто не было. В этом как будто убеждают и вдруг разлившиеся светлые звоны из невидной, но чувствуемой печорской обители» [6].

Неизменно упоминалось о древности монастыря, говорилось о его славном историческом прошлом: «Описывать монастырь, таящийся в лесистом, глубоком ущелье, я не стану — незабываемая и необыкновенная красота его широко известна; отмечу только чрезвычайную важность этого древнего форпоста православия, которому свыше суждено явиться теперь чуть ли не единственным в мире уголком — хранителем не только заветов, но и самого воздуха старины» [7]. Или же другой пример: «Можно было заходить в храмы, любоваться старинными иконами, слушать рассказы о монастырском прошлом, об удивительной истории Печерского края <...> сорок лет трудился преподобный Корнилий над украшением и укреплением монастыря: знал он, что придется отстаивать обитель от бесчисленных врагов земли русской — нападут на монастырь ливонские рыца-

ри, поляки, немцы, Литва... Высокие стены и рвы спасли монастырь от “иноплеменника”» [8]. Как правило, описывались и архитектурные памятники — в первую очередь монастырские храмы, обращала на себя внимание коллекция древностей, хранившаяся в сокровищнице монастыря. Не обходились вниманием и положившие начало монастырю пещеры, навевавшие философские размышления о жизни и смерти, о вечности: «Кто хочет составить себе представление о величии души каждого обитающего в монастыре, пусть знает, что все они, находящие здесь вечное упокоение — сами роют себе могилы в этих катакомбах. Я представляю себе картину, как такой монах один в жуткой тьме подземных коридоров при свете восковой свечи роет могилу в стене — рядом с могилами своих предшественников. Сколько тихих и сколько спокойных мыслей теснится за морщинами лба, прикрытого клобуком, и разве нет более чудесного покоя, чем в умиротворенной душе такого человека? Ни наполеоновская гробница, под мраморными плитами Дома Инвалидов, ни саркофаги Пантеона или Вестминстерского аббатства не потрясают так, как эти молчаливые катакомбы, по стенам которых струится вода» [9].

Старинная звонница, древние колокола, звонари и особый, богатый колокольный звон — все это также неизменно попадало на страницы посвящённых монастырю путевых очерков: «Потом на звоннице ударили во все колокола, начался веселый, праздничный благовест; гудели большие колокола Иоанна Грозного и Бориса Годунова, серебряными голосами отвечали им малые звоны, и под эту необыкновенную симфонию подходили богомольцы под благословение, прикладывались к иконе, били последние земные поклоны и медленно расходились с монастырского двора...» [10].

Прежней славе монастыря, богатому историческому прошлому нередко противопоставлялась его нелегкая современная судьба — прежде всего материальная нужда. В связи с этим в одном из своих очерков рижский журналист Г. Гиршфельд приводил следующее свидетельство насельников обители:

«— Очень трудно сейчас, очень трудно, — подтвердил о. Веньямин. — Монахи делают все, справедливы слова епископа, о том, что времена святых подвижников, проводящих дни и ночи за молитвой — давно прошли. Они делают все, им знакомы все ремесла, они работают в поле, на ферме, в пчельнике. Но все это капля в море,

у монастыря нет давно его обширных угодий, и собственного хлеба хватает лишь на два месяца. <…>

— Мы нуждаемся в помощи, — заметил епископ, — без нее мы существовать не можем» [11].

О материальных трудностях монастыря мы также находим упоминание и в очерке другого рижского журналиста — Я. Цвибака:

«Приближался Успеньев день. По дорогам русского Причудья шли богомольцы в лаптях, с котомками за плечами, тянулись крестьянские телеги. Успение Божией Матери — храмовой праздник старинного Псково-Печорского монастыря. Было время, когда к торжественному этому дню в монастырь стекались десятки тысяч верующих. С тех пор, как Печорский край отошел к Эстонии, а Псков остался за Россией, — монастырь опустел и обнищал. Нет больше крестных ходов из Пскова в Печоры, мало стало богомольцев, уменьшилась и братия монастырская. Но все же, ко дню храмового праздника, из всех окрестных деревень съезжается множество народу» [12].

В статьях, посвящённых Печорам, как правило, обращалось внимание на придававшую особый колорит местности народность сету, прозванную местными русскими «полуверцами». Приезжавшим в Печоры паломникам и путешественникам прежде всего бросались в глаза мелькавшие повсюду необычные женские уборы, поскольку женщины-сету предпочитали ходить в национальных одеждах. Так, в цитированном выше очерке мы читаем:

«Полуверцы или “сэты” — небольшой народец в несколько тысяч человек — остатки древней чуди. С незапамятных времен осели они у берегов Чудского озера, сохранили свой язык — не похожий ни на русский, ни на эстонский, свои нравы и обычаи. Мужчины, впрочем, одеты как русские мужики, но зато «полуверки» признают только свой, национальный костюм: кафтан из грубого полотна, перехваченный в талии и доходящий до земли, белый накрахмаленный платок скрывающий волосы. Девушка носит косу, замужняя женщина выпускает из-под платка длинные вышитые полотенца. Чем богаче сетка, тем больше у нее на груди золотых и серебряных монет — старые царские золотые, рубли, полтинники.

Сеты — православные. Почти всю церковную службу выстаивают они на коленях, бьют бесконечные земные поклоны, касаются лбами каменных плит, молятся истово, крестятся широко, размашисто.

Епископ Иоанн разъяснил мне, почему народ считает их полуверцами. Мужики говорят:

— Богу они молятся хорошо, а по-нашему не понимают. Значит — половинная их вера.

Так пошло с давних пор, к прозвищу этому все привыкли, и теперь сами сеты называют себя полуверцами. Русские крестьяне отлично с ними уживаются» [13].

Другое объяснение прозвища «полуверцы» в одном из своих очерков приводит Иван Лукаш: «Они крепчайшие православные во всем Печорском краю, но в народе ходят старинные слухи, что старшие в роде полуверском молятся также и своим языческим древним идолам, которых не показывают бабам. Тайные идолы, будто, переходят из рода в род. Вероятно, это только любопытные сказки про сетов. Но говорят, что в Печерских лесинах, у каменных подорожных крестов, какой полувер ни пройдет, обязательно бросит на куст ленточку, тесьму, тряпицу, хоть нитку. У каменных крестов — близкие кусты всегда увешены пестрыми лоскутьями. И в этом старинный полуязыческий знак, намек на иных богов...» [14]. Ещё одно объяснение можно найти в статье П. Пильского «Печеры»: «"Полуверцы" же они потому, что, являясь православными по духу, не все и не всегда понимают в православном богослужении. Так, по крайней мере, уверяют старожилы и знатоки Печерского края» [15].

Что касалось русского населения Причудья, то тут в качестве особенности отмечалась необычность местного цокающего говора: «Публика все прибывала. Говор здесь чисто псковской, цокающий; вместо “очень” услышите — “оцень”, вместо “чистота” — “цистота”, вместо “свистнуть” — “хвистнуть” и т. д.» [16}.

Особенное внимание писавших о Печорах авторов привлекала личность настоятеля монастыря — епископа Иоанна (Булина). В Латвии его хорошо знали. Выпускник Рижской Духовной семинарии, он неоднократно бывал в Риге, сослужил архиепископу Иоанну (Поммеру) в кафедральном соборе (также состоял с ним в переписке — в архиве архиепископа Иоанна сохранился ряд писем Печорского епископа [17]). На страницах латвийской русской прессы нередко появлялись специальные статьи, посвящённые епископу Иоанну [18], писали о нём с неизменной симпатией и значительно чаще, чем о занимавшем Эстонскую кафедру митрополите Александре или Нарвском архиепископе Евсевии.

В заключении приведённого здесь обзора также отмечу, что в рижских газетах — более всего в имевшей солидную полиграфическую базу «Сегодня» — широко публиковался посвящённый Псково-Печерскому монастырю иллюстративный материал. Прежде всего, это были фотографии, но также и репродукции картин проживавших тогда в Латвии художников — С. Виноградова, Н. Богданова-Бельского, Е. Климова [19]. Уже в то время газета «Сегодня» имела возможность помещать на своих страницах цветные изображения.

Примечания:

1 О пребывании И.С.Шмелёва в Латвии см. подробнее: Зоммеринг Л. Воспоминания об И.С.Шмелёве // Возрождение. 1952. Тетр. 24. С. 99–105.; Климов Е.Е. Встречи в Петербурге, Риге, русском зарубежье: Из воспоминаний художника. Рига, 1994. С. 71.; Сорокина О. Московиана: Жизнь и творчество Ивана Шмелёва. М., 1994. С. 257–261.

2 Примерно в таком количестве номеров газеты опубликованы материалы о Печорах и Псково-Печерском монастыре. В «Сегодня» за значительно более долгий период времени — газета выходила в 1919–1940 гг. — материал о Печорах, по приблизительным подсчетам (что-то могло оказаться пропущенным), удалось обнаружить почти в 50-ти номерах.

3 См., напр.: *Минцлов С.Р.* По Эстонии (Путевые очерки): Печерский монастырь // Сегодня. 1928. № 154 [10.06]. С. 5; Пильский П. Печеры. О новом альбоме «Псково-Печерский монастырь с рис. акад. С.А. Виноградова и статьей проф. В.И. Синайского // Сегодня. 1929. № 171 [22.06]. С. 4. Третьяков В. В древних Печорах и Изборске (Из путевых впечатлений) // Сегодня. 1931. № 303 [2.11]. С. 6; Зуров Л. Игумен Корнилий. Из Печерских впечатлений // Сегодня. 1938. № 356 [25.12]. С. 2.

4 См.: Слово. 1926. №№ 254 [31.08], 255 [1.09], 258 [4.09], 259 [5.09], 260 [6.09], 263 [9.09], 264 [10.09], 273 [19.09].

5 Сегодня. 1928. № 154 [10.06]. С. 5.

6 Сегодня. 1931. № 303 [2.11]. С. 6.

7 *Минцлов С.Р.* По Эстонии… С. 5.

8 *Андрей Седых* [*Цвибак Я.*] Дары Иоанна Грозного в Печерском монастыре (Из путевых впечатлений) // Сегодня. 1929. № 296 [25.10]. С. 4.

9 *Анри Гри* [*Гиршфельд Г.*] Пасхальная заутреня в Печерском монастыре // Сегодня. 1930. № 115 [26.4]. С. 4. Впрочем, в данном случае ради эффектности описания автор определённо погрешил против истины: в 1920-30-е годы монахи индивидуальных могил себе не копали (хоронили их в отведенной для этого общей пещере), вода по стенам пещер Псково-Печерского монастыря не течет.

10 *Андрей Седых* [*Цвибак Я.*] В Псково-Печорском монастыре (Из дорожных впечатлений) // Сегодня. 1929. № 286 [15.10]. С. 8.

11 *Анри Гри* [*Гиршфельд Г.*] У печерского епископа (От специального корреспондента «Сегодня») // Сегодня. 1930. № 123 [4.5]. С. 5.

12 *Андрей Седых* [*Цвибак Я.*] В Псково-Печорском монастыре… С. 8.

13 Там же.

14 *Лукаш И.* Древние Печеры // Слово. 1926. № 258 [4.09]. С. 2. Об этих же двух распространённых в Печорском уезде объяснениях происхождения названия «полуверцы» см. в кн.: Катаева-Валк Н. Там, где я родилась / 2-е изд. Тарту, 2015. С. 5-6.

15 Сегодня. 1929. № 171 [22.06]. С. 4.

16 *Минцлов С.Р.* По Эстонии… С. 5.

17 Письма эти мною опубликованы — см.: История в письмах: Из архива священномученика архиепископа Рижского Иоанна (Поммера). Т.1. Тверь, 2015. С. 483-488.

18 См., напр.: Православие в Эстонии: Беседа "Слова" с епископом печорским Иоанном // Слово. 1926. № 233 (10.8). С. 7; Награждение епископа Печерского Иоанна // Слово. 1926. № 278 (24.9). С. 1.

19 См., напр.: Сегодня. 1933 № 348 [17.12]. С. 1; 1936. № 356 (25 дек.) С. 1; 1938. № 68 [10.03]. С. 1.

НЕОСУЩЕСТВЛЁННЫЙ ПРОЕКТ СТРОИТЕЛЬСТВА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ «ОРЁЛ — ДНО»

Г.И. Кондратенко
(Орёл),
краевед

Более века назад был разработан проект сооружения крупной железнодорожной магистрали западнее ныне существующей линии Москва — Санкт-Петербург. Исходной точкой был губернский город Орёл, конечная точка в разные годы (в зависимости от обстоятельств Первой мировой войны, революционных событий и т.д.) неоднократно изменялась: Нарва, Ревель, Павловск, Луга, Петроград, Веймарн… Для краткости назовём две крайние точки — Орёл и узловая станция Дно. Как известно, станция Дно находится на пересечении линий Санкт-Петербург — Витебск и Рыбинск — Рига. В случае успешной реализации проекта станция Дно была бы соединена прямой стальной магистралью с Нарвой и Черноземным центром России.

Несмотря на грандиозные темпы строительства железных дорог в пореформенной России, их количество, в особенности соотнесённое к территории страны, накануне Первой мировой войны оставалось недостаточным. Генеральный штаб Франции настойчиво рекомендовал царскому правительству начать строительство ряда магистральных линий на случай начала крупномасштабных военных действий.

Так, например, «Краткие экономические и финансовые данные к проекту сооружения железнодорожной линии Орёл — Нарва» [3] датируются 1911 годом. Постройка новой линии должна была решить несколько вопросов:

1. Разгрузить московский узел.
2. Сблизить центр России с Балтийским морем.
3. Оживить край.

4. Дать населению более дешёвый хлеб, так как он наполовину был привозной.

5. Наладить вывоз леса.

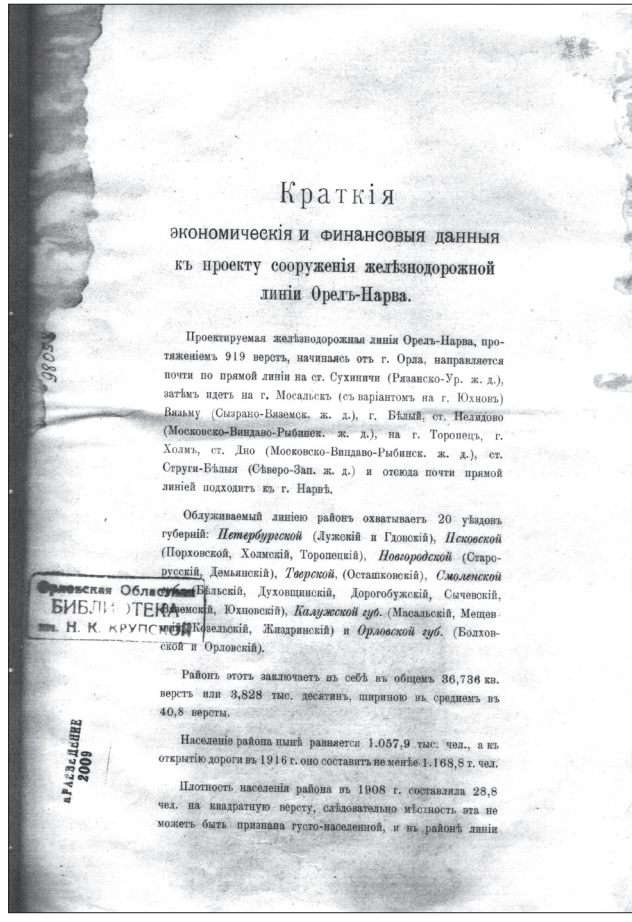
6. Дать толчок развитию промышленности.

Линию предполагалось проложить через Козельск, Вязьму, Дно. Дорога должна была дать импульс развитию Порховского, Холмского, Торопецкого уездов Псковской губернии и ряду других территорий — всего 20 уездов семи губерний, где в полосе 40 вёрст проживало более миллиона человек. «В районе линии есть много земель, ждущих приложения человеческого труда, могущего возродить этот край, обделённый в настоящее время не только рельсовыми, но даже и регулярно эксплуатируемыми судоходными путями сообщения», — подчёркивалось в обосновании проекта [3].

Заметим, что причины, побуждавшие к строительству, были в основном экономическими, а не чисто военными. Управление военных сообщений в проекте было заинтересовано лишь частично (участок от Орла до пересечения с Бологое-Седлецкой (Полоцкой) линией), поэтому строительство линии было включено лишь в третью очередь осуществления.

Однако война началась раньше, чем её ожидали русские и французские стратеги. Соответственно проект был скорректирован. Уже после начала военных действий было принято решение о строительстве новых железных дорог между Петроградом и портами Чёрного моря. Известно о двух проектах: Петроград — Севастополь и Петроград — Ростов-на-Дону. Линия Петроград — Севастополь указывалась в двух вариантах: Петроград — Орёл — Харьков — Севастополь и Петроград — Орша — Ворожба — Екатеринослав — Севастополь. Линия Петроград — Ростов-на-Дону предполагалась по направлению Орёл — Лиман — Ростов-на-Дону (подразумевалось использование отдельных участков уже существующих дорог).

Расширение сети дорог началось с конца лета 1915 года, когда не было известно, где будет задержано наступление противника: на Западной Двине или дальше на востоке, на Чудских позициях. Было решено за полгода соорудить линию Псков — Нарва, параллельную фронту, прикрытую Чудским озером и связывающую фланги позиции кратчайшим путём. К работам приступили 15 сентября. Из-за расположения стройки в районе, примыкающем к театру военных



Краткія

экономическія и финансовыя данныя

къ проекту сооруженія желѣзнодорожной

линіи Орелъ-Нарва.

Проектируемая желѣзнодорожная линія Орелъ-Нарва, протяженіемъ 919 верстъ, начинаясь отъ г. Орла, направляется почти по прямой линіи на ст. Сухиничи (Рязанско-Ур. ж. д.), затѣмъ идетъ на г. Мосальскъ (съ варіантомъ на г. Юхновъ) Вязьму (Сызрано-Вяземск. ж. д.), г. Бѣлый, ст. Нелидово (Московско-Виндаво-Рыбинск. ж. д.), на г. Торопецъ, г. Холмъ, ст. Дно (Московско-Виндаво-Рыбинск. ж. д.), ст. Струги-Бѣлыя (Сѣверо-Зап. ж. д.) и отсюда почти прямой линіей подходитъ къ г. Нарвѣ.

Облуживаемый линіею районъ охватываетъ 20 уѣздовъ губерній: *Петербургской* (Лужскій и Гдовскій), *Псковской* (Порховской, Холмскій, Торопецкій), *Новгородской* (Старорусскій, Демьянскій), *Тверской*, (Осташковскій), *Смоленской губ.* (Бѣльскій, Духовщинскій, Дорогобужскій, Сычевскій, Вяземскій, Юхновскій), *Калужской губ.* (Масальскій, Мещевскій, Козельскій, Жиздринскій) и *Орловской губ.* (Болховской и Орловскій).

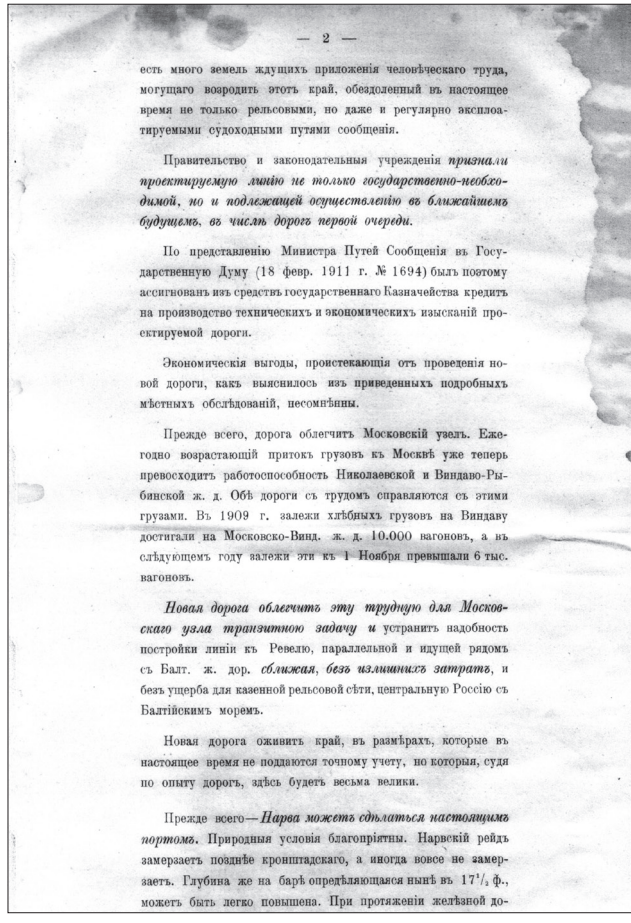
Районъ этотъ заключаетъ въ себѣ въ общемъ 36,736 кв. верстъ или 3,828 тыс. десятинъ, шириною въ среднемъ въ 40,8 версты.

Населеніе района нынѣ равняется 1.057,9 тыс. чел., а къ открытію дороги въ 1916 г. оно составитъ не менѣе 1.168,8 т. чел.

Плотность населенія района въ 1908 г. составляла 28,8 чел. на квадратную версту, слѣдовательно мѣстность эта не можетъ быть признана густо-населенной, и въ районѣ линіи

98058
Орловская Областная БИБЛИОТЕКА им. Н. К. КРУПСКОЙ
КРАЕВЕДЕНИЕ 2009

действий, не представлялось возможным использование труда военнопленных, воинских команд, и все работы вели вольнонаёмные [подробнее см.: 1]. Суточное количество рабочих составляло 6 тысяч человек, а также 1,5 тысяч подвод. Материалов, инструментов и продовольствия на месте не оказалось, и пришлось доставлять всё из отдалённых районов поездами в Псков и Нарву и оттуда гужевым транспортом. Ранняя зима, 30-градусные морозы потребовали от строителей чрезвычайных усилий. Препятствием для укладки путей



— 2 —

есть много земель ждущихъ приложенія человѣческаго труда, могущаго возродить этотъ край, обездоленный въ настоящее время не только рельсовыми, но даже и регулярно эксплоатируемыми судоходными путями сообщенія.

Правительство и законодательныя учрежденія *признали проектируемую линію не только государственно-необходимой, но и подлежащей осуществленію въ ближайшемъ будущемъ, въ числѣ дорогъ первой очереди.*

По представленію Министра Путей Сообщенія въ Государственную Думу (18 февр. 1911 г. № 1694) былъ поэтому ассигнованъ изъ средствъ государственнаго Казначейства кредитъ на производство техническихъ и экономическихъ изысканій проектируемой дороги.

Экономическія выгоды, проистекающія отъ проведенія новой дороги, какъ выяснилось изъ приведенныхъ подробныхъ мѣстныхъ обслѣдованій, несомнѣнны.

Прежде всего, дорога облегчитъ Московскій узелъ. Ежегодно возрастающій притокъ грузовъ къ Москвѣ уже теперь превосходитъ работоспособность Николаевской и Виндаво-Рыбинской ж. д. Обѣ дороги съ трудомъ справляются съ этими грузами. Въ 1909 г. залежи хлѣбныхъ грузовъ на Виндаву достигали на Московско-Виид. ж. д. 10.000 вагоновъ, а въ слѣдующемъ году залежи эти къ 1 Ноября превышали 6 тыс. вагоновъ.

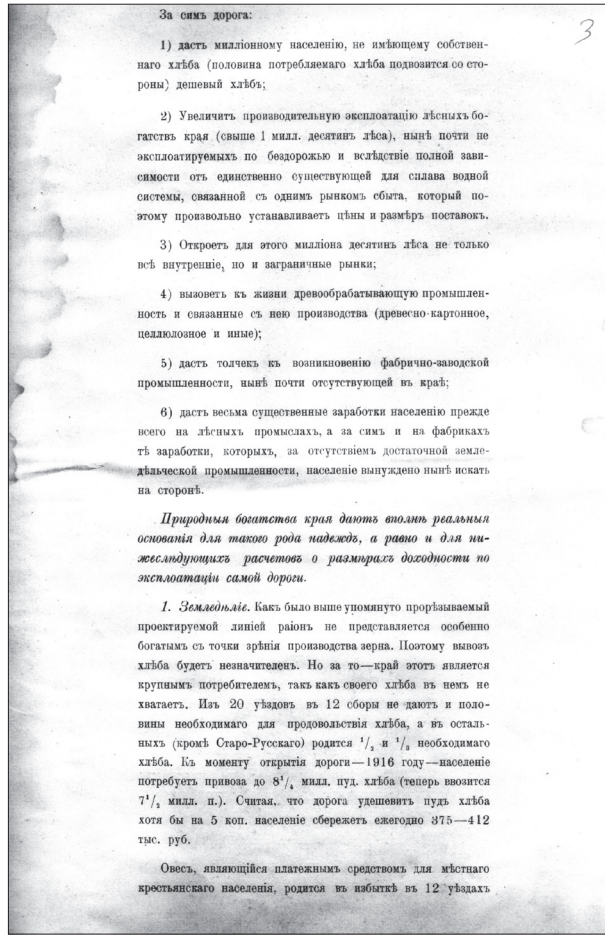
Новая дорога облегчитъ эту трудную для Московскаго узла транзитною задачу и устранитъ надобность постройки линіи къ Ревелю, параллельной и идущей рядомъ съ Балт. ж. дор. *сближая, безъ излишнихъ затратъ,* и безъ ущерба для казенной рельсовой сѣти, центральную Россію съ Балтійскимъ моремъ.

Новая дорога оживитъ край, въ размѣрахъ, которые въ настоящее время не поддаются точному учету, но которыя, судя по опыту дорогъ, здѣсь будетъ весьма велики.

Прежде всего— *Нарва можетъ сдѣлаться настоящимъ портомъ.* Природныя условія благопріятны. Нарвскій рейдъ замерзаетъ позднѣе кронштадскаго, а иногда вовсе не замерзаетъ. Глубина же на барѣ опредѣляющаяся нынѣ въ 17½ ф., можетъ быть легко повышена. При протяженіи желѣзной до-

со стороны Нарвы являлась река Плюсса, ширина которой была 40 саженей при глубине воды 4 сажени, со скалистым дном, покрытым глиной. Был построен временный мост на баржах, по которому после испытаний и устройства особых приспособлений для сопряжения берега с баржами были пропущены полногрузные поезда.

По представлению МПС от 17 сентября 1915 года общество Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги должно было приступить к сооружению линии Петроград — Новгород. Общество обязы-



За симъ дорога:

3

1) дастъ милліонному населенію, не имѣющему собственнаго хлѣба (половина потребляемаго хлѣба подвозится со стороны) дешевый хлѣбъ;

2) Увеличитъ производительную эксплоатацію лѣсныхъ богатствъ края (свыше 1 милл. десятинъ лѣса), нынѣ почти не эксплоатируемыхъ по бездорожью и вслѣдствіе полной зависимости отъ единственно существующей для сплава водной системы, связанной съ однимъ рынкомъ сбыта, который поэтому произвольно устанавливаетъ цѣны и размѣръ поставокъ.

3) Откроетъ для этого милліона десятинъ лѣса не только всѣ внутренніе, но и заграничные рынки;

4) вызоветъ къ жизни древообрабатывающую промышленность и связанные съ нею производства (древесно-картонное, целлюлозное и иные);

5) дастъ толчекъ къ возникновенію фабрично-заводской промышленности, нынѣ почти отсутствующей въ краѣ;

6) дастъ весьма существенные заработки населенію прежде всего на лѣсныхъ промыслахъ, а за симъ и на фабрикахъ тѣ заработки, которыхъ, за отсутствіемъ достаточной земледѣльческой промышленности, населеніе вынуждено нынѣ искать на сторонѣ.

Природныя богатства края даютъ вполнѣ реальныя основанія для такого рода надеждъ, а равно и для нижеслѣдующихъ расчетовъ о размѣрахъ доходности по эксплоатаціи самой дороги.

1. Земледѣліе. Какъ было выше упомянуто прорѣзываемый проектируемой линіей раіонъ не представляется особенно богатымъ съ точки зрѣнія производства зерна. Поэтому вывозъ хлѣба будетъ незначителенъ. Но за то—край этотъ является крупнымъ потребителемъ, такъ какъ своего хлѣба въ немъ не хватаетъ. Изъ 20 уѣздовъ въ 12 сборы не даютъ и половины необходимаго для продовольствія хлѣба, а въ остальныхъ (кромѣ Старо-Русскаго) родится $^1/_2$ и $^1/_3$ необходимаго хлѣба. Къ моменту открытія дороги—1916 году—населеніе потребуетъ привоза до $8^1/_4$ милл. пуд. хлѣба (теперь ввозится $7^1/_2$ милл. п.). Считая, что дорога удешевитъ пудъ хлѣба хотя бы на 5 коп. населеніе сбережетъ ежегодно 375—412 тыс. руб.

Овесъ, являющійся платежнымъ средствомъ для мѣстнаго крестьянскаго населенія, родится въ избыткѣ въ 12 уѣздахъ

валось соорудить линию магистрального типа от Орла до Царского Села (она облегчала подвоз топлива к Петрограду, разгружая Николаевскую и Витебскую линии).

Совет министров одобрил проект, весной 1916 года были уложены рельсы на линии Луга — Новгород и начата укладка линии Петроград — Новгород. В документах 1916 года дорога Орёл — Петроград значилась уже как строящаяся. Основными грузами для перевозок

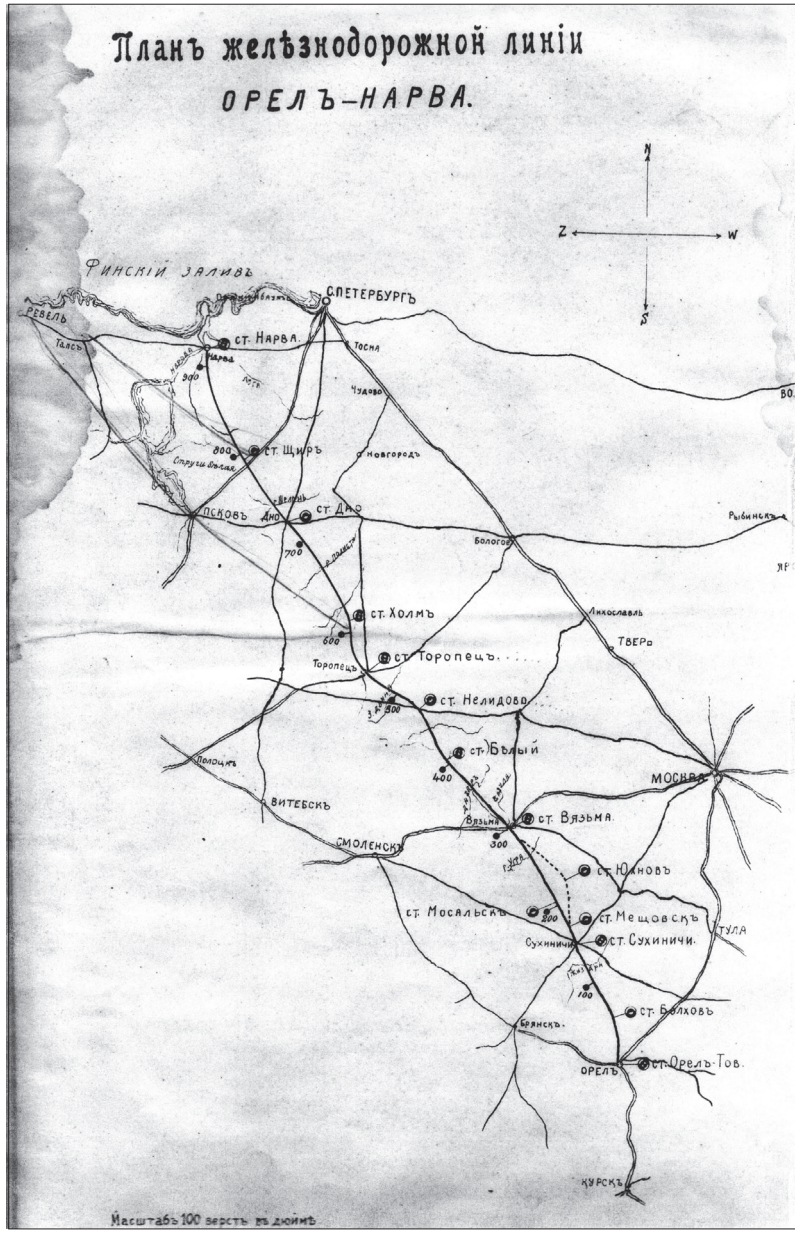
по ней планировались уголь Донбасса, продукты, хлопок, лес, машины, нефть. Предполагалось, что если новая магистраль удешевит пуд хлеба хотя бы на пять копеек, то это даст экономию 375–412 тысяч рублей в год. Смета расходов на сооружение дороги составила 66 миллионов рублей [подробнее см.: 7].

Одновременно приступили к сооружению линии Валдай — Новгород, дающей прямой выход грузам с востока к портам Балтийского моря (по завершении строительства линии Луга — Тапс) и обеспечивающей правый фланг Чудских позиций. Однако сооружение линии задержалось, с одной стороны, из-за отсутствия материалов, с другой — из-за протестов по поводу её прокладки вблизи древнейших зданий Новгорода, имеющих большую историческую ценность.

Новгородское общество любителей древности, обеспокоенное ещё проектом и изысканиями, обратилось за помощью в Археологическую комиссию. Тревогу вызвало то, что новая дорога могла нарушить не только исторический вид Новгорода, но и создать угрозу устойчивости для таких памятников, как, например, церковь Спаса на Нередице. В их защиту активно выступила печать (и это было в условиях военного времени!), были напечатаны яркие статьи Н.К. Рериха, И.Э. Грабаря, А.И. Анисимова.

«Всё — для войны сейчас, — писал Николай Рерих, — но все подвиги, всё строительство и творчество должны быть с сознанием своего достоинства, во имя будущего роста Отечества, при котором священность лучшего прошлого — залог культурного и светлого будущего — ляжет краеугольным камнем. Если германцы безгранично унизили свою прошлую культуру злодеяниями в Лувене и Реймсе, то неужели мы можем повредить нашу колыбель общественности, наш священный Великий Новгород?» [4]

В итоге строительство на этом участке было значительно заторможено. От проекта осталась железная дорога Павловск — Новгород, точнее Павловская — Предузловая. К началу 1918 года магистраль Орёл — Петроград на головном участке Павловск — Новгород находилась в высокой степени готовности, было начато сооружение моста через Волхов и путепровода в Новолисине для разноуровневого пересечения с железной дорогой Гатчина — Мга. Работы по формированию земляного полотна велись южнее Новгорода.


Планъ желѣзнодорожной линіи
ОРЕЛЪ-НАРВА.
N
Z
W
S
Финскій заливъ
С.ПЕТЕРБУРГЪ
РЕВЕЛЬ
Таясъ
ст. Нарва.
Нарва
Тосна
900
Чудово
ВО.
800
ст. Щиръ
Новгородъ
Струги Бѣлыя
Пскова
Дно
ст. Дно
Рыбинскъ
Бологое
700
ст. Холмъ
Лихославль
600
ТВЕРЬ
ст. Торопецъ
Торопецъ
ст. Нелидово
500
ст. Бѣлый
400
Полоцкъ
МОСКВА
ВИТЕБСКЪ
Вязьма
ст. Вязьма.
300
СМОЛЕНСКЪ
ст. Юхновъ
ст. Мосальскъ
200
ст. Мещовскъ
ТУЛА
Сухиничи
ст. Сухиничи.
100
ст. Болховъ
Брянскъ.
ОРЕЛЪ
ст. Орелъ-Тов.
КУРСКЪ
Масштабъ 100 верстъ въ дюймѣ

В связи с началом Гражданской войны строительство было остановлено. К проекту вернулись в начале 1920-х годов, когда прибалтийские порты оказались за границей и резко возросла роль Ленинградского порта в экспортных поставках. По постановлению Высшего Совета народного хозяйства республики от 17 октября 1922 года были объединены управления по постройке линий Петроград — Рыбинск и Петроград — Орёл и создано Правление объединённых построек (с 1923 года — Управление, тогда же часть строительства была передана германской концессии «Мологолес», нуждавшейся в вывозе продукции). В 1925 году в ведение Управления перешло строительство железной дороги Веймарн — Краснофлотск, а также веток Овинище — Красный Холм, Овинище — Суда, Овинище — Весьегонск, Крестцы — Валдай и др.

О строительстве линии Орёл — Ленинград говорилось как о первоочередной задаче будущей пятилетки, тем более, что построено в 1920-е годы было немного. Долгое время на участке Павловск — Новолисино курсировал лишь один пассажирский поезд. В 1941 году дорога была захвачена немецкими войсками, но во время оккупации не эксплуатировалась. После изгнания захватчиков попытки реанимировать проект не прекращались, свидетельством чему служит атлас 1944 года издания «Схемы железных дорог СССР…»: здесь линии Чудово — Веймарн и Чудово — Будогощь показаны как проектируемые [5, с. 31].

В архивах отложился значительный пласт документов, связанных со строительством указанных дорог. Так, в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга имеется объединённый фонд Управления и конторы по строительству железнодорожных линий Ленинград — Орёл, Ленинград — Рыбинск, Веймарн — Краснофлотское (1917 — 1927 гг., более 17 тысяч дел, в том числе 9 тысяч — по личному составу) [6].

Прошедшие десятилетия показали, что отказ от реализации проекта строительства магистрали, вызванный разными обстоятельствами, в том числе и трудностями военного и послевоенного времени, не был оправданным. И проиграл здесь не только Орёл. Неразвитой по сей день осталась обширная зона западнее магистрали Москва — Петербург. И это при крайней перегрузке линии, связывающей две столицы, что, в частности, тормозит развитие Санкт-Петербурга как

крупнейшего порта, готового принимать контейнеровозы — дорога просто не будет справляться с их перевалкой в центр России. Рано или поздно вопрос о строительстве магистрали, назовём её ориентировочно «Орёл — Дно», снова появится в повестке дня. И богатейший опыт отечественной истории будет востребован в полной мере.

Источники:

1. *Гонзаль.* Обзор сети железных дорог Северного фронта // Русская армия в Великой войне: Военно-исторический сборник. Вып. 4.
2. http://www.grwar.ru/library/Mil-Collect-IV/index.html
3. *Ковалевский А.* Железные дороги Первой мировой войны
4. http://web.archive.org/web/20080214033142/http://www.antiq.info/magazine_all_issues/7457.html
5. Краткие экономические и финансовые данные к проекту сооружения железнодорожной линии Орёл — Нарва. — СПб., 1911.
6. *Рерих Н.К.* За Новгород. http://lib.icr.su/node/559 (Электронная библиотека Международного центра Рерихов).
7. Схемы железных дорог СССР с указанием тарифных расстояний для определения платы за перевозку пассажиров, багажа и грузов. — М.: Гос. транспортное железнодорожное изд-во, 1944.
8. Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга. Путеводитель в 2-х тт. Т. 1. — М.: Звенья, 2002.
9. http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=236&sid=803229
10. Экономическая записка к проекту линий Ростов — Соль и Лиман — Орёл. — Пг., 1916.

НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЫВШЕГО ЯУНЛАТГАЛЬСКОГО УЕЗДА В МЕЖВОЕННОЙ ЛАТВИИ

Т.Д. Фейгмане
(Рига, Латвия),
доктор истории, директор Института русского культурного наследия Латвии

Русские в довоенной Латвии являлись крупнейшим по численности национальным меньшинством. По данным 4-й переписи населения (1935 год) они составляли 10,59 % в населении страны, что в численном выражении 206 499 человек из 1 950 502 жителей Латвии. Для сравнения, следующую позицию занимали евреи — 4,79 %, затем немцы — 3,68%, поляки — 2,51 %, белорусы — 1,38 %, литовцы 1,17 %, эстонцы — 0,36 % и др. [1]. Наибольшее количество русских проживало в восточной части Латвии — в Латгалии. Причём, это были в основном крестьяне, издавна укоренившиеся на этой земле. Прежде всего — староверы, появившиеся здесь во второй половине XVII века. Наряду со староверами, в восточной Латвии проживало и проживает немало православных русских [2].

По данным переписи населения 1935 года в Латгалии насчитывалось 153 976 русских или более ¾ русского населения Латвии [3].

В состав Латгалии в 1920-30 годы входили 4 уезда: Даугавпилсский, Резекненский, Лудзенский и Яунлатгальский. Именно последнему из названных уездов и посвящено моё сообщение.

В буквальном переводе Яунлатгальский-Новолатгальский уезд. Уезд был образован в 1925 году и включал в себя восточную часть Островского уезда Псковской губернии, отошедшую к Латвии в результате Мир-

ного договора с РСФСР от 11 августа 1920 года [4], и северную часть Лудзенского уезда (бывшего Люцинского уезда Витебской губернии).

Центром новообразованного уезда стал посёлок и важный железнодорожный узел Пыталово, в 1925 году переименованный в Яунлатгале, а в 1938 году — Абрене. В 1933 году названный посёлок получил статус города. На 1935 год в населении города 52,42% составляли русские [5]. В 1920–30 годы в результате искусственной латышизации приграничных территорий, главным образом, за счёт государственных служащих и пограничников, наблюдалось сокращение числа русских в процентном отношении.

Под именем Абрене город официально именовался до 1945 года. В августе 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР восточная часть Абренского уезда была возвращена в состав новообразованной Псковской области РСФСР.

Но наша тема — 1920–30-е годы. Итак, почти четверть всего русского населения Латвии (по данным переписи 1935 года — 46533 чел.) проживала в Яунлатгальском уезде [6], причём значительная часть на территориях, отошедших к Латвии в 1920 году. Например, в Линавской (б. Толковской) волости — 95,02% составляли русские, в Гавровской волости — 93,06%, в Вышгородской (в латышской транскрипции — Аугшпилсской) волости — 94,06%, в Каценской (Качановской) волости — 82,11% [7].

К числу старейших православных приходов принадлежал Качановский, основанный ещё в 1790 году. Настоятелем Качановской Свято-Никольской церкви с 1917 года был о. Павел Панфилов (1888 — 1947), снискавший любовь и уважение прихожан. Судьба его, однако, оказалась трагичной: в конце 1944 года он был арестован в связи с участием в работе Псковской Православной миссии, приговорен к 10 годам лагерей, где и скончался в 1947 году [8].

В 1927 году по инициативе православных верующих был образован Яунлатгальский приход, объединивший около 2000 прихожан [9]. Началось строительство храма во имя святителя Николая Чудотворца по проекту синодального архитектора Владимира Шервинского [10]. 6 сентября 1931 года состоялось освящение храма с участием архиепископа Рижского и всея Латвии Иоанна Поммера [11].

К XV столетию относится первые упоминания о храме во имя святых Бориса и Глеба в Вышгороде. По данным на 1 января 1938 года

Пыталово, храм Николая Чудотворца. 1931 г. Архитектор В.М. Ширвинский.
Фото из архива Е.Н. Морозкиной

в приходе насчитывалось 5 600 прихожан [12]. В церкви был двухклировый притч и, соответственно, два настоятеля: о. Павел Овсянкин (1875–1959, скончался в Вышгороде) и о. Арсений Колиберский (1908–1957, скончался в эмиграции в США).

В Линавской (б. Толковской) волости возникновение православного прихода относится к 1921 году. 14 июля 1931 года был освящён храм во имя святителя Николая13. Первым настоятелем храма был о. Григорий Пономарёв (1871–1952).

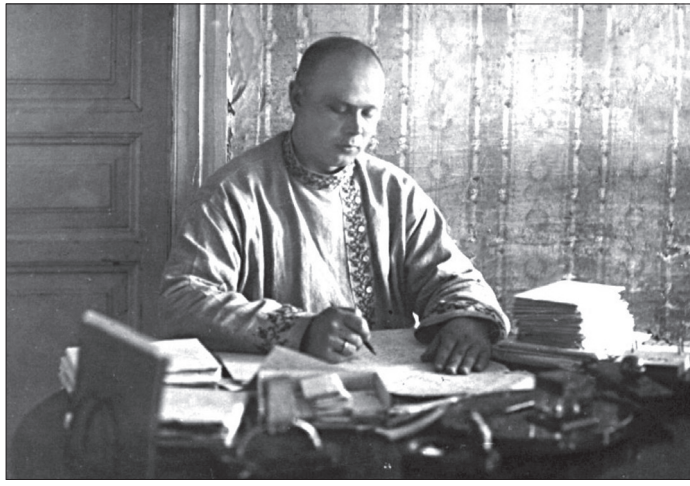
С 1901 года службы проходили в Аксёново-Горской церкви, освящённой во имя Успения Божией Матери. Инициатором строительства этой церкви был местный помещик Н.А. Беклешов [14]. В 1928 году из бывших прихожан погоста Муравейно Островского уезда был организован приход. Их прежний каменный храм остался по другую сторону границы, поэтому перед прихожанами, оказавшимися на территории Латвии, стала задача о возведении нового храма. Проект храма был подготовлен упомянутым выше В.М. Шервинским. Первое богослужение состоялось в 1928 году, а торжественное освящение храма 26 июня

1938 года [15]. Настоятелем Свято-Троицкого храма был о. Виктор Колиберский (1880–1957, скончался в эмиграции в США).

На территории уезда существовала разветвлённая сеть русских основных школ. Основное образование было обязательным и бесплатным. Однако, зачастую в сельской местности, лишь немногие дети заканчивали 6-классную основную школу. На конец 1930-х годов в уезде насчитывались 24 русские основные школы и 6 русских комплектов при латышских школах [16]. Уровнем организации учебного процесса и подбором педагогов эти школы похвалиться не могли, что не удивительно для самого отдалённого уголка Латвии. Только в 1931 году в уездном центре была открыта Русская государственная гимназия. Её директором был утверждён Александр Иванович Шкультин (1885–?) — выпускник Юрьевского (Тартуского) университета, учитель истории и русской словесности [17]. Число учащихся в гимназии было небольшим, но с тенденцией к росту. В 1935/36 учебном году в ней обучались 106 учащихся. Однако в 1936 году указом министра образования гимназия была ликвидирована [18]. Ближайшая гимназия оказалась на расстоянии почти 80 километров, в Резекне, поэтому бывшие гимназисты, в большинстве, или остались без среднего образования, или продолжили обучение в латышской гимназии.

В 1927 году Русским отделом Министерства образования Латвии было принято решение о создании Учительского института в Латгалии для подготовки учителей основных школ. Обсуждались два варианта размещения института — в Яунлатгале или Резекне. Поскольку в Яунлатгале не нашлось подходящего здания, то было принято решение о временном размещении института в Резекне. По данным за 1931 год, в институте обучалось 126 учащихся, из них 50 — из Яунлатгальского уезда [19]. Дискуссии о месторасположении института продолжались вплоть до его закрытия в 1935 году. В Яунлатгале институт так и не переместился.

Видное место в культурной жизни уезда принадлежало Ивану Дмитриевичу Фридриху (1902–1975) [20], который с 1920 года работал на ниве просвещения, а с 1928 по 1940 год был заведующим Яунлатгальской (Абренской) русской 6-классной основной школой. Работая учителем, он неустанно собирал фольклор местных русских крестьян. Первые его статьи на эту тему появились в русской прессе



Иван Дмитриевич Фридрих. Конец 1930-х годов

Латвии уже в 1920-е годы [21]. В 1936 году вышла в свет его книга «Фольклор русских крестьян Яунлатгальского уезда» [22]. В 1972 году вышла его вторая книга «Русский фольклор в Латвии» [23], а в 1980 (уже посмертно) ещё один фольклорный сборник [24]. О значимости исследовательской работы И.Д. Фридриха свидетельствует факт наличия в Институте русской литературы в Санкт- Петербурге (Пушкинский Дом) фонда, в котором хранятся собранные и переданные им туда материалы.

Знаком признания работы И.Д. Фридриха стали приуроченные к его 100-летию «Фридриховские чтения», организованные Отделением славистики филологического факультета Латвийского университета. В 2007 году по материалам чтений Центром русистики Латвийского университета был издан сборник статей [25].

Подъём общественной жизни в уезде, как и во всей Латвии, наблюдался на рубеже 20–30-х годов, когда по инициативе депутата Сейма, известного педагога и общественного деятеля Е.М. Тихоницкого [26] (с 1914 по 1918 год работавшего в Пскове) был создан Центральный Совет культурно-просветительных обществ Латвии. Его целью была поддержка культурно-просветительных начинаний во всех местах компактного проживания русского населения. Благодаря де-

ятельности Центрального Совета, в самых отдалённых уголках Латгалии, в том числе и в Яунлатгальском уезде, возникли культурно-просветительные общества. Главной составляющей их деятельности была организация ежегодных Дней русской культуры. В частности, культурно-просветительные общества возникли в Вышгородской, Качановской и Гавровской волостях, а также в селе Турмалёво [27]. Однако после установления диктатуры К. Улманиса общественная жизнь стала приходить в упадок. Вместе с тем говорить о полном её затухании было бы неверно. Например, на состоявшемся 1–2 июля 1939 года Втором Всегосударственном слёте русских хоров в Петсери (Печорах) участвовал и русский хор (в составе 30 человек) из Абрене под руководством А. Киселёва [28].

Пыталовская земля взрастила немало людей, снискавших известность далеко за пределами родных мест. В первом ряду среди них безусловно стоит уроженец Вышгородской волости, деревни Зайково, министр сельского хозяйства Латвийской ССР с 1951 по 1961 год, видный учёный-аграрий, доктор сельскохозяйственных наук, академик, президент ВАСХНИЛ с 1984 по 1992 год — Александр Александрович Никонов (1918–1995) [29].

Одной из самых известных семей в Вышгородской волости в 1920–30-е годы (и в дореволюционный период) была семья Трофимовых. Достаточно сказать, что Сергей Иванович Трофимов был депутатом 4-го Сейма Латвии (1931–1934), а его дядя Владимир Кириллович Трофимов был доктором медицины, первым и единственным русским министром в межвоенной Латвии, хотя эту должность занимал недолго.

На истории этой семьи хотелось бы остановиться подробнее. В 2013 году для сборника «Православие в Балтии» мною была написана статья о Сергее Трофимове [30]. В ходе работы меня заинтересовала судьба и других членов этой незаурядной семьи. К сожалению, никого из потомков обнаружить не удалось, ибо большая часть семьи оказалась перемолотой жерновами истории. И те сведения, которые удалось собрать, носят фрагментарный характер. И всё же…

Семейство Трофимовых было весьма зажиточным, если не самым зажиточным, по крайней мере, в Вышгородской волости. Уже в середине XIX столетия Кирилл Трофимович Трофимов (умер в 1916 или 1917 году) и его супруга Татьяна Петровна (умерла в 1926 или

Причтъ и члены приходскаго совѣта Аугшпилской церкви.

1 рядъ слѣва направо: діаконъ о. Михаилъ Виноградовъ, второй свящ. о. Арсеній Колиберскій, настоятель прот. о. Павелъ Овсянкинъ, почетн. членъ прих. сов. Иванъ Трофимовъ, Анатолій Игнатьевъ и Илья Алексѣевъ.

2 рядъ: Гавріилъ Аборинскій, Петръ Федоровъ, псаломщикъ Василій Дроздовъ и Павелъ Тихомировъ.

3 рядъ: Иванъ Петровъ, церк. сторожъ П. Васильевъ, 2-ой церковн. сторожъ Иванъ Рагозинъ и церк. староста Михаилъ Силинъ.

Фото из книги С.П. Сахарова. «Православные церкви в Латгалии». — Рига, 1939, стр. 23.

1927 году) имели большие земельные угодья. Известно, что Кирилл Трофимович Трофимов был членом Островской уездной управы. В семье были два сына: Иван (1865–?)31 и Владимир (1872–1944). Возможно, были и другие дети, но сведений о них не выявлено.

Сыновья избрали отличные друг от друга жизненные пути: если Иван посвятил себя, главным образом, хозяйственной деятельности, то Владимир стал известным медиком и политиком, не прервавшим, однако, связей с родным гнездом.

Если, согласно метрической выписке о крещении сына Сергея в 1894 году, Иван Кириллович Трофимов и его супруга Вера Дмитриевна (1870 — 1962) значились крестьянами деревни Игнашково [32], то

в аттестате, выданном тому же Сергею в 1913 году в Псковской Императора Александра I Благословенного гимназии, — его отец упоминается уже как потомственный почётный гражданин [33]. До революции Иван Кириллович служил страховым агентом при Псковском губернском земстве.

С 1931 по 1934 год Иван Кириллович Трофимов был членом волостного правления Аугшпилсской (Вышгородской) волости. Известно также, что он был почётным членом Борисо-Глебского приходского совета.

Центром хозяйства Трофимовых был хутор Эмилово.

До революции братья Трофимовы (Иван и Владимир) имели хозяйство в 190 гектаров. В начале 1920-х годов после проведения аграрной реформы в Латвии хозяйство было поделено. Владимир Кириллович получил 50 гектаров и создал самостоятельное хозяйство, которым, однако, ввиду своей деятельности, сам заниматься не мог. А у Ивана Кирилловича и Веры Дмитриевны осталось хозяйство в 100 гектаров, остальные 40 были отрезаны и зачислены в государственный фонд. Хозяйства находились на расстоянии 7–8 километров. Одно из хозяйств сдавалось в аренду и находилось под наблюдением Бориса Ивановича Трофимова — сына Ивана Кирилловича. После установления советской власти и проведения земельной реформы Борис Трофимов отказался от этой земли и стал работать агрономом. У Ивана Кирилловича осталось 30 гектаров земли, из коих 10 он передал в распоряжение своей работницы [34].

Согласно данным Латвийской сельскохозяйственной переписи, организованной Латвийским статистическим управлением, в 1939 году владельцем хутора «Эмиловас калнс» (Эмилова гора) являлся Иван Кириллович Трофимов. В его собственности было 50, 20 га земли , из них 43,20 га — пашни [35].

Согласно той же переписи И.К.Трофимов являлся владельцем хутора «Сорокино-1» — 28 га земли, из них 17, 5 пахотной, а также имел земельный надел в Ореховке-Палково — 20,3 га, из них 17, 48 — пахотной земли [36].

Трофимовым принадлежали и другие более мелкие наделы, зачастую сдававшиеся в аренду. Широко использовалась сельскохозяйственная техника: плуги, бороны, сеялки, конные грабли, сепараторы и др. В хозяйстве были лошади, крупный рогатый скот, свиньи, в большом количестве — домашняя птица. На хуторе Эмилово был

Владимир Кириллович Трофимов

Сергей Трофимов — гимназист

большой сад (90 яблонь, 9 груш, 30 слив, 55 вишен, 98 кустов смородины) [37]. В то же время в собственности супруги И.К. Трофимова — Веры Дмитриевны — имелся земельный надел в деревне Каршилово — 61,65 га, в том числе 43 га пахотной земли [38].

Согласно официальным данным, использование наёмной рабочей силы было минимальным. Например, на хуторе «Эмилова гора» был 1 постоянный работник, 2 женщины — сезонные работницы и 1 девочка-пастушка [39].

В семье Ивана Кирилловича Трофимова (по имеющимся в нашем распоряжении данным) было 6 сыновей и 2 дочери:

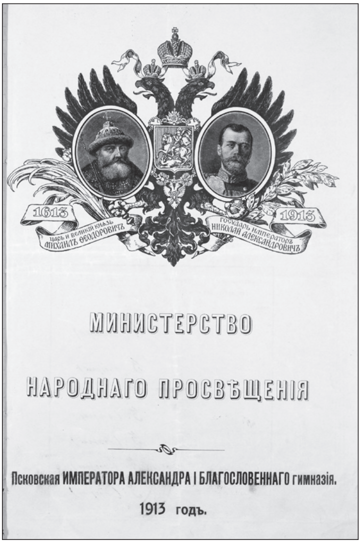
Наибольшую известность из сыновей снискал Сергей Трофимов (1894–1941). Выпускник Псковской гимназии уже в юности решил отойти от сельского труда. Примером для него был его дядя, доктор медицины Владимир Кириллович Трофимов, поэтому в 1913 году он

поступил на медицинский факультет Юрьевского университета, однако ввиду войны и политических перемен его не закончил. Во время Гражданкой войны воевал в составе армии Юденича. В начале 1920-х годов Сергей Трофимов продолжил занятия на юридическом факультете теперь уже Тартуского университета. В 1926 году получил диплом юриста. В университете познакомился и вскоре обвенчался с Лидией Фёдоровной Глазовой. Однако семейное счастье было недолгим. В 1927 году, во время родов, Лидия Фёдоровна умерла, оставив вдовцу дочку по имени Лидия-Инна. Девочка оказалась на попечении дедушки и бабушки Трофимовых. В свою очередь, Сергей Иванович увлёкся политикой. В 1928 году он стал инициатором создания партии «Русское крестьянское объединение», идеологическая платформа которой во многом была сходна с «Трудовой крестьянской партией», базировавшейся в Праге и объединившей ряд бывших правых эсеров и кадетов. Пражских активистов привлекало то обстоятельство, что Яунлатгальский уезд был приграничным и, в основном, русским по составу населения. Они рассчитывали использовать активистов местной крестьянской партии для переброски людей и литературы в СССР. В итоге в 1940–41 годах многие жители приграничных волостей оказались в числе репрессированных, хотя сегодня трудно судить, насколько реально они были вовлечены в авантюры пражан, активность которых из года в год угасала и завершилась самороспуском в 1939 году. В частности, Сергей Трофимов на допросах признал, что несколько раз помогал в переправке литературы в СССР, но категорически отрицал своё участие в переправке людей [40].

На выборах в 1928 году «трофимовская партия» не смогла завоевать место в Сейме, однако в 1931 году партия получила один мандат, который достался её лидеру. Однако ему не удалось отработать в Сейме весь положенный срок ввиду произошедшего 15 мая 1934 года государственного переворота. Сергей Трофимов приветствовал перемены, за что получил должность референта по русским школам при Министерстве образования, которую занимал до конца июля 1940 года. 10 августа 1940 года С. Трофимов был арестован органами НКВД, хотя уже давно прервал сношения с Трудовой крестьянской партий и отошёл от активной политики. 22 июня 1941 года Сергей Трофимов, в составе большой группы заключённых, был расстрелян чекистами на окраине Риги [41].

Дочь Сергея Трофимова — Лидия Гусева (1927–2000), будучи круглой сиротой, росла у дедушки и бабушки. Ей не удалось завершить среднее образование. Жила в Риге и работала рабочей на обувной фабрике «Пирмайс майс». Судя по смене фамилии, была замужем. Однако сведений о муже и наличии детей нет [42].

Владимир Трофимов (антипод Сергея) (1891–1972) должен был бы наследовать усадьбу, хотя никогда к этому не стремился. В 1911 году он окончил Псковскую гимназию, в том же году поступил в Варшавский Ветеринарный институт, но в связи с войной должен был переехать в Казань, где в 1915 году и получил диплом ветеринарного врача. Вернулся к родителям в Эмилово. С 1919 по 1921 год служил ветврачом в Красной армии. После окончания Гражданской войны вернулся в Латвию. Поселился в местечке Карсава (примерно в 40 километрах от родных пенатов), где вплоть до 1940 года работал ветврачом, а затем заведующим ветпунктом. Вёл тихий образ жизни — в политической и общественной жизни участия не принимал. В 1931 году женился на еврейской девушке Славе Елизаровне Калгут. В 1936 году в семье родился сын Кирилл. Однако счастливая и спокойная жизнь оказалась разрушенной на второй день войны — 23 июня 1941 года, когда в дом пришли чекисты и увели Владимира. На следующий день его супруга поехала в Лудзу (уездный центр), чтобы узнать о причине ареста мужа. Но там ей только сказали, что был донос. В связи с приближением фронта Владимир Трофимов (как и другие заключённые) был этапирован в г. Енисейск Красноярского края. В этой же тюрьме оказался и его брат — Александр. Первый допрос в Енисейской тюрьме был проведён только 19 января 1942 года. После бесплодных допросов Владимир Трофимов Особым совещанием был приговорён к 5 годам лагерей, однако уже осенью 1945 года смог вернуться домой и заняться ветеринарной практикой. Но возвращение не было радостным: он узнал о гибели своей жены и сына. Согласно данным латгальского краеведа Николая Никулина дело обстояло так: «С приходом немецких войск Слава Трофимова уехала в Эмилово. Родители мужа обещали договориться с местной полицией о её спасении. Полицейские чины приехали к Трофимовым, погостили, поели, попили... Но через несколько дней сообщили гостеприимным хозяевам, что их начальство разрешило оставить в живых только внука, а его мать «подлежит ликвидации». Слава не поверила обещаниям полицейских, она решила испить смертную чашу вместе с ребёнком» [43].



МИНИСТЕРСТВО

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

Псковская ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I БЛАГОСЛОВЕННАГО гимназія.

1913 годъ.

АТТЕСТАТЪ ЗРѢЛОСТИ.

Данъ сей Сергѣю Ивановичу Трофимову, сыну потомствен. почетн. гражданина, вѣроисповѣданія православнаго, родившемуся 19 сентября 1894 г. въ Островскомъ уѣздѣ, Псковск. губ. въ томъ, что онъ, вступивъ въ Псковскую ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I БЛАГОСЛОВЕННАГО гимназію 14 августа 1904 г. при отличномъ поведеніи, обучался по 24 мая 1913 года и кончилъ полный восьмиклассный курсъ, причемъ обнаружилъ нижеслѣдующія познанія:

Поименованіе всѣхъ предметовъ гимназическаго курса.	Отмѣтки, поставленныя въ педагогическомъ совѣтѣ, на основаніи § 74 правилъ объ испытаніяхъ учениковъ гимназій и прогимназій, утвержденныхъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 12 марта 1891 года.
Законъ Божій	4 (четыре)
Русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесность	3. (три)
Философская пропедевтика	3. (три)
Латинскій языкъ	3. (три)
Законовѣдѣніе	3. (три)
Математика	3. (три)
Физика	3. (три)
Математическая географія	3. (три)
Исторія	3. (три)
Географія	4 (четыре)
Нѣмецкій языкъ	3. (три)
Французскій языкъ	3. (три)

На основаніи чего и выданъ ему сей аттестатъ зрѣлости, предоставляющій ему всѣ права, обозначенныя въ §§ 130—132 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 30-го іюля 1871 г. Устава гимназій и прогимназій.

Примѣчаніе. Значеніе отмѣтокъ, показанныхъ въ семъ аттестатѣ: 5—означаетъ познанія и успѣхи отличные; 4—хорошіе; 3—удовлетворительные.

Гор. Псковъ, мая 25 дня 1913 года.

Директоръ гимназіи

Инспекторъ

Законоучитель

Преподаватели:

Секретарь педагогическаго совѣта

Аттестат Сергея Трофимова об окончании Псковской гимназии
Из фондов Эстонского национального архива

Узнав о судьбе своих родных, Владимир не остался в родных местах. Сначала работал в Даугавпилсском районе, потом — до конца своих дней жил и работал в городке Прейли (районный центр в восточной Латвии). На его попечении оказались и некогда весьма состоятельные родители, лишившиеся не только своей недвижимости, но и потерявшие большую часть своих детей. Похоронены они на кладбище в Прейли. Владимир вторично женился и имел от этого брака двух дочерей: Татьяну и Наталью. Умер в Прейли в 1972 году. В 1982 году его вторая супруга Татьяна Владимировна Трофимова добилась его посмертной реабилитации [44].

Александр Трофимов (1901–1942) ограничился средним образованием — Псковским реальным училищем. Служил у Юденича. Занимался сельским хозяйством и, видимо, претендовал на роль продолжателя «трофимовского дела». Женат не был. С 1933 по 1934 год состоял в организации айзсаргов, откуда ушёл добровольно [45]. Александр Трофимов был арестован 13 марта 1941 года. И так же, как и его брат Владимир, после начала войны был этапирован в Красноярский край в тюрьму г. Енисейска. На допросах он отрицал, что был членом созданной братом Сергеем партии «Русское крестьянское объединение», но признался, что связи поддерживал. Когда в 1931 году в Эмилово из Праги приезжал эмиссар и просил Александра Трофимова помочь в переброске литературы в СССР путем применения воздушных баллонов, то последний, согласно его показаниям, отказался это делать. Однако решение Особого совещания в отношении Александра Трофимова было суровым — расстрелять и 13 марта 1942 года приговор был приведён в исполнение [46].

Борис Трофимов (1903–?) успел послужить в армии Юденича. Работал в хозяйстве родителей. С 1931 по 1933 год учился в Бельгии, в сельскохозяйственном институте, где получил специальность агронома. Вёл хозяйство на хуторе Каршилово, принадлежавшем родителям. В 1941 году отказался от своей доли в хозяйстве и стал работать агрономом. В 1944 году Борис Трофимов с женой Надеждой Ивановной и детьми Юрием, Милицей, Иваном и Верой эвакуировался на Запад. Вместе с ним покинули Эмилово и его родители, но на чужбину не уехали. Известно, что Юрий жил в США и в 1971 и 1973 годах навещал свою двоюродную сестру Гусеву-Трофимову Лидию Серге-

евну в Риге [47]. Сведений о дальнейшей судьбе Б.И. Трофимова и его потомков на данный момент не имеется.

Были ещё два сына, о которых сведения более чем скудные.

Иван Трофимов (вероятно, самый старший сын) работал врачом в Пензенской губернии (как и его дядя Владимир Кириллович), где умер от брюшного тифа в 1928 или 1929 году.

Константин Трофимов [48] — известно, что воевал в царской армии и армии Юденича. Умер в 1923 или 1924 году в Эмилове.

В семье Трофимовых были две дочери: Нина (1905–2001; в замужестве Шигина) [49] — с 1924 года и до своей кончины жила в Риге, где окончила гимназию и Русские университетские курсы; Наталья (в замужестве Игнатьева) работала учительницей в Аугшпилсской волости. Её муж был соседом по усадьбе с Трофимовыми. В 1944 году Игнатьевы эвакуировались на Запад [50].

Итак, печальный итог: в семье было 6 сыновей и 2 дочери. Два сына умерли в зрелом возрасте, другие два были расстреляны органами НКВД, один был репрессирован органами НКВД, но сумел выжить. Жена одного из сыновей с внуком расстреляна нацистами. Один сын с семьёй и одна дочь с семьёй эвакуировались на Запад.

Рядом с престарелыми родителями остался только сын Владимир, дочь Нина и внучка-сирота Лидия.

Не менее трагично сложилась и судьба младшего брата Ивана Кирилловича — Владимира.

В 1889 году Владимир Кириллович Трофимов окончил Псковскую классическую гимназию, а в 1899 году медицинский факультет Юрьевского (Тартуского) университета. С ноября 1899 по май 1900 года проходил практику в Санкт-Петербурге. Во время учёбы и в первые годы самостоятельной практики совершенствовал свои познания в анатомии у профессора П.Ф. Лесгафта. С 1900 по 1902 год В.К. Трофимов работал ассистентом при Юрьевской (Тартуской) университетской клинике. С 1 апреля 1902 года по 1 ноября 1904 работал хирургом в Льговской земской больнице в Курской губернии. В качества врача-хирурга работал в полевых лазаретах во время русско-японской войны. По возвращении с фронта практиковал в Петербурге, специализировался в области оперативной хирургии. С мая 1905 по май 1913 года В.К. Трофимов руководил хирургическим отделением в Пензенской губернской земской больнице. В 1909 году защитил докторскую дис-

Сергей Трофимов — студент Юрьевского университета. Из фондов Эстонского национального архива

С.И. Трофимов — референт по русским делам. 1934 год

сертацию. С 1912 по ноябрь 1918 года был главным врачом и хирургом в Пензенской больнице Красного Креста. Одновременно был директором школы сестёр милосердия. После занятия города большевиками отказался от должности главврача. До июля 1923 года, то есть до возвращения в Латвию, работал хирургом в Пензе. С 1924 по 1931 год В.К. Трофимов преподавал в Латвийском университете курс оперативной хирургии. В 1931 году (с 2 июня по 5 декабря) занимал пост министра без портфеля в правительстве К. Улманиса. Он был единственным русским министром в довоенной Латвии [51].

О дальнейшей деятельности В.К. Трофимова фактов сохранилось немного. Он жил и работал в родовом имении Эмилово. Во время Второй мировой войны оказывал посильную медицинскую помощь советским военнопленным. Инициировал обращения к немецким оккупационным властям о допуске русского языка в самоуправлениях, где русские составляли большинство, и об открытии русских школ, закрытых в годы диктатуры К. Ульманиса. По его инициативе в Абренской (Пыталовской) сельскохозяйственной школе было введено преподавание русского языка. Весной 1942 года В.К. Трофимов познакомился

с председателем «Русского комитета» Абренского уезда — Лебедевым. Этот комитет был создан при содействии оккупационных властей, якобы, для оказания помощи русскому населению и проведения среди него культурно-просветительной работы. Подобные «комитеты» были созданы во всех уездах Латвии с центром в Риге. В.К. Трофимов, осознав, что представляет «Комитет», в начале 1943 года вышел из его состава, но это не спасло его от репрессий. В начале октября 1944 года В.К. Трофимов был арестован и после допросов умер в тюрьме 10 декабря 1944 года, согласно официальному диагнозу «от тяжёлой формы склероза всех кровяных сосудов». Однако, судя по протоколу судебного заседания, скорее всего, имело место тяжёлое психическое расстройство ввиду психологического и физического воздействия в ходе следствия [52].

Несколько слов о его семье. В.К. Трофимов женился 30 апреля 1916 года на вдове Евдокии Андреевне Сергеевой (ур. Андреевой), принадлежавшей к крестьянскому сословию [53]. У супруги от первого брака было двое детей: Кира, родилась 27 июня 1910 года, и Алексей, родившийся 16 марта 1912 года. В 1928 году Трофимовы адоптировали сына Владимира, родившегося 6 июня 1922 года.

Из имеющихся архивных сведений: сын Алексей в 1940 году был арестован органами НКВД, Кира окончила Латвийский университет, а в 1944 году эвакуировалась на Запад. Приёмный сын Владимир был призван в Латышский легион [54].

Семья Трофимовых оказалась забытой не только в Латвии, но и на своей родине в Пыталовском районе Псковской области РФ. И это не единственная семья, след которой затерялся в переломные моменты истории.

Примечания и источники

1. Ceturtā tautas skaitīšana Latvijā 1935. gadā. Sastādījis V. Salnītis un rediģejis M. Skujenieks. IV d. Tautība (Четвёртая перепись населения в Латвии в 1935 году …) — Rīga: Valsts Statistiskā pārvalde, 1936., 286–288. lpp.
2. См.: *Заварина А.А.* Русское население восточной Латвии во второй половине XIX — начале XX века. Рига: Зинатне, 1986. С. 9–45.; Arnolds Podmazovs. Vecticība Latvijā. (Арнольд Подмазов. Старообрядчество в Латвии). Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts, 2001. 4–69. lpp.

3. Ceturtā tautas skaitīšana Latvijā…, 292. lpp.
4. История Латвии. XX век. Дайна Блейере, Илгвар Бутулис, Антонийс Зунда, Айварс Странга, Инесис Фелдманис. Рига: Jumava, 2005, 132. lpp.; Aivars Stranga. Latvijas-Padomju Krievijas miera līgums 1920. gada 11. augustā (Айварс Странга. Мирный договор между Латвией и Советской Россией). Rīga: Fonds Latvijas Vēsture, 2000. 258. lpp.
5. Ceturtā tautas skaitīšana Latvijā…, 316. lpp.
6. Там же, 318. lpp.
7. Там же, 315. lpp.
8. *Сахаров С.П.* Православные церкви в Латгалии. — Рига, 1939. С. 41–42; Кровью убелённые. Мученики и исповедники северо-запада России (1940–1955). Авт. Сергей Фомин, о. Андрей Голиков. — Москва: 1999. С. 117–118.
9. *Сахаров С.П.* Православные церкви в Латгалии…, с. 12–16.
10. Шервинский Владимир Максимович (1894–1975) — архитектор, синодальный архитектор, член Экзаршего управлени Псковской Православной миссии в годы Второй мировой войны. С 1945 по 1951 год был старостой Рижского кафедрального Христорождественского собора. С 1951 по 1955 год репрессирован за участие в Псковской миссии. После освобождения работал архитектором в Риге, как в области гражданского строительства, так и продолжал службу в должности синодального архитектора. — Подробнее см.: Воспоминания архитектора В.М. Шервинского // Православие в Латвии. Сб. статей под ред. А.В. Гаврилина. Выпуск 7. — Рига: Филокалия, 2008, с. 112–134; Воспоминания архитектора В.М. Шервинского. // Православие в Латвии. Исторические очерки. Сб. ст. под ред. А.В. Гаврилина. Рига: Филокалия, № 8, 2010. С. 69–114; Православие в Балтии, №10. Научно-аналитический журнал. — Рига, 2013. С. 123–157; Воспоминания архитектора В.М. Шервинского. // Православие в Балтии. Научно-аналитический журнал. Рига, 2014, № 2(11). С. 113–144; Воспоминания архитектора В.М. Шервинского. // Православие в Балтии. Научно-аналитический журнал. Рига, 2015, № 3(12). С. 127–206.
11. Архиепископ Иоанн (Поммер) (1876–1934). Родом из семьи православных латышей. Окончил Рижскую Духовную семинарию и Духовную академию в Киеве. Служил в разных городах России. С 1921 г. глава Латвийской Православной Церкви. Трижды был избран депутатом Латвийского Сейма (парламента). Злодейски убит

неизвестными 12 октября 1934 года. В 2001 году причислен к лику святых священномучеников. Подробнее см. Житие святого священномученика Иоанна архиепископа Рижского. — Рига, 2008. 34 с.
12. *Сахаров С.П.* Православные церкви в Латгалии…, с. 21–24.
13. Там же, с. 44–45.
14. Там же, с. 47–50.
15. Там же, с. 54–55.
16. Русский ежегодник на 1940 год. Под ред. С.А. Коренева, И.Н. Заволоко, Н.А. Вологина, Н.И. Антипова. — Издание Рижского русского общества. — Рига, 1939, с. 110.
17. Латвийский государственный исторический архив (далее — ЛГИА), ф.1632, оп.1, д. 20848.
18. Latvijas statistiskā gada grāmata. 1931.(Латвийский статистический ежегодник. 1931) — Rīga, 1932., 44. lpp.; Latvijas ŝtatiŝtiskā gada grāmata. 1935. (Латвийский статистический ежегодник. 1935). — Rīga, 1936., 42. lpp.; Valdības Vēŝtnesis (Правительственный Вестник), 1936., 3. augusŧā; ЛГИА, ф. 1632, оп. 1, д. 20848.
19. ЛГИА, ф. 2125, оп. 1, д. 45, лл. 67, 114; С. Цоя. К истории русского образования в межвоенной Латвии (20–30-е годы XX в.) — Альманах. Русский мир и Латвия: Смена времён. XXXVI. Рига, 2014. Стр. 84–89; Т. Фейгмане. Русские в довоенной Латвии. — Рига: Балтийский русский институт, с. 299.
20. Краткая биография И.Д. Фридриха http://www.russkije.lv/ru/lib/read/ivan-fridrich.html?source=persons#
21. Некоторые статьи И.Д. Фридриха в латвийской прессе: Латгальские частушки. — Слово, 1926, № 203; Песни и сказки Латгалии. — Слово, 1926, № 224; Песня о партизане 1812 года в Латгалии (Запись Ив. Фридриха). — Слово, 1926, № 231; «Стих о бедном Лазаре» в Латгалии. Запись И. Фридриха. — Слово, 1926, № 238; Приграничные частушки. Из материалов И.Д. Фридриха. — Слово, 1926, № 341; Как мужик уберёг клад. — Слово, 1927, № 571 и др.
22. Фольклор русских крестьян Яунлатгальского уезда. Книга первая. Собран И.Д. Фридрихом. Изд. И. Фридриха, 1936. — 528 с.
23. Русский фольклор в Латвии. Песни, обряды и детский фольклор. Сост. И.Д. Фридрих. — Рига, 1972.
24. Русский фольклор в Латвии: Сказки. Сост. И.Д. Фридрих. — Рига, 1980. — 374 с.

25. См.: Фридриховские чтения. Сборник посвящён памяти Юрия Ивановича Абызова.- Рига: Центр русистки Латвийского университета, 2007. — 144 с.
26. Тихоницкий Елпидифор Михайлович (1875–1942). Родом из Вятской губернии, из семьи священника. Его отец в 1918 г. был расстрелян большевиками (в 2003 году причислен к лику священномучеников). Окончил Казанскую Духовную академию. Учительствовал в Вятской губернии. В 1914 г. был переведён в Псков, где ему довелось пережить революцию, мировую и гражданскую войны. С 1920 года жил и работал в Латвии. С 1925 по 1928 год — депутат Латвийского Сейма. Основатель и бессменный руководитель Рижского русского культурно-просветительного общества, инициатор и организатор Дней русской культуры в Латвии. Арестован органами НКД 14 октября 1940 г. Умер в лагере 21 мая 1942 года. Подробнее о нём см.: Т. Фейгмане. Служение Елпидифора Михайловича Тихоницкого. — Латвийский православный хронограф. Выпуск 1-й. — Рига, 2015. С.110-161, а также http://www.russkije.lv/files/images/text/Hronograf/Hronograf_2015.pdf
27. ЛГИА, ф. 5691, оп. 1, д. 8, лл. 1–2.
28. 2-й Русский певческий праздник в Эстонии. Издание Комитета 2-го Всегосударственного слёта русских хоров в Эстонии, 1939. С. 58.
29. Подробнее см.: *А.В. Петриков*. Жизнь и творческий путь академика А.А. Никонова. // Россия и Балтия. Выпуск №5. Войны, революции и общество. — Москва: Наука, 2008. С. 358 — 374; Н.А. Цветков. Военные страницы биографии Александра Никонова — см.: Пятые Псковские региональные краеведческие чтения. Великие Луки. 15–17 октября 2014 года. Пск. — М., 2015. С. 475–480.
30. Подробнее см.: *Т. Фейгмане.* Сергей Иванович Трофимов. — Православие в Балтии. Научно-аналитический журнал, № 10. — Рига, 2013. С. 49–64. Статью можно также найти на сайте «Русские Латвии» http://www.russkije.lv/ru/pub/read/feigmane-trofimov/
31. Согласно *Н.И. Шигиной* (ур. Трофимовой) И.К. Трофимов, как и его супруга Вера Дмитриевна, скончались в послевоенные годы в Прейли, где жил и работал их сын Владимир. — Латвийский государственный архив (далее — ЛГА), ф. 1986, оп. 2, д. П-5300, л. 66. Однако сведения о смерти И.К. Трофимова (в отличие от его супруги) в архиве Прейльского краевого отделения ЗАГСа не обнаружены.

32. EEA (Эстонский Национальный архив), ф. 402, оп.1, д. 26601, л. 4. (документ получен от Е. Пушкарёвой).
33. EEA (Эстонский Национальный архив), ф. 402, оп. 1, д. 26601, л. 5. (документ получен от Е. Пушкарёвой).
34. ЛГА, ф. 1986, оп. 2, д. П-5300, л. 17.
35. ЛГИА, ф. 1308, оп. 4, д. 2727, лл. 86, 87.
36. Там же, д. 2720, лл. 124, 125.
37. Там же, д. 2726, л.116.
38. ЛГА, ф. 1986, оп. 2, д. П-5300, л. 105 об.
39. Там же, л.105.
40. См.: *Т. Фейгмане.* Сергей Иванович Трофимов…, стр. 49–64. Статью можно также найти на сайте «Русские Латвии» http://www.russkije.lv/ru/pub/read/feigmane-trofimov/
41. Там же.
42. ЛГА, ф. 1986, оп. 2, д. П-5300, л. 69; Сведения архива Рижского ЗАГСа.
43. Там же.
44. Николай Никулин. Воспоминания о Карсаве. — Резекне, 2011. Стр. 160–162.
45. ЛГА, ф. 1986, оп.2, д. П-5300, лл. 189–190.
46. Айзсарги (в переводе с латышского — защитники) — военизированная организация, действовавшая в Латвии с 1919 по 1940 год.
47. ЛГА, ф. 1986, оп. 2, д. Р-6729.
48. В данных Государственного архива Псковской области (далее — ГАПО) имеются сведения о следующих детях Ивана и Веры Трофимовых: Иване, Сергее, Алексее, Александре, Борисе, Нине и Наталии. В данных Латвийского архива вместо Алексея фигурирует имя Константин. Возможно, речь идёт об одном и том же человеке.
49. ЛГА, ф. 1986, оп. 2, д. П-5300, лл. 64–66.
50. Там же, л. 69–74.
51. ЛГА, ф. 1986, оп. 2, д. П-5300, лл. 17–19, л. 64–66.
52. *Т. Фейгмане*. Русские в довоенной Латвии…, с. 75; http://www.russkije.lv/ru/lib/read/the-only-russian-minister.html?source=persons
53. Согласно данным ГАПО, В.К. Трофимов первым браком был женат на Анастасии Александровне. В этом браке родилась дочь Татьяна, однако сведения о ней, как и о её матери, в латвийских архивах отсутствуют.
54. ЛГА, ф. 1986, оп.2, д. Р-2732, л. 15.

ОРГА́Н ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТРАНСКОЙ ЦЕРКВИ СВЯТОГО ПЕТРА В ГОРОДЕ ПЕЧОРЫ

А. Н. Качкина
(Печоры),
краевед

Орган евангелическо-лютеранской церкви в Печорах является единственным старым церковным инструментом, сохранившимся в русской провинции. В современной России имеется только 10 органов, уцелевших в катаклизмах первой половины XX века и относящихся к категории исторических. Из них 5 находится в Петербурге, 4 — в Москве и 1 — в Печорах.

Историческая справка

Чтобы появился орган в Печорах, должна была появиться церковь, в которой можно было бы установить масштабный духовой инструмент. Чтобы появилась церковь, должна была появиться община, которая бы организовала сбор средств и на постройку храма, и на и изготовление инструмента.

Предтечей этому стала организованная в 1897 году учителем Карлом Пютсеппом лютеранская община в деревне Лазарево. Через 17 лет, в 1904 году, в Печорах освятили здание Эстонской школы и там начали постоянно проводиться богослужения. Число прихожан постепенно росло, пока здание школы не стало тесным для молящихся. Задумались о строительстве храма. Активные деятели начали проводить сбор средств. В скором времени щедрые руки внесли в общей сложности около 400 рублей, но смутные времена превратили капитал в ноль, и идея о строительстве церкви была временно отброшена.

После окончания Первой мировой войны в 1920 году территория Печорского края отошла по договору к Эстонскому государству.

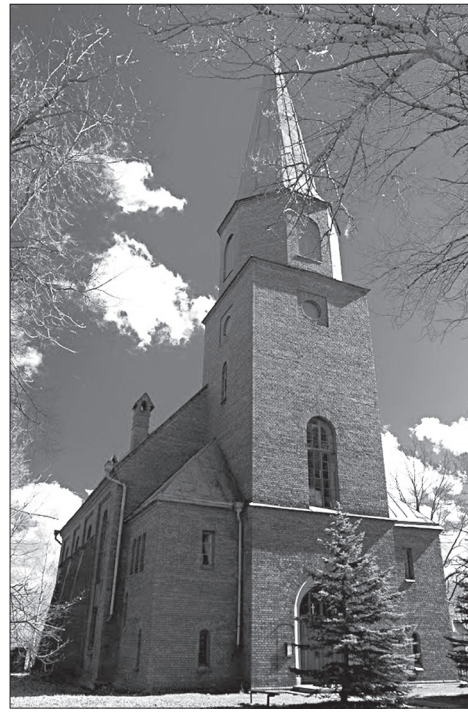
Лютеранская община города в это время значительно выросла и насчитывала порядка 3000 прихожан, что позволило собрать (при частичной финансовой поддержке государства) необходимые средства на строительство новой каменной церкви. Храм из красного кирпича, украшенный башней с высоким шпилем, возвели в 1923–1926 годах по проекту Анатолия Подчекаева и Бориса Крюммера. Торжественное освящение состоялось 19 сентября 1926 года. Полтора года службы проводились в сопровождении фисгармонии.

В журнале 1927 года «Wõru praostkonna jõulu-album» сообщается, что «несмотря на долги, был заказан у братьев Крийса новый орган стоимостью 1000000 марок, который нынешней осенью построен так, что все деревянные части уже готовы и установлены, и с Божьей помощью надеются будущей весной окончательно закончить. Таким образом, возведение церкви св.Петра обошлось примерно в 9000000 марок». Орган, изготовленный братьями Крийза (Kriisa), полностью был готов в 1928 году.

И вот какое совпадение: в 1897 году организуется первая лютеранская община в Печорском крае, а уже в следующем, 1898 году, трое братьев Крийза налаживают выпуск церковных инструментов для храмов Эстонии, создав в Хаанья (район Выру) самую крупную в истории Эстонии органную мастерскую. До настоящего времени сохранилось около 25 органов, построенных этой фирмой.

20-е годы XX века стали временем расцвета мастерской, в которой работало семеро представителей двух поколений семьи Крийза, достигших хорошего профессионального уровня. В Германии на фирме «Лаукхуфф» (Laukhuff) закупались металлические трубы, игровые пульты и различные детали. Сами Крийзы выполняли все столярные и плотницкие работы по изготовлению виндлад, деревянных труб, внутренних конструкций и проспектов (фасадов) органов, производили монтаж и интонировку. При одинаковых условиях изготовления, крийзовские инструменты всё же существенно отличаются друг от друга по звуку и качеству. Кроме того, они попадали в различные акустические условия.

По мнению ряда знатоков крийзовских органов, инструменты в церквях Печор и Рыуге являются лучшими. В обоих случаях церковные залы обладают превосходной акустикой, что ещё больше усиливает общее впечатление, производимое органами.



Храм Святого Петра

Печорский инструмент по составу регистров и характеру звучания относится к типу немецких романтических органов и диспонирован на стилистических принципах, свойственных органостроению конца XIX — начала XX века, то есть к моменту его создания уже мог считаться «морально устаревшим». Однако на востоке европейской периферии — в частности, в Прибалтике и Финляндии — этот тип органов сохранялся в работах местных мастеров вплоть до начала 30-х годов. Именно эта черта печорского органа, а не возраст (относительно небольшой), значительно повышает его историческую и музыкальную ценность. Это памятник «чистого стиля» позднего немецкого органного романтизма, один из последних представителей завершившейся художественной эпохи. Его звучание отличает массивность и басовитость (из-за обилия низко звучащих регистров),

идеально подходящие для сопровождения пения большого числа людей. В то же время звук органа мягок, а набор регистров предоставляет массу возможностей для выбора тихих звучностей, флейтовых и скрипичных красок. Характерной особенностью крийзовских органов является наличие не часто встречаемого в органостроении сольного лабиального регистра Sonor Clarinette 8’ — возможно, самого красивого из голосов этого инструмента.

В годы Второй мировой войны, когда по всей Прибалтике немецкие оккупационные власти частично изымали в храмах органные трубы как стратегический цветной металл, печорский инструмент не пострадал. Первые и единственные повреждения — к счастью, незначительные — орган получил в 50-е годы. Вероятно, местными подростками, проникшими ночью в церковь, была вскрыта крышка кафедры и выломаны регистровые клавиши Koncertflöte 8' и Aeoline 8', утрачено несколько «шайб» с названиями регистров.

В конце 1960-х годов инструмент впервые получил электромотор для нагнетания воздуха в меха. До того его накачивали механически при помощи двух больших ножных приводов, находящихся в отдельном помещении. Данный механизм сохранился в отличном состоянии и действует до сих пор.

Внешний вид органа был испорчен сооружённой в 80-е годы над пультом кабиной — они устанавливались для защиты органиста от холода в зимний период, так как большинство храмов почти не отапливалось. Характерно, что эта «мода» получила распространение преимущественно в Эстонии.

Основные технические характеристики органа

Место для инструмента было грамотно рассчитано ещё на этапе проектирования. При строительстве кирхи внутренний башенный объём соединили с церковным залом высокой аркой шириной пролёта в 4,3 метра. Это позволило свободно разместить на 5 метров в глубь башни основную часть органа, в то время как на хорах его корпус выступает только на 133 сантиметра. При относительно небольшом числе регистров (21), **1464** звучащие трубы расположены очень свободно, что является важнейшим фактором для качественного звучания и обслуживания инструмента (практически все трубы легко доступны для настройки).

Орган храма Святого Петра

Клавиатура органа

И деревянный корпус органа, и проспект сохраняют изначальную окраску (цвет «слоновой кости» + белый) и никогда не перекрашивались. Ширина проспекта органа — 4,7 метра, глубина корпуса на хорах — 1,33 метра; высота центрального фронтона, венчающего проспект, около 7 метров. Полуцилиндрический потолок церкви смыкается на один метр выше органа. В башне находится помещение для кальканта (человека, накачивавшего воздух в орган), где расположены две механические педали для нагнетания воздуха в мех.

Внутренний объём органа поделён на два этажа. Внизу расположен органный мех, электромотор для нагнетания воздуха, деревянные воздуховоды и опорные конструкции.

«Потолком» этого яруса служат виндлады (воздушные ящики). Подъём на верхний ярус с трубами осуществляется в единственном месте по деревянной приставной лестнице в углу, примыкающему к проспекту (Левая сторона проспекта).

Всего в органе **1464 звучащих труб и 14 декоративных**. Деревянных труб — 381, все остальные из органного металла или цинка. Трактура инструмента пневматическая.

Кафедра органа (пульт)

Кафедра находится в центре инструмента и приподнята на подиум высотой 20 сантиметров, органист сидит лицом к залу, спиной — к органу.

С внутренней стороны, под крышкой, кафедра имеет тёмно-коричневую деревянную облицовку. С правой стороны от мануалов прикреплена металлическая табличка с надписью: «Wennad J.J.T. Kriisa Haanja, Wõru, Eesti»

Над мануалами пульта в один ряд расположены регистровые переключатели. Между ними, по центру панели, расположен циферблат устройства Walze.

Названия регистров нанесены на круглые пластмассовые шайбы разного цвета: белого — для первого мануала, розового — для второго и бирюзового (бледно-зелёного) для педали. Большинство шайб с названиями регистров в настоящее время утрачены.

В нижней части пульта находятся 4 устройства, включаемые ногами. Сама педальная клавиатура органа насчитывает **30 ножных клавиш**. Скамья органиста подъёмного устройства не имеет.

Современное состояние

К началу XXI века в органе отчётливо стали проявляться признаки достаточной изношенности элементов трактуры (главным образом — это износ кожи пневматических мешочков). При этом стоит отметить, что общее состояние органа остаётся достаточно хорошим, а за все годы эксплуатации он не имел ни одного значительного ремонта. Подобная устойчивость в эксплуатации очень сильно выделяет печорский орган среди других крийзовских инструментов. Интересным фактом является и то, что за 87 лет в храме так и не провели водяного отопления. Частичная протопка церкви в зимнее время осуществлялась с помощью печей, позже — газовым отоплением, что негативно сказалось на органе. В воздухе оставался водяной конденсат, из-за которого начали «костенеть» кожаные мешочки под виндладами (особенно в самом центре органа).

«Чем наше слово отзовётся...»... Удивительные события начали происходить после моего доклада на заседании Клуба краеведов в декабре 2013 года, в котором, со ссылкой на специалистов, были озвучены необходимые первостепенные ремонтные работы. На сегодняшний день уже пять раз приезжали специалисты для проведения ремонтных работ, в том числе разобрали кабинку органиста. А главное, что инструмент регулярно дышит, так как проводятся благотворительные концерты, в том числе с участием певцов, других музыкальных инструментов и даже Псковского симфонического оркестра.

ДВА ФОРПОСТА ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ — УСТЬЕ И МЕЛЁТОВО

Е. А. Ермак
(Псков),
доктор педагогических наук,
профессор Псковского филиала
Российской Международной академии туризма

Замысловат людской судьбы узор —
Сплетение пластов на сколе яра.
Елена Ермак

Наверное, невозможно точно определить, сколько «схваток боевых» с различными иноземными захватчиками, сколько кровавых междоусобиц происходило на древней Псковской земле за тысячи лет её истории, изученной далеко не в полной мере. Поэтому даже небольшие поселения в нашем пограничном краю, а тем более — крупные города, становились неприступными крепостями, форпостами на Северо-Западе Руси. Оттого и каменные храмы XII–XVII веков во Пскове и Псковской области могли служить не только по своему прямому, высшему, назначению, но и в качестве надёжных укрытий нашим предкам — воинам и мирным жителям, в час угрозы захвата неприятелем их родной земли. Это, конечно, очень субъективно — выбрать из множества больших и малых форпостов Псковской земли лишь два: погост Устье у впадения реки Великой в Псковское озеро и село Мелётово, находящееся на большем расстоянии от Пскова, к востоку от него. Объясню этот выбор очень просто: в Устье я родилась и прожила первые 17 лет жизни, а в Мелётове, в храме Святой Троицы, меня крестили, когда мне ещё не исполнилось и года от роду. Впечатления детства — самые яркие, они продолжают жить в душе человека долгие годы.

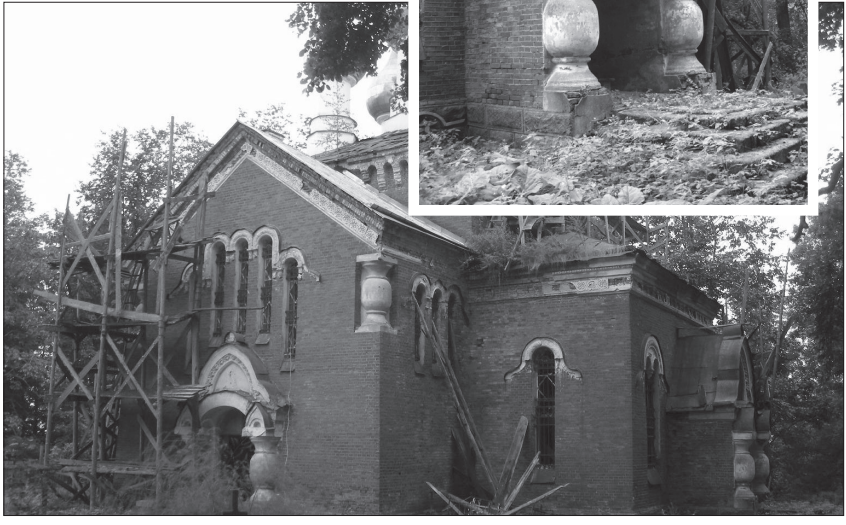
Жители деревни Устье на берегу р. Великой. Фото Б.С. Скобельцына. 1962 г.

Память «высвечивает» в моём сознании картины оживлённой стройки рядом с нашим домом в Устье. Работы шли на территории старого кладбища, окаймлённого раскидистыми вязами. Едва научившись ходить, я отправлялась «помогать» строителям, за что они одаривали меня множеством деревянных «кубиков», которые оставались при обработке брусьев, досок. Дерева требовалось много, потому что и строительные «леса», и другие вспомогательные конструкции в конце пятидесятых лет XX века были деревянными. Сначала на стройке трудились лишь мужчины, а потом к ним присоединились женщины-штукатуры во главе со своим бойким бригадиром — Зинаидой Добрецовой.

Люди, которые сразу после Великой Отечественной войны не только строили себе жилища, возрождали предприятия, больницы, школы, но и поднимали из руин прекрасные памятники архитектуры, созданные много веков назад, несомненно — подвижники. Но обычные строители, при всей их добросовестности, старательности, нуждались в руководстве со стороны архитекторов-реставраторов, поэтому ещё до моего рождения, до создания моими родителями семьи, у моей бабушки — Ольги Фёдоровны Ермак (1906–1993) — в доме стали

появляться необычные для тех мест гости: интеллигентные бородачи, увешанные несколькими фотоаппаратами каждый. Чаще других приезжал в Устье, иногда и оставался на ночлег, чтобы не прерывать творческий процесс создания проекта реставрации храма Николая Чудотворца с Устья, Борис Степанович Скобельцын (1921–1995). Также Ольге Фёдоровне были хорошо знакомы и Всеволод Петрович Смирнов (1922–1996), и Михаил Иванович Семёнов (1929–1996). Знал этих замечательных людей и её младший сын Анатолий — мой отец. Причём не только знал, но не переставал благодарить за помощь в трудную минуту. До сих пор нам доподлинно не известно (сведения в документах сильно различаются), в конце 1956 года или в первые дни нового, 1957-го, случилась беда: деревянный дом, в котором совсем близко от храма проживали Ольга Фёдоровна и Анатолий, загорелся и сильно пострадал от пожара. Дом был вместительным, на несколько семей, но соседи переехали из него: семья Камориных — в Псков, Лентовские — в рыбзаводской посёлок Щиглицы. Анатолий же, отслужив четыре года в Советской армии (в Москве — в ПВО), вернулся в Устье. Здесь были похоронены дорогие ему люди. Дедушка, Фёдор Степанович Сметанин, заменивший ему и старшему брату рано ушедшего из жизни отца, совсем немного не дождался внука из армии. Бабушка, Ефимия Степановна Сметанина, которая умерла в мае 1943 года, вскоре после получения письма от фронтового друга её сына Володи, воевавшего с фашистами на подступах к Ленинграду. Друг писал, что Володя на его глазах погиб в разведке ещё в январе... Отсюда фашисты угнали в концлагеря сначала Фёдора Степановича, а затем и Ольгу Фёдоровну с малолетними детьми. Все они лишь чудом выжили, чтобы вернуться на родную землю, на свой берег. Он собирался именно здесь создать свою семью. Мечтал привести молодой хозяйкой в дом Нину Козьякову, которую страстно полюбил. И вдруг дом оказался непригодным для проживания! Выручили Борис Степанович Скобельцын и Михаил Иванович Семёнов — выделили стройматериалы, опытных, добросовестных рабочих. Сруб нового дома, меньшего по размерам, чем прежний, быстро поднялся на части старого фундамента. Покрыли крышу. Но надо было конопатить многочисленные щели, выполнять отделочные работы — этим Анатолий и Ольга Фёдоровна занялись самостоятельно. Ольга Фёдоровна тогда ещё только слышала о том, что её сын выбрал в жёны учительницу Нину Гри-

Мелётово. Храм Святой Троицы
и храм Успения Пресвятой Богородицы



горьевну, которая приехала работать в Устинскую начальную школу в 1956 году. Отдельного жилья ей не предоставили — Нина снимала комнату в одной из деревенских изб рядом со зданием школы. Анатолий привёз на грузовике парты в школу, и тогда впервые увидел там незнакомку — строгую девушку с роскошной русой косой и большими серыми глазами. С тех пор в любую свободную минуту он старался быть рядом с Ниной, досаждая хозяйке избы, где она снимала комнату, частыми визитами к квартирантке. «Скорее бы уж вы сыграли свадьбу!» — говорила хозяйка. 22 февраля 1957 года, в день рождения моего отца (ему исполнилось 25 лет), он представил Ольге Фёдоровне свою избранницу. И Ольга Фёдоровна предложила, не откладывая, сыграть свадьбу уже на следующий день — в День Советской армии и Военно-морского флота, а официально оформить брак уже после этого. Пригласили двоюродную сестру Ольги Фёдоровны, Александру Тимофеевну Горячёву (в девичестве — Сметанину) с сыновьями и дочерью Алевтиной, добрых соседей — семью Филиных; Анатолий быстро объехал семьи сестёр Нины. Поздравить «молодых» приехали в санях, на лошадях Ольга Строгова с мужем Анатолием и Мария Тихомирова со вторым своим супругом — Иваном Ивановичем Фокиным, привезли «гостинцы» на свадебный стол и скромные подарки. С тех пор моя мама, Нина Григорьевна Ермак (1933–1998), не покидала дом, построенный с помощью Бориса Степановича Скобельцына и Михаила Ивановича Семёнова, без серьёзных причин — таких, как, например, пребывание на курсах повышения квалификации. Она очень скучала по Устью, если приходилось по необходимости уезжать сравнительно надолго. Михаил Иванович Семёнов, узнав, что Нина Григорьевна родом из села Мелётово, относился к ней особенно тепло, называл «землячкой». Кроме реставрационных работ в Устье он, совместно с Натальей Сергеевной Рахманиной, супругой Всеволода Петровича Смирнова, в 1956 году начал также работы по изучению и реставрации храма Успения Богородицы в Мелётове. Эти работы проходили дольше, чем реставрация храма Николая Чудотворца с Устья, — вплоть до 1968 года.

Хотя расположение и погоста Устье, и погоста Мёлётово — на границе Псковской земли — разница обусловлена тем, в каком направлении каждый из этих форпостов находился по отношению к Пскову. Первое упоминание о погосте Устье в летописи связано с проездом

Храм Святой Троицы в селе Мелётово. Фото Н.Б. Грошевой (Скобельцыной). 2012 г.

и остановкой в устье реки Великой невесты царя Ивана III Софьи Палеолог в 1473 году. Одно из последующих, в 1616 году — с приходом в Устье шведов, которые «поставили городок у Николы…». Погост Мелётово имел не менее существенное значение для обороны земель наших псковских предков, в том числе и в случае междоусобных военных столкновений. Уместно процитировать здесь строки из книги Елены Николаевны Морозкиной: «Погост Мелётово расположен в 42 километрах к востоку от Пскова, близ древней границы Псковского и Новгородского княжеств. Мелётово было последним станом у псковского рубежа. Здесь проходила дорога на Порхов, Новгород и Москву. В 1342 году, перед окончательным разрывом Пскова и Новгорода, псковичи встречали здесь новгородскую рать и уговаривали её вернуться. В 1477 году князь Ярослав Стрига-Оболенский, рассорившись со псковичами, поехал на Москву. Остановившись в Мелётове, на границе, он грабил Псковскую землю в течение трёх недель. В 1481 году братья Ивана III, Андрей и Борис, хотели привлечь псковичей на свою сторону против Москвы. Когда это не удалось,

они «сташа на Мелётове» и отсюда распустили «вои своя» грабить Псковскую землю. В писцовых книгах XVI века описывается «засада Мелётовская», «Губа Мелётовская» [2; с. 91]. По гряде холмов, пересекающей низменную местность, вероятно, и шёл рубеж, отделяющий земли Псковского княжества от земель новгородцев. Церковь Успения Богородицы в селе Мелётово стоит на самом высоком месте этой гряды, господствуя над всей окружающей местностью. Чем не идеальный дозорный пункт? Каменная церковь, как явствует из летописи, была построена в 1462 году по заказу псковского боярина Якова Иоанновича Кротова».

В нынешнем, 2015 году, — 550 лет потрясающим фрескам церкви Успения Богородицы в Мелётове. Но это — предмет отдельного серьёзного разговора, неиссякаемый источник ценной информации для специалистов-исследователей.

Мелётово удивительно ещё и тем, что рядом с церковью Успения Богородицы здесь находится храм Святой Троицы, построенный в 1913 году на народные деньги. Мой дедушка, Григорий Петрович Козьяков, ветеран Первой мировой войны, участвовал как в сборе средств на строительство этого храма в своём родном селе Мелётово, так и непосредственно в выполнении строительных работ. Позднее, потеряв на этой войне своих боевых друзей, он стал воспринимать храм Святой Троицы как памятник не вернувшимся с полей битвы. Именно в этом храме я была крещена в августе 1958 года. Службы в нём продолжались вплоть до семидесятых лет XX века. Пока были живы родители мамы, она ежегодно гостила со мной в Мелётове, а потом мы останавливались в деревне Высоцко, в семье моей тёти, Ольги Григорьевны Строговой. Четыре километра от Высоцко до Мелётова мы неторопливо шли с мамой на кладбище, поклониться могилам Григория Петровича и Марии Ивановны Козьяковых. Совершенные формы церкви Успения Богородицы, недалеко от которой находятся могилы моих родных, я «впитывала» открытой детской душой. В храме Святой Троицы мне нравилось забираться на хоры…

Глубокое негативное потрясение довелось мне пережить, когда, после долгой разлуки с дорогим мне местом, в 2012 году я вновь оказалась в Мелётове. Ведь моя память сохранила храм Святой Троицы заботливо ухоженным, а теперь он предстал моим глазам заброшенным, с провалившейся крышей.

Б.С. Скобельцын показывает гостям храм Николая Чудотворца с Устья.
Фото Н. Величко, 1994 г.

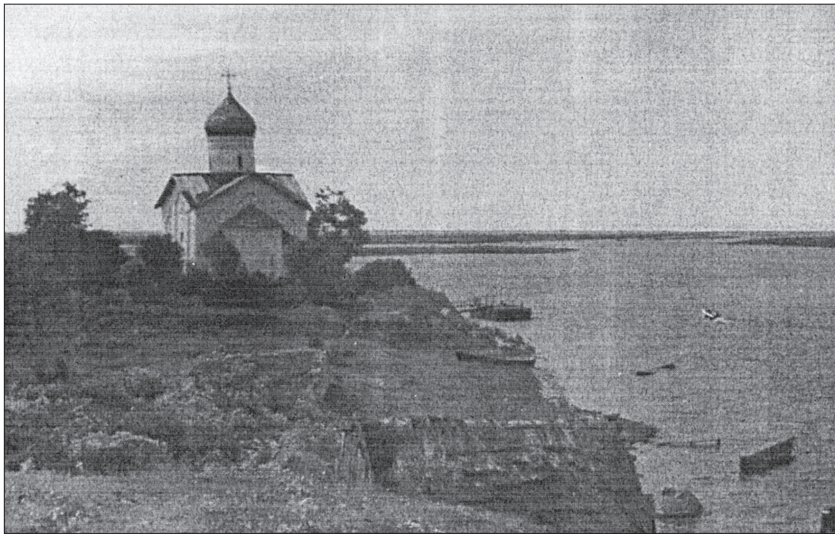
К большому сожалению, и подвижническая деятельность архитекторов- реставраторов, которые сумели в сравнительно короткий срок не только устранить страшные следы Великой Отечественной войны с наиболее выдающихся памятников архитектуры Пскова и Псковской области, но и наполнить эти памятники новой жизнью, привлечь к ним внимание как соотечественников, так и зарубежных гостей нашего края, оказалась в XXI веке, по существу, значительно недооценённой. Произнося «правильные» слова о необходимости сохранять культурное наследие наших талантливых предков, теперь даже люди, имеющие достаточный уровень образования и интеллекта для того, чтобы понимать ценность таких памятников, как храм Николая Чудотворца с Устья, безжалостно губят исторический, природный и антропогенный ландшафт, в который органично «вписан» памятник. Позиция «после нас — хоть потоп» всегда была

чуждой В.П. Смирнову, Б.С. Скобельцыну, М.И. Семёнову. Но нынче она оказалась вполне приемлемой для местных и приезжих, в том числе — пострадавших от реституции, например, в постсоветской Прибалтике, обладателей материальных средств, вкладываемых ими в «агрессивную» застройку в непосредственной близости от «жемчужин» псковской архитектуры. Надежда, впрочем, ещё жива, прежде всего — на наследников, в том числе — в прямом смысле этого слова, творческих личностей — ярких представителей «золотого века» реставрации Псковской земли.

Вспоминаются «мелочи», из которых и состоит полноценная, не виртуальная, жизнь. Так, мой отец Анатолий Михайлович Ермак (1932–1997) часто рассказывал о первых своих встречах с замечательными архитекторами-реставраторами в Устье в 1957–1960 годах. Когда я появилась на свет, очень похожая на него, отец спешил поделиться своей радостью с окружающими. Завёл разговор и с Борисом Степановичем Скобельцыным, руководившим в то время реставрационными работами в Устье: спросил, есть ли у него дети. Тот ответил: «Да, двое — Наденька и Кирюша». В словах Бориса Степановича сквозила нежность… А вскоре он стал брать своих детей с собой, отправляясь в Устье, открыл для Кирилла и Надежды красоту, уникальность этого исторического места. А они сумели оценить талант своего отца, благодаря которому храм Николая Чудотворца с Устья словно заново родился, освободившись от поздних элементов, искажавших его исходный, цельный, гармоничный образ. И сейчас, спустя много лет, Надежда Борисовна Грошева (Скобельцына) использует все возможности, чтобы спасти воплощённое в камне наследие отца, призывая всех неравнодушных граждан стать на защиту прекрасных образцов зодчества, дошедших до нас через многие века, опалённых огнём многих войн, прошедших по нашей многострадальной Псковской земле. Она бережно хранит духовное завещание своего отца, участника Великой Отечественной войны, Почётного гражданина города Пскова, прекрасного фотохудожника, и, конечно, Зодчего. Столь же благородную жизненную позицию в деле сохранения богатого культурного наследия, пока ещё не совсем утраченного псковичами, занимает и внук Михаила Ивановича Семёнова — Михаил Валерьевич Салеев.

Но, несмотря на разработку коллективом профессионалов — таких, как И.В.Смирнова, И.Б.Голубева и других — и на последующее

Храм Николая Чудотворца с Устья. Фото Б.С. Скобельцына. 1956 г.



Храм Николая Чудотворца с Устья после реставрации.
Фото Б.С. Скобелцына. 60-е годы XX века.

Новостройки вокруг храма Николая Чудотворца с Устья.
Фото автора, 3 октября 2015 г.

утверждение Псковским Областным Собранием депутатов в июле 2013 года Проекта зон охраны объекта культурного наследия федерального значения «Церковь Николая Чудотворца XVI в.» в д. Устье Псковского района Псковской области, в утверждаемую часть которого вошли границы зон охраны, режимы использования земель и градостроительные регламенты в границах зон охраны памятника, застройка исторической части Устья становится всё более «бесцеремонной». Прекрасная задумка наших талантливых предков, согласно которой церковь Николая Чудотворца с Устья открывается подходящему к ней с востока человеку на спуске под гору, будто бы вырастая из-под земли, стала новой угрозой для художественного, полноценного восприятия памятника. Ведь при стихийной, неконтролируемой застройке этой горы особняками внушительных размеров и повышенной этажности, дроблении некогда цельного пространства вокруг памятника вследствие нагромождения высоких сплошных заборов, храм — замечательное «послание через века» нам от наших мудрых и мастеровитых предков — «потерялся» среди доминирующих над всей местностью новоделов. Такая участь могла постигнуть и церковь Успения Богородицы в селе Мелётово, но большая отдалённость от Пскова, расположение на вершине высокого холма, река Мелётовка, протекающая с востока от храма — всё это создаёт памятнику «защиту» в условиях неоправданного «архитектурного

Устье. Неконтролируемая застройка вблизи храма Николая Чудотворца.
Фото автора, 3 октября 2015 г.

экстремизма» ряда состоятельных граждан нашей страны. В любом случае, выдающиеся форпосты земли Псковской, некогда служившие обитателям этой земли и как символы духовной чистоты и высоты, и как храмы-крепости при угрозе нападения неприятелей, сами сейчас остро нуждаются в нашей безотлагательной защите.

Литература:

1. *Ермак Е.А.* Неуёмность. Венок сонетов.// Скобари. Сборник произведений псковских писателей/ Под ред. С.В. Молевой. — Псков, «Отчина», 1995. — С.211–218.
2. *Макеенко Л.Н.* Устье — форпост Пскова// Псковская правда, — №4. — 2002.
3. *Морозкина Е.Н.* Церковное зодчество древнего Пскова. В двух томах (ред. Т.В.Вересова) — Том I. — М.: Северный паломник, 2007.
4. *Рахманина Н.С., Голубева И.Б., Селивёрстов Ю.А., Смирнов Д.В.* Всеволод Смирнов. Архитектор. Художник. Кузнец. — СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2012.
5. *Салеев М.В.* Дед//Псковский летописец: Краеведческий альманах. — М.: Изд-во Маросейка, 2009, №1. — С.130–142.

ИСТОРИЯ УЛИЦЫ ЛЕСНОЙ: СВЯТОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ В ГОДЫ ГОНЕНИЙ НА ПРАВОСЛАВИЕ

Т.Г. Лединина
(Псков),
главный библиограф
Областной универсальной научной библиотеки

В Псковском крае многих паломников Пушкиногорья притягивает не только Пушкинский Заповедник, но и Святогорская Успенская обитель.

Благодать Божия, которая пребывает на месте сем уже более 450 лет, особо ощутима всеми — и паломниками, и туристами, которые всегда посещают могилу А.С. Пушкина в Святогорском монастыре.

Все, кто бывают в Святых Горах, подспудно замечают своеобразие климата этих мест, какую-то радость, непроходимую и душевную свободу. Историк К.М. Плоткин писал: «Даже на древней Псковской земле немного мест с такой концентрацией «русского духа», как в Святогорах».

Но Святогорский монастырь не всегда был столь привлекателен для православных паломников, как в наши дни. Бывали и иные времена, когда святая обитель претерпела и немало гонений в разные годы своего существования. Один из этих страшных периодов — советский, с 1922 по 1992 год.

Святогорский Свято-Успенский монастырь был упразднён комиссией по ликвидации монастыря 12 июня 1924 года. Очень подробно было описано имущество монастыря и Успенского собора. Чуть ранее, в 1918 году, монастырь избежал своего закрытия, так как был переименован в артель и закрепил за собой 15 десятин земли, весь инвентарь.

Святогорский монастырь 1937 г.

Кроме того, местное население прекрасно понимало, что поборы Советской власти, предъявляемые монахам, идут вовсе не в пользу голодающим, а на войну, и не позволяло властям закрывать Святогорский монастырь, выступая в его защиту.

Монастырская изба-читальня, находившаяся напротив Пятницких монастырских врат, стала библиотекой общего пользования, но из её фонда не были первоначально изъяты книги духовно-нравственного содержания, что вызывало немало притязаний Советов к этой библиотеке. Затем, в 1930-е годы, это здание занял райвоенкомат.

На территории Святогорского монастыря, в церкви святителя Николая Чудотворца, был устроен поселковый дом культуры. В нём часто показывали немое кино. Электричества в посёлке ещё не было, и для демонстрации кинофильмов использовали динамо-машину, которая вырабатывала электричество.

В двухэтажном здании келейного корпуса в 1930-е годы разместился Пушкиногорский исполком райсовета и райком ВКК(б). К этому зданию была пристроена деревянная «Аптека».

В восточной части, на монастырском дворе, в двухэтажных деревянных домах размещались редакция газеты «Пушкинский колхозник» и типография, там же находилась и школа крестьянской молодёжи.

В братском корпусе, уже позднее, стал работать хлебозавод. Западная часть территории монастыря использовалась под склады Пушкиногорского сельпо.

Колокольня Святогорского Успенского монастыря

Высота соборной колокольни 37 метров. Строительство колокольни началось ещё в XVIII веке, но завершилось только в 1821 году, при игумене Ионе. …

Монастырские колокола находятся на четырехъярусной колокольне Успенского собора с карнизами, крышей и высоким шпилем, увенчанным крестом.

Вход на колокольню расположен с западной стороны, через деревянные двери на железных кованых петлях, подъём осуществляется по трём деревянным лестницам. Один ярус окон колокольни заложен кирпичом. Когда-то там находились башенные часы, от которых остались лишь незначительные следы. Выше, где висят на ушках колокола, колокольня имеет помост к звоннице: вспоможение для её обслуживания.

Колокола бережно хранились директором Пушкинского Заповедника Семёном Степановичем Гейченко и потому не были отправлены в Москву.

Всего колоколов 14, подобранных под тон. Из них с надписями — 8. Самый большой — 151 пуд. Его звон был далеко слышен за приделами Святых Гор, он имеет в составе сплава немалую долю серебра. Надпись на нём следующего содержания: «В Святогорский монастырь Пречистыя Богоматери честнаго Ея Умиления тщанием тоя обители игумена Иннокентия. Весу в нем 151 пуд 100 фунтов. Лит на заводе московского купца Данилы Тюленева». Предание гласит, что монастырь заказал московскому купцу Тюленеву большой Успенский колокол и во время его отливки случилась неожиданная проверка, и мастерам, утаивающим излишки серебра, пришлось их слить воедино в сплав. Поэтому колокол получил в своём составе немалую долю

Святогорский монастырь. 1940 г.

Святогорский монастырь. 1942 г.
Церковь Святителя Николая, Мирликийского чудотворца

серебра, отчего его звучание явилось очень мелодичным и богатым голосом. По другим предположениям, в сплав было добавлено немало монет чистого серебра, пожертвованных монастырю паломниками-богомольцами. Так или иначе, монастырь обрёл красивейший по звучанию колокол, известный в прежние времена на всём Северо-Западе Руси. Этот колокол пострадал в годы Великой Отечественной войны, при взрыве колокольни. Его уцелевшее основание экспонируется у подножья Святой горы при входе в монастырь через Анастасьевские ворота. В народе этот колокол нарекли Горюном.

В войну много колоколов было похищено. Некоторые из них монахиням удалось утаить и спасти от вывоза в Германию. Из прежних сейчас остаются только 4 небольших колокола и 1 большой, разбитый.

Судьба одного, находящегося ныне на Святогорской колокольне, очень примечательна. Это центральный большой колокол. Он попал в Святогоры из Германии. Трофейный этот колокол наглядел прежний хранитель и директор Пушкинского Заповедника Семён Степанович Гейченко на одном военном ленинградском аэродроме, находящимся в посёлке Сиверская. Он там был не нужен и никак не использовался. Передача этого колокола Святогорскому монастырю Пушкинского Заповедника состоялась в конце 1970-х годов. Использовался он только 2 раза в году — на день рождения и день смерти Александра Сергеевича Пушкина, в остальные дни ударять в колокол властями было запрещено. Но и это обстоятельство очень радовало С.С. Гейченко, собирателя русских колоколов, искусствоведа по своему первоначальному образованию, ученика известного архитектора и реставратора К.К. Романова, реконструировавшего в 1930-е годах Пушкинский уголок «Михайловское».

Самое замечательное в этой истории то, что колокол был отлит в Германии в 1899 году, в год 100-летнего юбилея со дня рождения А.С. Пушкина! Надпись на нём на немецком языке, в переводе она гласит: «Стоять при молитве». До Великой Отечественной войны на Успенском соборе были кресты. Купол и колокольня тогда были окрашены в голубой цвет с золотыми звёздами. Смотрелось очень красиво.

Когда делался опрос пушкиногорских старожилов в 1990-е годах, то одна из жительниц посёлка, Елена Ивановна Иванова, вспоминала, что на территории монастыря в 1930-х годах располагалось зда-

Успенский собор. Придел Б.М. Одигитрии. 1970 г.

Никольская церковь. Приход

Святогорский монастырь. Пятницкие врата. 1949 г.

ние деревянной школы, в которой она жила с семьёй. В школе было 8 классов. Раньше это здание было келейным корпусом при монастыре, затем сделали его перепланировку, сделали просторные классы, оставив несколько комнат для преподавателей. Там они и жили. Когда наступали немцы — школу кто-то поджёг. Учителя даже не успели забрать свои вещи.

В основном братском корпусе была пекарня (в его левом крыле).

За монастырским корпусом в хлевах стояли коровы, принадлежащие школе.

У Анастасьевских ворот было ещё 2 здания. В них располагалось издательство с типографией и редакцией. Когда рассказчица (Елена Ивановна Иванова) была маленькой, она ходила с родителями на богослужение в Никольский храм. Там был большой хор. В нём пели Карузина, Анна Шамина, Ольга Бычкова и другие.

До 1939 года сохранялся прекрасный монастырский сад. В нём росли яблони, груши, вишни и сливы. Из яблонь: белый налив, грушовка, розовка,.. Ягодных кустарников не было.

Ярмарка на территории Святогорского монастыря в 1960-е гг.

Петрова Мария Фёдоровна вспоминает: в 1944 году в Успенском соборе был алтарь, слаженный наспех из горбыля. Висели иконы. В приделах всё было вскопано.

При отступлении фашистские оккупанты взорвали колокольню. За дорогой напротив монастыря стоял бункер. От него прорыли тунель и заложили бомбы. Благодаря советским сапёрам монастырь не взорвался.. .

В 1949 году организовался Пушкинский музей-заповедник. Мария Фёдоровна работала при Святогорском монастыре смотрителем. Жила в сторожке с семьёй до 1955 года. Ухаживала за цветами, следила за порядком на всей территории монастыря. Она свидетельствует, что в 1934 году в монастырской гостинице на 1-м этаже располагался ресторан, а на 2-м — райисполком. До войны в Успенском соборе в одном приделе располагалась библиотека, а в другом — солдатские нары. В центре собора был устроен склад, в котором хранили зерно, железо. В Никольской церкви был клуб, в котором демонстрировались немые фильмы.

Пятницкие врата в 1920-х гг.

Восстановление Пятницких ворот

Церковь св. вмч. Параскевы Пятницы

В августе 1940 года на территории монастыря была устроена санитарная чистка деревьев. Вырубили старые деревья, обрезали мёртвые сучья с деревьев. И все же работа была сделана неудовлетворительно, как заключил профессор Шиперович 26 августа 1940 года.

До 1935 года существовал приход Пятницкой церкви, но позднее все служители церкви были арестованы, кресты с куполов сняты. Всё убранство Успенского собора и Никольского храма было разорено и большею частью уничтожено. При входе в Никольскую церковь разместили табличку: «Районный дом культуры». К тому времени Никольский храм стал окончательно кинотеатром, вплоть до его уничтожения при артиллерийском обстреле.

В центральной части храма св. вмч. Параскевы разместилась сцена и зрительный зал, в правом приделе — библиотека, в левом приделе — отделы кружковой работы, в том числе и струнный оркестр, который насчитывал в своём составе 20 человек. Струнным оркестром руководил Геннадий Цесарский, а духовым оркестром — Степан Петрович Кошелев, начальник пожарной части. Был ещё и физкультурный кружок, драмкружок, хоровая студия, кружок рукоделия. Директором районного дома культуры был Павел Орлов.

После закрытия Святогорского Успенского монастыря у ближайшей с ним церкви Казанской иконы Богородицы появилась община монахинь, прибывшая из закрытой обители под Псковом, — возможно, из Елеазаровского Спасского монастыря. Одна из монахинь, матушка Прасковья с сестрой Александрой, жили в землянке, которую сами ископали с юго-западной стороны от церкви. Следы её можно увидеть и поныне. Матушки жили в ней несколько лет. Службы в Казанской церкви правились ежедневно, горела неугасимая лампада. Монахини жили по монастырскому уставу. Кормились на подаяние христиан-паломников и прихожан. Кто-то жил в домиках-мазанках. Жилища их были покрыты дранкой и щепой. В то время большинство жителей Пушкинских Гор крыли свои крыши соломой, которая часто горела. Кровля на домах матушек казалась людям невиданным изыском, многие завидовали.

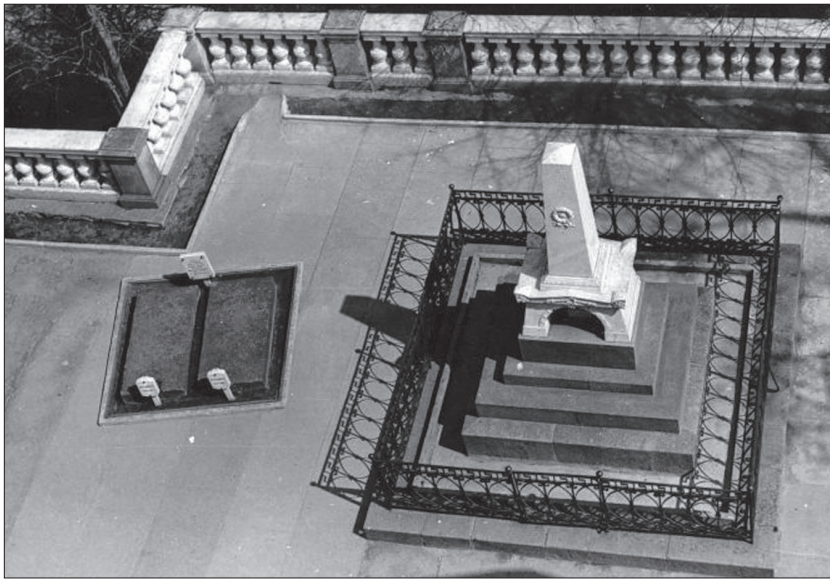
В 1933 году Казанская церковь сгорела, но за 4 месяца была восстановлена священником и матушками полностью. В 1937 году тройка УНКВД Калининской области предъявила монахиням обвинение в содержании подпольного монастыря, так как после закрытия Святогорского монастыря многие иконы из него были перенесены для молитвы в Казанскую церковь. У многих сложилось мнение, что община при Казанской церкви — преемник Святогорского монастыря, и в 1937 году, 5 декабря, был арестован священник Казанского храма о. Иоанн Савицкий и приговорён «тройкой» НКВД к 8 годам лагерей — батюшка так и пропал в сталинских лагерях в безызвестности.

Аналогично поступили и с вторым заштатным священником этой церкви, Петром Васильевичем Чистовским. Его «тройка» НКВД приговорила к 10 годам лагерей, несмотря на его преклонный возраст. Поплатился батюшка за то, что «высказывал пораженческие взгляды о войне в Испании», — собственно, о фашизме и неминуемой войне с Советским государством.

После ареста 2-х священников общину монахинь ликвидировали, а многих матушек подвергли репрессиям.

Отец Михаил Успенский, который был парализован, духовно окормлял многих людей и паломников, к нему приходящих. Давал советы и благословлял всех, кто приходил в Казанский храм.

Только в год 200-летия рождения А.С. Пушкина пересмотрели дела двух священников Казанского храма и они были реабилитированы прокуратурой Псковской области.



Последний приют Ганнибалов – Пушкиных. 1970-е гг.

В 1992 году, во время передачи Святогорского Успенского монастыря Русской Православной Церкви, сотрудники Музея-заповедника А.С. Пушкина, заручившись большим списком подписей, оставили братский корпус с арочным проёмом в ведении Заповедника. Братии пришлось ютиться в доме наместника монастыря, где не было даже водопровода. Музейщики мотивировали это тем, что за памятником архитектуры XVII века, Успенским собором, и могилой Александра Сергеевича Пушкина необходимо вести наблюдения. Экскурсоводы, как и прежде, проводили экскурсии по монастырю. Игумену Сергию и монахам Святогорского монастыря пришлось обратиться с прошением о передаче Братского корпуса в распоряжение монастыря к главе Администрации Псковской области В.Н. Туманову. Обращение игумена и братии было рассмотрено положительно. Вскоре Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина освободил все помещения на территории Святогорского монастыря.

Отношения Святогорского монастыря и Пушкинского музея-заповедника складывались очень сложно. Многие из сотрудников музея

считали, что монастырь «затормозил выполнение их просветительской деятельности». Но постепенно эти сложные отношения умирились.

Сейчас братия Святогорского монастыря живёт в двухэтажном доме наместника и в новом корпусе, построенном в 2013 году вскоре после пожара прежнего здания. На первом этаже несколько келий для паломников, ризница и хозяйственный блок, на втором — келии монахов.

В Братском корпусе с арочным проёмом и мансардой-фонарём на первом этаже — трапезная и хозяйственный блок; на втором, в мансарде — монастырская библиотека. Для библиотеки часть книг сохранила Казанская церковь и в 1992 году они были переданы монастырю.

Древняя монашеская обитель постепенно возвратилась к жизни!

На улице Лесной

Маленькая тенистая улочка посёлка Пушкинские Горы ещё помнит события довоенной поры. До Великой Отечественной войны улицу Лесную называли Тимофеевской, а ранее она называлась Монастырской. Скорее всего, на ней когда-то проживали монастырские дворовые люди. В Клировых ведомостях Святогорского монастыря значится: «В 20 саженях от церкви были восемь дворов служителей монастыря». Эта улица протянулась между двумя святыми холмами: Святой Тимофеевой горкой и Святой Синичьей горой, где расположен Успенский монастырь. На Тимофеевой горке стоит часовня во имя Покрова Богородицы и церковь во имя иконы Богородицы «Казанская», построенная в 1765 году на средства помещика Григория Ивановича Коновницына.

На улице Лесной сохранялся до февраля 2014 года дом №18, где проживала матушка Евлампия, игуменья женской монашеской общины. Сейчас дом этот снесён, остался только фундамент. Дугой домазанка был уничтожен пожаром весной 2013 года.

В конце улицы разместился стадион, который был сооружён ещё до Великой Отечественной войны, в 1936 году. В довоенное и послевоенное время на стадионе располагались две вышки, с которых можно было совершать прыжки с парашютом. На старых фотографиях эти вышки видны.

Святой источник, известный на всю округу, был тщательно засыпан гравием и грунтом, но ложбинка всё равно остаётся и вода весной в этом месте образует небольшую лужицу.

Наш домик-мазанка на ул. Лесной, 9, который принадлежал когда-то священнику о. Александру Балышу, служившему до 2001 года в Казанской церкви, построен в 1939 году. Был покрыт дранкой, позднее — шифером. Он является единственной уцелевшей довоенной постройкой, остальные дома сгорели или снесены и перестроены. Домик мемориальный, в нём жили и матушки в годы войны, поэтому перестраивать его недопустимо, нужна только реставрация, укрепление полов и фундамента, ремонт кровли.

В дальнейшем в этом мемориальном доме будет организован музей улицы Лесной.

Источники:

1. *Степанова Т.* К истории Святогорского монастыря / газета «Пушкинский край». 1993 г., 9 февраля. — С. 5.
2. Балыш Александр, иерей. Свято-Казанский храм / газета «Пушкинский край». 1998 г., 11 августа. — С. 4.
3. *Панчишин И., Пузанов А.* Разгром «подпольного монастыря» / газета «Новости Пскова». 1999 г., 7 апреля. — С. 7.
4. «Святогорский монастырь ликвидирован...»: свидетельствуют документы / подборка и публикация Е.М. Канцельсон // журнал «Псков». 2001 г., № 14. — С. 171–177.
5. *Юркив Н.* Библиотека — просветительский центр / газета «Пушкинский край». 2005 г., 27 мая (№ 41). — С. 2.
6. *Иванова В.* «Мы въезжаем в монастырскую слободу…» / Пушкинский край. 2007 г., 31 июля (№ 61). — С. 2.
7. *Иванова В.* «Мы въезжаем в монастырскую слободу…» / Пушкинский край. 2007 г., 3 августа (№№ 62–63). — С. 8.
8. *Малиновский А.* Довоенные Пушкинские горы / Пушкинский край. 2007 г.. 3 августа (№№ 62–63). — С. 5.
9. *Иванова В.* «Мы въезжаем в монастырскую слободу…» /Пушкинский край. 2007 г., 14 августа (№ 66). — С. 4.
10. *Хмелёва Е.* Лесная улица / Пушкинский край. 2013 г., 21 июня (№ 51). — С. 6.

ИЗ ИСТОРИИ ПЕЧОРСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ

Л. А. Фролова
(Псков),
ведущий специалист Центра противопожарной пропаганды и общественных связей
ФГКУ «Третий отряд ФПС по Псковской области»

В сообщении использованы источники документов архивов УВД и Управления государственной противопожарной службы, воспоминания печорских пожарных, материалы периодической печати.

Профессиональная пожарная команда в городе Печоры была сформирована перед самой войной. Из воспоминаний пожарных следует, что ГПК создана в 1940 году, когда Эстония вошла в состав Советского Союза; согласно исследованиям работника пожарно-технической выставки Н.П. Терековой (она ссылается на исследования А. Зубченко) — 1 марта 1941 года. Руководителем был назначен Герберт Матс (прежде начальник Печорского Вольно-пожарного общества, но вскоре он был репрессирован), заместителем начальника — Поляков Николай Иванович, политруком Фёдоров (погиб на фронте). Частично формировалась из добровольцев Печорского Вольно-пожарного общества и состояла из 26 человек, дежурство осуществляли три караула. Удалось выявить следующие имена: Изборский Валентин Иванович, Изборский Василий Николаевич, Коровников Владимир Викторович, Коровников Николай Петрович, Лабутин Виктор Петрович, братья Тоболкины (Алексей, Пётр, Серафим), Поляков Иван Иванович, Полякова Зинаида Викторовна, Капушева Мария, братья Сурнины, Блинов Василий Иванович, Москвин Николай Алексеевич, Герасимов Матвей Васильевич, Пантепаев, Полеводин, Зеленков, Сергеев и др. На вооружении имелись два автомобиля, три мотопомпы, пять ручных насосов.

Герберт Матс — первый начальник Печорской профессиональной пожарной команды

Поляков Николай Иванович, руководитель эвакуации Печорской ГПК в июле 1941 г.

С началом войны городская пожарная команда эвакуировалась через Гатчину в Ленинград, оттуда — в Горьковскую область в г. Дзержинск, в Богородск, в посёлок Узень. Эвакуацией руководил Н.И. Поляков. У некоторых пожарных была бронь, так как надо было выполнять свой профессиональный долг в тылу, некоторые были призваны на фронт в составе Эстонского корпуса, который формировался в городе Чебаркуль Челябинской области.

С августа по декабрь 1944 года Печорская ГПК вновь была сформирована и находилась под началом Управления пожарной охраны Эстонии. 16 января 1945 года был образован Печорский район в составе Псковской области РСФСР.

Печорская городская пожарная команда.
Штатная расстановка личного состава от 18 апреля 1945 г.:

Начальник ГПК Новосельцев Николай Дмитриевич, вновь принят 18/VIII–1944 г.

Зам. начальника по профилактике и службе, вакантная должность

Печорская пожарная команда. Г. Горький. 1941 год.

Зам. нач. по полит. части Шкворов Михаил Петрович, вновь принят 20/III–1944 г.

Инструктор по профилактике, вакантная

Начальник караула Шаров Семён Миронович, вновь принят 18/VIII–1944 г.

Начальник караула Маркелов Павел Павлович, вновь принят 1/X–1944 г.

Начальник караула Костин Владимир Иванович, вновь принят 18/VIII–1944 г.

Делопроизводитель Никитин Александр Никитич, вновь принят 1/IX–1944 г.

Командир отделения Москвин Иван Иванович, вновь принят 18/VIII–1944 г.

Командир отделения Яблонский Василий Иванович, вновь принят 1/IX–1944 г.

Командир отделения Поляков Сергей Михайлович, вновь принят 1/IX–1944 г.

Зам. ком-ра отделения Тусин Павел Фёдорович, вновь принят 1/IX–1944 г.

Зам. ком-ра отделения Зарубаева Валентина Алексеевна, вновь принята 1/IX–1944 г.

Зам. ком-ра отделения Королькова Мария Дмитриевна, вновь принята 1/IX–1944 г.

Шофёр Хольштейн Карл Андреевич, вновь принят 1/II–1945 г.

Шофёр Москвин Николай Алексеевич, из ОК УНКВД Смолен. области в 1944 г.

Шофёр Погодин Павел Григорьевич, вновь принят 1/IX–1944 г.

Шофёр, вакантная

Шофёр, вакантная

Телефонист Орехова Антонина Васильевна, вновь принята 1/X–1944 г.

Телефонист Сергучева Ольга Васильевна, вновь принята 1/XI–1944 г.

Телефонист Пирисильд Людмила Освольдовна, вновь принята 1/X–1944 г.

Боец Ринусов Иван Степанович, вновь принят 18/VIII–1944 г.

Боец Суетов Олег Сергеевич, вновь принят 1/XI–1944 г.

Боец Егорова Александра Николаевна, вновь принята 1/X–1944 г.

Боец Поляков Иван Иванович, вновь принят 1/IX–1944 г.

Боец Александров Иван Николаевич, вновь принят 1/IX–1944 г.

Боец Лисьева Мария Филипповна, вновь принята 1/XII–1944 г.

Боец Коровников Николай Михайлович, вновь принят 1/IX–1944 г.

Боец Щербакова Мария Васильевна, вновь принята 1/XII–1944 г.

Боец Лепесто Вера Алексеевна, вновь принята 1/XII–1944 г.

Боец Ринусов Николай Степанович, вновь принят 1/X–1944 г.

Боец Далова Анна Дмитриевна, вновь принята 1/II–1945 г.

Боец Тарьян Иван Августович, вновь принят 1/II–1944 г.

Боец Уланов Василий Григорьевич, вновь принят 1/II–1944 г.

В 1959 году штат пожарной команды был следующим:

Начальник пожарной команды — 1

Заместитель начальника — 1

Инспектор по профилактике — 1

Начальники караулов — 3

Помощники командиров отделений — 3

Пожарные — 17

Печорская городская пожарная команда. 1951 год

Шофёры — 4

Бухгалтер — 1

На вооружении имелись: автонасос АМО-4 (поступил в 1932 г.), автонасос ПМГ-3, автоцистерна ПМЗ-8 (поступила в мае 1951 г.).

С 1958 года в Псковской области начали проводить областные соревнования по пожарно-прикладному спорту. Печорская команда часто становилась победительницей. В конце 70-х были сильные спортсмены в состязании по преодолению 100-метровой полосы с препятствиями — Вячеслав Михайлович Гладилин и Решкин В.С., на выдвижной лестнице Бибиков В.П. и Аго Вальтерович Ваакс, в скоростном маневрировании пожарных машин — Малышев С.И.

В 1970 году в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина работникам Печорской пожарной охраны была вручена медаль «За доблестный труд»: Василию Степановичу Демидову, Николаю Дмитриевичу Кивику, Виктору Петровичу Лабутину, Ивану Яковлевичу Лунёву, Николаю Петровичу Неклюдову.

Печорская городская пожарная команда. 1959 год

В те годы проводились социалистические соревнования, и Печорская пожарная часть, например, в 1976 году стала победительницей — ей вручили переходящее Красное Знамя и премию.

В 1978 году было закончено строительство нового Пожарного депо, в 1982 году была создана газодымозащитная служба.

Появлялись династии. Самой многочисленной можно с уверенностью назвать семейный клан Поляковых, фамилии которых звучали ещё в Добровольно-пожарном обществе — первой пожарной организации, возникшей в Печорах в конце XIXвека. Также Тоболкины, Москвины, Герасимовы и другие.

В начале 90-х годов основным ядром коллектива являлись ветераны А.В. Поляков, А.П. Ленин, М.В. Красовский, В.И. Штенов, И.В. Горский, Е.А. Гаврилов, И.П. Сорокин. Отмечалась добросовестная работа пожарных Э.М. Бойцова, Н.Т. Цветкова. С благодарностью вспоминали ветеранов пожарной службы: Л.И. Кивик и Н.Д. Кивик, А.В. Лескова, В.В. Колбасова, А.И. Бабкина, С.Н. Дементьева, И.Я. Лунёва, И.И. Полякова, С.Д. Дмитриева. В настоящее время служит новое поколение огнеборцев, продолжая добрые традиции своих предшественников, главной задачей которых остаётся, как и прежде, предупреждать и тушить пожары, спасать людей.

Удалось выявить имена следующих начальников Печорской профессиональной пожарной команды (возможны неточности в датах).

16.10.1944–1945 — Новосельцев Николай Дмитриевич

25.6.1945–1947 — Павлов Павел Фёдорович, далее переведён в Остров

1947–1948 — Новосельцев Николай Дмитриевич

1948–1949 — Иванов Алексей Петрович

20.1.1949–1950 — Нестеров Георгий Нестерович

1950–16.5.1953 — Семёнов Михаил Семёнович

16.5.1953 — и.о. Прохоров Геннадий Васильевич

18.8.1953–8.7.1961 — Воронин Владимир Михайлович

8.7.1961–1964 — Прохоров Геннадий Васильевич

1964–1965 — ?

1965–14.11.1969 — Давыдов Василий Иванович

1969–1.11.1970 — Павлёнков Михаил Петрович

1970 — и.о. Бабкин Иван Антонович

1970–20.12.1971 — Бурцев Василий Яковлевич (далее переведён в милицию)

20.12.1971–1980 — Бабкин Иван Антонович (с 1.1.1975 он — начальник Печорского отряда профессиональной пожарной охраны)

1980 — Котов Пётр Васильевич

1981–1.8.1983 — Бабкин Иван Антонович

198…–22.5.1986 — Соловьёв Владимир Фёдорович

1986–1988 — Мосенков Андрей Иванович

1988–2000 — Гладилин Вячеслав Михайлович

2000 – по наст. вр. 2015 — Круглов Анатолий Алексеевич

В год 70-летия Победы над фашистской Германией следует вспомнить имена ветеранов Великой Отечественной войны.

Бабкин Иван Антонович, родился 6 июня 1923 г. в деревне Крутое Маршанского р-на Тамбовской обл. в семье крестьянина. 18 сентября 1941 года призван в ряды Красной Армии Маршанским РВК, направлен в Инзенские военные лагеря Куйбышевской обл., где проходил военную подготовку по специальности разведчика артиллерийского полка. 15 апреля 1942 года в составе маршевой роты отправлен в г. Елец, зачислен в состав 376 артиллерийского полка резерва Главного командования в качестве разведчика полка. Служил

Печорская городская пожарная команда. 1967, 17 апреля

в полку до конца войны, воевал на Калининском фронте, на Орловско-Курской дуге, Прибалтийском фронте. Участвовал в освобождении Риги. Войну закончил в городе Елгава. Под Ригой был ранен осколком в шею. В 1945 году полк передислоцировался в Печоры. В марте 1947 года демобилизовался и сразу поступил работать в пожарную охрану. В 1953 году окончил годичную пожарную школу в Боровичах Новгородской области. Работал до января 1983 года. Прошёл путь от рядового до начальника Печорского отряда пожарной охраны. Умер 17 ноября 1997 года.

Награды: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны 2 степени, медали «За Победу над Германией», юбилейные, «Ветеран труда».

Богданов Пётр Петрович родился в 1916 году в Печорах. В 1934 году вступил в Вольное Пожарное общество. Участник тушения крупного пожара в Печорах в мае 1939 года. В 1941 году эвакуировался вместе с семьёй в Куйбышевскую область г. Сызрань. На Урале формировалась Эстонская дивизия (корпус), он вступил в неё и до конца войны находился на фронте. Демобилизовался в 1946 году,

вернулся в Печоры, работал в профессиональной пожарной команде до 1986 года. Умер в 1990 году.

Награды: орден Красной Звезды, медаль «За отвагу», юбилейные.

Дементьев Сергей Никитич родился 16 октября 1924 года в посёлке Дедовичи Псковской области. Семья переехала в Пожеревицы. После школы поступил в ремесленное училище на токаря в Боровичах. Проучился один год — началась война. Поехал к матери в Мшинский р-н Ленинградской области. Там формировался истребительный батальон — вступил в его ряды. В январе 1942 года вступил в 5-ю партизанскую бригаду. В ходе одной операции обморозил ноги. В марте 1944 года призван в Армию. Дошёл до Берлина. В 1946 году демобилизован (находился в госпитале после тяжёлой контузии). Приехал в Псков, работал водителем в отделении связи, в кинофикации. В 1948 году переехал в Печоры. 1951-1978 — работал водителем пожарной машины в Печорской ГПК.

Награды: орден Отечественной войны, медали «За боевые заслуги», «За взятие Варшавы», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией», юбилейные. Знак «Отличный пожарный».

Демидов Василий Степанович родился 12 января 1926 года в деревне Исавицы Можайского р-на Московской обл. В первые дни войны эвакуировался с семьёй в Саратовскую область. 8 августа 1943 года был призван в действующую армию, попал в г. Белов Тульской области в автомобильный батальон 22-го Управления оборонительного строительства, затем — 2-й и 3-й Белорусские фронты. Участник боев по направлению Витебск-Орша, Смоленск, Кричев, Рославль, Могилёв, Минск, Барановичи, Гродно, Белосток в Польше, Варшава; затем перебросили в Кёнигсберг, где и закончил войну в 1945 году. Затем направлен на учёбу в Москву при Главном Управлении оборонительного строительства на механика. Параллельно закончил учебный комбинат, получил право столичного шофёра-инструктора. В 1947 году учился в учебном комбинате в Риге, служил в 22-м Управлении инженерных работ в г. Советске. Демобилизован в 1950 году. С семьёй приехал в Псков (отца направили восстанавливать завод «Металлист»). 14.2.1951 — 9.7.1953 — служба в органах МГБ. 9.7.1953 — 8.6.1960 — шофёр-милиционер Печорского РОВД. 8.6.1960 — 17.7.1985 — инспектор государственного пожарного надзора Печорского р-на, с 1964 года — начальник ГПН. В 1959 году за-

кончил Псковский сельхозтехникум. 1969 — участник Всесоюзного совещания лучших работников пожарной охраны в г. Куйбышеве. После выхода на пенсию по выслуге лет переехал в Псков. 1.3.1979 — 14.1.1998 — работал инженером по профилактике в Доме Советов. Умер в июне 2012 года.

Награды: орден Отечественной войны 2 ст., медаль «За Победу над Германией», юбилейные. Знаки «Лучшему работнику пожарной охраны», «Отличник ВДПО», «Отличник гражданской обороны СССР».

Изборский Валентин Николаевич родился в 1914 году в Печорах. Учился в Печорской школе. Освоил специальность «сапожник». В 1932 году вступил в ряды Вольно-пожарного общества. Участник тушения крупного пожара в мае 1939 года в Печорах. В 1941 году поступил на работу в профессиональную пожарную команду, эвакуировался с ней в Горьковскую область, там призван в Эстонский корпус. Воевал в роте миномётчиков, был в паре с Лабутиным Виктором Петровичем (тоже печерянин). Воевал в Прибалтике. После войны работал в пожарной охране. На пенсию вышел в 1974 году, умер в 1990-м.

Награды: орден Отечественной войны, медали «За отвагу», «За Победу над Германией», юбилейные.

Кивик Николай Дмитриевич родился 30 октября 1924 года на хуторе около Вярски в крестьянской семье. До войны проживал по месту рождения, занимался сельским хозяйством, батрачил у зажиточных эстонцев. В 1941-м — эвакуация в Ивановскую обл., затем на Урал в г. Алапаевск. В октябре 1942 года был призван в Красную Армию, направлен на работу на Первоуральский трубный завод (производство оружия для фронта, снарядов для «Катюши»). В 1948 году демобилизован, вернулся в Печоры. 1948-1985 — работал в пожарной охране шофёром.

Награды: медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Колбасов Виктор Викторович родился в 1926 году в г. Печоры. Образование 7 классов. 1934 год — учился в Бутырской школе (4 класса), потом в деревне Малая Пачковка. С началом войны оказался на оккупированной территории. После освобождения Печор в 1944 году был призван в Армию: с 31 августа по 14 октября 1944 — в учебном батальоне г. Тарту, затем Прибалтийский фронт 65-я дивизия в гвардейском артиллерийском полку. Воевал под Валгой, Ригой,

Пожарная династия Поляковых: Иван Иванович, Василий Иванович, Алексей Васильевич, Александр Иванович, Николай Иванович. 1960-е

Тукумсом. Через два месяца, 22 декабря 1944 года, был тяжело ранен, пять месяцев находился в госпитале Ленинграда, после отправлен в ОСМБ — в Тарту в караул на продсклад. 1946 — направлен в Отдельный полк связи РЛД, служил в зенитной батарее в качестве дальномерщика. В 1946 году комиссован — вернулся в Печоры. 15 января 1948 года поступил в пожарную охрану, но 28 июля 1949 года уволился. В 1953 г. вновь поступил в Печорскую ГПК, был направлен на учёбу в Ленинградское Пожарно-техническое училище, но по семейным обстоятельствам прервал учёбу. Работал бойцом, командиром отделения, оперативным работником. На пенсию вышел в 1986 году. Некоторое время работал в пожарной охране и его брат Колбасов Владимир Викторович.

Награды: орден Отечественной войны, медали «За боевые заслуги» (получил за бой под Тукумсом: были почти окружены, отбива-

лись до последнего патрона; когда подошла помощь, в живых оставалось 6 человек), «За Победу над Германией», юбилейные.

Кузьмин Герасим Лукич родился в Печорах. В пожарной охране с 1936 года. Работал в блокадном Ленинграде, после войны — в Пскове, Печорах.

Лабутин Виктор Петрович родился в 1914 году в Печорах. Член КПСС. В 1932 году принят в Вольно-пожарное общество в 3-й отряд Отделения ручных пожарных насосов. Участник художественной самодеятельности. Участник тушения крупного пожара в мае 1939 года. В 1940 году поступил на службу в профессиональную пожарную команду, в 1941-м вместе с ней выехал в Ленинград, затем в Горький. 1942 — 1945 годы — в составе Эстонского корпуса. Освобождал Великие Луки, Эстонскую ССР. Был ранен. После войны работал в РайЗО военторга. С 1953 до 1974 года — в профессиональной пожарной команде г. Печоры.

Награды: орден Славы 3 степени, медали «За Победу над Германией», юбилейные. Знак «Отличный пожарный».

Лунёв Иван Яковлевич родился 5 февраля 1910 года в дер. Большие Мильцы близ Старого Изборска. В 17 лет уехал на заработки в Таллинн. В 1938 году вернулся в Печоры, работал в торговле, затем шофёром в Старом Изборске. В 1941 году работал шофёром в МВД — возил начальника. С началом войны был получен приказ ехать в Таллинн, в гавань, грузиться на корабли. Когда вышли из гавани, дали дымовую завесу. У острова Гогланд налетели самолёты, началась бомбёжка, одна бомба (И.Я. досчитал до 36) попала в корабль. Механик успел перерубить канаты и спустить на воду лодки — выкинули пробковые подушки. Был сентябрь месяц. Подошли спасательные катера, вытащили уцелевших из воды. Далее плыли в Кронштадт и Ленинград. По распределению попал в пожарную команду № 18 на Васильевском острове, шофёром. Участник тушения пожара на Бадаевских складах. Работал до снятия блокады, а затем на пожарных машинах двинулись за фронтом (Печоры, Выру, Вильянди, Тарту, Таллинн). Тарту три раза переходил из рук в руки — сплошные пожары. Пожарные голодали. В Выру повезло: захватили немецкую кухню с едой. После освобождения Таллинна остался работать там в пожарной охране. В 1945 году вернулся в Печоры, один год работал в МВД водителем, в 1946–1972 годах — в пожарной охране водителем.

Личный состав Печорской профессиональной пожарной части. 1986 год.
Проводы В.В. Колбасова на пенсию

Награды: орден Отечественной войны 2 ст., медали «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945», юбилейные, медаль к 100- летию со дня рождения В.И. Ленина, знак «Отличный пожарный».

Орловский Иван Степанович родился в 1911 году в дер. Захново около Старого Изборска. В 1940 году уехал в Нарву на заработки, работал помощником мастера на Кренгольмской мануфактуре. 23 июля 1941 года призван в Армию. Прошёл с боями от Великих Лук к Нарве, острова Эзель (Сааремаа). 20 марта 1945 года получил ранение, лечился в госпитале Курляндии — для него война закончилась 20 октября 1945 года. Вернулся в Печоры, работал в Кильской шко-

ле-интернате у Старого Изборска. 1951–1971 — Печорская ГПК, боец, командир отделения. Умер в 1993 году.

Награды: медали «За отвагу» (вынес с поля боя с другими бойцами раненого Захарова и убитого лейтенанта Снотинга, его документы и наган), «За боевые заслуги», юбилейные. Знак «Отличный пожарный».

Поляков Николай Иванович родился в конце XIX века в Печорах. Являлся членом Вольно-пожарного общества. Участник тушения крупного пожара в Печорах в мае 1939 года. Затем поступил в профессиональную пожарную команду, был начальником, руководил эвакуацией команды в Ленинград, потом в Горький. После войны работал в Печорской городской пожарной команде. Умер в 1969 году.

Тоболкин Пётр Михайлович родился в 1905 году в Печорах. В 18 лет вступил в Вольно-пожарное общество. Играл в футбол (вратарь), в оркестре пожарных (на мандолине). В 1941 году эвакуировался с пожарной командой в Горьковскую область, посёлок Узень. Оттуда призван в Армию — был на фронте до 1945 года. Освобождал Кёнигсберг, воевал на Дальнем Востоке в Манчжурии. После войны вернулся в Печоры, работал в профессиональной пожарной команде. Организовал оркестр и являлся его руководителем. Умер в 1981 году.

Награды: орден Красной Звезды, медали «За взятие Кёнигсберга», «За Победу над Германией», «За Победу над Японией», юбилейные.

ЕВАНГЕЛЬСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПСКОВЕ И ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ конца 40-х—80-х годов XX века

В. В. Солодовников
(Москва–Псков),
кандидат исторических наук, профессор Кафедры всеобщей истории Духовной академии Содружества евангельских христиан России

Послевоенное время для евангельских верующих Пскова и Псковской области было далеко не однозначным. Советская власть снова признала деятельность поместной церкви евангельских христиан-баптистов.[1] Как сообщалось в журнале «Вестник Истины» (№ 3–4 (99–100) за 1987 год), «В 1947 г. в Пскове официально была зарегистрирована община ЕХБ. Верующие с радостью восприняли возможность свободно проводить общения. Однако вскоре обнаружилось, что вся жизнь церкви должна проходить под строгим контролем уполномоченных и ст. пресвитеров ВСЕХБ» [1].[2]

Таковые, действительно, довольно часто посещали поместные евангельско-баптистские церкви в Пскове и Псковской области.[3]

---

[1] По данным из личного архива служителя Псковской церкви ЕХБ В.М. Кузьмина, официальная регистрация Псковской церкви ЕХБ произошла 8 июня 1945 года.
[2] Помни весь путь твой… // Вестник Истины. 1987. № 3-4 (99-100). С. 38.
[3] См. Братский Вестник. 1953. № 1. С. 35; Братский Вестник. 1957. № 1. С. 74; Братский Вестник. 1968. № 3. С. 79; Братский Вестник. 1969. № 3. С. 69, 78; Братский Вестник. 1972. № 5. С. 80; Братский Вестник. 1978. № 2. С. 77; Братский Вестник. 1979. № 4. С. 77; Братский Вестник. 1980. № 3. С. 68; Братский Вестник. 1983. № 3. С. 77; Братский Вестник. 1984. № 5. С. 70; Братский Вестник. 1986. № 3. С. 69; Братский Вестник. 1987. № 6. С. 60; Орлов М.А. Мой обет Господу // Братский Вестник. 1957. № 6. С. 50; Соколов А.М. 90-летие Псковской Церкви // Братский Вестник. 1977. № 4. С. 80; Савинский С.Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1917-1967). СПб. 2001. С. 214.

В 1949 году общине ЕХБ было передано под богослужебные нужды здание эстонской евангелическо-лютеранской церкви на Немецком кладбище [2].[4] Тем самым коммунисты заложили «мину замедленного действия» под взаимоотношения евангельских христиан-баптистов и евангелических лютеран, которые рано или поздно поставят вопрос о реституции исторического здания на Немецком кладбище.

Любопытно, что в послевоенный период в бывшей эстонской кирхе собирались на богослужения также христиане веры евангельской (пятидесятники) и христиане-адвентисты седьмого дня.[5]

Тем не менее, адвентисты всё же, преимущественно, молились по квартирам[6], в частности — на квартире М.Т. Осиповой.

Квартирные собрания были следствием гонений, которым подверглись псковские приверженцы адвентизма в 1947 году. Обычно во время богослужения — для конспирации — накрывался стол: якобы для празднования «дня рождения». В таких условиях, например, проводила богослужебные собрания жена репрессированного адвентистского проповедника И.Е. Петухова — Екатерина Августовна, переехавшая в Псков из Новгорода.[7] Любопытно, что её «прикрывал» зять — сотрудник прокуратуры, поэтому сама Е.А. Петухова сумела избежать репрессий и заниматься организацией христианских общений.

«В 50-е годы, — пишет С. Григорян, — небольшую по численности (примерно 18 человек), не зарегистрированную, преследуемую, не имеющую постоянного проповедника, церковь активно навещали единоверцы из Прибалтики и Украины. Из Латвии приезжал проповедник Исаак Ламехович Клейманис. Из Эстонии псковских адвентистов опекали братья Кememяги, А.А. Ауг, Яновский, Виктор Ногиновский. Большую роль в духовном становлении псковской общины сыграла Мария

[4] См. Атлас современной религиозной жизни России. Т. 3. СПб. 2009. С. 181.

[5] См. Там же.

[6] Баптистам сразу после окончания войны тоже зачастую приходилось молиться по квартирам и частным домам. Так, например, было в г. Дно, где «богослужения проходили в жилищах братьев А.Ф. Сорокина и Г.И. Иванова» (см. Братский Вестник. 1978. № 2. С. 77). В деревне Луковка Печорского района в 50-е годы баптистская община, состоявшая из эстонцев, собиралась в доме пресвитера С.И. Кейвика (см. Братский Вестник. 1953. № 1. С. 36).

[7] См. *Григорян С.* Блаженны алчущие и жаждущие правды // Адвентистский Вестник. 2008. № 2. С. 9.

Ивановна Дурманенко из города Сумы. В 1947 году она приехала в Псков, где служил в армии её сын. Имея образование всего два класса, она поражала знанием Библии. Мария Ивановна была хорошей швеёй, имела много заказов, каждому приходящему к ней — проповедовала. Впоследствии купила дом на ул. Огородной, где собиралась группа 15–18 человек. Пели тихо — так, чтобы за окном не было слышно. Расходились со слезами — такая была любовь к Богу и друг к другу.

Другая сестра с Украины — Мария Терентьевна Верушкина — тоже оставила о себе добрую память. Она была ревностной сестрой, хорошо знала Библию, с удовольствием проповедовала, предоставляла свою жилую площадь для проведения богослужений».[8]

С 1958 года в Псковской церкви христиан-адвентистов седьмого дня стал проповедовать Иван Степанович Сергеев. Он же являлся руководящим служителем (групповодом).[9]

В 50-е годы наиболее сильными евангельско-баптистскими церквами Псковщины были Псковская, насчитывавшая 90 членов[10], и Печорская[11], насчитывавшая 60 членов.[12] Любопытно, что Печорская

---

[8] Там же.

[9] См. Там же.

[10] См. Братский Вестник. 1957. № 1. С. 74.

[11] Печорская церковь ЕХБ, известная под названием «Филадельфия», была официально зарегистрирована 2 мая 1945 года. Она была исторически преемственной от русской баптистской и эстонской свободно-христианской общин, действовавших в Печорах в период пребывания города в составе независимой Эстонии. Здесь всегда было очень сильное влияние христиан веры евангельской (пятидесятников), что проявлялось и в вероучении, и в богослужебной практике. Особенную известность получили такие её пасторы, как И. Куль, И.В. Фёдоров, И.А. Боровков, И.С. Кала, А.П. Рятсепп, П.Б. Зуев. С 70-х и по начало 90-х годов церковь существенно пополнилась баптистами из числа российских немцев, которые впоследствии репатриировались на свою историческую родину.
В 1998 году Печорская община перешла из Российского союза евангельских христиан-баптистов (РС ЕХБ) в Союз христиан веры евангельской (пятидесятников) Российской Федерации, а в 2007 году в Российский объединённый союз христиан веры евангельской (пятидесятников) (РОСХВЕ). С 1998 года церковь носит официальное название «Благая Весть». С 2003 года она располагает собственным Домом Молитвы (ул. Гагарина, дом № 15). Верующие ведут шефскую работу в доме-интернате для инвалидов и престарелых в деревне Лавры Печорского района.

[12] См. Там же.

церковь ЕХБ наполовину состояла из верующих эстонской национальности.[13] Не менее любопытно было и то, что половина членов этой церкви являлась… христианами веры евангельской (пятидесятниками). По оценке М.А. Орлова, посещавшего данную общину в декабре 1956 года, и евангельские христиане-баптисты, и христиане веры евангельской (пятидесятники) «в мире и любви прославляют Господа».[14]

На рубеже сталинской и хрущёвской эпох известность получили сельские баптистские общины — в деревнях Дуравино, Луковка, Лебеж и Петровск» (Печорского района — *прим. авт.*).[15]

Большим авторитетом среди верующих пользовались пресвитеры Д.В. Васильев[16], И.В. Фёдоров[17], А.И. Русманов[18], С.И. Кейвик[19], П.Я. Окунев[20], И.Н. Сливин[21], И.Ф. Вызу[22], Ф.А. Куприн [3].[23]

В конце 50-х годов прошло укрупнение Псковской и Печорской церквей ЕХБ. Так, в 1959 году было «получено заявление от группы верующих Порховского района и г. Порхова о принятии их в Псковскую общину».[24] В том же году «к Печорской общине присоединяется Луковская группа, состоящая из братьев и сестёр эстонской национальности. По их просьбе церковный совет Печорской общины дал согласие проводить в молитвенном доме богослужения на их родном языке — за два часа до богослужения на русском языке».[25]

В 50-70-е годы группы баптистских и пятидесятнических верующих действовали на территории Пыталовского района. Обычно бо-

---

[13] См. Братский Вестник. 1953. № 1. С. 36.

[14] Братский Вестник. 1957. № 1. С. 74.

[15] См. Братский Вестник. 1953. № 1. С. 36; Братский Вестник. 1957. № 1. С. 74; Братский Вестник. 1960. № 3. С. 75.

[16] См. Братский Вестник. 1953. № 1. С. 35; Братский Вестник. 1957. № 1. С. 74.

[17] См. Братский Вестник. 1953. № 1. С. 36.

[18] См. Братский Вестник. 1953. № 1. С. 35; Братский Вестник. 1957. № 1. С. 74; Братский Вестник. 1960.№ 3. С. 75.

[19] См. Братский Вестник. 1953. № 1. С. 36; Братский Вестник. 1957. № 1. С. 74.

[20] См. Там же.

[21] См. Братский Вестник. 1957. № 1. С. 74.

[22] См. Там же.

[23] См. Братский Вестник. 1959. № 1. С. 7; Братский Вестник. 1960. № 3. С. 75; Братский Вестник. 1962. № 4. С. 78.

[24] Братский Вестник. 1960. № 3. С. 75.

[25] Там же.

гослужебные собрания у них проводили служители из Ленинграда, а также Латвии и Белоруссии.

Положение евангельских церквей в Пскове и Псковской области осложнилось в 60-е годы.[26] Это было связано с антирелигиозной кампанией, развёрнутой советской властью в 1959–1964 годах в масштабах всего СССР.[27] Эта кампания, по мнению С.Н. Савинского, привела к тому, что «к концу 1959 года ВСЕХБ находился на грани роспуска».[28] В первой половине 60-х спецслужбы спровоцировали раскол внутри евангельско-баптистского движения.[29] С.Н. Савинский довольно точно заметил: «Никогда ранее в своей истории… баптисты не переживали таких внутренних потрясений, как в 60-е годы… В эти годы в евангельско-баптистском братстве произошло разделение, размеры и длительность которого оказались непредсказуемыми».[30]

---

[26] В Печорах гонения на евангельских верующих начались ещё в 50-х годах. Их объектом стали, прежде всего, пятидесятники. Они отличались активным христианским служением, что настораживало власти. Особенно ревностным служителем был Иван Акимович Боровков (1898-1977 г.г.), который в конце 40-х проповедовал как на Псковщине, так и в Ленинграде. 18 ноября 1950 года он был арестован. Постановлением Особого совещания при министре государственной безопасности СССР от 23 июня 1951 года И.А. Боровкова приговорили к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Его обвинили в антисоветской агитации и пропаганде. Отбыв половину срока, пятидесятнический служитель был освобождён, но реабилитировали его лишь посмертно 31 августа 1989 года. После освобождения — с 1962 по 1975 год И.А. Боровков нёс пресвитерское служение в Печорской церкви ЕХБ, подчинённой ВСЕХБ. Тем не менее, он продолжал работу в пятидесятническом подполье Ленинграда (см. Никольская Т. Пятидесятники в Санкт-Петербурге // Мирт. 2007. № 1 (56)).

[27] См. *Савинский С.Н.* История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1917–1967). СПб. 2001. С. 196.

[28] Там же.

[29] Данный раскол оформился в 1965 году образованием Совета церквей евангельских христиан-баптистов (СЦ ЕХБ), альтернативного ВСЕХБ (см. Савинский С.Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1917–1967). СПб. 2001. С. 261). Сторонники СЦ ЕХБ обвиняли приверженцев ВСЕХБ в коллаборационизме с атеистическим советским режимом. В 2001 году СЦ ЕХБ получил название Международный союз церквей евангельских христиан-баптистов (МСЦ ЕХБ). Дом Молитвы МСЦ ЕХБ в Пскове находится по адресу: Красноармейская набережная, дом № 24-А.

[30] Там же, с. 201.

Часть псковских верующих осудила дезинтеграционные процессы в отечественном баптизме, оставаясь на платформе ВСЕХБ.[31]

Однако это сопровождалось малоприятными эксцессами: как сообщал журнал «Вестник Истины» за 1987 год (№ 3–4), в Псковской церкви ЕХБ «в 1960 г.… были отстранены проповедники С.Т. Голев[32] и Шунайлов. Впоследствии они и брат Николаев были осуждены под различными предлогами».[33] Данное отстранение произошло… без ведома самих верующих![34]

Отстранение от служения С.Т. Голева, равно как и его арест, произошли не без содействия старшего пресвитера по Псковской области М.С. Капустинского.[35]

«В 1960 г. без согласия церкви был отстранён пресвитер Васильев Д.В. Приём новых членов общины происходил с обязательным согласием уполномоченного[36] (списки крещаемых со всеми анкетными данными подавались уполномоченному, и лишь после утверждения желающие принять крещение допускались к испытанию в церкви)».[37]

Некоторые псковские евангельские христиане-баптисты в этих обстоятельствах не желали поддерживать коллаборационистскую позицию ВСЕХБ, которая — по сути — была малодушно трусливой.[38]

---

[31] См. Братский Вестник. 1960. № 3. С. 75; Братский Вестник. 1962. № 4. С. 78.

[32] Голев Сергей Терентьевич (1896–1976 г.г.) — известный деятель Евангельского Движения в России. Участник Первой мировой и Гражданской войн (см. Подражайте вере их. М. 2001. С. 26; Савинский С.Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1917-1967). СПб. 2001. С. 213).

За активную проповедническую деятельность подвергался многократным репрессиям в период культа личности Сталина, а также в хрущевско-брежневский период. Член Совета церквей евангельских христиан-баптистов (СЦ ЕХБ) (см. Подражайте вере их. М. 2001. С. 26; Савинский С.Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1917–1967). СПб. 2001. С. 375).

[33] Помни весь путь твой… // Вестник Истины. 1987. № 3-4 (99–100). С. 38.

[34] См. Там же.

[35] См. Братский Вестник. 1945. № 2. С. 42; Братский Вестник. 1946. № 1. С. 55; Братский Вестник. 1946. № 4. С. 48; Подражайте вере их. М. 2001. С. 31, 32, 34; *Савинский С.Н.* История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1917–1967). СПб. 2001. С. 214.

[36] Уполномоченный Совета по делам религиозных культов.

[37] Помни весь путь твой… // Вестник Истины. 1987. № 3–4 (99–100). С. 38.

[38] См. Там же, с. 38–39.

Как сообщал выше упомянутый журнал «Вестник Истины», «в марте 1965 г. группа верующих в количестве 25 человек вышла из зарегистрированной общины (Псковской церкви ЕХБ — *Прим. авт.*) и состава ВСЕХБ и, присоединяясь к гонимому братству СЦ ЕХБ, начала независимое служение Господу» (По данным из личного архива В.М. Кузьмина, 10 октября 1965 года Псковскую церковь ЕХБ покинули 11 верующих, обратившихся в пятидесятничество — *Прим. авт.*).[39]

Разделения в евангельско-баптистских церквах по всей стране сопровождались антибаптистской пропагандистской вакханалией в партийной и советской печати. И Псковщина в этом плане не была исключением.

Печальным и, увы, характерным образчиком подобной пропаганды стала статья Е. Обдумова «Рвите цепи сектантства!», опубликованная газетой «Псковская правда» 13 мая 1962 года (№ 111/11213). Публикация состоялась под весьма «показательной» рубрикой — «Говорят бывшие верующие». Автор статьи — 62-летний бригадир полеводов колхоза имени С.М. Кирова Печорского района с 1937 года был членом Печорской церкви ЕХБ. Он сообщил читателям, что перешёл в баптизм из православия, «прельщённый» призывами проповедников к высокой морали и здоровому образу жизни. Однако, как писал Е. Обдумов, пообщавшись с баптистами, он, якобы, «понял, что проповедники… — ханжи и лицемеры… на словах у них одно, а на деле — другое».[40] Колхозный бригадир возмущённо заявлял: «Особенно мне не понравилось то, что они нигде не работают, а живут только за счёт проповедей, то есть — за счёт обмана честных людей. Увидел я, что проповедники секты, усердно пропагандирующие Евангелие, ведут далеко не безупречную жизнь».[41] Своё «прозрение» относительно «сектантов» автор статьи увязывал с вхождением Печорского района в состав СССР в 1940 году: именно тогда он осознал, что евангельские христиане-баптисты «отвлекают простых людей от общественной жизни».[42] При этом Е. Обдумов не скрывал, что сам также был активным баптистским проповедником.

---

[39] Там же, с. 39.

[40] *Обдумов Е.* Рвите путы сектантства! // Псковская Правда. 13 мая 1962 г. № 111 (11213). С. 3.

[41] Там же.

[42] Там же.

В статье экс-проповедник проявляет редкостную осведомлённость о жизни своих бывших единоверцев: «В Печорском районе действуют две секты евангельских христиан-баптистов. Сектанты собираются на проповеди, слушают нелепые рассказы… Некоторые верующие, идя в молитвенный дом, берут с собой детей. Так поступают жена Р. Куприянова, пресвитера Псковской общины, а также М. Кукушкина, жительница Печор. Им и невдомёк, что они калечат души ребят. Как на это смотрят их знакомые? Может быть, осуждают? Нет, они ведут себя так, словно ничего плохого не происходит».[43]

Е. Обдумов сообщил читателям «Псковской правды», что в 1962 году печорские баптисты сняли под молитвенные цели дом некоего Владимира Бибро (Вальдемара Бабра — *Прим. авт.*), который за деньги, вырученные от сдачи помещения, приобрёл автомобиль и мотоцикл.[44]

Автор статьи итожит свою публикацию призывом: «Смелее рвите путы сектантства, разоблачайте… проповедников, берегите от них своих детей!»[45]

Любопытно, что газета сообщает о том, что Е. Обдумов несколько раз избирался депутатом Лавровского сельсовета, а в 1961 году принят кандидатом в члены КПСС.[46]

Не исключено, что такая информация давалась в качестве «соблазна» для «неустойчивых» членов общин ЕХБ.

Невзирая на всю сложность 60-х годов для евангельско-баптистских церквей, тем не менее, в служении последних были позитивные события.

Так, в 1967 году в г. Дно состоялось открытие Дома Молитвы ЕХБ. В его торжественном освящении принял участие старший пресвитер по Северному краю М.И. Сорокин.[47]

Заметим, что к концу 60-х существенно вырос авторитет Псковской церкви ЕХБ среди конгрегаций, входящих в ВСЕХБ. Во всяком случае — в пределах советского Северо-Запада. Об этом свидетельствует, в частности, факт проведения на её базе в 1968 году межобластного пресвитерского совещания. Вот что сообщается о нём

[43] Там же.
[44] См. Там же.
[45] Там же.
[46] См. Там же.
[47] См. Братский Вестник. 1968. № 3. С. 79.

в № 3 журнала «Братский Вестник» за 1969 год: «В ноябре 1968 года в г. Пскове состоялось межобластное пресвитерское совещание, в работе которого приняли участие старший пресвитер по Северному краю — брат М.И. Сорокин, член Президиума ВСЕХБ — брат С.П. Фадюхин48 и другие работники нашего братства. Совещание заслушало отчёт о духовной деятельности брата М.И. Сорокина. Все участники совещания единодушно одобрили служение брата Сорокина и просили его и в дальнейшем нести служение старшего пресвитера по Северному краю. С сообщением о деятельности ВСЕХБ выступил брат С.П. Фадюхин. После обсуждения докладов М.И. Сорокина и С.П. Фадюхина совещание избрало пресвитерский совет при старшем пресвитере по Северному краю, в состав которого вошли: брат М.И. Сорокин, пресвитер Псковской церкви брат М.Т. Косяков, пресвитер Боровической церкви ЕХБ Новгородской области брат В.Т. Девяткин и пресвитер церкви ЕХБ в городе Сыктывкаре Коми АССР брат Н.А. Антонов».[49]

Что касается Псковской общины христиан-адвентистов седьмого дня, то в 60-е годы власти отказывали ей в регистрации. Тем не менее, верующие — общим числом около 30 человек — регулярно собирались на богослужения в доме Надежды Катушкиной.[50] По данным журнала «Адвентистский Вестник» (2008, № 2), в 60-е годы в Псковской адвентистской общине трудились служители Г.Я. Ритумс, Н.К. Белевич, Р.М. Орехова, А. Таранюк.[51]

В 1978 году адвентистским пастором в Пскове стал А.А. Пономарёв.[52]

В 60-80-е годы в протестантских кругах города и области был широко известен пресвитер Псковской церкви ЕХБ Михаил Тимофее-

[48] Фадюхин (Макаров) Сергей Петрович (1905-1998 г.г.) — известный деятель Евангельского Движения в России. За активную проповедническую деятельность подвергался многократным репрессиям в период культа личности Сталина. Член Президиума ВСЕХБ в 1969-1979 г.г.

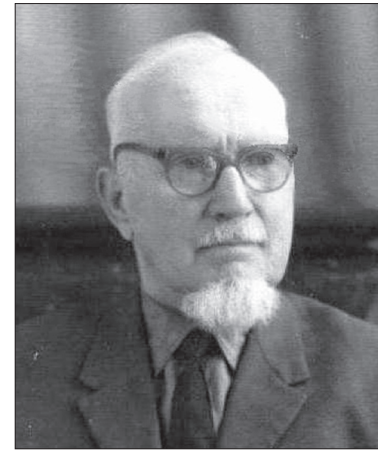
[49] Братский Вестник. 1969. № 3. С. 78.

[50] См. *Григорян С.* Блаженны алчущие и жаждущие правды // Адвентистский Вестник. 2008. № 2. С. 10.

[51] См. Там же, с. 9.

[52] См. Там же, с. 10.

Ф.А. Куприн



И.А. Боровков

вич Косяков [4].[53] В эти же годы — несмотря на объективные трудности — в церквах евангельских христиан-баптистов Псковщины шло рукоположение новых служителей.[54]

В № 2 журнала «Братский вестник» за 1978 год сообщалось об открытии нового Дома Молитвы ЕХБ в г. Дно (известно, что «в 1967 году верующие получили помещение для проведения богослужений»[55] — *Прим. авт.*). И на сей раз в освящении нового молитвенного, как прежде — в 1967 году, участвовал старший пресвитер по Северному краю М.И. Сорокин.[56] В 1978 году пресвитером церкви в Дно служил Я.В. Васильев, который в 1971 году сменил И.Н. Сливина (пресвитер Дновской церкви ЕХБ в 1968–1971 гг.[57] — *Прим. авт.*).

---

[53] См. Братский Вестник.1968. № 3. С. 79; Братский Вестник. 1969. № 3. С. 78; Братский Вестник. 1972. № 5. С. 80; Братский Вестник. 1979. № 4. С. 77; Братский Вестник. 1980. № 3. С. 67; Братский Вестник. 1984. № 5. С. 70; Братский Вестник. 1986. № 3. С. 69; Николаев С.И. Столетие церкви города Пскова // Братский Вестник. 1987. № 5. С. 55; Соколов А.М. 90-летие Псковской Церкви // Братский Вестник. 1977. № 4. С. 79, 80.

[54] См. Братский Вестник. 1979. № 4. С. 77; Братский Вестник. 1984. № 5. С. 70.

[55] Братский Вестник. 1978. № 2. С. 77.

[56] См. Там же.

[57] См. Там же.

Интересно, что Дновская община со временем переменила свой Дом Молитвы, и в 1980-м состоялось освящение очередного молитвенного дома, которое проводил старший пресвитер по Северному краю С.И. Николаев.[58]

13 февраля 1983 года освящён новый Дом Молитвы Печорской церкви ЕХБ.[59] «Почти в течение 40 лет церковь не имела своего молитвенного дома, арендуя помещение для своих молитвенных собраний, — сообщалось в № 3 журнала «Братский Вестник» за 1983 год. — И вот, наконец, приобретён новый, светлый и просторный молитвенный дом. Радость народа Божия разделили старший пресвитер по Северному краю — брат С.И. Николаев и член Президиума ВСЕХБ, старший пресвитер по Эстонии — брат Р.П. Вызу. После чтения молитвы Соломона братья-служители совершили молитву освящения… Пресвитерское служение в этой церкви несут братья А.П. Ресет (А.П. Рятсепп — *Прим. авт.*) и Я.П. Вольф».[60]

В 1987 году Псковская церковь ЕХБ торжественно отметила свой 100-летний юбилей. На торжественное богослужение по этому случаю прибыли служители из Москвы, Ленинграда, Латвии и Эстонии. Среди гостей находился заместитель

Председателя ВСЕХБ М.Я. Жидков[61]. С речью об историческом пути евангельских христиан-баптистов Псковщины выступил пресвитер Псковской церкви ЕХБ В.И. Ванчихин.[62]

В 1988 году была зарегистрирована поместная церковь ЕХБ в Стругах Красных. Через десять лет она обзавелась собственным Домом Молитвы (ул. Промышленная, дом № 20-А).

В 80-е годы сдвинулся с мёртвой точки вопрос об официальной регистрации Псковской церкви АСД, к чему немалые усилия прило-

---

[58] См. Братский Вестник. 1980. № 3. С. 68.

[59] См. Братский Вестник. 1983. № 3. С. 77.

[60] Там же.

[61] Жидков Михаил Яковлевич (1928-2004 г.г.) — известный деятель Евангельского Движения в России. В 70-е годы был одним из наиболее популярных служителей ВСЕХБ. Богословское образование получил в Великобритании и Канаде. С 1966 г. — член Президиума ВСЕХБ. В 1975 г. был избран вице-президентом Всемирного союза баптистов. В период перестройки занимался служением милосердия.

[62] См. Николаев С.И. Столетие церкви города Пскова // Братский Вестник. 1987. № 5. С. 55.

С. Т. Голев

М.Т. Косяков

жил пастор Александр Александрович Пономарёв. «В 1982 г., — писал С. Григорян, — он вместе с братом Дмитрием Фёдоровичем Перовым поехал в Москву к уполномоченному по религиозным культам, и там было дано добро на регистрацию, — церковь АСД г. Пскова стала официально зарегистрированной».[63]

В 1983 году псковским адвентистам — также в Москве — удалось добиться разрешения на строительство собственного церковного здания.[64] Однако «в 1985 г. горисполком передал адвентистам запущенное здание православной церкви Успения в Бутырках[65]. 21 февраля 1987 года псковские адвентисты провели торжественное посвящение храма».[66] Тем не менее, как сообщалось в № 2 журнала «Адвентистский Вестник» за 2008 год, «в начале 90-х годов, после подписания Б.Н. Ельциным указа о возвращении помещений Православной Церкви

[63] *Григорян С.* Блаженны алчущие и жаждущие правды // Адвентистский Вестник. 2008. № 2. С. 10.

[64] См. Там же.

[65] Церковь Успения Пресвятой Богородицы в Бутырках (Ольгинская набережная, дом № 47) построена в 1773–1777 г.г. в стиле провинциального барокко. Закрыта в 1938 году и превращена в… зернохранилище. Вновь действовала в период немецко-фашистской оккупации. Окончательно возвращена Русской Православной Церкви в 1993 году.

[66] Там же.

(адвентистам г. Пскова — *Прим. авт.*), пришлось расстаться с храмом и перейти на аренду помещений; в основном, это были разные ДК».[67] На рубеже 80-х и 90-х адвентистская община насчитывала около 50 человек, но затем она значительно увеличилась.[68]

В 1988-1989 годах в Пскове и Псковской области активизировались некоторые группы незарегистрированных пятидесятников, которые в это же время сложились в поместную церковь.[69]

Резюмируя послевоенную историю Евангельского Движения, предшествовавшую кризису и краху советской тоталитарной системы, следует отметить, что псковские протестанты — зачастую при весьма тяжёлых обстоятельствах — искренне проповедовали Евангельскую истину.[70]

Примечания:

1. ВСЕХБ — Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов. Подконтрольное государственной власти церковное объединение на территории СССР. Создано в 1944 году под названием Всесоюзный совет евангельских христиан и баптистов (ВСЕХ и Б), с 1945 года получило название ВСЕХБ. Включало в свой состав также часть христиан веры евангельской (пятидесятников), евангельских христиан в духе апостолов, братских меннонитов, свободных христиан и др. В самом начале 90-х годов ВСЕХБ прекратил свою деятельность вследствие процессов, приведших к распаду СССР.

[67] Там же.

[68] См. Там же.

[69] По сведениям, приведённым в «Атласе современной религиозной жизни России», пастором этой церкви незарегистрированных пятидесятников является Николай Юрьевич Сморыго (см. Атлас современной религиозной жизни России. Т. 3. СПб. 2009. С. 184). Пик её евангелизационной и благотворительной деятельности приходится на 1990-2000 годы. В 2013 году она насчитывала около 50 членов. Богослужения церкви проходят в арендованных помещениях.

[70] По данным из личного архива В.М. Кузьмина, в 40-70-е годы активное проповедническое служение в Псковской церкви ЕХБ несли А.Н. Николаев, М.В. Васильев, И.А. Пунко, П.Г. Кузнецов, М.П. Смирнов, Н.В. Семёнов, Г.Н. Сазонов, В.П. Окунев и Г.В. Гусева. Сам В.М. Кузьмин также проповедовал Слово Божие, начиная с 1955 года.

2. В 1962 году пресвитер Псковской церкви ЕХБ Ф.А. Куприн уточнил, что здание эстонской евангелическо-лютеранской церкви на Немецком кладбище власти передали баптистам «в бесплатное пользование» (см. Братский Вестник. 1962. № 4. С. 78). Любопытно, что А.М. Соколов в статье «90-летие Псковской церкви», опубликованной в № 4 журнала «Братский Вестник» за 1977 год утверждает, что эстонская кирха была передана в пользование приверженцам ВСЕХБ не в 1949, а в 1945 году. Причём, он подчёркивает, что передача произошла «сразу после войны» (см. Соколов А.М. 90-летие Псковской Церкви // Братский Вестник. 1977. № 4. С. 80).
3. Пресвитер Куприн Фёдор Андреевич — участник Великой Отечественной войны. Награждён медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 г.г.».
4. В № 3 журнала «Братский Вестник» за 1986 год было опубликовано сообщение о праздновании Псковской церковью ЕХБ 70-летия пресвитера М.Т. Косякова. В публикации, в частности, отмечалось, что Михаил Тимофеевич — инвалид Великой Отечественной войны — является 20 лет пресвитером, а проповедует около 50 лет (см. Братский Вестник. 1986. № 3. С. 69). Фронтовик М.Т. Косяков был награждён орденом Отечественной войны II степени, медалями «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

ОРГКОМИТЕТ ЧТЕНИЙ

ВЕРЕСОВА Тамара Васильевна —
председатель Псковского регионального отделения СКР,
член Совета Союза краеведов России

СОПОТОВ Дмитрий Геннадьевич –
заместитель Главы Администрации Печорского района

ИГУМЕН ХРИСАНФ (Липилин),
насельник Свято-Успенского монастыря

ШУВАЛОВА Вера Александровна –
директор Печорской Центральной районной библиотеки

ЦЕЛИКОВА Елена Владимировна –
главный методист Центральной районной библиотеки

КОЗЫРЕВА Ольга Анатольевна —
директор Псковского филиала
Российской Международной академии туризма

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **АСТРАХАНБИЕВА Ольга Александровна** (Псков), ведущий археограф Отдела информации, публикации и научного использования документов ГКУ ПО «Государственный архив Псковской области»: *Деятельность Печорского магистрата Псковской губернии в конце XVIII столетия.*
2. **БОЛЬШАКОВА Наталья Валентиновна** (Псков), кандидат филологических наук, зав. Научно-образовательной лабораторией региональных филологических исследований ПсковГУ; **ПЛОЩУК Галина Ивановна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник указанной выше Лаборатории; **ВОРОБЬЁВА Лина Брониславовна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник указанной Лаборатории; **МИТЧЕНКО Зинаида Васильевна**, кандидат филологических наук, научный сотрудник Лаборатории; **МУРАТОВА Мая Ильгельдыевна**, лаборант-исследователь Лаборатории: *Народные сказки Псковского края* (к выходу мультимедийного издания).
3. **БУГРОВ Борис Иванович** (Изборск), кандидат военных наук, полковник в отставке: *Православные святыни Изборска и его окрестностей.*
4. **ВЕРЕСОВА Тамара Васильевна** (Псков — Москва), председатель Псковского регионального отделения СКР, член Совета Союза краеведов России; член Союза писателей и Союза журналистов России: *Краеведение — это и наша память, и наша культура.*
5. **ГУЛИН Андрей Александрович** (Великие Луки), старший преподаватель ВЛГАФК: *Печоры на грани сословной войны на рубеже XVIII–XIX века.*
6. **ДЕМЕНТЬЕВ Виталий Сергеевич** (Палкино/Псков), аспирант Кафедры географии ПсковГУ (научный руководитель А.Г. Манаков, доктор географических наук, профессор Кафедры географии ПсковГУ): *История заселения и освоения современной территории Палкинского района до XVIII века.*

7. **ЕРМАК Елена Анатольевна** (Псков), доктор педагогических наук, профессор Псковского филиала Российской Международной академии туризма: *Два форпоста Псковской земли — Устье и Мелётово.*

8. **ЕФИМОВ Алексей Николаевич** (Псков), краевед: *Слободская волость. Из истории населённых мест Печорского края.*

9. **ЗУБОВА Инна Каримовна** (Оренбург), кандидат физико-математических наук, доцент Кафедры математического анализа Оренбургского Государственного университета: *В.И. Даль и оренбургское краеведение.*

10. **ИВАНОВА Алина Аркадьевна** (Псков), архивист Отдела методической и научно-справочной работы ГКУ ПО «Государственный архив Псковской области»: *Собрание городских уполномоченных: вопросы городской жизни в Печорах в начале XX века.*

11. **ИВАНОВА Надежда Петровна** (Санкт-Петербург), кандидат педагогических наук: *Книгопечатание и просветительская деятельность Псково-Печерского монастыря Корнилиевского периода.*

12. **КАЧКИНА Алевтина Николаевна** (Печоры), краевед: *Орга́н евангелическо-лютеранской церкви св. Петра в Печорах Псковских.*

13. **КОНДРАТЕНКО Галина Ивановна** (Орёл), краевед: *Неосуществлённый проект строительства магистральной железной дороги «Орёл — Дно» (начало XX века).*

14. **КОНДРАТЕНЯ Александр Владимирович** (Опочка), краевед, член ПРО СКР: *Опыт описания Покровского некрополя города Опочки.*

15. **КОСТЮЧУК Лариса Яковлевна** (Псков), доктор филологических наук, профессор Кафедры русского языка филологического факультета ПсковГУ: *Из истории псковской письменности (на материале памятников книжности Псково-Печерского монастыря).*

16. **КРАСОТИНА Елена Викторовна** (Псков), старший преподаватель Псковского филиала Российской Международной академии туризма, заведующая Кафедрой управления: *Трактирный промысел в Псковской губернии середины XIX — начала XX века.*

17. **ЛЕДИНИНА Татьяна Георгиевна** (Псков), главный библиограф Областной универсальной научной библиотеки, член ПРО СКР: *История улицы Лесной: Святогорский монастырь в годы гонений на православие.*

18. **МЕНЬШОВ Николай Петрович** (Москва), кандидат исторических наук, ведущий специалист РГАДА (Российского Государственного архива древних актов): *Сведения о дворянском землевладении в Печорском уезде Псковского наместничества, отложившиеся в фонде VI Департамента Правительствующего сената за 1783–1797 годы.*

19. **МИХАЙЛОВА Любовь Петровна** (Петрозаводск), кандидат филологических наук, профессор, руководитель Лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии ПетрГУ: *О влиянии иноструктурных языков на формирование лексики псковских говоров.*

20. **НАМЕСТНИКОВА Татьяна Евгеньевна** (Москва), учёный секретарь ЧУК «Культурный центр "Самолва"»: *Частное учреждение культуры как форма сохранения исторической памяти (на примере создания Музея истории сражения «Ледовое побоище» в Гдовском районе).*

21. **НОВИКОВ Игорь Александрович** (Челябинск), кандидат исторических наук, доцент Кафедры отечественной истории ЧПГУ, член Совета СКР: *Град Святого Иоанна Златоуста.*

22. **ПАВЛОВА Татьяна Евгеньевна** (село Карамышево Псковского района), Глава Карамышевской волости: *Опыт организации Культурно-просветительского историко-краеведческого центра на базе библиотеки села Карамышево.*

23. **ПОТРЕСОВ Владимир Александрович** (Москва), кандидат технических наук, директор ЧУК «Культурный центр "Самолва"», редактор отдела журнала «Наше наследие»: *Ледовое побоище: новый взгляд на события войны 1240–1242 годов как задачу исследования операций.*

24. **ПРИОБРАЖЕНСКИЙ Андрей Владимирович** (Петрозаводск), кандидат филологических наук, доцент Кафедры русского языка Петрозаводского Государственного университета; РУТТ Татьяна Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент Кафедры русского яз. ПетрГУ: *Конкурс «Край родной — родное слово» в работе Лаборатории лингвокраеведения и языковой экологии ПетрГУ.*

25. **ПУУСЕПП Людмила Владимировна** (г. Пайде, Эстония), учитель: *Малоизвестные изображения Печерского монастыря в работах Владимира Шумана/Муромца.*

26. **РАБИНОВИЧ Яков Николаевич** (Саратов), кандидат исторических наук, доцент Кафедры истории России и археологии Института ис-

тории и международных отношений Саратовского Государственного университета: *Псково-Печерский монастырь и Изборск в Смутное время (и презентация авторской книги «Малые города Псковской земли в Смутное время»).*

27. **СИДЯКОВ Юрий Львович** (Рига, Латвия), доктор филологии, доцент Отделения русистики и славистики Латвийского университета: *Псково-Печерский монастырь в русской латвийской прессе 1920-х–1930-х годов.*

28. **СОЛОДОВНИКОВ Владимир Васильевич** (Москва), кандидат исторических наук, профессор Кафедры всеобщей истории Духовной академии Содружества евангельских христиан России: *Евангельское движение в Пскове и Псковской области конца 40-х — 80-х годов XX века.*

29. **ТСОПАТАЛО Хелью Пауловна** (Печоры), руководитель ансамбля народности СЕТО: *Сетомаа — земля сето. Традиции и современность.*

30. **ТУГАЙ Татьяна Ивановна** (Оренбург), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского Государственного университета: *Церковное краеведение в Оренбургском крае в конце XIX — начале XX века.*

31. **ФЕЙГМАНЕ Татьяна Дмитриевна** (Рига, Латвия), доктор истории, директор Института русского культурного наследия Латвии, научный редактор сайта «Русские Латвии»: *Некоторые факты из жизни русского населения бывшего Яунлатгальского уезда в межвоенной Латвии.*

32. **ФРОЛОВА Любовь Александровна** (Псков), ведущий методист Центра противопожарной пропаганды и общественных связей ФГКУ «Третий отряд ФПС по Псковской области», член ПРО СКР: Из истории Печорской профессиональной пожарной охраны. ШУВАЛОВА Вера Александровна (Печоры), директор МБУК «Печорская центральная районная библиотека»: *Популяризация культурно-исторического наследия края в работе библиотеки.*

ШЕСТЫЕ
ПСКОВСКИЕ
РЕГИОНАЛЬНЫЕ
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

(Печоры, 9—11 октября 2015 г.)

Редактор-составитель —Т. В. Вересова
Дизайн и вёрстка — М. С. Столбова

На 1-й сторонке обложки — Свято-Успенская обитель 8 октября 2015 года.
Фото Т.В. Вересовой

На 4-й сторонке — Духовно-просветительский корпус
Паломнического центра Свято-Успенского монастыря,
где проходили VI региональные краеведческие чтения.
Фото Л.Ф. Русановой.

На страницах сборника использованы видовые снимки Печор
Владимира Шумана/Муромца (1905 – 1989).

Сборник подготовлен к печати и издан на средства Тамары Вересовой,
председателя Псковского регионального отделения Союза краеведов России,
с долевым участием Псковского филиала Российской Международной
академии туризма (директор Ольга Козырева).
Тираж сборника определён подпиской, организованной Надеждой Валк (Тарту,
Эстония), участницей VI Псковских международных краеведческих чтений.

Подписано в печать 05. 04. 2016 г.
Формат 60 × 84 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Minion Pro. Объём 23 печ. л.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 110 экз. Заказ № 790

Отпечатано в типографии Onebook
ООО «Сам Полиграфист»
Москва, Волгоградский проспект, д. 42
www.onebook.ru

ISBN 978-5-600-00061-2